
Чарльз Стросс
Небо сингулярности
SCIENCE FICTION

Небо сингулярности

Чарльз Стросс

Аннотация
Чарльз Стросс. НЕБО СИНГУЛЯРНОСТИ
ПРОЛОГ
СОБИРАЕТСЯ ШТОРМ
ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОТЛЕТУ
КОСМИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ
СЛУГА АДМИРАЛА
СТЫЧКА У ПРИИСКА ВОЛЬФА
ТЕЛЕГРАММА ОТ МЕРТВЕЦА
СЕМИОТИЧЕСКАЯ ВОЙНА
ПРИЗНАНИЯ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ
ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ
ЦИРК МЕРТВЫХ
ВЫШИБАЛЫ
ШУТНИКИ
ТЕЛЕФОННЫЙ МАСТЕР
СЛУЖБА ДОСТАВКИ
ЭПИЛОГ

Аннотация

За прогресс, несущийся вскачь, человечество платит зависимостью от высокотехничных чудес: случись сбой – и вся цивилизация посыплется, словно карточный домик. Однако если отсталость нарочито культивировать, а прогресс искусственно стреноживать, можно вляпаться в еще более серьезный кризис: всякий завоеватель может победить вас не с помощью бомб, а при посредстве соблазнительных высоких технологий, выпущенных на волю.

Дебютный роман Стросса, космоопера о далеком будущем, вышел в 2003 и был выдвинут на “Hugo»-2004 и “Locus»-2004 (7 место). На следующий год вышло его продолжение – «Железный восход» («Iron Sunrise», 2004), который номинировался на «Hugo»-2005 и «Locus»-2005 (2 место). Вместе они образуют дилогию «Эсхатон» («Eschaton»).

Чарльз Стросс
НЕБО СИНГУЛЯРНОСТИ

ПРОЛОГ

В день, когда была объявлена война, по булыжным мостовым Нового Петрограда заклацал телефонный дождь. Какие-то телефоны полурасплавились при входе в атмосферу, другие чуть позванивали и потрескивали, быстро остывая на утренней прохладе. Один любопытный голубь подобрался поближе, склонив голову набок, клюнул блестящий корпус устройства и отскочил, хлопая крыльями, когда тот пискнул и спросил жестяным голоском:

— Алло? Чем можете нас развлечь?

На Рохард пришел Фестиваль.

Первой жертвой атаки на экономику самого молодого колониального мира Новой Республики стал тощий уличный мальчишка. Руди — его отчества, как и отца, естественно, никто никогда не знал — шел на свою ежедневную работу, завернувшись в вонючий мешок, как в солдатскую скатку, и в сточной канаве грязного переулка заметил телефон. Тот лежал на выщербленных булыжниках, поблескивая, как начищенный пистолет. Руди сторожко оглянулся по сторонам:

вдруг состоятельный господин, который его обронил, еще поблизости? Когда телефон чирикнул, Руди чуть его не выронил с перепугу: *машина!*

Машины дозволялись только высшему классу, и охраняли их суровые лица и серые мундиры власти. Но если Руди принесет это домой дяде Шмуэлю, тот сможет выручить за эту штуку много хорошей еды, уж куда больше, чем можно купить на деньги, которые дадут за мешок собачьего дерьма на дубильном заводе. Мальчишка повертел телефончик в руках, думая, как бы заставить его заткнуться, и жестяной голосок повторил:

— Алло? Как вы можете нас развлечь?

Руди чуть не бросил телефон и не рванул прочь, но любопытство его на миг удержало.

— А зачем?

— Развлеките нас, и мы дадим вам все, что вы захотите.

У Руди глаза на лоб полезли. Металлическая пластинка поблескивала в сложенных ладонях. Вспомнились волшебные сказки, которые старшая сестра любила рассказывать, пока кашель не свел ее в могилу. Всякие истории про чудесные лампы, колдунов, джиннов и прочее, что отец Борозовский обязательно проклял бы как языческую чушь. И в душе Руди схватились желание

сбежать от унылой тяжелой жизни и пессимизм, выработанный почти десятилетием хребтовой безнадежной работы. Победил реализм. Руди не сказал: «Хочу ковер-самолет», или «Хочу кошелек, полный золотых рублей», или «Хочу быть князем Михаилом и жить в царском дворце». Сказал он другое:

— Родных моих кормить будешь?

— Да. Развлеки нас, и мы будем кормить твоих родных.

Руди обшарил все закоулки мозгов, понятия не имея, как взяться за такое дурацкое дело. Потом заморгал: как же он не допер! Это же так просто! Поднеся телефон ко рту, он прошептал:

— Рассказать тебе сказку?

К концу дня, когда с орбиты посыпалась манна, и мечты людей ожили, как колючие лианы в пустыне после дождя, Руди и его родные — больная мать, пьяница-дядя и семеро братьев и сестер — уже не входили в экономическую систему Новой Республики.

Война была объявлена.

* * *

В глубинах далекой космической системы строительный флот Фестиваля создавал из мертвой

массы конструкцию. Флот передвигался налегке. Составляющие его звездные парусники оставляли за флагом любые ползающие быстрее света суда всех ветвей обыкновенного человечества. По прибытии на место ядерные двигатели модулей вспыхивали, напоминая яркую игру инсектоидной искусственной жизни в ледяных пучинах периферийных галактик. Как только обитаемые базы выводились на орбиту вокруг намеченной планеты, выходили из спячки путники Фестиваля, готовые торговать и слушать.

Планета Рохард была захолустной колонией Новой Республики и не самым перспективным из всех человеческих поселений эпохи постдиаспоры. При ограниченной промышленной базе — ограниченной и законом, и возможностями, — которая вряд ли могла привлечь инвестиции, мало кто давал себе труд поднять глаза вверх, выискивая огни прилетающих кораблей. И только космопорт, повисший на геостационарной орбите, следил за небом, да и то больше смотрел внутрь системы, а не наружу. Флот Фестиваля успел демонтировать луну газового гиганта и три кометы, разбирал сейчас вторую луну и готовился запустить с орбиты телефонный дождь, пока Имперский контроль движения почесался

заметить, что вообще что-то происходит.

Более того, сперва вообще была неразбериха. Новая Республика если и не была одним из миров ядра, все же располагалась недалеко от них. Истоки же Фестиваля лежали более чем за тысячу световых лет от старой анархической Земли, за пределами светового конуса истоков Новой Республики. И хотя у Новой Республики и Фестиваля были общие предки, уже столько лет эти цивилизации расходились по разным линиям, что все — от протоколов связи и до политической экономии, не говоря уже о геномах, — было у них различным. Так что это кружащиеся на орбите участники Фестиваля заметили (и благополучно проигнорировали) медленные и монохроматические мигающие сигналы Имперского контроля движения. Труднее понять, почему никому в герцогском дворце не пришло в голову взять один из полурасплавленных телефонов, засыпавших местность, и спросить: «Кто вы такие и что вам надо?» Но это как раз не так уж удивительно, потому что где-то к концу дня Новый Петроград оказался в состоянии почти неконтролируемого гражданского восстания.

* * *

Буря Рубинштейн, радикальный журналист, демократический агитатор, а бывало, что и политзаключенный (живущий в ссылке на окраине города под запретом возврата на родную планету, к подруге и сыновьям, в течение как минимум десяти лет), потыкал в серебристую штуку на столе пальцем, замазанным чернилами из текущей авторучки.

— И вы говорите, они повсюду падают? — спросил он зловеще спокойным голосом.

Маркус Вольф кивнул:

— По всему городу. Миша мне телеграфировал из своей деревни, что у них там то же самое. Люди герцога в полном составе бегают с мешками и метлами, собирая этот мусор, но его слишком много. И еще всякое сыпется.

— Всякое.

Интонация не была вопросительной, но поднятые брови Бури не оставляли сомнений, что это вопрос.

— Всякие штуки сыплются с неба, и это не какой-нибудь дождь из лягушек! — Олег Тимошевский возбужденно подпрыгнул и сел, чуть не свалив с кухонного стола наборную кассу

— из нелицензированной типографии, которую Рубинштейн организовал, рискуя еще десятью годами административной ссылки. — Эти штуки — вроде телефонов, похоже. Потому что они отвечают, когда к ним обращаются. Они все одно и то же говорят: «Развлеките нас, обучите нас, а мы за это дадим все, что попросите!» И дают! Я своими глазами видел, как с неба велосипед упал! Просто Георгий Павлович сказал, что хочет велосипед, а пока ждал, рассказал этой машине историю про Роланда.

— Что-то мне с трудом верится. Давай-ка немножечко проверим… — Буря улыбнулся по-волчьи, и Маркус вспомнил прежние дни, когда у Бури был огонь в груди, револьвер в руке, а во рту язык, которого слушались десять тысяч работяг Союза строителей-железнодорожников во время неудачного Октябрьского восстания, двенадцать лет назад. — Уж если наши таинственные благодетели готовы платить велосипедами за старые басни, то интересно, что они готовы дать за общую теорию постиндустриальной политэкономии?

— Если садишься обедать с дьяволом, запасись ложкой подлиннее, — осторожно напомнил Маркус.

— Да ты не бойся, я только хочу задать пару вопросов. — Рубинштейн взял телефон и с любопытством повертел его в руках. — А где… а, вот. Машина! Ты меня слышишь?

— Да.

Голос звучал с едва заметным странным акцентом, и несколько музыкально.

— Хорошо. Кто вы такие, откуда вы, и что вам нужно?

— Мы — Фестиваль.

Трое диссидентов склонились, почти стукнувшись головами над телефоном.

— Мы пролетели много двести-пятьдесят-шестерок световых лет, посетили много шестнадцатерок необитаемых планет. Мы есть искатели информации. Мы торгуем.

— Торгуете?

Буря поднял несколько разочарованный взгляд. Межзвездные предприниматели-капиталисты. Очень это ему нужно!

— Мы дадим вам что угодно. Вы дадите нам что-нибудь. Что-нибудь такое, чего мы пока не знаем. Живопись, математика, драматургия, литература, жизнеописания, религия, генетика, конструкции. Что вы хотите нам дать?

— А когда вы говорите «что угодно», что это

значит? Вечную молодость? Свободу?

В словах Рубинштейна прозвучала едва заметная издевка, но Фестиваль не показал, что ее заметил.

— Абстрактные понятия трудны. Обмен информации труден тоже — узкополосный канал, ограниченный доступ. Но мы можем создать любые предметы, которые вы хотите, и бросить с орбиты. Хотите новый дом? Безлошадную повозку, которая умеет еще летать и плавать? Одежду? Мы делаем.

У Тимошевского отвисла челюсть.

— У вас есть машина-корнукопия? Рог изобилия? — спросил он, задохнувшись.

Буря прикусил язык. Тимошевскому не следовало перебивать… впрочем, его понять можно.

— Да.

— И вы можете нам дать одну такую? Вместе с инструкцией по использованию и библиотекой строительства колоний? — задал вопрос Рубинштейн, чувствуя, как кровь застучала в висках.

— Возможно. Что вы дадите нам?

— Гм… что скажете о постмарксистской теории посттехнологической политэкономии вместе с доказательством, что диктатура наследственной аристократии может поддерживаться только

систематическим угнетением и эксплуатацией рабочих и инженеров, и что такая диктатура не выживет, если народ обретет самовоспроизводящиеся средства производства?

Наступило молчание. Тимошевский резко выдохнул и собрался что-то сказать, но тут телефон заговорил голосом, странно напомнившим колокол:

— Этого будет достаточно. Вашу теорию вы изложите данному узлу. В настоящий момент идет подготовка к клонированию репликатора и библиотеки. Запрос: какова ваша способность предоставить постулированное доказательство справедливости теории?

Буря осклабился.

— У вашего репликатора есть схемы для репликации самого себя? И содержит ли он схемы для производства термоядерных бомб, боевых самолетов и стрелкового оружия?

— Ответ положительный на запрос и на подзапросы. Запрос: какова ваша способность предоставить постулированное доказательство справедливости теории?

Тимошевский, буравя кулаками воздух, прыгал по комнате. Даже флегматичный обычно Вольф улыбался как сумасшедший.

— Дайте рабочим эти средства производства, и мы докажем теорию, — ответил Рубинштейн. — Мы должны посоветоваться. Вернемся через час с запрошенными вами текстами. — Он нажал кнопку отключения и завопил: — Есть!

Через пару минут Тимошевский успокоился. Рубинштейн снисходительно ждал — по правде говоря, его обуревали те же чувства. Но его долг и как лидера движения, и как государственного мужа, которым он почти был, отбывая свой срок ссылки в этом блошином захолустье, — мыслить вперед. А осмыслить надо было многое, потому что вскоре полетят головы на мостовые: Фестиваль, кто бы или что бы это ни было, будто и не понимал, что за листок бумаги отдает ключ от тюрьмы, где столетиями томятся десятки миллионов рабов, заточенные волей рабовладельцев-аристократов. Заточенные во имя стабильности и традиций.

— Друзья! — начал он, и голос его дрожал от нахлынувших чувств. — Будем надеяться, что это не злой обман. Ибо если это не обман, мы сможем покончить с жестоким призраком, преследующим Новую Республику со дня ее возникновения. Я надеялся на помощь в этом смысле со стороны… одного источника, но это куда лучше — если это

правда. Маркус, собери всех членов комитета, кого найдешь. Олег, нужно подготовить плакат, немедленно сделать пять тысяч копий и распространить их сегодня же, пока Политовский не сообразил нажать кнопку и объявить чрезвычайное положение. Сегодня на грани освобождения стоит Рохард, завтра — вся Новая Республика!

* * *

На рассвете следующего утра войска стражи герцогского дворца и гарнизон Лысого Черепа — холма, нависающего над старым городом, — повесили шестерых крестьян и техников на рыночной площади. Это было предупреждение, сопровождаемое указом герцога: «За общение с Фестивалем — смерть». Кто-то — очевидно, из ведомства Куратора — сообразил, какую смертельную опасность представляет для режима Фестиваль, и решил создать прецедент.

Но слишком поздно. Демократическая революционная партия уже расклеила листовки, что телефоны лежат по всему городу, и напомнила слова старой поговорки: «Дай человеку рыбу — и он будет сыт целый день. Научи его ловить рыбу — и он будет сыт всю жизнь». Более радикальные воззвания, побуждающие рабочих требовать у Фе-

стиваля самовоспроизводящиеся инструменты, отозвались мощным резонансом в коллективной душе, ибо чего бы там ни хотел режим, а память народная не умирала.

К обеденному перерыву четверо грабителей захватили почту в Плоцке, в восьмидесяти километрах к северу от столицы. У них было неизвестное оружие, и когда прибыл полицейский дирижабль, его разнесли в клочья. И такой инцидент был не единственным. По всей планете полиция и сотрудники аппарата госбезопасности сообщали о невероятно дерзких преступлениях; во многих случаях применялось оружие, которое появилось будто из воздуха. А тем временем на тысячах крестьянских хуторов грибами вырастали странные жилые купола, комфортабельные и шикарные не хуже любой резиденции герцога.

Сверху запылали булавочные вспышки света, и после этого несколько часов по радио были слышны только помехи. Позже стали видны следы входящих в атмосферу спасательных капсул в тысяче километров к северу от Нового Петрограда. Военный флот в тот же вечер с глубоким прискорбием сообщил о гибели эсминца «Сахалин» в героической атаке на флот противника, осадивший колонию. «Сахалин» нанес агрессорам

серьезный ущерб, но тем не менее были запрошены подкрепления из столицы Империи по каузальному каналу, и Его Императорское Величество отнесся к вопросу со всей серьезностью.

Ночь была омрачена стихийными демонстрациями рабочих и солдат, броневики взяли под охрану мосты через Хаву, отделявшие от города герцогский дворец и казармы гарнизона.

И что было самым зловещим — начала вырастать безумная ярмарка на открытой площади Северного Плац-парада. Ярмарка, где никто не работал, никто не платил, и все, что только может захотеть человек (и даже такое, чего никто в здравом уме не захочет), можно было получить бесплатно, просто попросив.

* * *

На третий день нашествия его превосходительство герцог Феликс Политовский, губернатор Рохарда, вошел в Звездную палату для встречи со свитой, а еще для того, чтобы — посредством до слез дорогой телеконференции — попросить помощи у своего Императора.

Был он коренастым седым мужчиной лет шестидесяти четырех, не сохраненный контрабандными лекарствами от старения. Поговаривали,

что ему не хватает воображения, и что его бы ни за что не назначили губернатором даже в такое глухое захолустье, куда выкидывают смутьянов и младших сыновей, кабы не его невероятная политическая проницательность. И все же, при всей своей тупоголовости и отсутствии интуиции Феликс Политовский был глубоко встревожен.

При его появлении все встали по стойке «смирно» — и военные в мундирах, и дипломаты во фраках. Политовский занял место во главе стола для заседаний.

— Прошу садиться, господа! — буркнул он, бухаясь в кресло, которое услужливо пододвинули двое слуг. — Бек, доложите обстановку. Что произошло ночью?

Герхард фон Бек, Гражданин, глава местного управления ведомства Куратора, мрачно покачал головой.

— Беспорядки на южном берегу. Драться не стали, разбежались, когда я послал отряд стражи. Пока что боевой дух в казармах держится. Молинск отрезан, со вчерашнего дня оттуда докладов не поступало. Посланный вертолет пропал без вести. ДРП устраивает вокруг города веселый ад, и Радикальная партия не отстает. Я пытался изолировать обычных подозреваемых,

но они провозгласили власть Совета экстропии и оказали сопротивление. Самые злостные элементы окопались на Зерновой бирже, в двух милях к югу отсюда, проводят постоянные заседания и издают прокламации и коммюнике революционного содержания каждый час. Они побуждают людей к контакту с врагом!

— Почему тогда войска не послали?! — загремел Политовский.

— Они говорят, что у них есть атомное оружие. Если мы дернемся… — Бек пожал плечами.

— Ага. — Губернатор скорбно покрутил моржовые усы. — Контр-адмирал Янечек! Доложите о положении на флоте.

Янечек встал. Высокий и беспокойный, он выглядел очень нервным по сравнению с обладающим железной выдержкой фон Беком.

— Две спасательные капсулы «Сахалина» вернулись. Обе найдены, уцелевшие допрошены. По их сведениям, «Сахалин» приблизился к одному из больших кораблей-нарушителей и потребовал немедленно уйти с низкой орбиты и приготовиться к таможенной инспекции. Нарушитель не реагировал, и «Сахалин» сделал предупредительный выстрел по его курсу. Далее восстановить картину событий затруднительно — среди уце-

левших нет ни одного офицера с мостика, и рапорты их противоречивы, — но представляется, что произошло столкновение с какого-то вида инородным телом, которое поглотило эсминец.

– *Поглотило*?

— Так точно, ваше превосходительство! — Янечек нервно сглотнул слюну. — Запрещенные технологии.

Политовский побледнел.

— Борман?

— Я, ваше превосходительство! — тут же вытянулся адъютант.

— Данная ситуация явным образом выходит за рамки наших возможностей справиться своими силами. Сколько у Почты некаузального времени для телевизионной конференции со столицей?

— Э, гм, пятьдесят минут, ваше превосходительство. Следующий коносамент связанных квантовых битов должен прибыть на таранно-черпательном звездолете через… полтора года. Если будет позволено сказать, ваше превосходительство…

— Говорите.

— Мы не можем сохранить минуту полосы? Для чисто текстовых сообщений? Я понимаю, что дело срочное, но если истощить имеющийся

канал, то до прилета того таранно-черпательного звездолета мы будем отрезаны от столицы. И, со всем уважением к контр-адмиралу Янечеку, я не уверен, что хоть одно судно флота сумеет проскользнуть мимо нашего врага.

— Сохраните. Но не больше минуты. А все прочее время — на телевизионную конференцию с Его Величеством, как только представится возможность. Организуйте и известите меня. Да, и вот еще что, пока вы будете этим заниматься. — Он наклонился и поставил неразборчивую подпись на листе бумаги. — Этим я объявляю чрезвычайное положение, и властью, данной мне Богом и Его Императорским Величеством, объявляю состояние войны с… А с каким это чертом мы там воюем?

Фон Бек прокашлялся.

— Кажется, противник называет себя Фестивалем, ваше превосходительство. К сожалению, никакой информации об этом Фестивале у нас нет, а запросы к архивам Куратора не дали результата.

— Отлично… — начал Политовский, но тут Борман подсунул ему записку, и губернатор встал. — Господа! Прошу встать перед лицом Его Императорского Величества!

Все как один поднялись и повернулись к экрану на дальней стене зала.

СОБИРАЕТСЯ ШТОРМ

— Могу я узнать, в чем меня обвиняют? — спросил Мартин.

Солнце косыми лучами пробивалось через стеклянную крышу, и Мартин смотрел, как плавают в лучах серебряные пылинки за круглой лысиной Гражданина. В тишине слышалось только царапанье пера по плотной официальной бумаге да мерное поскрипывание шестерен — это помощник заводил часовой механизм аналитической машины на письменном столе. Пахло смазкой и застарелым страхом.

— Меня вообще в чем-то *обвиняют*? — настаивал Мартин.

Гражданин будто не слышал, склонившись над своими бумагами. Молодой помощник, закончив свою обычную работу, начал выгружать из машины бумажную ленту.

Мартин встал.

— Если меня ни в чем не обвиняют, есть ли какая-нибудь причина, чтобы мне здесь быть?

На этот раз Гражданин поднял на него суровый взгляд.

— Сидеть! — рявкнул он.

Мартин сел.

За стеклянной крышей стоял ясный холодный апрельский день; часы на соборе Святого Михаила только что отбили четырнадцать часов, и площадь Пяти Углов, знаменитый симулякр герцогини, оживилась своей вечной пантомимой.

Мартина одолевала скука. Ему оказалось трудно приспособиться к ходу событий в Новой Республике, и еще сильнее бесили столкновения с ее вечной бюрократией. Он четыре месяца торчал здесь, четыре мерзких месяца потратил на дело, которое можно было бы сделать за десять дней! Он уже начинал сомневаться, увидит он Землю снова или так и умрет здесь от старости.

На самом деле он уже так устал ждать, пока материализуется разрешение на работу, что сегодняшний утренний вызов в контору за фасадом с Василиском был облегчением, каким-то изменением однообразия. Он не испытал приступа безумной паники, который такая встреча вызвала бы у любого поданного Новой Республики: в конце концов, что может сделать ему ведомство Куратора — ему, инопланетнику, инженеру на контракте, на серьезном контракте с самим Адмиралтейством? Даже не вызов, а приглашение,

не ночной арест, а конверт, принесенный на подносе курьером в мундире. Это само по себе подразумевало некоторую сдержанность и, следовательно, соответствующий подход, и Мартин решил как можно дольше разыгрывать карту доброжелательно-заинтересованного иностранца.

Прошла еще минута. Гражданин отложил перо и посмотрел на Мартина.

— Прошу вас назвать ваше имя.

Мартин скрестил руки на груди:

— Если вы его до сих пор не знаете, то зачем я здесь?

— Прошу вас назвать свое имя для протокола, — повторил Гражданин с самообладанием машины, совершенно не повышая голоса. Говорил он на местном торговом наречии — производном от почти универсальной английской речи, но с каким-то тяжелым акцентом, вроде немецкого.

— Мартин Спрингфилд.

Гражданин сделал пометку.

— Теперь прошу вас назвать свое гражданство.

— Мое — что?

Затруднение Мартина было настолько очевидным, что Гражданин приподнял седеющую бровь.

— Прошу вас назвать свое гражданство. Какому

правительству вы лояльны?

— Правительству? — Мартин закатил глаза. — Я прибыл с *Земли*. В вопросах законодательства и страховки я обращаюсь к Пинкертонам, имея резервный полис о серьезных нарушениях моих прав от «Нью-Модел Эр Форс». В силу места своей работы я подпадаю под хартию как личная корпорация с двусторонними контрактными обязательствами перед разными учреждениями, в том числе вашим Адмиралтейством. Из ностальгических соображений я являюсь зарегистрированным гражданином Народной Республики Западного Йоркшира, хотя не был там уже двадцать лет. Но я не мог бы сказать, что отвечаю перед кем-либо из вышеназванных, за исключением моих партнеров по контракту; и точно так же эти организации не являются ответственными за меня.

— Но вы же с Земли? — переспросил Гражданин, устремляя перо на бумагу.

— Да.

— Ага. То есть вы — подданный Объединенных Наций. — Он сделал на бумаге отметку. — Почему вы этого не признали?

— Потому что это неверно, — ответил Мартин, слегка давая волю раздражению. (Но только слег-

ка: он имел представление о власти Гражданина, и никак не хотел его провоцировать на ее применение.)

— Земля. Наивысшим политическим органом планеты является Организация Объединенных Наций. Таким образом, вы являетесь ее подданным. Это так?

— Совсем не так. — Мартин наклонился вперед. — По самым скромным подсчетам, на Земле есть более пятнадцати тысяч правительственных организаций. Из них только девятьсот имеют свое представительство в Женеве, и всего семьдесят — постоянное место в Совете Безопасности. ООН не обладает никакой властью по отношению к каким бы то ни было неправительственным организациям либо отдельным гражданам, это всего лишь арбитражный орган. Я — суверенный гражданин, не являющийся собственностью какого-либо правительства.

— Ага, — сказал Гражданин. Он очень осторожно положил перо на стол и посмотрел на Мартина в упор. — Я вижу, вы не понимаете. Так вот, я окажу вам огромную услугу и сделаю вид, что не слышал ваших последних слов. Василий!

— Да? — поднял глаза помощник.

— Выйди.

Помощник — просто мальчишка в мундире — встал и прошагал к двери. Потом крепко ее за собой затворил.

— Я скажу один раз и повторять не буду. — Гражданин замолчал, и Мартин потрясенно понял, что его внешняя бесстрастность — это крепко завинченная крышка над котлом кипящей ярости. — Мне плевать, что там, на отсталой Земле, воображают себе о своей суверенности. Мне даже плевать, что меня оскорбляет молодой и наглый щенок, вроде вас. Но на нашей планете вы будете жить по нашим правилам. Поступать так, как у нас считается правильным и хорошим. Я понятно говорю?

— Так я же не… — начал было Мартин и остановился, подыскивая правильные дипломатичные слова. — Позвольте мне перефразировать. Я приношу свои извинения, если причинил обиду, но если это и произошло, не могли бы вы меня просветить, что именно я сделал? Чтобы в дальнейшем я избегал подобных поступков. Если же вы мне не сообщите, как мне избежать возможности оскорбить кого-нибудь случайно?

— Ах, вы не знаете? — Гражданин встал, обошел стол, вернулся к креслу. Резко остановился и обратил к Мартину яростный взгляд. — Два дня тому

назад в баре гостиницы «Победоносная Корона» вы рассказали некоему Вацлаву Гашеку, кажется, о политическом устройстве вашей родной планеты. Чушь и пропаганда, конечно, но пропаганда соблазнительная, и чушь, предназначенная для определенного сегмента люмпен-пролетариата. А вот такие ваши слова, когда вы отпускали замечания — сейчас гляну — «концепция налога ничем не отличается от вымогательства» или «общественный договор, навязанный насилием, не является законным договором», — это уже почти за гранью подстрекательства. После четвертой кружки пива вы развеселились и стали излагать свои мысли насчет природы социальной справедливости, что уже было проблемой, поскольку вы выразили сомнение в беспристрастности судей, назначенных Его Императорским Величеством, в случае юридических споров с Короной.

— Так это ж ерунда! Так, треп за кружкой пива.

— Были бы вы гражданином Новой Республики, поехали бы в приграничную колонию Его Величества лет этак на двадцать, — ледяным голосом произнес Гражданин. — И единственная причина нашего маленького тет-а-тет — это то, что ваше присутствие на Верфях Короны признано желательным. Если вы позволите себе еще подобный

«треп за кружкой пива», Адмиралтейство может снять с себя заботы о вашей судьбе. И где вы тогда окажетесь?

Мартин поежился. Он не ожидал, что Гражданин будет столь прямолинеен.

— Действительно разговоры о политике так важны? — спросил он.

— Когда они ведутся в общественном месте, и в них излагаются дикие понятия инопланетников — тогда *да*. Новая Республика — это вам не анархический бардак, в котором погрязла ваша планета! И я это еще раз подчеркиваю. Потому что вы — полезный иностранец, и вам Их Императорскими Высочествами предоставлены определенные права. Если вы позволите себе выйти за границу этих прав, вас прижмут, и прижмут как следует. А если до вас это плохо доходит, то очень вам советую: свободное время торчите у себя в гостиничном номере, чтобы язык случайно не подвел. И в третий раз спрашиваю: я понятно говорю?

У Мартина был такой вид, будто его выпороли.

— Д-да, — выговорил он.

— Тогда — вон отсюда.

* * *

Вечер.

Мужчина среднего роста и ничем не примечательного телосложения, с неопределенным каштановым оттенком волос и коротко стриженной бородой лежал полностью одетый на покрывале гостиничной кровати, и его лицо закрывала стеганая глазная повязка. По мрачному ковру ползли тени, солнце ушло за горизонт. Шипели газовые сопла канделябра, и тени шевелились, покачиваясь. В дальнем углу жужжала муха, обследуя стену с ювелирной точностью.

Мартин не спал. Весь свой запас противожучковых роботов он выпустил на поиск — проверить, не слушает ли его ведомство Куратора. Хотя блох у него было немного: в Новой Республике они были под строжайшим запретом, и этот набор пришлось провозить через таможню в закупоренных сальных железах и кариозных полостях зубов. Теперь они все включились в работу, выискивая подслушивающие устройства и сообщая о них мониторам, вплетенным в глазную повязку.

Наконец, придя к выводу, что он в комнате один, Мартин отозвал муху — отключил ее сенсоры — и погрузил блох обратно в спячку. Встав

с постели, он закрыл жалюзи и задернул шторы. И если только люди из конторы Куратора не установили у него в шкафу механический фонограф, Мартин не мог придумать, как еще им его подслушать.

Он полез в нагрудный карман пиджака (смятого, потому что на нем лежали) и вытащил тоненькую книжечку в кожаном переплете.

— Говори.

— Привет, Мартин! Последовательность запуска выполнена. Конфиденциальность сто процентов.

— Хорошо. — Он прокашлялся. — Резервный канал. Выполняй. Я хочу говорить с Германом.

— Ищу.

Книжечка замолчала, и Мартин бесстрастно ждал. Книжечка была похожа на Личный Помощник — так назывался надежный электронный секретарь для современного бизнес-консультанта с Земли. Такие приборы можно было встраивать в любые предметы — мебель, одежду, даже зубной протез, — но Мартин продолжал держать свой старомодно, в виде книги с твердой обложкой. Однако обычные ЛП не выпускались со встроенным каузальным каналом, тем более действующим на расстояние до девяноста световых лет и запасом

в пять петабит. И хотя два петабита были уже использованы, когда местный резидент передавал Мартину прибор, оставив его на парковой скамейке, все равно для Мартина прибор не имел цены. Он бы мог даже стоить ему жизни — если бы тайная полиция его с ним поймала.

Досветовой грузовоз почти сотню лет волок квантовый черный ящик ядра каузального канала из системы Септагона; близнец этого ящика восемьдесят лет провел в трюме точно такого же корабля по пути к Земле. Теперь эти ящики обеспечивали канал связи от планеты к планете — мгновенный, в терминах специальной теории относительности, но не способный нарушить каузальность — принцип причинности. Общая емкость канала ограничивалась числом квантовых битов, с которыми были созданы ящики. Как только эти пять миллиардов мегабит кончатся, канал замолкнет навсегда — или до тех пор, пока не прибудет следующий досветовой грузовоз.

(Не то чтобы такие корабли были диковинкой: постройка килограммового звездного паруснника, способного перевозить колоссальные грузы, более сотни грамм, через дюжину световых лет, была ненамного труднее возведения загородного дома, но власти Новой Республики были извест-

ны своей настороженностью насчет контактов с идеологически невыдержанным внешним миром.)

— Алло? — произнес ЛП.

— ЛП, это Герман? — спросил Мартин.

— Говорит ЛП. Герман на связи, все маркеры проверки подлинности обновлены.

— У меня была беседа с одним Гражданином из ведомства Куратора, — начал Мартин. — Контора очень напрягается насчет моей подрывной деятельности.

Семнадцать слов почти за пять секунд. Записанные с высокой точностью — почти полмиллиона битов. Переведенные в текст — около сотни байт, может быть, даже пятьдесят после сжатия без потерь. На пятьдесят байт меньше возможность связи между Мартином и Землей. Если пойти на почту, то там бы с него взяли по доллару за слово, пришлось бы выстоять в очереди целый день, и его бы еще инспектор прослушивал.

— Что случилось? — спросил Герман.

— Ничего существенного, но меня предупредили, и предупредили серьезно. Я изложу все в рапорте. В моей идентичности они не сомневаются.

— Запросы насчет твоей работы были?

— Нет. Насколько я могу судить, нет никаких подозрений.

— Так чего они тебя допрашивали?

— Стукачи в баре. Они хотели напустить на меня страху. Пока что я еще не был на борту «Полководца Ванека». Пропускная система на верфях очень суровая. Думаю, им что-то не нравится.

— Подтверждения каких-либо необычных событий? Перемещения флотов? Подготовка к отлету?

— Ничего такого, о чем бы я знал. — Дальнейшие комментарии Мартин проглотил: во время разговоров с Германом через нелегальный передатчик он всегда нервничал. — Продолжаю наблюдать. Конец рапорта.

— Пока.

— ЛП, отключить связь.

— Связь отключена.

Мартин заметил, что во время сеанса связи он слышал только свой голос: ЛП подражает хозяину. Посылать по КК голосовой поток было бы идиотской расточительностью. Но Мартин, разговаривая сам с собой через пропасть семидесяти световых лет, чувствовал себя очень одиноко. Особенно если учесть, насколько реальной была причина его опасений.

Пока что он удачно играл бестолкового иностранного инженера на контракте с недержанием речи, нанятого на две недели для перебора двигателей на борту Его Императорского Величества космического линкора «Полководец Ванек». А на самом деле он проделал такую отличную работу, что попал внутрь Василиска и ушел живой.

Но дважды такой номер вряд ли пройдет, если станет известно, на кого он работает.

* * *

— Вы думаете, он шпион? — спросил прокуратор-стажер Василий Мюллер.

— Насколько мне известно, нет. — Гражданин усмехнулся тонкими губами, и шрам над левым глазом запрыгал в сатанинском веселье. — Если бы была хоть одна улика, что он — шпион, он бы у меня быстро стал бывшим шпионом. И бывшим кем угодно. Но разве я тебя об этом спрашивал? — Гражданин пригвоздил подчиненного к месту взглядом, отработанным на сотнях медленно соображающих курсантов. — Ты ответь: почему я его отпустил?

— Потому что… — Вид у стажера был растерянный. Он уже шесть месяцев служил в конторе, еще года нет, как из гимназии пришел, из-под

опеки преподавателей, и это бросалось в глаза. Был он еще мальчишкой — светловолосым, синеглазым, до боли неискушенным в социальных нюансах: как многие толковые ребята, выжившие в системе закрытых элитных школ, он отличался закоснелостью интеллекта. А Гражданин про себя считал, что это плохо, по крайней мере, для служащего тайной полиции: закоснелость — привычка, которую надо ломать, чтобы от человека была польза. С другой стороны, мальчик, похоже, унаследовал отцовскую сообразительность. Если он еще и его гибкость унаследовал, без его злосчастной непокорности, то будет превосходный оперативник.

После минутного молчания Гражданин бросил:

— Такой ответ принять не могу, молодой человек. Попробуйте еще раз.

— Ну, вы его отпустили, потому что у него язык без костей, и можно будет легко проследить, кто его слушает?

— Лучше, но не совсем правда. А вот то, что ты раньше сказал, меня заинтересовало. Отчего ты не думаешь, что он — шпион?

Василий на этот раз подумал перед ответом. Даже жалко было смотреть, как его сбивают с

толку внезапные повороты Гражданина.

— Он слишком болтлив, господин начальник? Шпионы не высовываются, да? Это не в их интересах. И вот еще: он инженер, нанятый для работы на флоте, но тот корабль построила его компания, к чему бы им на нем что-то разнюхивать? А профессиональным смутьяном он быть тоже не может. Профессионал не стал бы распускать язык в баре гостиницы.

Он замолчал, и вид у него был слегка самодовольный.

— Отличное рассуждение. Одно только жаль, что я с тобой не согласен.

Василий проглотил слюну.

— Но вы же говорили, что он не… — Он осекся. — А-а, вы к тому, что он слишком явно *не* шпион. Он привлекает внимание в баре, болтает о политике, делает то, что шпион делать не будет — чтобы мы отбросили подозрения?

— Вот это уже лучше, — сказал Гражданин. — Учишься мыслить по-кураторски! А теперь заметь: я не говорил, что мистер Спрингфилд — не шпион. Не утверждал я, и что он шпион. Он вполне может им быть, и с той же вероятностью может не быть им. Однако я не буду удовлетворен твоим ответом, пока ты не решишь этот вопрос в

ту или другую сторону. Ты меня понял?

— То есть чтобы я доказал отрицательное положение? — У Василия чуть глаза не сошлись на переносице от усилий понять ход мысли Гражданина. — Но это же невозможно!

— Вот именно! — Гражданин едва заметно приоткрыл губы в улыбке, хлопая подчиненного по плечу. — Значит, надо как-то сделать его положительным — то, что ты будешь доказывать. И это — твоя работа на обозримое будущее, младший прокуратор Мюллер! Ты пойдешь и попытаешься доказать, что наш неприятный посетитель — не шпион, или соберешь достаточные улики, чтобы оправдать его арест. Давай, действуй! Неужто ты не рад вырваться из этой мрачной ямы и посмотреть немножко столицу, как ты недавно говорил — кажется, на прошлой неделе? Вот тебе шанс. А когда вернешься, придумай, что рассказать той юбчонке, за которой ты гоняешься с самого первого дня, как сюда попал.

— Я… мне оказана честь, — сказал Василий, несколько ошеломленный. Свежеиспеченный офицер, такой молодой, что еще лак не облез с его представления о вселенной, он смотрел на Гражданина с благоговением. — Господин старший куратор, а можно спросить, почему… то есть

почему сейчас?

— Потому что пора тебе уже научиться нормальному делу, а не только протоколы вести на совещаниях, — ответил Гражданин. Глаза его блестели за очками, усы дрожали до самых набриолиненных кончиков. — Каждому офицеру приходит время начинать служить без дураков. Надеюсь, ты хоть понял, как настоящая работа делается, из тех рапортов, по которым сводки составлял? Вот теперь и покажи, что ты умеешь. Ну, надо сказать, задание не слишком рискованное, я тебя не посылаю сейчас прямо революционеров ловить. Ха-ха. Значит, сегодня после обеда идешь на подуровень два, регистрируешься полевым работником и завтра начинаешь. И чтоб с послезавтра каждое утро я первым делом у себя на столе видел рапорт. Покажи, что ты можешь!

* * *

На следующее утро Мартина разбудил властный стук в дверь.

— Господину Спрингфилду телеграмма! — объявил посыльный.

Мартин натянул халат и приоткрыл дверь щелкой. Внутрь влезла телеграмма, он за нее быстро расписался, вытащил листок и отдал подписан-

ный конверт. Моргая опухшими со сна глазами, он поднес бумагу к окну и поднял жалюзи. Это был желанный сюрприз, хотя и просыпаться ради него не стоило бы — подтверждение его рабочей визы, удостоверение от службы безопасности, что он проверен, и сообщение, что сегодня ровно в 18:00 он должен явиться к космолифту ВКФ в Южной Австрии для проезда на геостационарную орбиту, где находятся верфи.

Он подумал, что телеграмма — куда менее цивилизованный способ, чем электронная почта: эта самая почта не стучится тебе в дверь с утра, чтобы ты за нее расписался. Жаль, что в Новой Республике электронной почты нет нигде, а телеграммы — повсюду. Но электронка — штука децентрализованная, а телеграмма — совсем наоборот. А уж что-что, а централизация в Новой Республике — в центре внимания.

Он побрился и спустился вниз к завтраку. Одет он был в местный костюм — темный пиджак, брюки в обтяжку, ботинки и рубашка с кружевами у воротника, но слегка старомодно, будто именно последние веяния моды до него не дошли. Полностью инопланетный стиль, как он когда-то выяснил, мешает установить рабочий контакт с местными жителями, а вот если у тебя вид

лишь слегка необычный, то люди ощущают твою чуждость, но она не бьет в глаза, и тебе кое-какие мелочи прощаются. Каким аршином ни меряй, а Новая Республика — общество изолированное, и с ним трудно иметь дело даже такому бывалому путешественнику, как Мартин, но нормальные люди все-таки стараются.

Он достаточно ознакомился с местными обычаями, стараясь не раздражаться, и умел воспринимать каждый новый афронт, спокойно извлекая из него уроки. Взгляды, которые направляли на него консьерж — сверху вниз, вдоль патрицианского носа, или горничные в высоких воротничках, неслышно шмыгающие туда-сюда с опущенными глазами, для него были только кусочками в сложной мозаике республиканских нравов. Запах восковой мастики и хлорного дезинфектора, угольного дыма из котельной и кожаных сидений в столовой — все это было чужим, запахом общества, не принявшего эпоху пластика. Но не все местные обычаи раздражали. Утренние газеты, аккуратно сложенные возле его прибора на столе за завтраком, вызывали странное и неуместное чувство возвращения домой — будто он забрался на триста лет в прошлое, а не на сто восемьдесят световых лет в глубины

космоса. Хотя, в некотором смысле, это было одно и то же.

На завтрак были маслята, гусиные яйца соте и отменно поджаренный ржаной дрожжевой хлеб, все это со щедрой порцией чая с лимоном. Позавтракав, Мартин встал и прошел к конторке портье.

— Мне нужно ехать, — обратился он к дежурному клерку. Тот посмотрел на него отстраненным взглядом, как человек, оторванный от глубоких мыслей. — Лететь самолетом, к космическому лифту в Кламовке, как можно скорее. Со мной будет только ручная кладь, и номер я хочу оставить за собой, хотя несколько дней меня не будет.

— А, да. Понимаю. Прошу прощения, сэр.

Клерк быстро исчез в лабиринте кабинетов и переходов за темными панелями стен вестибюля.

Вскоре он вернулся, ведя за собой консьержа, высокого сутулого человека, с головы до ног одетого в черное, с ввалившимися, как у трупа, щеками. Держал тот себя с мрачным достоинством графа или знатного сеньора.

— Вы хотите организовать поездку, сэр? — спросил консьерж.

— Мне нужно попасть на базу флота в Кламов-

ке, — медленно повторил Мартин. — Сегодня. И это нужно устроить быстро. Свой багаж я оставляю в отеле. Сколько времени я буду отсутствовать, мне пока не известно, но номер я оставляю за собой.

— Понимаю, сэр. — Консьерж кивнул своему подчиненному, который тут же метнулся прочь и вернулся с тремя толстыми томами — расписанием региональных железных дорог. — Боюсь, что дирижаблей сегодня отсюда до Кламовки не предусмотрено. Однако я уверен, что вы успеете попасть туда сегодня к вечеру поездом — если выедете немедленно.

— Это будет отлично, — согласился Мартин. Его не оставляло чувство, что единственным для него способом выразить консьержу свою благодарность будет отбыть немедленно, если не считать возможности умереть тут же на месте. — Я спущусь через пять минут. Не может ли ваш помощник за это время заказать мне билеты? И вписать в счет.

Консьерж кивнул с каменным лицом.

— От имени отеля я желаю вам плодотворной поездки, — произнес он с чувством. — Маркус, обслужите господина.

И он величественно удалился.

Клерк с хрустом распахнул первый талмуд и осторожно взглянул на Мартина.

— Каким классом, сэр?

— Первым. — Если Мартин что-то и понял с самого начала, так это то, что в Новой Республике весьма странные понятия о классах. — Мне необходимо быть там до шести часов вечера. Через пять минут я спущусь сюда. Если вы будете столь любезны к тому времени организовать мою поездку…

— Да, сэр.

Мартин оставил клерка потеть над расписанием и справочником и поднялся по четырем пролетам лестницы к себе в номер.

Когда он вернулся, сопровождаемый коридорным с сумкой в каждой руке, клерк сопроводил его до выхода.

— Ваш дорожный сертификат, сэр.

Мартин сунул в карман проездной документ, узорчатый, как любой паспорт. Его уже ждала паровая карета. Он влез внутрь, ответил кивком на поклон клерка, и карета, пуская клубы пара, тронулась к станции.

Утро было сырое и туманное, и с трудом можно было разглядеть из окна уходящие назад узорчатые каменные фасады правительственных

зданий.

Пусть в номерах отеля не было телефонов, пусть существовал политический запрет на сети, разумные приборы и кучу всяких других удобств, пусть существовала система классов, как в восемнадцатом веке на Земле, но было в Новой Республике одно непреложное достоинство: поезда ходили по расписанию.

Звезда PS 1347, вокруг которой вращалась Новая Московия, была молодым карликом G2 третьего поколения; сформировалась она меньше двух миллиардов лет назад (возраст Солнца — пять миллиардов), а поэтому кора планеты Новая Московия содержала настолько активную урановую руду, что цепную реакцию можно было поддерживать без обогащения.

Карета Мартина выехала на платформу, у которой стоял транссубконтинентальный экспресс. Неловко выбравшись из кабины, Мартин огляделся. До громоздкого паровоза тянулось четверть километра мраморной платформы, вдвое большее расстояние отделяло Мартина от мрачных вагонов четвертого класса и почтовых. Мажордом в зеленом фраке с золотым галуном посмотрел на его дорожный сертификат и сопроводил в отдельное купе на верхней палубе. Купе

было убрано синей крашеной кожей, имелся в нем мраморный стол и шнурок звонка для вызова прислуги. Все это скорее вызывало ассоциации с курительным салоном отеля, а не с общественным транспортом.

Как только мажордом вышел, Мартин устроился в глубоком кожаном кресле, отдернул занавеску, открыв вид на арочные опоры и изогнутую крышу вокзала, и раскрыл ЛП в режиме книги. Вскоре поезд слегка вздрогнул и тронулся. Когда он выехал со станции, Мартин припал к окну, не в силах оторвать глаз.

Город Новая Прага был построен чуть выше лимана на реке Вис, и только Василиск, оседлавший вершину выветренного вулканического гранита, возвышался над уровнем долины. Разумеется, по низине поезд ехал, используя только один двигатель. Второй реактор будет возбужден только когда дорога дойдет до подножия Апеннин, горной гряды, отделяющей побережье полуострова от континентальной части Новой Австрии. Там по прямой как стрела дороге поезд пролетит без остановки девятьсот километров пустыни, и через шесть часов прибудет к подножию кламовского космического лифта.

Пейзаж был совершенно необычным. Мартин

смотрел на него с почти бесконтрольным восхищением. Ему не хотелось этого признавать, но было в нем что-то от праздного туриста, всегда выискивающего еще не виданные красоты, которые потом можно тайно смаковать, вспоминая. На Земле давно уже ничего такого не осталось. После бешеного двадцатого столетия и событий, которые последовали за Сингулярностью в двадцать первом, изменился пейзаж во всех индустриальных странах. Даже после коллапса населения нигде не увидеть было открытое пространство, фермы, изгороди, аккуратные деревеньки — по крайней мере, не наткнувшись при этом на монорельсовые дороги, механически спланированные города, горячие пятна радиоактивных осадков и жутковатые холмы Финальной Структуры. Низинный пейзаж, среди которого двигался сейчас экспресс, напоминал виды доиндустриальной Англии, ландшафт буколической мечты, когда поезда ходили по расписанию и солнце никогда не заходило над империей.

Железнодорожные виды быстро утомляют. Через полчаса поезд мчался по долине размытой полосой стали и бронзы, а Мартин вернулся к своей книге и так в нее погрузился, что едва заметил, как открылась и закрылась дверь, а осознал это

лишь тогда, когда совершенно незнакомая женщина разместилась напротив и прокашлялась.

— Прошу прощения? — поднял глаза Мартин. — Вы уверены, что сели в то купе?

Она кивнула.

— Благодарю вас, вполне уверена. Я не заказывала отдельного купе. А вы?

— Я думал… — Он полез в пиджак за дорожным сертификатом. — А, да. Понимаю.

Он про себя выругал консьержа, выключил ЛП и посмотрел на женщину.

— Я думал, что купе заказано на меня одного, но оказалось, что я ошибся. Примите мои извинения.

Женщина изящно кивнула. У нее были длинные черные волосы, собранные в пучок, широкие скулы и карие глаза. Темно-синее платье казалось по местным меркам дорогим несмотря на свою простоту. «*Возможно*, домохозяйка среднего класса», подумал Мартин, но умение определять общественное положение человека в Новой Республике у него было не очень высоко. О возрасте женщины догадаться было трудно: густой слой косметики и тугой лиф платья, пышные юбки и рукава создавали отличную маскировку.

— Вы далеко едете? — жизнерадостно спросила

она.

— До самой Кламовки, а оттуда космическим лифтом, — ответил он, несколько удивленный таким откровенным допросом.

— Какое совпадение! Я тоже как раз туда. Извините, что спрашиваю, вы не местный, я права?

«Ее заинтересованность, — подумал Мартин, — переходит в неприятную назойливость». Он пожал плечами.

— Нет, не местный.

Он снова раскрыл ЛП и попытался в него погрузиться, но у его незваной спутницы были другие планы.

— По вашему акценту я сужу, что вы и на этой планете не местный. И едете на верфи Адмиралтейства. Можно ли спросить, что вас туда зовет?

— Не стоит, — ответил он отрывисто и подчеркнуто уставился в ЛП.

Он сперва не обратил внимания, насколько она напориста — во всяком случае, для женщины этого общественного класса, но сейчас у него натянулись нервы, зазвенели тревожные звонки. Что-то в этой женщине было не так. Провокаторша? Он совершенно не собирался давать тайной полиции новые поводы взять его за шкирку; пусть думают, что он осознал свои ошибки и

решил исправиться.

— Хм! Но когда я вошла, вы читали трактат об алгоритмах коррекции релятивистской расфазировки часов в применении к устройству компенсаторов двигателей современных звездолетов. Значит, вы инженер, приглашенный Адмиралтейством для работы с двигателями кораблей флота. — Она усмехнулась, и выражение ее лица Мартина не успокоило: белые зубы, красные губы, что-то в ее манере поведения напоминало родную планету, где женщины — не просто хорошо выдрессированные украшения фамильного древа. — Я угадала?

— Я не стал бы комментировать. — Мартин захлопнул ЛП и посмотрел на нее недовольно. — Кто вы такая, и какого черта вам надо?

Социальное программирование, которое он прошел перед поездкой в Новую Республику, запрещало такие выражения в присутствии дамы, но эта вот — такая же дама, как он — республиканский служащий. И пусть это социальное программирование катится к черту.

— Меня зовут Рашель Мансур, и я направляюсь в доки ВКФ по делу, которое может иметь отношение к вашему. Если я не ошибаюсь — в каковом случае приношу вам свои нижайшие

извинения, — вы Мартин Спрингфилд, лично приглашенный и подписавший контракт с Адмиралтейством Новой Республики на выполнение пусконаладочных работ по установке модернизированных схем управления двигателями на линкоре «Полководец Ванек» класса «Швейк». Названного по имени Эрнста Ванека, создателя Военно-Космического Флота Новой Республики. Верно?

Мартин сунул ЛП в карман пиджака и выглянул в окно, пытаясь сбить невесть откуда налетевшую волну холодного страха.

— Да. И какое вам до этого дело?

— Возможно, вам интересно будет узнать, что четыре часа назад по абсолютному времени консенсуса «Нью-Модел Эр Форс» — с чьей подчиненной службой вы подписали контракт — обратилась к статье Эсхатона по всем стратегическим гарантиям, имеющим отношение к Республике. В то же время кто-то капнул в Постоянный комитет ООН по многостороннему межзвездному разоружению, что Новая Республика снаряжается для войны в защиту отдаленной колонии, подвергшейся осаде. Вы не платили за дополнительную страховку на случай Божьей кары? Потому что стандартная страховка — только медицинская да

еще от воровства.

Мартин обернулся к ней.

— Вы что, обвиняете меня в шпионаже? — Он посмотрел ей в глаза — темные, осмысленные и сдержанные, абсолютно непроницаемые. — Да кто вы такая, черт побери?

Она вынула из рукава карточку и показала ему. Лицо на знакомом фоне — ее собственное, но с коротко стриженными волосами, плавающими вокруг нее на голографической миниатюре. Сама неожиданность этого ударила, как током: по позвоночнику пробежал холодок в ответ на инстинктивную паническую реакцию, расходящуюся от генерирующих адреналин надпочечников.

— Дипломатическая разведка ООН, группа спецопераций. Меня послали изучить сложившуюся ситуацию, а для этого необходимо знать, какие модификации вносит Адмиралтейство в последние минуты в конструкцию кораблей, входящих в экспедиционные силы. Вы — согласны мне помогать?

Она снова улыбнулась, еще более смутив Мартина. Ее лицо напомнило голодного хорька.

— Э-гм…

Какого хрена здесь оказалась дипразведка? Этого же в плане не было!

— Это, значит, в одну из поездок, да? — Он потер лоб и снова на нее посмотрел, а она ждала ответа.

Думай, черт тебя побери, сообрази чего-нибудь, пока она ничего не подозревает!

— Слушайте, а вы знаете, что тут делают со шпионами?

Она кивнула, уже не улыбаясь.

— Знаю. Но я гляжу на окончательный вывод, а он гласит, что это — ситуация, чреватая войной. И моя работа — такую ситуацию контролировать: мы не можем допустить беспорядков так близко от Земли. Конечно, быть придушенной гарротой — это действительно неприятно, но куда хуже будет, если начнется межзвездная война или Эсхатон обратит на нас внимание. По крайней мере, так это будет для нескольких планет, населенных ни в чем не повинными людьми, которые подпадут под рубрику «сопутствующие потери». Эта забота для меня важнее. — Она глянула на него с непобедимым напором, и карточка исчезла между пальцами в кружевных перчатках. — Нам нужно как-нибудь сесть и побеседовать, Мартин. Когда вы доберетесь до доков и устроитесь, я с вами свяжусь. Мне все равно, с чем еще вы там согласны или не согласны, но завтра у нас будет

разговор. И я вам буду компостировать мозги и подтвержу, что вы просто посторонний, а вашим страховщикам сообщу, что вы надежны. Вам ясно?

— Ну да. — Он таращился на нее и старался сделать вид, будто только что понял, что она на самом деле — дьявол, и сейчас подписался кровью, что продает душу. Он надеялся, что она поверит ему — наивному инженеру, взятому за шкирку и столкнувшемуся лицом к лицу с агентом Высших Властей, — но про себя отчетливо сознавал, что, если она ему не поверит, то он *действительно* серьезно влип. Герман и дипразведка — не лучшие друзья…

— Вот и хорошо. — Она полезла в сумочку и вытащила потрепанного вида металлически блестящий ЛП. — Голосовое сообщение. Передать: кролик зеленый. Подтверждаю.

ЛП отозвался:

— Подтверждаю. Сообщение отправлено.

Мартин не сразу понял, что ЛП говорит его голосом.

Она убрала ЛП и встала, чтобы выйти из купе.

— Сами видите, — сказала она у двери, натянуто улыбнувшись. — Жизнь не всегда так скучна, как вам кажется. До встречи.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОТЛЕТУ

Его Величество Император Иван Гашек Третий, Милостью Божией Защитник Народа Новой Республики, устало вздохнул.

— Поднять адмирала с постели и привести в приличный вид. У меня в полдень заседание кабинета, и говорить с ним мне надо сейчас.

— Слушаюсь, государь! Нижайше прошу вашего прощения и разрешения удалиться, чтобы выполнить волю вашего величества.

Дворецкий виртуально поклонился и попятился от телефона.

— А какое там было «а не то...»? — сухо осведомился герцог Михал, брат Императора. — Ты его закуешь в кандалы?

— Вряд ли. — Император фыркнул, проявляя максимум веселости, который допускало его достоинство. — Ему за восемьдесят, и, полагаю, время от времени ему положено оставаться в постели. Но если он так болен, что не может подняться по зову Императора в час войны, то придется заставить его уйти в отставку. А тогда в Адмиралтействе поднимется хай. Ты себе пред-

ставить не можешь, какая волна пойдет, если адмиралов начнут отправлять *в отставку*. — Он снова фыркнул, на этот раз негодующе. — Придется даже подумать насчет того, чтобы дать им всем пенсию. Это будет как тогда, когда отцу предложили отречься от престола.

Великий князь Михал деликатно кашлянул.

— Все-таки, наверное, кто-то должен уйти. После второго инсульта…

— Да-да.

— И все равно я думаю, что неразумно вверять ему флот.

— Если ты полагаешь это неразумным, так ты не против иметь дело с реакцией их флотских превосходительств, если я не дам ему право первого выбора?

Тут зазвонил правительственный телефон, и, раньше, чем брат успел ответить на острый вопрос, лакей в ливрее подал его величеству трубку из платины и слоновой кости.

— Сир? Его превосходительство адмирал Куртц готов с вами говорить. Он приносит свои глубочайшие извинения, и…

— Достаточно. Включите его без лишних слов. — Иван раздраженно барабанил пальцами по подлокотнику кресла — готического дере-

вянного сооружения, мало отличающегося от орудия пытки. — А, адмирал! Вы тот человек, который мне нужен. Как я рад вас видеть! Как мы сегодня?

— Сегодня? — добрался по медным проводам неуверенный шелестящий голос. — Ах сегодня! Да, конечно. Очень хорошо, сударыня. Я надеюсь, хамелеоны вам не попадались?

— Нет, адмирал, во дворце хамелеонов нет, — произнес Император спокойно, но твердо и внушительно. — Вы знаете, с кем говорите?

В наступившем молчании было почти слышно, как хлопает недоуменными глазами адмирал.

— А, гм. Ваше величество? Иван, мальчик мой! Уже Император? Как время-то летит!

— Да, дядя, это я. Я тебе звоню, потому что… — Тут Императору пришла в голову мысль. — Ты на ногах?

— Да-да, гм-гм-гм! Я, да, я на стуле. Сам понимаешь, мои бедные старые ноги! Они стали такие слабые, приходится их кучей одеял оборачивать, чтобы не рассыпались. Сейчас уже ноги не такие, как бывали во времена моей юности! Но я уже не в постели.

— Да, хорошо. Понимаешь… — В мозгу Императора завертелись все колеса — он рассматривал

и пересматривал варианты. Конечно, он знал о немощи адмирала, но до сих пор с ней так напрямую не сталкивался. Кажется, есть серьезная причина отказаться от адмирала: этот человек явно болен. Поручить ему эту операцию было бы просто нечестно и, хуже того, противоречило бы интересам государства.

Но все же он старший среди боевых адмиралов, Герой Новой Республики, Защитник Империи, истребитель неверных, завоеватель не менее трех буколических и довольно отсталых миров и — даже если не придавать этому слишком серьезного значения — родной дядя Императора, рожденный от второй метрессы деда. Поскольку давняя-предавняя традиция гласила, что адмиралов в отставке не бывает, никто никогда не думал о пенсии для старых боевых коней: обычно они умирали раньше, чем мог возникнуть такой вопрос. Уволить адмирала было немыслимо, но ожидать, что он поведет экспедицию… Иван боролся с собственной совестью, наполовину ожидая, что старик сам откажется. Никакого бесчестья ему не будет — трудно ожидать от восьмидесятилетнего старика на стульчаке, что он бросится умирать за отечество, — а тем временем найдется какой-нибудь молодой придурок,

который поведет эскадру в бой.

Придя к решению, Император глубоко вздохнул.

— У нас тут проблема. Случилось нечто мерзкопакостное, и планета Рохард в осаде. Я хочу послать флот. Вы не слишком больны, чтобы его вести? — Он подмигнул брату-герцогу, надеясь…

— Война?! — взревел старик так, что Иван чуть не оглох. — Да увенчаются победой доблестные силы праведных, ведущие непрестанную борьбу с врагами неоконсерватизма! Смерть пропагандистам перемен! Костер и дыба клеветникам Императора! Где эти мерзавцы? Дайте мне до них добраться!

Что-то лязгнуло — похоже, старик отбросил ходунки.

Герцог Михал недовольно скривился, глядя на брата.

— Что ж, на *один* вопрос мы ответ получили, — сказал он одними губами. — Не могу сказать: «я тебе говорил», но вот кого нам послать возить его кресло?

* * *

Новая Прага находилась лишь в тысяче километров к северу от экватора (планета была

необычайно холодна для терраформной с водяным поясом), и поезд подъехал к кламовскому вокзалу вскоре после обеда. Мартин вышел и поймал такси до флотского депо у подножия лифта, подчеркнуто игнорируя Рашель — или как там ее зовут. Пусть сама добирается: в данный момент она была нежелательным и потенциально катастрофическим осложнением его жизни.

Лифт высился над военным депо как бесконечный флагшток. Четыре сужающихся конуса из алмазоподобных полимеров вытянулись до самой геостационарной орбиты и чуть дальше — радикальное исключение из ограничений на технологии, принятых в Новой Республике. Бронзовые кабины подъемников с каплевидными носами скользили по тросам — целую ночь в одну сторону. Здесь не было никаких финтифлюшек в стиле fin-de-siècle: только голая функциональность — спальные капсулы сделаны по образцу, разработанному когда-то древним коммивояжером из Кобе — и строжайшие ограничения по весу. (Модификация гравитационных сил, хотя и была возможна, входила в число технологий, изгоняемых Новой Республикой — по крайней мере, не в военных целях.) Мартин поспешил на первую же капсулу и с облегчением отметил, что

Рашели поблизости не видно.

Прибыв на станцию, он сошел в военном секторе и представился мичману на контрольно-пропускном пункте, после чего его провели через мрачный сканер безопасности, где он наверняка получил больше годовой разрешенной дозы рентгена за один раз. Был один неприятный момент, когда старшина попросил его показать ЛП, но объяснение, что это — Личный Помощник, содержащий записи, без которых Мартину не обойтись, было принято. После чего еще полчаса пришлось загорать в спартанской обстановке караульного помещения, выкрашенного учрежденческой зеленью.

Наконец-то за ним прислали какого-то солдата.

— Это вы — двигателист? Мы вас ждем.

— Вот и я жду, — тяжело вздохнул Мартин. — Отведите меня к своему начальнику.

Новая Республика заплатила расположенному на Луне КБ Микояна — Гуревича — Кварнера за проект космического линкора, достойного имени Основателя флота. Чтобы выглядел так, как должен выглядеть линкор, а не как помесь кристаллов вируса бешенства, нарисованных пьяным кубистом, с банкой из-под джин-тоника

(как обычно и выглядят боевые космические корабли). Стиль наложил свои ограничения на функции, но несмотря на это корабль все равно заслуживал уважения: его вычурные ракетные установки и лазеры с фазовой дифракционной решеткой могли прикончить так же верно, как и более современное оружие. А к тому же он и *выглядел* хорошо, что, кстати, помогло КБ «МиГ» впарить такие же за бешеные цены еще нескольким легковерным хунтам.

Сам Мартин думал, что «Полководец Ванек» построен из той же материи комической оперы, что и вся Новая Республика. Той самой оперы, которая совсем не так смешна, когда окажешься у нее в зубах. Церемониалы, флаги и имперские эмблемы, нашлепанные на всех доступных поверхностях, «шестерки» в мундирах и сложная пирамида военного этикета — все подсказывало Мартину, что не так уж разумно он поступил, согласившись на эту работу, и висящие на стенах Василиска трупы диссидентов вполне это подтверждали. Сейчас он бы с радостью отдал весь свой гонорар только за возможность вернуться домой — если бы не призыв долга.

После долгого похода по спутанным лабиринтам доков и переходов к кораблю Мартин

оказался в проеме двери, ведущей в восьмиугольное людное помещение, освещенное красным светом, где локальным упразднением законов физики поддерживалась нулевая гравитация. Коренастый лысеющий военный инженер орал на какого-то мальчишку, стоящего перед раскрытой панелью доступа.

— И чтоб последний раз я видел, как ты лапы суешь в панель, не спросив меня или главстаршину Отченашека, понял? Руки у тебя из жопы растут! Вот это — вот это — резервная панель разрешения главной шины, вот она. А вот *это*, — он ткнул пальцем в другую панель, закрытую, — резерв выключателей главной схемы, которую тебе главстаршина велел проверить. Ты знаешь, что будет, если вот этим тумблером щелкнуть?

Мартин посмотрел, куда тычет палец офицера, и вздрогнул. Будь он на его месте, то не ограничился бы пустой угрозой удавить идиота-срочника его же кишками. Впрочем, щелкни тот указанным тумблером, давить было бы излишне: обугленным трупам это, как правило, все равно.

— Инженер-капитан Крупкин? — спросил Мартин.

— Ага. Вы кто? А, тот самый инженер-двигателист! — Крупкин повернулся к нему, давая

возможность срочнику тихо слинять. — Опаздываете.

— Все вопросы к ведомству Куратора! — огрызнулся Мартин и тут же пожалел, что это сказал. — Извините, просто выдалась трудная неделя. Так чем могу быть вам полезен?

— А, тайная госполиция? Да, их тут много у нас, — хмыкнул Крупкин почти сочувственно. — Значит, в этих вот игрушках разбираетесь?

— «МиГ» их продает. Вы на них гоняете. Ваши ребята их ломают, я чиню. Достаточно?

— Для начала. — Крупкин неожиданно улыбнулся. — Ладно, поставим вопрос иначе. Что вы знаете о компенсаторе расфазировки синхросигнала в предпочтительной системе отсчета? В частности, об этой вот модели К-340, в том виде, в каком она здесь сконфигурирована? Сообщите все, что видите из ее настроек.

Следующие полчаса Мартин рассказывал обо всех возможных случаях потери настройки. После этого Крупкин показал ему настоящую К-340, уже не учебно-тренировочный макет. И был рабочий завтрак, в течение которого Крупкин вытягивал из Мартина все, что тот знает, и потом — долгий рабочий день, когда решали, куда что девалось, и оформляли заказы на изменения,

чтобы на бумаге было все, что там должно было быть. А потом — обратно на базу для вечерней работы…

* * *

Рашель Мансур стояла голой посередине ковра ручной работы, что покрывал пол номера, снятого ею два часа назад в отеле портового города Кламовка. Хоть и дорогой, номер повонивал сырой и сухой гнилью, карболовым мылом и дровами. Дыша медленно и ровно, Рашель в привычной последовательности вытягивала руки и ноги, разминала мышцы. Шторы были задернуты, дверь заперта, а снаружи расставлены датчики, чтобы предупредить о нежелательных гостях, потому что ей совершенно не улыбалось объяснять свои действия прислуге, которая могла их увидеть.

Вообще она много чего не намеревалась объяснять людям, среди которых ей приходилось находиться. Новая Республика наполняла ее горькой и безнадежной злостью — она осознавала эту злость, понимала, что это непрофессионально, но избавиться от этого чувства не могла. Пустая растрата людского потенциала, которая и была смыслом существования Новой Республики, оскорбляла ее чувства, как публичное сожжение

книг или истребление ни в чем неповинных.

Новая Республика существовала 250 лет на расстоянии 250 световых лет от Земли. Когда Эсхатон переместил девять десятых населения Земли через червоточину — по причинам, до объяснений которых не снизошел, — он их частично отсортировал по этнической, социальной или психологической близости. Новой Республике досталась смесь из восточноевропейских технофобов и роялистов, ищущих утешения в прошлых веках.

Основатели Новой Республики пострадали от рук безликих технологических перемен. В рыночных демократиях до-сингулярностной Земли они видели, как миллионы людей выбросили на свалку истории. Получив в свое распоряжение новый мир и средства обращения с ним, они немедленно установили консервативный общественный порядок. Спустя поколение разразилась жестокая гражданская война между теми, кто хотел использовать и дальше корнукопии — наносборочные фабрики, способные создавать любые физические товары, — и теми, кто хотел держаться более простого образа жизни, когда каждый знает свое место и свое место есть для каждого. Прогрессисты потерпели поражение,

и Новая Республика столетие развивалась естественным образом — как развивалась бы Европа, если бы физика и химия остановились в 1890 году. Патентные бюро закрылись: места для мечтающих релятивистов предусмотрено не было.

Стоя голой посреди ковра, Рашель смогла на время отложить эти мысли. Отключиться от окружающего мира, пока ее имплантаты пробегали свою обычную последовательность тренировки самозащиты. Она начиналась с дыхательных упражнений, потом шли изометрические сокращения групп мышц под контролем системы управления боем, наконец — молниеносные движения, когда встроенные контроллеры нервной системы брали на себя управление, вертя ее тело в каскаде упражнений боевых искусств. Десятиминутный цикл два раза в неделю держал ее в такой готовности к самообороне, которая от адепта без имплантатов потребовала бы не меньше часа каждый день.

Вертясь и дергаясь на невидимых нитях, она разбрасывала и расчленяла нематериальных демонов — нетрудно было перенести на них свою злость и досаду. Вот это — за того слепого нищего, которого она видела сегодня на улице. Его болезнь была бы излечима в мире, где меди-

цина развита получше. А это — за тех крестьян, которых обрекли пахать землю, считая придатками этой земли, а не людьми. Это — за женщин, погибающих при родах нежеланных детей. Это — попам, пособникам предрассудков, насажденных правящей элитой, попам, впаривающим своей пастве фальшивые утешения будущей жизни, когда все ужасы, верующих преследующие, из цивилизованных миров давно изгнаны. А это, вот это и вот это — тем, кто к ней относится как к человеку третьего сорта. Злость требовала множества *ката*.

Не хочу я этого мира. Не люблю я этот мир. Не нужен мне этот мир, не хочу я ему сочувствовать, и его обитателям тоже. Эх, если бы только я им не была нужна…

Рядом с номером располагалась крошечная ванная — дорогое излишество в здешней культуре. Там Рашель тщательно смыла с себя пот и грязь, как и воспоминания. И частично — пессимизм. «Здесь станет лучше, — напомнила она себе. — За этим я здесь».

Обсохнув, она вернулась в спальню и села на край кровати, потом взяла свой потрепанный ЛП.

— Дай-ка мне посла ООН, — велела она.

В Новой Республике был только один посол ООН, Джордж Чо, постоянный представитель Совета Безопасности, перед которым она только и отчитывалась. (Новая Республика настойчиво отказывалась признавать какие бы то ни было более тонкие политические учреждения Земли.)

— Обрабатывается… *бип*….

— Рашель, прости, сейчас я не могу говорить. Жду, чтобы стала доступной информация об инциденте возле Рохарда. Если будешь так любезна оставить сообщение после сигнала… *бип*.

— Привет, Джордж, это Рашель. Звоню из Кламовки. Перезвони мне. Похоже, что мне придется выступить публично, и нужна дипломатическая поддержка. Поговорить надо. Конец сообщения.

Она закрыла ЛП и отложила прочь, мрачно глядя на ночной столик. Ее маскарадный костюм (ей трудно было думать о нем как о нормальной одежде, даже проносив несколько месяцев) валялся кучей на комоде. Надо было наносить визиты, соблюдать форму, пока не станет можно действовать открыто. «К черту бы все это ради настоящей солдатской игры», — подумала она. Жить по правилам Новой Республики надоело очень быстро. «Если не найду хоть одного цивилизованного человека, у меня крыша съедет. Да,

кстати, позвонить надо этому инженеру-подрядчику. Холоднее мороженой рыбы, и не слишком приветлив, но черт меня побери, если я позволю ему вот так от себя отделаться. Может быть, из него можно будет вытащить за ресторанным столиком больше, чем из Адмиралтейства за месяц дипломатических коктейлей и официальных меморандумов».

Она снова взяла ЛП.

— Найди мне голосовую почту инженера Спрингфилда. Только текст. Хочу отправить ему сообщение. Начало…

* * *

Джордж Чо, Полномочный Посол Совета Безопасности ООН при дворе Его Величества Императора Ивана Гашека Третьего (Милостью Божией и прочая), потел под стоячим воротником и вежливо кивал.

— Да, ваше превосходительство, я отлично вас понял. Тем не менее, хотя эта спорная территория аннексирована Новой Республикой, я должен снова заявить, что мы считаем ситуацию находящейся в нашей компетенции, если, конечно, это не чисто внутреннее дело — но ведь этот самый Фестиваль не является вашей традицией, о

которой мне до сих пор не было известно? — следовательно, снова возникает этот неприятный Пункт Девятнадцатый.

Его превосходительство герцог Гашек покачал головой.

— Для нас это неприемлемо.

Он вперился в Чо водянистыми, но пронзительными голубыми глазами. «Не хрен делать этим иностранцам, вот и лезут они не в свое дело», — подумал он. Нет, Чо для терранского дегенерата-анархиста-технофила еще ничего был. Он чем-то напоминал Михалу ищейку-бладхаунда: мешки под глазами, постоянно грустный вид и ум — как стальной капкан с взведенной пружиной.

Джордж Чо вздохнул и откинулся на спинку кресла. Он глядел мимо великого князя, на портрет его отца, висевший на стене. В сорок — на троне, умер в шестьдесят, в глубокой старости. Император Гашек Второй. Что-то в нем было от вундеркинда, была в нем сила расшевелить это до идиотизма консервативное болото. Этот человек сумел вытащить Новую Республику из скорлупы настолько, чтобы завести военный флот и колонизировать три-четыре самых захолустных планеты. Он хорошо учил историю. *А*

это опасно.

— Я вижу, вы смотрите на моего отца? Весьма жестоковыйный был человек. Это у нас семейная черта, — заметил Михал, скривившись. — Мы не любим, когда в наши дела суют нос посторонние. Близорукий подход, быть может, но…

Он пожал плечами.

— Да, понимаю. — Чо снова перевел взгляд на герцога. — Да, конечно. И все же позволю себе поинтересоваться, достаточно ли ясно обрисовал я вам преимущества, связанные с участием ООН? Я думаю, нам много чего есть предложить; мне бы даже в голову не пришло заговорить об этом, не будь я уверен, что вы могли бы получить от нашего предложения большую пользу.

— Есть польза, есть побочные эффекты. Вы имеете в виду что-нибудь конкретное? — Михал подался вперед.

— Вообще-то… да. Это тоже восходит к Пункту Девятнадцать — запрету на оружие, нарушающее принцип причинности. «Всякий, кто создает оружие, способное нарушить и так далее, считается виновным в преступлении против человечества и подлежит за таковое наказанию, установленному международным сообществом». Мы прекрасно знаем, что вам и в голову не пришло бы исполь-

зовать такое оружие против ваших собственных миров. Но у нас недостаточно фактов, чтобы судить о намерениях… гм… *агрессора*, этого самого Фестиваля. Информация о нем весьма скудна, что тревожно само по себе. Вот я и предполагаю, что для вас может быть выгодно иметь в составе вашей экспедиции независимого наблюдателя от ООН — чтобы отвергнуть любые обвинения в преступлениях против человечества и иметь свидетеля, если ваши войска подвергнутся нападению подобного рода.

— Ага. — Михал скрипнул зубами и улыбнулся послу. — А почему вы думаете, что будет экспедиция?

Тут уж была очередь Чо улыбаться. Он провел почти двое суток без сна, разбирая донесения разведки, отслеживая СМИ и пытаясь в одиночку сложить всю мозаику: численность дипломатического персонала жестко ограничивалась правилами Новой Республики.

— Полно-те, ваше превосходительство! Вы хотите, чтобы мы поверили, будто Новая Республика решит оставить без ответа такое оскорбление своей чести, не говоря уже о нарушении территориальной целостности? Какая-то реакция неизбежна. Здесь вашего флота стало гораздо

меньше, на базах повышено состояние тревоги, идет активная деятельность в Кламовке, Либау и В-1 — все это говорит в пользу вероятной экспедиции флота. Вы же не перебросите туда своих солдат, скомандовав им трижды щелкнуть каблуками и сказать: «Ничего нет лучше дома родного»?

Михал потер переносицу, чтобы скрыть хмурую гримасу.

— Я не буду ни подтверждать, ни опровергать ваши предположения о готовящейся экспедиции.

— Разумеется, — кивнул Чо.

— Тем не менее. Вы знаете что-нибудь об этом Фестивале? Или о том, что там делается, на Рохарде?

— На удивление мало. Вы же все, что происходит, держите в секрете — и не очень тонко, боюсь. Отчаянные донесения Четвертой гвардейской дивизии о защите столицы читались бы более убедительно, если бы не оповещение месяцем раньше о переброске Четвертой гвардейской с Новой Праги на Байкал-четыре. Но не только вы держите это в секрете. Мои люди ничего не смогли нарыть об этом Фестивале, а это действительно тревожно. Мы даже послали

запрос о помощи Эсхатону, но в ответ получили только шифрограмму со словами: «П. Т. Барнум был прав».

(Криптограмма была зашифрована ключом из секретного дипломатического одноразового портфеля ООН, и утечка шифра вызвала колоссальную панику в службах безопасности.)

— Интересно, кто такой этот самый Барнум, — заметил герцог. — Впрочем, неважно. Этот Фестиваль оказал на планету Рохард катастрофическое влияние. Экономика в развалинах, гражданские беспорядки и открытый бунт ширятся, как пожар. А это… — Он бросил резкий взгляд на посла. — Вы понимаете, что это значит для основополагающих принципов нашей цивилизации?

— Я являюсь всего лишь послом, представляющим интересны членов ООН в Новой Республике, — безразличным голосом ответил Чо. — Я здесь не для того, чтобы выносить суждения о вашей стране. Это было бы самонадеянно.

— Хм! — Герцог опустил глаза к письменному столу. — Мы действительно рассматриваем возможность экспедиции, — сказал Михал, и Чо едва смог скрыть удивление. — Но это будет трудно. В системе, куда она направится, враг уже хорошо окопался. Мы не знаем, откуда он явился. А если

мы прямо пошлем туда флот, его может постигнуть та же судьба, что и эскадру на станции. Поэтому мы обдумываем одну довольно-таки… гм… отчаянную стратагему.

Чо подался вперед.

— Ваше превосходительство, если вы думаете о нарушении принципа причинности, то должен вам сообщить…

Герцог поднял руку.

— Уверяю вас, господин посол, что в результате действий флота Новой Республики никаких глобальных нарушений принципа причинности не произойдет. Намерений нарушать Пункт Девятнадцать у нас нет. — Он чуть поморщился. — Тем не менее, локальные нарушения принципа причинности иногда разрешаются в пределах тактической ситуации, ограниченной непосредственным световым конусом события? И я думаю, что… да. Наблюдатель от ООН сможет заверить все стороны, что наши действия были правильными и законными. Сможет ведь?

— Наблюдатель от ООН будет скрупулезно придерживаться правды, — заявил Чо, снова потея.

— Хорошо. В этом случае, думаю, мы можем удовлетворить ваш запрос — если будет принято решение о посылке экспедиционного корпуса.

Только один инспектор, с верительными грамотами, будет допущен на флагманский корабль. Его задачей будет отслеживать применение оружия модификации реальности всеми сторонами конфликта и свидетельствовать перед всеми цивилизованными мирами, что Новая Республика не замешана в непозволительном использовании путешествий по времени как оружия массового уничтожения.

Чо кивнул.

— Я думаю, это приемлемо. Инспектор Мансур в Кламовке получит уведомление немедленно.

Михал мимолетно улыбнулся.

— Пошлите мне записку через секретаря. Я ее передам в штаб адмирала Курца. И гарантирую вам, что он будет сотрудничать не за страх, а за совесть.

* * *

Младший прокуратор Василий Мюллер из ведомства Куратора стоял возле огромного окна в четвертом наблюдательном отсеке и смотрел в пропасть бесчисленных световых лет. Мимо, как на вращающемся дисплее, летели звезды. Вращение огромной станции создавало достаточно комфортное подобие гравитации — процентов

восемьдесят от нормальной. Прямо за двойной стеной из синтетического алмаза расположилась верфь, и там каплей космической красоты повис корпус звездолета.

Тени залегли поперек серого цилиндра полосами вечности, заостренными по краям неестественной прозрачностью вакуума. Осмотровые люки висели распахнутыми в разных точках корпуса, неприятно выглядели вываливающиеся оттуда клубки корабельных внутренностей, подставленные под дистанционные модули манипуляторов, прицепившихся к кораблю членистыми конечностями. Все это напоминало разлагающуюся тушу дохлого кита, поедаемого кишащими зелеными крабами. Но корабль, как понимал Василий, дохлым не был — это была хирургия.

Корабль был как марафонец, распластанный хирургами, надеющимися превратить его во что-то вроде киборга перед забегом, решающим судьбу мира. Аналогия с собственной слегка побаливающей головой не ускользнула от внимания Василия: до него дошло, что эти радикальнейшие приготовления необходимы для предстоящей схватки. Он уже ощущал новые возникающие связи — как фантом какой-то непонятной ко-

нечности, закрепляющейся где-то за гранью его восприятия. Еще три дня, как сообщили ему врачи сегодня утром, и он уже сможет тренировать этот черепной разъем. Ему дали целый чемодан инструкций, небольшой и весьма незаконный (уж про цену и говорить не стоит) набор инструментов и пропуск, дающий право внеочередного проезда к орбитальной станции на шаттле ПВО, минуя медленный космический лифт.

— Вы, очевидно, и есть прокуратор Мюллер?

Он обернулся. Подтянутый тип в светло-зеленой флотской форме, с лейтенантским шевронами на рукавах. Василий отдал честь.

— Вольно. Я лейтенант Зауэр, бортофицер безопасности на «Полководце Ванеке». Вы тут в первый раз?

Василий кивнул — у него так пересохло во рту, что ответить он не мог. Зауэр повернулся к окну.

— Правда впечатляет?

— Ага! — Вид огромного военного корабля вызвал в груди у Мюллера мощную волну гордости: этим кораблем владеют и на нем летают люди его страны. — Мой сводный брат служит на таком, той же постройки. На «Сквотском».

— О, молодец, приятно слышать. Давно он там?

— Три… три года. Он второй офицер управления огнем. Лейтенант, как и вы.

— Ага. — Зауэр чуть наклонил голову и рассматривал Василия остро и внимательно. — Прекрасно. Только скажите мне, насколько этот корабль действительно хорош, как вы думаете? Насколько он мощен?

Василий тряхнул головой, все еще ошеломленный впервые увиденным линкором.

— Не могу себе представить корабль сильнее! Разве может кто-нибудь построить лучший?

Зауэр глянул со снисходительным удивлением.

— Вы же сыщик, а не космонавт. Поучись вы во флотском училище, знали бы, как именно это можно. Скажем так: в данный момент его не назвали бы в честь старика Эрнста Железнобокого, не будь это лучший у нас корабль. Правда не все играют по тем же правилам, что и мы. И я думаю, что вполне честно для нас затеять другую игру — почему, собственно, вы здесь и оказались и мы ведем с вами беседу. Вы же хотите защищать этот корабль и Республику?

Василий энергично закивал.

— Так точно. Мой начальник сообщил вам, зачем я здесь?

— У меня полная информация. Все, что может представлять угрозу для безопасности, мы воспринимаем серьезно. В закрытых зонах вам действовать не разрешено, но там, где нет контроля — добро пожаловать повсюду. Да, и кстати, уверен, что сможем вам помочь присматривать за этой штатской обезьяной — инженером. Честно говоря, для нас удачно вышло, что есть человек для этой работы. У нас и без того хлопот хватает, чтобы еще украдкой за контракторами на работе следить, и если уж проблема эта будет решена, какая разница, по чьему ведомству она пройдет.

В этот момент до Василия дошло, что здесь происходит что-то странное, но он, не имея опыта, не мог себе представить, в чем конкретно дело. А давить на Зауэра ему не хотелось — по крайней мере, с первого момента знакомства.

— Вы мне можете показать, где работает Спрингфилд?

— К сожалению, — развел руками Зауэр, — Спрингфилд сейчас на борту. Вы же знаете, что он работает как раз над самой системой межзвездных передвижений.

— О! — У Василия губы округлились. — Вы хотите сказать, что мне придется взойти на борт?

— Я хочу сказать, что на борт вам взойти *нельзя*

— пока не пройдете медкомиссию, не получите допуск от службы безопасности, потом три инструктажа и «добро» от старика, и всего этого раньше завтрашнего дня не будет. А пока что давайте я вам покажу квартиры для командированных офицеров — у вас, пока вы на территории базы, статус младшего офицера.

— Давайте, — серьезно согласился Василий.

* * *

А тем временем первая группа Критиков Фестиваля прибыла на орбиту у планеты Рохард.

Фестиваль, когда-то входивший в людскую цивилизацию, растворившуюся в собственной компьютерной сети, был странствующим посольством, межзвездным средством обмена информацией. Больше всего он интересовался другими выгруженными культурами, но в нужде годились любые. Он метался между необитаемыми мирами тысячи земных лет, стремясь снаружи внутрь, и все это время у своих вольных или невольных хозяев просил одного: «Развлеките для нас!»

Фестиваль был сильно стеснен плотностью информации, которую мог забить в крошечные звездные парусники, несущие его через

космическую бездну. В отличие от нормальной выгруженной цивилизации, Фестиваль не умел создавать собственной реальности с достаточным правдоподобием, чтобы избежать обычных рисков жизни в виртуальной вселенной; он был как пустынное растение, существующее годами в виде семечка между периодами бурного роста, как только образуются подходящие условия.

Как любой бродячий цирк, Фестиваль привлекал попутчиков, приживал и просто свиту спутников и паразитов. В замороженных мозговых ядрах парусников было место для миллионов пассажиров, но между станциями им не было места, где мыслить. Истинные разумы впадали в спячку на десятилетия дороги между планетными цивилизациями, и простые полуразумные надсмотрщики держали парусники на курсе и управляли автоматическими системами. По прибытии эти служители строили нужные инфраструктуры, чтобы размораживать и загружать в них истинные разумы. Как только устанавливался контакт и выбран образ действий, все остаточные емкости делались доступными для всех пассажиров, в том числе и для Критиков.

Пена алмаза росла на орбите вокруг Спутника, внешней луны Рохарда. В некоторых пузырях ее

ворочались странные эмульсии, кипящий суп нанокатализированных химических реакций. Другие пузыри выцветали в черное, засасывая солнечную энергию почти со стопроцентным КПД. Постоянный поток емкостей плыл к этой пене по хаотическим орбитам, везя добычу из шахт внешних планет. Внутри пузырей застывала воплощенная жизнь, где клетки собирались машиной, а не естественным циклом митоза и видоизменений. Прошли тысячи секунд — эпохи для Сборщиков, — и появились скелеты, сперва кружевные контуры, потом барочные коралловые выросты. Кровь, ткани, зубы и органы стали густеть там, где им положено быть, нано-сборщики закачивали синтетические энзимы, ДНК, рибосомы и прочую клеточную механику в липидные пузырьки, которым предстояло стать живыми клетками.

Вскоре тела Критиков начали шевелиться.

КОСМИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ

Дверь в кабинет приоткрылась, и показался лакей в ливрее.

— Контр-адмирал Бауэр к адмиралу, — объявил он.

— Д-давайте его сюда.

Контр-адмирал Бауэр вошел в кабинет и отдал честь. Адмирал, сидящий за внушительным столом красного дерева в центре просторного помещения (отделанного невероятно дорогими импортными деревянными панелями, с занавесями из шелка-сырца), выглядел не слишком внушительно: высохшая черепаха с моржовыми усами, вяло плывущая по морю сине-серебряного ковра. Однако сегодня адмирал был в хорошем состоянии, одет в мундир, со всеми орденскими колодками, и сидел он в настоящем кресле.

— Ка-капитан… Заходите. Присаживайтесь.

Контр-адмирал Бауэр прошагал к столу и сел в указанное кресло.

— Как ваш папаша поживает? Что-то давненько я его не видел.

— Прекрасно, ваше превосходительство. *Нас-*

колько может, конечно, учитывая, что много лет назад он умер.

Бауэр грустно смотрел на своего начальника. Когда-то самая острая сабля в арсенале Новой Республики, адмирал Курц ржавел с ужасающей быстротой. Уже, наверное, обдумывались его похороны. У него еще бывали периоды просветления, иногда довольно длительные, но заставить его лететь в эту экспедицию (вряд ли военнослужащий мог отказаться от высочайшего поручения и надеяться сохранить свой пост) — это положительно жестоко. Не мог же Его Величество не знать о состоянии адмирала.

— Могу я спросить, зачем вы меня вызвали, господин адмирал?

— А… а, да-да. — Адмирал дернулся, будто его стукнуло электрошоком. Лицо его вдруг подтянулось. — Извините, капитан, но вот тут у меня слишком много неясностей. Хотел обсудить флоспозицию… диспозицию флота, то есть. Очевидно, что повседневное командование экспедицией ляжет на вас, и тактическое командование тоже, когда подойдем к Рохарду. Но вот стратегическое планирование — здесь, думаю, я внесу свой вклад. — Еле заметная улыбка скользнула по лицу адмирала. — Вы согласны?

— Так точно, господин адмирал, — кивнул Бауэр, слегка ободренный. Пусть великий старик и сползает в старческое слабоумие, но в лучшие минуты его разум пока что остер как бритва. Если он хочет скромненько сидеть в уголке, предоставив Бауэру командовать, все еще может получиться. («Это пока он будет помнить, кто я такой», — напомнил сам себе контр-адмирал.) Они уже работали вместе: Бауэр был младшим лейтенантом у капитана первого ранга Курца во времена вторжения на Термидор, и сохранил глубокое уважение к его интеллекту, не говоря уже о его неохоте уступать даже превосходящему противнику.

— Мне намекнули, что у Генштаба есть какой-то необычный план снятия осады. Вы об этом, ваше превосходительство?

— Да. — Адмирал Курц показал на красную кожаную папку, лежащую у него на столе. — Ситуация «Омега». Я когда-то, лет десять назад, тоже приложил руку к этому документу, но боюсь, чтобы сделать из этого план атаки, нужны будут умы помоложе моего.

— План «Омега». — Бауэр сделал паузу. — Его, кажется, положили на полку из-за… гм… вопросов законности?

— Да-да, — кивнул Курц. — Но только в наступательной операции. Нам не разрешено летать по замкнутой времениподобной петле — использовать сверхсветовые скорости, чтобы прилететь раньше, чем началась война. Это приводит — ну, к всевозможным хлопотам. Соседи говорят, что Бог этого не любит. По мне — чушь это собачья. Но сейчас напали на нас. Так что мы можем полететь в наше собственное прошлое, но после того, как началось нападение. Должен сознаться, что мне такое оправдание кажется жалким, но уж как есть. Вот он — план «Омега».

— Ага… — Бауэр потянулся к красной папке. — Разрешите?

— Д-да, разум-меется.

Контр-адмирал Бауэр углубился в чтение.

* * *

Ускорение до сверхсветовой скорости, разумеется, невозможно. Общая теория относительности прояснила это еще в двадцатом веке. Однако с тех пор появилось много способов обойти предел скорости; и к настоящему времени есть не менее шести различных методов перемещения массы или информации из точки А в точку В, минуя точку С.

Пара таких способов связана с квантовыми фокусами, странными решениями, основанными на эффекте конденсации Бозе–Эйнштейна для обращения битов в квантовых ячейках, разделенных световыми годами. Как и в случае с каузальным каналом, эти две связанные ячейки необходимо развести в стороны с досветовой скоростью, что вполне годится для связи, но никак не для транспортировки тел. Некоторые другие — вроде крысиных ходов Эсхатона — необъяснимы и основываются на принципах, которых пока еще не знает ни один физик человечества. Но есть еще два способа — работающие системы передвижения для звездолетов: пространственный возвратно-поступательный Линде–Алькубиерре и прыжковые двигатели. Первый способ создавал волну расширения и сжатия в пространстве перед кораблем и за ним. Способ отличается несравненным изяществом, но довольно-таки опасен: космический корабль, пытающийся перемещаться сквозь плотное многообразие пространства-времени, рискует, что его разорвет случайной пылинкой.

Прыжковый двигатель куда надежнее, по меньшей мере, и от некоторых капризов судьбы защищает. Оборудованный им корабль может

набирать ускорение, уходя из гравитационного колодца ближайшей звезды. Определив точку эквипотенциального выравнивания возле намеченной звезды, корабль включает генератор прыжкового поля и целиком туннелирует между двумя точками, фактически даже не пребывая между ними. (Все это в предположении, что звезда-цель находится примерно там же и примерно в том же состоянии, в котором находилась, когда корабль включал прыжковое поле. В противном случае этого корабля уже больше никто не увидит.)

Но для военных прыжковый двигатель создает серьезные проблемы. Прежде всего, он действует только в плоском пространстве-времени, то есть очень-очень далеко от любых звезд и планет. Это значит, что необходимо достаточно далеко отлететь, то есть любой, кого вы хотите атаковать, может увидеть ваше приближение. Во-вторых, он неприменим на достаточно далеких расстояниях. Чем дальше пытаться прыгнуть, тем больше вероятность, что условия в месте назначения отличаются от ожидаемых, увеличивая объем работы для учетчиков потерь. А самое главное — создавался туннель между эквипотенциальными точками пространства-времени. Чуть ошибись в

расчетах прыжка — и окажешься в абсолютном прошлом, по отношению и к точке отправления, и к месту назначения. Ты можешь об этом не знать, пока не вернешься домой, но ты только что нарушил принцип причинности. А Эсхатон к *таким* поступкам относился *очень* серьезно.

Вот почему план «Омега» был одним из секретнейших документов в библиотеке флота Новой Республики. В нем рассматривались возможные способы и средства использования нарушения принципа причинности: путешествия во времени в предпочтительной системе координат ради получения стратегического преимущества. Рохард отстоял на добрых сорок световых лет от Новой Австрии. Обычно это означало от пяти до восьми прыжков — довольно серьезный рейс, продолжающийся от трех до четырех недель. Сейчас, во время войны, прямые зоны подхода от Новой Австрии наверняка под охраной. Атакующий флот должен будет прыгать вокруг туманности Голова Царицы — фактически непроходимого облака, где формируются три или четыре протозвездных образования. А чтобы выполнить план «Омега», тонко сбалансировав время своего прибытия с первым сигналом тревоги от Рохарда, чтобы никаких *абсолютных* нарушений принци-

па причинности не произошло, но все-таки это прибытие застало противника врасплох — тут понадобится еще больше прыжков, уводящих эскадру в световой конус будущего перед тем, как прыгнуть обратно в прошлое, внутрь пространственного горизонта событий.

Это, как понял Бауэр, была самая широкомасштабная военная операция в истории Новой Республики. И, помоги ему бог, его работа — сделать так, чтобы все получилось.

* * *

Буря Рубинштейн с размаху хлопнул поношенным валенком по грубому бревенчатому столу.

— Тихо! — гаркнул он.

Никто не обратил внимания. Раздосадованный Буря вытащил пистолет, созданный для него выторгованной машиной, и пальнул в потолок. Пистолет только тихо прошелестел, но водопад рухнувшей с потолка штукатурки обеспечил внимание аудитории. Посреди вакханалии кашля и ругательств Буря рявкнул:

— Призываю Комитет к порядку!

— А за каким хреном? — вызывающе спросил какой-то смутьян из задних рядов.

— За таким, что если не заткнешься и не дашь

мне сказать, отвечать будешь не мне, а карателям Политовского. Я самое худшее, что могу с тобой сделать — пристрелить. А вот если попадешь в лапы герцогу, тебя работать заставят! — Он рассмеялся вместе со всеми. — На него работать. У нас выдалась беспрецедентная возможность сбросить к черту оковы экономического рабства, привязавшие нас к земле и фабрике, и создать иное, просвещенное общество социальной мобильности, где каждый свободен совершенствовать себя, трудиться на общее благо и учиться работать умнее и жить достойнее. Но, товарищи! Силы реакции бдительны и беспощадны! Даже сейчас флотские шаттлы перевозят солдат на Внешний Хельм, который они хотят захватить, превратив в свою твердыню.

С довольно впечатляющим жужжанием двигателей поднялся Олег Тимошевский.

— А чего там! Мы их раздавим!

Он взмахнул левой рукой, и кулак его принял узнаваемую форму ракетомета. Бросившись в пучину возможностей персонального усовершенствования, он мог теперь дать сто очков вперед прирожденному киборгу, или послужить плакатом Трансгуманистического фронта, или даже Партии космоса и свободы.

— Олег, хватит! — Буря бросил на него сердитый взгляд и снова обратился к публике: — Мы не можем себе позволить победу *насилием*, — подчеркнул он последнее слово. — Да, соблазнительно, если не смотреть дальше своего носа. А если смотреть вперед, то такая победа лишь дискредитирует нас в глазах масс. А чему учит нас история? Что если не будет на нашей стороне масс, не будет и революции. Мы должны доказать, что силы реакции рассыплются перед нашими миролюбивыми силами инициативы и прогресса без всяких репрессий — а иначе мы лишь чего добьемся? Да того, что нам придется подавлять их, а при этом мы станем такими же. *Этого вы хотите*?

— Нет!

— Да!

— Нет!

Буря вздрогнул от грохота голосов, прокатившегося по залу. Делегаты становились буйными, переполняясь сознанием собственной судьбоносности и обилием бесплатного пива и пшеничной водки. (Хоть последние два ингредиента были синтетическими, но от настоящих не отличить.)

— Товарищи! — У дверей зала нарисовался светловолосый человек с болезненно-желтоватым

лицом. — Прошу внимания! Войска реакционной империалистической хунты движутся на окружение Северного Плац-парада! Свободный рынок в опасности!

— От бля! — буркнул себе под нос Маркус Вольф.

— Пойди посмотри, а? — попросил его Рубинштейн. — Возьми с собой Олега, избавь меня от него хоть на время, а я тут пока буду удерживать форт. И попытайся чем-нибудь занять Ярослава — а то он начнет жонглировать или стрелять в солдат из водяного пистолета. Не могу я ничего делать, пока он под ногами путается.

— Сделаю, шеф. А вы серьезно насчет того… ну, чтобы головы не разбивать?

— Я? — Рубинштейн пожал плечами. — По мне, так лучше без атомных бомбардировок, но не стесняйся пускать в ход все, что нам нужно для победы — только чтобы правота наша была. Если можно, конечно. Сейчас нам драка не с руки, слишком еще рано. Подержись в сторонке с недельку, и гвардия побежит, как крысы с корабля. А сейчас просто постарайся их отвлечь. Мне тут надо выдать коммюнике, которое лакеям правящего класса зальет сала за шкуру.

Вольф встал и пробрался к столу Тимошев-

ского.

— Олег, пошли со мной. Работа есть.

Буря едва это заметил: он сидел, уткнувшись носом в руководство к текстовому процессору, который рог изобилия плюхнул ему на колени. Всю жизнь писавший только от руки или на старой верной пишущей машинке, он воспринимал этот прибор почти как изделие черной магии. Если бы еще сообразить, как заставить эту штуку подсчитывать число слов в абзаце, было бы совсем хорошо; а так, не зная объема, как сообразить, сколько свинца понадобится на заполнение колонки?

Съезд революционеров заседал в бывшей Зерновой бирже уже три дня. На крыше черными металлическими папоротниками выросли причудливые конструкции, превращающие свет солнца и атмосферные загрязнения в электричество и яркие пластиковые предметы. Годунов, которому полагалось заведовать подачей блюд, желчно бурчал насчет нехватки столовых приборов (будто настоящего революционера могут интересовать такие мелочи), пока Миша, который в прямое взаимодействие на уровне мозга ушел еще глубже, чем даже Олег, не покрутил носом и не велел этим штукам на крыше чего-

нибудь такое сделать. Потом Миша побежал по каким-то делам, и никто не знал, как остановить эту ложко-вилочную фабрику. К счастью, еда тоже не думала кончаться, как и все другое, впрочем. Кажется, герцог поверил Буриному блефу, что у Демократического совета есть атомная бомба, и пока что драгуны держались подальше от желтого кирпичного сооружения в дальнем конце площади Свободы.

— Буря! Быстрее сюда! Беда у ворот!

Рубинштейн оторвался от черновика прокламации.

— Чего там? — рявкнул он. — Докладывай четко!

Товарищ (Петров, что ли?) едва сумел остановиться возле его стола.

— Солдаты! — произнес он, запыхавшись.

— Ага. — Буря встал. — Уже стреляют? Нет? Тогда я с ними буду разговаривать. — Он потянулся, разминая занемевшие мышцы, поморгал, прогоняя усталость. — Веди меня к ним.

У дверей Зерновой биржи беспокойно шевелилась небольшая толпа. Крестьянки в шалях, рабочие с металлургических заводов с дальнего конца города — простаивающих, поскольку все производство было заменены чудесными, по-

чти органическими робокомплексами, которые все еще достраивали себя, — и даже несколько изможденных бритоголовых зеков из исправительно-трудовых лагерей, расположенных за за́мком, и вся эта толпа бурлила вокруг островка со страхом глядящих на нее солдат.

— Чего тут? — властно спросил Рубинштейн.

— Эти люди, они нам сказали…

— Пусть говорят сами за себя. — Буря показал на ближайшего к воротам. — Вот ты. Ты же не стреляешь в нас, так зачем ты сюда пришел, товарищ?

— Я? — озадаченно спросил солдат.

— А нам надоело, что аристократы нами вертят, вот зачем, — сказал его сосед — тощий как жердь, с болезненно-желтым лицом и в высокой меховой шапке, явно не являющейся частью мундира. — Блядские эти роялисты позапирались в своем замке, дуют шампанское и думают, что мы за них погибать пойдем. А здесь у вас народ вроде веселится, и это типа как конец режима, да? Ну, в смысле, у вас тут что? Настоящая свобода пришла?

— Милости просим, товарищи! — Буря раскрыл объятия навстречу солдату. — Да, это правда! С помощью наших союзников из Фестиваля тирания

реакционной хунты будет свергнута навсегда! Рождается новая экономика: прибавочной стоимости больше нет, и отныне все, что однажды было произведено, может само себя повторить! Идите к нам! А еще лучше — подождите чуть-чуть и приведите своих товарищей, солдат и рабочих, в наши ряды!

На крыше Зерновой биржи прозвучал резкий взрыв — как раз на пике этой спонтанной речи. Головы повернулись туда. Что-то сломалось в ложко-вилочной фабрике, и струя разноцветных пластиковых приборов хлынула на мостовую со всех сторон здания предвестием постиндустриального общества. И рабочие, и крестьяне уставились на эту картину, разинув рты, потом бросились собирать рассыпанные в грязи яркие ложко-вилки революции. Прогремели выстрелы, и Буря Рубинштейн, лыбясь до ушей, воздел руки, принимая салют солдат гарнизона Лысого Черепа.

* * *

«Вечерняя сводка новостей. Ознакомимся с сегодняшними газетными заголовками. Продолжается кризис, вызванный вторжением на Рохард так называемого Фестиваля. Попытки

дипломатического посредничества отвергнуты, и, по всей видимости, военные действия становятся неизбежными. Вести с оккупированной территории доходят с трудом, но, насколько нам известно, гарнизон под командованием герцога Политовского продолжают доблестно защищать знамя Империи. Посол Туркии господин Аль-Хак уже высказывал в нашей программе мнение своего правительства, которое согласно, что экспансионистская политика так называемого Фестиваля представляет собой такую угрозу миру Во вселенной, с которой нельзя мириться.

…Как выяснилось, женщина, приковавшая себя наручниками к ограде резиденции Императора, издавна страдает расстройствами психики, характеризуемыми как параноидальная истерия. Она требовала для женщин права голоса и права владеть имуществом. Сегодня руководство Союза матерей опровергло саму возможность какой-либо связи между Союзом и действиями нарушительницы порядка и назвало эти действия неженственными. Задержанной будет предъявлено обвинение в нарушении общественного порядка.

…Необоснованные слухи, имеющие хождение на Старой Земле, будто Адмиралтейство планиру-

ет провести модификацию нашего боевого флота, вызвали срочную продажу акций несколькими межпланетными инвестиционными компаниями, что привело к резкому падению индекса биржи и уходу нескольких страховых компаний с рынка Новой Республики. От президента Имперского банка никаких заявлений пока не было, но официальные представители Торговой палаты собираются выдвинуть обвинения против компаний, спровоцировавших панику. Их обвиняют в нанесении ущерба нашей репутации и участии в незаконном сговоре, имеющем целью создать картель, воспользовавшись как предлогом повышением боеготовности нашей обороны.

…Четверых анархистов, повешенных в тюрьме Круммхопф, перед исполнением приговора посетил…»

Щелк!

— Блин, ненавижу это планету, — шепнул Мартин, погружаясь поглубже в фаянсовую ванну. Это было единственное, что нравилось ему в крошечной двухкомнатной квартирке в доках, в которую его засунули. (Среди того, что не нравилось, была и вероятность кучи подслушивающих устройств.) Он глядел на потолок в двух метрах над собой, стараясь забыть, что сейчас слышал

по радио.

Зазвонил телефон.

Мартин, ругаясь, вылез из ванны и запрыгал в гостиную, капая водой на пол.

— Да! — рявкнул он.

— Приятный был день? — спросил женский голос, который Мартин узнал не сразу.

— Хреновый, — ответил он с чувством. *И от звуков твоего голоса он ничуть не стал лучше*. Идея влезать в какую-то дипломатическую муть его ничуть не привлекала. Но потребность излить душу превозмогла минутное раздражение. — У них в список запрещенных технологий входят черепные интерфейсы. Приходится работать с этими жуткими клавиатурами да перчатками виртуальной реальности, и все, на что я теперь гляжу, переливается лиловыми тессерактами, и пальцы болят.

— Что ж, кажется, по сравнению со мной у вас был просто отдых. Ели уже сегодня что-нибудь?

— Еще нет. — Мартин вдруг понял, что не только скучает, но и проголодался. — А что?

— Вам понравится, — ответила она жизнерадостно. — Я знаю приличный ресторанчик на палубе «В», два уровня и три коридора от шлюза пятой зоны. Могу я угостить вас ужином?

Мартин на секунду задумался. Вообще-то он бы отказался, нашел способ не контачить со шпионкой под дипприкрытием ООН. Но сейчас он был голоден, и не только на еду. Это небрежное приглашение напомнило родину, где люди могут свободно разговаривать. Соблазн нарушить собственное одиночество победил, и Мартин, одевшись, последовал ее указаниям, стараясь не слишком задумываться, зачем.

Квартиры прикомандированных находились вне зоны безопасности базы, но все же был КПП, который пришлось пройти для выхода в гражданские сектора станции. Выйдя из КПП, Мартин оказался в главном коридоре. Он полого уходил влево, следуя внутреннему изгибу станции, и в него выходило множество коридоров и дверей. За угол, на улицу…

— Мартин! — Она взяла его под руку. — Как я рада вас видеть!

Она переоделась в зеленое платье с тугим лифом и надела черные перчатки до локтей. Плечи и руки сверху остались голыми, но вокруг горла была повязана лента, которая показалась Мартину странной. Что-то стало всплывать в памяти из инструктажа на таможне.

— Притворитесь, что рады видеть меня, — про-

шипела она. — Притворитесь для камеры. Вы меня сегодня пригласили на обед. Да, и на людях называйте меня Людмилой.

— Да, разумеется! — Он выдавил из себя улыбку. — Привет, дорогая! Как я рад тебя видеть! — Он взял ее под руку — В какую сторону? — спросил он вполголоса.

— Для любителя неплохо справляетесь. Третье заведение справа. Стол заказан на ваше имя, я — ваша спутница на вечер. Вы уж меня простите за эти плащи и кинжалы, но вас ведет служба безопасности базы, и если бы я пришла открыто, вам стали бы задавать вопросы. Куда удобнее будет, если я буду женщиной легкого поведения.

Мартин покраснел.

— Понял, — сказал он.

До него действительно дошло. В этой прямолинейной культуре женщина, демонстрирующая голую кожу ниже подбородка, считается несколько раскованной — как минимум. А это значит, — пришла к нему следующая мысль, — что вся гостиница набита…

— Неужто вы не воспользовались еще услугами гостиницы? — спросила она, приподняв бровь.

Мартин помотал головой.

— Не улыбается мне арест под иностранной

юрисдикцией, — буркнул он, стараясь скрыть смущение. — И местные обычаи очень уж запутанны. Вам они как?

— Без комментариев, — сказала она небрежно, сжимая его руку. — Дамам не полагается ругаться. — Перед ними открылась дверь, и Рашель подобрала юбки рукой. — Но я сомневаюсь, что такой порядок долго продержится. Пока что для поддержания статус кво приходилось затрачивать очень много энергии.

— Вы говорите так, будто с нетерпением ждете его падения. — Он показал свою карточку официанту в ливрее, который поклонился и скрылся в глубине ресторана.

— Жду. А вы?

Мартин тихо вздохнул.

— Сейчас, когда вы сказали… в общем, слезы лить не буду. Но хочу я только одного: закончить с этой работой и вернуться домой.

— Хотела бы я, чтобы у меня все так просто было. Я себе не могу позволить злиться: мне по должности положено защищать эту цивилизацию от последствий ее собственной глупости. Трудно исправлять социальную несправедливость, если люди, которым хочешь помочь, — все уже покойники.

— Ваш столик, сударь, — произнес с поклоном вновь появившийся официант.

Рашель легкомысленно захихикала, Мартин пошел за официантом, ведя ее за собой на буксире.

Она продолжала бессмысленно болтать, пока они не сели в отдельном кабинете и не заказали дежурное меню. Как только официант исчез, она перестала.

— Вы хотите знать, что здесь происходит, кто я такая и какого черта вообще все это значит, — сказала она спокойно. — Еще вы хотите знать, должны ли вы помогать мне и чем это все для вас пахнет. Так?

Он кивнул, не желая открывать рот и гадая, насколько ей известно, чем он на самом деле занимается.

— Ладно. — Она смотрела на него рассудительным взглядом. — Насколько я поняла, вы уже решили не выдавать меня службе местной безопасности. Это было бы тяжелой ошибкой, Мартин, если не для вас, то для многих других.

Он опустил глаза, разглядывая накрытый стол. Серебряные приборы, льняные салфетки, накрахмаленная скатерть, спадающая водопадом со всех сторон. И груди Рашели. Благодаря покрою

платья их нельзя было не заметить, хоть он и старался не таращиться. Ну да, женщина легкого поведения. Он решил смотреть ей в лицо.

— Здесь что-то происходит, чего я не понимаю, — сказал он. — Что именно?

— Все будет объяснено. Первое, что я хочу сказать — это вот что: выслушав все, вы можете спокойно уйти, если решите не участвовать. Я серьезно. Раньше я на вас сильно нажала, но на самом деле вы мне не нужны, если не будет на то вашей собственной воли. Сейчас вас считают просто инженером, не сдержанным на язык. Если они как следует ко мне присмотрятся… — Она замолчала, чуть тоньше стали ее губы. — Я — женщина. Это не значит, что ко мне отнесутся хоть чуть милосерднее, если случайно на меня выйдут, но они не подозревают в женщинах тайных агентов, уж тем более специалистов военной разведки, а завтра в это время у меня будут дипломатические документы, и я смогу выступить открыто. Ладно, так о том, что здесь происходит. Вы как, хотите встать и уйти прямо сейчас, или хотите войти в дело?

Мартин на миг задумался. *Что будет правильным*? Решение казалось очевидным.

— Я бы хотел получить кое-какие ответы. И

ужин тоже. Все лучше, чем торчать на этой зачумленной базе.

— Ладно. — Она свободно откинулась на спинку. — Во-первых. — Она протянула палец в перчатке. — Что происходит? Вот это не так-то просто сказать. Здесь не юрисдикция ООН, но у нас хватит влияния подорвать торговые соглашения Новой Республики с половиной ее соседей, если бы, скажем, оказалось, что Новая Республика нарушает конвенции по вооружениям или использует запрещенные технологии.

— Это они-то? Запрещенные технологии? — фыркнул Мартин.

— Вы вправду думаете, что они упустили бы шанс втихаря получить преимущество? Я имею в виду императорскую фамилию.

— Хм! — Мартин задумчиво потер подбородок. — Хорошо, они — консерваторы-прагматики. Это вы хотели сказать?

Она пожала плечами.

— Если коротко, то да.

Мартин, вопреки своим лучшим намерениям, снова посмотрел ниже ее подбородка и сейчас заставил себя поднять взгляд.

— Наши ограничения вооружений здесь не действуют, но ближе к дому все иначе, а большой

сегмент торговли Новой Республики направлен в ту сторону. И потому нас признают до некоторой степени: как только у меня будет официальная аккредитация, то появится и дипломатический иммунитет — если меня поймают и я проживу достаточно долго, чтобы на него сослаться.

Во-вторых. — Она подняла еще один палец. — Органы контроля за ограничением вооружений должны не давать никому спровоцировать вмешательство Эсхатона. И это действует в обе стороны. Пока люди всего лишь занимаются докучными мелочами — например, планеты разносят в клочья релятивистскими ракетами, — Большой Э в эти дела не лезет. Но как только кто-нибудь начинает совать нос в запретное — и папаша ей на первый выезд преподнес *вот такой вот* изумруд! — Она кокетливо улыбнулась, и Мартин слегка отпрянул — в недоумении. А она улыбнулась уже нормально, когда официант поставил перед ним тарелку супа.

Официант разместил тарелки с закуской, налил в бокалы вино и исчез. Рашель состроила гримасу.

— Да, так на чем я остановилась? Вы себе представить не можете, как быстро надоедает изображать пустую девицу. Все время вести себя

так, будто в развитии остановилась на уровне десяти лет… А, да, Большой Э. Он весьма не одобряет действия людей, которые разрабатывают автономное и самовоспроизводящееся оружие, или устройства для нарушения принципа причинности, или вообще целый ряд приспособлений для массового уничтожения. Бактерии? Нельзя. Серая слизь? Нельзя. Все, что как-то напоминает самомодифицирующиеся управляющие программы? Нельзя. Все это — запрещенное оружие категории два. Как только планетная цивилизация начинает с ними играть, тут же Эсхатон приходит посмотреть, что там делается — и она становится когда-то существовавшей планетной цивилизацией.

Мартин кивнул, стараясь сделать вид, что для него это ново. Даже пришлось прикусить язык, чтобы не поправить ее последнюю фразу. Ее увлеченность предметом была заразительна, и трудно было удержаться, чтобы самому не вставить слово, зная, о чем идет речь.

Рашель проглотила ложку супа.

— Этот Большой Э бывает весьма суров. У нас есть точные подтверждения насчет по крайней мере одной атипической вспышки сверхновой где-то за пятьсот световых лет за пределами на-

шего — земного — светового конуса. Это имеет смысл, если хочешь уничтожить экспоненциально расползающуюся угрозу, и мы представляем, зачем Эсхатону это понадобилось. Но ладно, вы согласны, что не слишком разумно позволить соседскому малышу играть со стратегическими термоядерными бомбами?

— Это да. — Мартин кивнул и тоже проглотил ложку супа. — Что-то вроде этого может серьезно помешать вам получить премию за своевременное завершение работ.

Она прищурилась, потом тоже кивнула.

— Язвите все еще. Как вам удалось ни во что еще не вляпаться?

— Не удалось. — Он положил ложку. — Вот почему я так встревожился при вашем появлении. Я вполне могу обойтись без того, чтобы попасть в тюрьму.

Рашель вздохнула.

— Извините. Не знаю, насколько серьезно там у вас вышло, но… Я-то говорю всерьез. Я просто хочу представить все это в более широкой перспективе. Новая Республика находится всего в двухстах пятидесяти световых годах от Земли. Если Большой Э решит здесь бабахнуть сверхновую, нам придется эвакуировать пятьдесят

звездных систем. — Видно было, что ей неуютно даже думать об этом. — Вот о чем идет речь. Вот почему я должна была вас втянуть.

Она опустила глаза и целеустремленно занялась супом. Мартин смотрел на нее, не отрываясь — у него самого аппетит пропал. Рашель этого добилась надежно, напомнив ему, зачем он здесь. О родителях он особо не беспокоился, но на Марсе у него была сестра, которую он очень любил, и слишком много друзей и воспоминаний, чтобы такие разговоры были ему приятны. Куда проще было глядеть, как ест она, любоваться безупречным блеском кожи на руках и в декольте… Мартин моргнул, взял бокал и выпил его залпом. Она подняла глаза, увидела, что он смотрит, широко — даже театрально — улыбнулась и медленно облизала губы. Эффект оказался слишком силен — Мартин отвернулся.

— Послушайте, черт побери! Нам полагается выглядеть так, как будто вы кормите меня ужином, чтобы потом отволочь к себе и затрахать до полусмерти, — тихо сказала она. — Не соблаговолите ли хотя бы изобразить какой-то интерес?

— Простите, — сказал застигнутый врасплох Мартин. — Я не актер. То есть нам полагается именно так выглядеть?

Рашель взяла бокал, он был пуст.

— Налейте мне. Пожалуйста.

И она посмотрела на него странно. Он вздрогнул, выпрямляясь, потом взял бутылку и налил ей.

— Я не хотела лишать вас аппетита. Кроме того, вы тут единственный цивилизованный человек на пару тысяч миль вокруг.

— Я всего лишь инженер по двигателям, — ответил он, напрягая мозги в попытке еще что-нибудь сказать.

«Во что это я влезаю?» — подумал он отчаянно.

Еще два часа назад он сходил с ума от скуки и одиночества, а сейчас умная и красивая женщина — оказавшаяся шпионкой — вытащила его поужинать. Какая-нибудь гадость да должна случиться, не без того.

— Я люблю работать с машинами. Люблю звездолеты. А с… — Он прокашлялся. — С людьми не умею.

— И это ваша проблема?

— Ага. — Он кивнул и посмотрел на нее оценивающе: она глядела сочувственно. — Я все время не так понимаю здешних жителей, а это плохо. Потому я забился к себе в нору и стараюсь не высовываться.

— А теперь, как я чувствую, от торчания в норе крыша поехала?

— После четырех месяцев такой жизни… да, можно и так сказать. — Он глотнул вина. — А вы?

Она глубоко вздохнула.

— Не совсем так, но близко. У меня есть задание. Мне полагается не влезать в неприятности. В частности, в мою работу входит не выделяться на фоне, но от этого действительно можно свихнуться. Как сами понимаете, вот такой наш тет-а-тет в инструкциях не рекомендуется. Безопаснее было бы оставить вам жучка, чтобы передать через него сообщение.

— Значит, вы тоже, — слегка улыбнулся он. — Сдвинулись в одиночном заключении.

— Ага, — усмехнулась она. — Как и вы.

— Вас дома ждут? — спросил он. — То есть извините, я хотел спросить, ждете ли вы сами своего возвращения к кому-то? Или есть кто-то, через кого можно разгрузиться? Письмами там, или еще как?

— Ха! — Она нахмурилась, посмотрев на него. — В нашей профессии, Мартин, нет другого супруга, кроме работы. Как и в вашей. Будь *вы* женаты, вы бы привезли семью в такое место, как Новая

Республика?

— Нет, я не то хотел сказать…

— Да я понимаю. — Хмурая гримаса сменилась задумчивым выражением. — Но приятно иногда иметь возможность говорить свободно.

Мартин повертел в руках бокал.

— Согласен, — произнес он с чувством. — Последняя неделя меня достала…

Он замолчал. Она смотрела на него как-то необычно, и можно было бы сказать, что улыбается, если бы не ее глаза. В них была тревога.

— Улыбайтесь. Да-да, вот так, продолжайте. Не переставайте улыбаться. Мы под наблюдением. Микрофонов не бойтесь, я приняла меры, но на нас смотрит оперативник с того конца ресторана. Попытайтесь сделать вид, что хотите отвести меня домой и оттрахать. А то он задумается, зачем мы сюда пришли. — Она смотрела жеманно, широко при этом улыбаясь. — Как по-вашему, я хорошенькая?

Она изучала его из-под маски собственной идиотской ухмылки.

— Ага. — Он уставился на нее, надеясь, что у него столь же идиотский вид. *По-моему, так даже очень. Настолько, насколько могут обеспечить лишь хорошая диета и современнейшее*

медицинское обслуживание. Он попытался улыбнуться шире. — Гм, на самом деле я бы сказал: красивая и решительная.

В ее улыбке появилась некоторая остекленелость.

Где-то посреди этой дуэли улыбок появился официант и забрал суповые тарелки, заменив их главным блюдом.

— А вот это выглядит неплохо. — Несколько успокоившись, она взялась за нож и вилку. — Не оглядывайтесь, но наш хвост смотрит в сторону. Знаете что? Вы слишком джентльмен, и это вам слегка вредит. Почти все мужчины в этом заведении попытались бы полапать меня прямо сейчас. Застолбить территорию.

— Знаете, пятьдесят-шестьдесят лет опыта почти любого могут научить, что никуда оно не денется, даже если не хвататься сразу двумя руками. Беда в том, что здесь нет средств, отодвигающих старение…

Вид у него был такой, будто ему неловко.

— Да, и я ценю вашу деликатность. — Она улыбнулась в ответ. — Вам кто-нибудь говорил, что улыбка вам очень идет? Я уж столько времени торчу на этой помойке, что забыла, как выглядит нормальная человеческая улыбка, не говоря уже

о беседе с нормальным взрослым человеком. Как бы там ни было… — При этих словах она носком туфли погладила ему левую ногу изнутри. — Мне кажется, что вы мне нравитесь.

Мартин на мгновенье застыл, потом серьезно кивнул:

— Считайте, что я очарован.

— Правда? — Она улыбнулась и погладила чуть сильнее.

У него перехватило дыхание.

— Не надо! Будет скандал! — Он оглянулся по сторонам в деланном ужасе. — Только бы никто не смотрел…

— Скандала не будет, для того и нужна такая длинная скатерть. — Она тихо засмеялась, и он вместе с ней. А Рашель продолжала: — Чтобы покончить с делами и с удовольствием взяться за еду. Завтра вы попадете на борт «Полководца Ванека», и вас наверняка спросят, хотите ли заработать еще денег в обмен на продление контракта. Если хотите набить карманы и, быть может, спасти несколько миллионов жизней, вы согласитесь. Мне случайно известно, что штаб адмирала собирается использовать «Полководца» как флагман, и я тоже там буду.

— Вы??? Каким образом?

— Как наблюдатель с дипломатическим статусом. Моя обязанность — убедиться, что Фестиваль — и хотелось бы мне знать чуть побольше о том, что это за штука — не нарушает шести различных договоров. Неофициально я хочу и за Новой Республикой присмотреть. Мне тут все какие-то мелочи не договаривают — хотя нет, совсем не мелочи. Ладно, не будем же мы сейчас портить себе этим аппетит? Если вы согласны, пойдемте ко мне в закрытый от наблюдения дом, и я вам изложу остальное, пока местная Штази будет думать, что вы там выступаете как любой нормальный холостяк-командировочный. В общем, вы отправитесь домой с симпатичным чеком на круглую сумму, плюс приличный бонус от Дипразведки. И все будет *нормально*. А теперь — не забыть ли о делах и не съесть ли ужин, пока он не остыл?

— Вполне разумная мысль. — Мартин подался вперед. — Насчет легенды для местной Штази…

— Да? — Рашель взялась за вилку.

— В порядке этой легенды не стоит прихватить бутылку вина по дороге домой? А потом вместе расслабиться?

— Ну, я думаю… — Она вскинула на него глаза, и он заметил, что зрачки у нее расширились.

— Вам нужно с кем-нибудь поговорить, — сказал он медленно.

— Да уж.

Она отложила вилку и под столом, где не было видно, снова погладила его щиколотку. Мартин ощутил, как у него пульс забился, краска бросилась в лицо. Она смотрела на него внимательно.

— Сколько уже времени прошло? — спросила она тихо.

— Больше четырех месяцев.

Она внезапно убрала ногу.

— Давайте-ка поедим, — сказала она. — А то наша легенда ничего не будет стоить.

* * *

— ЛП, дай закрытый канал к Герману.

— Связь проверяется… связь установлена. Привет, Мартин. Чем могу быть полезен?

— У меня проблема.

— Крупная?

— Размером со взрослую женщину. На самом деле она с Земли, красавица и, гм… работает под прикрытием на спецслужбу ООН. Специализируется по оружию, нарушающему принцип причинности, не соблюдению договоров о разоружении — в этом роде.

— Интересно. Еще что-нибудь.

— Имя — Рашель Мансур. Документы вроде как подлинные на имя инспектора ООН по вооружениям, и никаким чертом она не может оказаться местной или провокаторшей — только в случае, если они своих баб-агентов посылают учиться за пределы планеты. Она говорит, что Новая Республика организует какую-то экспедицию военного флота для снятия осады с колонии, и она считает, что завтра они постараются меня завербовать на выполнение судовых работ с двигателем на время военных действий. Что она от меня хочет — в основном чтобы я присматривался и прислушивался, не вылезет ли что-то незаконное. Думаю, нарушение договоров по стратегическим вооружениям. Вот такая мне открывается должность. Вопрос в том…

— Давай без экстраполяций. Другие инспектора ООН в тех краях тебе известны?

— Напрямую — нет, но она говорила о какой-то своей местной поддержке и дипломатических верительных грамотах. И говорит, что будет присутствовать в экспедиции наблюдателем. Я думаю, за ней стоит целая команда оперативников ООН под прикрытием, ищущих, вероятно, возможности втихаря дестабилизировать обста-

новку. И нельзя сказать, что Новая Республика на это сама не напрашивается с того времени, как стала строить военный флот. Я не сомневаюсь, что эта дама сказала мне чистую правду о своих намерениях и целях. Но не всю правду.

— Верно. Как вы с ней расстались?

— Я согласился сделать то, что она просила. — Мартин замолчал, подсознательно редактируя свои показания, и заговорил снова. — Если ты считаешь это целесообразным, я бы принял предложение о работе во время войны при условии платы за риск. И тогда я буду делать, что она просит: глядеть, нет ли где чего нелегального. Возражения есть? И насколько, по-твоему, серьезна ситуация?

— Куда серьезнее, чем ты думаешь.

До Мартина дошло не сразу.

— Как?

— Я знаю о Рашели Мансур. Подожди, пожалуйста.

ЛП замолчал почти на минуту. Мартин сидел в темноте номера и нервно ждал. Герман никогда не замолкал, как ровно работающая машина. От его убаюкивающих разговоров у Мартина создавалось впечатление, что он говорит сам с собой. Мог быть ответ, могло не быть ответа, но чтобы

молчание…

— Мартин, послушай, будь добр. У меня есть независимое подтверждение, что действительно в Новой Республике действует миссия ООН под прикрытием. Легальный спецагент — Рашель Мансур, а это значит, что они там ждут серьезной беды. Она — тяжеловес, и ее почти год нигде не видели, из чего следует, что она большую часть этого времени провела в Новой Республике. Тем временем представитель агентства на Луне выкупил файлы твоего личного дела и ведет переговоры с руководством КБ «МиГ» насчет твоего контракта. Более того, по существу их анализы верны. Новая Республика собирается послать весь свой флот к Рохарду долгим обходным путем и там напасть на Фестиваль. Очень неудачная мысль, поскольку они совершенно не понимают, что такое Фестиваль, но на этот раз приготовления слишком серьезны, чтобы это был отвлекающий маневр.

Также вполне возможно, что ты окажешься в опасности, если покажется, что ты в панике. Учитывая уровень наблюдения, под которым ты находишься, попытка сбежать на гражданском лайнере будет рассматриваться как измена и немедленно пресечена аппаратом Куратора;

Мансур вряд ли сможет тебя защитить, если даже захочет. Подчеркиваю, Новая Республика уже исподтишка готовится к войне, и сейчас трудно будет оттуда вырваться.

— Блин!

— Ситуация не безнадежна. Ты совершенно искренне будешь работать с Мансур. Делай свою работу и потихоньку вылезай. Я попытаюсь тебе организовать безопасный выход, когда флот прибудет к месту назначения. И помни, если побежишь, это будет куда опаснее, чем уходить постепенно.

Мартин ощутил, что напряжение, которое он едва осознавал, начинает уходить.

— Ладно. У тебя есть для меня запасные варианты, если ООН облажается? Какие-нибудь идеи, как мне убраться без дырок в шкуре? И какая-нибудь информация об этом Фестивале, что бы за черт это ни был?

— Имей в виду, что сейчас это определенно ситуация прямого действия, — сообщил Герман. Мартин ахнул и сел прямо. — И ты мне нужен под рукой, если ситуация, говоря твоими терминами, станет «хреновой». На кон поставлены миллионы жизней. И проясняются серьезные политические вопросы: если Новая Республика схлестнется

с Фестивалем, то возникшая нестабильность может привести к местной революции. Члены ООН, как правительственные, так и квазиправительственные, по очевидным причинам имеют в этой ситуации законные интересы. Сейчас я не могу ничего тебе сказать о Фестивале, поскольку ты себе не простишь, если выдашь какие-либо сведения о нем, но я не погрешу против истины, если скажу, что сейчас Новая Республика для тебя опаснее Фестиваля. Тем не менее, учитывая характер ситуации, я готов выплатить премию, вдвое превышающую премию инспектората ООН, если ты останешься на месте, закончишь свое задание и будешь делать то, что я прошу.

У Мартина пересохло в горле.

— Хорошо. Но так как ситуация становится критической, премия пусть будет трехкратной. В случае моей смерти выплачиваемая моим ближайшим родственникам.

Молчание. Потом ЛП произнес:

— Принято. Герман, конец связи.

* * *

Рашель лежала в постели, глядя в потолок, и пыталась отложить на время анализ собственных чувств. Было раннее утро, Мартин ушел

недавно. У нее было нехорошее предчувствие по поводу этого дела, хотя с виду все шло отлично. Что-то ее подсознательно грызло. Вскоре она, так и не сомкнув глаз, повернулась набок, устроила голову на пуховой подушке и подтянула колени.

Это должна была быть простая вербовочная встреча: завести полезный контакт и проинструктировать агента на разовое задание. Прилично и по-деловому. А вместо этого она неожиданно для себя самой оказалась за ужином со спокойным и достойным мужчиной, который не лез ее лапать, не относился к ней как к вещи, *слушал* ее серьезно и поддерживал интересный разговор — такого мужчину она бы в иных обстоятельствах сочла приятным кавалером. Она малость повредилась в уме, удержавшись на самой грани безответственности, да и он тоже озверел от одиночества. А сейчас она волновалась *за него* — что никак в план не входило.

Все это созрело, когда они, сидя по разные стороны кухонного стола, закончили деловой разговор. Он посмотрел на нее с каким-то любопытным ожиданием в глазах. А она положила ногу на ногу, и ступня показалась из-под юбки. Он на эту ступню посмотрел очень внимательно.

— Это все? — спросил он. — То есть вы просите

меня держать глаза открытыми, не пропустить команды перезапуска расфазировки, внести подключаемую программу и известить вас, если замечу что-нибудь вроде намерений нарушить каузальность. Это все?

— Да, — ответила она, глядя на него в упор. — В сущности, это все.

— А… — Он посмотрел на нее остро, искоса. — Я думал, есть еще что-нибудь.

— Может быть, и есть. — Она сплела руки на колене. — Но только если вы сами захотите.

— Ага, — сказал он, переваривая информацию. — Что еще входит в задание?

— Ничего. — Она наклонила голову, встретив его взгляд, и собралась. — Деловую часть мы закончили. Вы помните, что я говорила там, в ресторане?

— Насчет… — Он кивнул и отвернулся.

— В чем дело? — спросила она.

— Да ни в чем, — тихо вздохнул он.

— Врете. — Она встала. — Давайте будем говорить. — Она слегка потянула его за руку.

— Что? — Он покачал головой. — Я только…

— Пошли. — Она потянула чуть сильнее. — В гостиную. Идем.

— О’кей. — Он встал и оказался не выше ее. В

глаза ей смотреть он избегал. Ему и в самом деле было неловко.

— В чем дело? — снова спросила она.

Он коротко нервно засмеялся — невесело.

— Вы — первый нормальный человек, которого я вижу за последние четыре месяца, — сказал он тихо. — И я очень быстро привык с вами говорить.

Она посмотрела на него пристально.

— Так и не надо отвыкать.

— Я…

Он снова одеревенел.

«Отчего это он?» — подумалось ей.

— Да скажи ты что-нибудь, — попросила она.

— Я… — он замолчал, и она побоялась, что он больше ничего не скажет. — Я не хочу отвыкать. Здесь вся эта страна просто вжимает меня мне же в голову — как в тисках! Единственное, что здесь от меня нужно — это моя работа…

Рашель прислонилась к нему.

— Помолчи, — сказала она тихо.

Он замолчал.

— Так-то лучше.

«А к нему очень здорово прислоняться», — решила она и обвила его руками. Еще через секунду он обнял ее в ответ.

— Забудь о работе. Да, ты меня слышал. Забудь всю Новую Республику. На несколько часов можешь это сделать? — Она ощутила, как задрожала его грудь.

— Я попробую.

— И хорошо, — сказала она яростно.

И это *было* хорошо. В этом человеке она могла быть уверена. У него по поводу этого государства, клаустрофобного аборта мировой культуры, были те же чувства, что и у нее. И сейчас он держал ее уверенно, и руки его ходили вверх и вниз по ее спине, ощупывая узкую талию.

— В гостиную. Пошли, это соседняя комната, — прошептала она.

Мартин посмотрел на нее внимательно.

— Ты уверена, что этого хочешь?

Это лишь придавало ему обаяния.

— А в чем тут быть неуверенной?

И она поцеловала его крепко в губы, просовывая язык. Ощущение было такое, что она сейчас просто вылетит из собственной одежды. Он притянул ее чуть ближе, вдавив ее подбородок себе в основание шеи; она ощутила щетину на его щеке.

— Хрен знает сколько я уже этого ждала, — шепнула она.

— То же самое, — ответил он и поднял ее на руки. — Одиноко тебе было?

Она рассмеялась хриплым лающим смехом.

— Тебе не понять, насколько. Я здесь торчу уже века и уже стала ощущать себя каким-то уродом, потому что разговариваю с незнакомыми мужчинами и занимаюсь в жизни чем-то вроде вынашивания младенцев. Местный образ мышления запускает в меня когти.

— Как? Классный и крутой агент правительства поддается подобным настроениям? — спросил он с добродушной насмешкой.

— Правильно понимаешь, — неразборчиво буркнула она ему в плечо, ощущая, как робкая рука опускается ниже ее талии.

— Прости. Но — полгода одной, в этой дыре, все время играя роль? Я бы с ума сошел, — произнес он задумчиво.

— Больше полугода, — ответила она, глядя мимо него. «Мочки у него симпатичные», — заметила она про себя отстраненно, придвигаясь ближе.

— Давай-ка найдем ту бутылку вина, — предложил он тихо. — Мне кажется, ты слегка торопишься.

— Извини, — автоматически ответила она. —

Извини. — Она чуть напряглась. — Нет, руки не убирай. Пойдем.

Кое-как они добрались до гостиной — мягкие кресла и сервант с посудой, — не выпустив друг друга.

— Сперва я думал, что ты провокатор, — сказал он, — а оказалось, что ты — первый нормальный человек, которого я здесь увидел.

Эти слова повисли в воздухе.

— Если бы мне нужно было только тело, то в этом порту полно матросов, — заявила она, снова прислоняясь к нему. — Не там у меня свербит.

— Ты уверена, что это работа для тебя? Если ты настолько…

— Ты хочешь сказать — «ранима»?

— Может быть. Не совсем точное слово.

Она подвела его к дивану.

— Мне нужно было общество. А не просто перепихнуться наскоро, — объяснила она, больше самой себе.

— И тебе, и мне. — Он бережно повернул ее, чтобы смотреть в глаза. — И как ты хочешь, чтобы это произошло?

— Не надо разговоров.

Она подалась вперед, закрыв глаза, и нашла его губы. Потом события вышли из-под контроля.

В первый раз они любили друг друга, подчиняясь страсти, Рашель лежала на полу, задрав юбки, а у Мартина штаны болтались на коленях. Потом они как-то переползли в спальню и сумели стряхнуть одежду перед вторым сеансом, на этот раз нежным и медленным. Мартин был чуток и внимателен. Потом, в разговоре, он упомянул о разводе несколько лет назад. Говорили они часами, до самого искусственного рассвета, согласованного с восходом на планете внизу. И любили друг друга — до ноющих ссадин.

Когда он ушел, Рашель осталась лежать без сна, и голова у нее шла кругом. Она попыталась мыслить рационально: одиночество, нервы — от этого любой может сорваться на минуточку с цепи. Но все же она беспокоилась: Мартин не был случайным кавалером, и это не было быстрым перепихоном. Сама мысль увидеть его снова наполняла Рашель радостной надеждой, окрашенной легким отвращением к себе — осознанием, что смешивать работу и удовольствие вот таким образом — это идиотский поступок.

Она перевернулась на бок и заморгала: часы в левом веке показали, что времени — чуть больше семи ноль-ноль. Еще через два часа надо будет получить подтверждение дипломатического ста-

туса, одеться и пойти брать за шкирку кое-кого из чиновников Новой Республики. А еще через два часа Мартин окажется на борту «Полководца Ванека», и к 22:00 все дела будут сделаны. Рашель вздохнула и попыталась подремать еще часок, но сон бежал от нее.

Она поймала себя на смаковании приятных воспоминаний. На самом деле она мало что еще могла бы сделать: высока была вероятность, что она не останется в живых, если ошибается по поводу намерений Новой Республики. И разве это будет плохой способ закончить путь в сто пятьдесят лет?

Физически молодая, как двадцати-с-чем-то-летняя, поддерживаемая передовой медициной планеты-матери, она редко ощущала груз десятилетий, и экзистенциальный страх перед жизнью настигал ее только тогда, когда вспоминалось, как мало из тех, кого она знала и любила, еще живы. Сейчас почему-то возникла в памяти дочь, как она пахла, когда была младенцем.

Что же вызвало воспоминания? Не дочь, политический тяжеловес, предводитель династии. Не похороны ее, восьмидесятилетней, после несчастного случая на небесном парусе. Не даже лицо Йогана, с которым прожила в браке пят-

надцать лет. А Мартин, совсем недавний, будто перекрывал все перед ее умственным взором. Рашель сердито заморгала и села в кровати.

Дура-девка. Кто бы знал, так решил бы, что ты и второй сотни лет не разменяла, раз так сразу влюбилась в пару тугих ягодиц.

И тут же поймала себя на желании снова увидеть Мартина, на ожидании этой встречи завтра вечером. Обжигающая радостная надежда побеждала возраст и цинизм, хотя Рашель и знала, что это будет значить. Осложнения.

* * *

Межорбитный шаттл, отстыковавшись от флотского причального шлюза, двинулся прочь от космического лифта. На холодных трастерах он отошел от скопления других судов и через десять минут после выхода на свободное пространство получил разрешение от диспетчера включить главный двигатель. Ярко-оранжевый султан пылающих ионов ртути рванулся из трех прямоугольных панелей вокруг заднего грузового люка, и судно стало набирать скорость. Ионные двигатели славились своей черепашьей скоростью, но они были достаточно эффективны. Прошла тысяча секунд, как шаттл отошел от станции

со скоростью около двухсот километров в час, а пора уже было начинать торможение, чтобы подойти к кораблю, висящему почти в шестидесяти километрах от станции.

По орбитальным меркам, шестьдесят километров — это тьфу, то есть «Полководец Ванек» был почти что на крыльце лифта. Но в таком положении был серьезный плюс: корабль был готов к движению, и движению быстрому. Как только инженеры верфи закончат модернизацию компенсаторов дрейфа нуля и двигательного ядра, корабль будет готов к бою и походу.

Капитан первого ранга Мирский смотрел через видеоокно на своей рабочей станции, как нос шаттла входит в причальный ангар. Он сидел один у себя в каюте, неустанно копаясь в директивах и циркулярах относительно текущей ситуации. Сверху сыпались приказы, на корабле — хаос, и Мирский отчетливо осознавал, сколько еще подготовительной работы предстоит сделать.

Средних лет, широкоплечий, с аккуратной бородкой цвета соли с перцем под стать седеющим волосам каперанг Мирский был с виду образцом капитана флота Новой Республики. Но за холодной маской стального космонавта скрывался

совсем не такой уверенный человек. Мирский уже неделю смотрел, как растет напряженность обстановки, и, несмотря на попытки объяснить эту ситуацию рационально, его не оставляло чувство, что какая-то ерунда происходит между Министерством иностранных дел и Резиденцией Императора.

Он мрачно уставился в последнюю директиву, положенную ему на стол. Служба безопасности вылезала вперед, и капитану полагалось перейти на военное положение, как только последние рабочие и инженеры верфей уберутся с палубы и все люки будут задраены. А сейчас от него требовалось оказывать всяческое содействие прокуратору Мюллеру из службы Куратора в осуществлении непрерывного наблюдения на борту за иностранными контракторами, занятыми модернизацией главной двигательной системы «Полководца». Сердито глядя на наглую бумажку, капитан взял переговорник.

— Илью ко мне.

— Капитан второго ранга Муромец здесь, господин капитан первого ранга.

В дверь через некоторое время осторожно постучали.

— Открыто! — крикнул Мирский.

Дверь открылась. Вошедший, старший помощник Муромец, отдал честь.

— Заходи, Илья.

— Есть, господин капитан первого ранга. Вызывали?

— Вот. — Мирский показал на экран. — Какой-то, понимаешь, Гражданин Куратор хочет, чтобы его «шестерка» шастала тут по моему кораблю. Ты про это что-нибудь знаешь?

Муромец наклонился ближе.

— Если честно, то знаю, господин каперанг.

Усы его шевельнулись, но Мирский не понял, какие эмоции они выразили.

— Так. А не соблаговолите объяснить?

— Суета какая-то вокруг того иностранного инженера, что ставит у нас модернизацию блока «Б» в двигателях. Заменить его нельзя — если не ждать еще по меньшей мере три месяца, — а он оказался болтуном и как-то попался на карандаш кому-то из профессиональных параноиков в Василиске. Вот они и сунули нам типа из тайной полиции, чтобы за ним присматривал. Я его поручил лейтенанту Зауэру с приказанием, чтобы нам он на глаза не попадался.

— И что Зауэр про него говорит?

Муромец фыркнул.

— Да говорит, что этот пацан желторот, как матрос-первогодок. Без проблем.

Капитан вздохнул.

— Ну так смотрите, чтобы и было без проблем.

— Есть, господин капитан! Разрешите идти?

Мирский показал на кресло.

— Да нет, садись. Что-нибудь ты замечал такое… необычное?

Муромец покосился на дверь.

— Слухи как мухи летают, господин капитан. Я что могу делаю, чтобы их приглушить, но пока официальной информации не будет…

— Еще шестнадцать часов точно не будет.

— Если можно спросить, господин капитан, а тогда что?

— Тогда… — Капитан замолчал. — Меня известили… что мне сообщат, и тебе, соответственно, и другим офицерам, о том, что происходит. А пока что разумно будет загрузить всех работой, чтобы не было времени трепаться и слухи разносить. Да, и проверьте тщательно, что в каюте командующего все как следует, и мы готовы принять на борт весь штаб.

— А! — Муромец кивнул. — Будет сделано, господин капитан. Значит, усилить бдительность, инспекции чаще и готовность на всех постах?

Порка для повышения боевого духа, еще несколько учебных тревог для тактических команд?

Капитан Мирский кивнул.

— Вот именно. Но прежде всего — каюта командующего. Чтоб завтра была готова к официальной приемке. У меня все.

— Есть, господин капитан!

— Свободны.

Муромец ушел, а Мирский снова погрузился в мрачные думы наедине с приказами, которые он еще шестнадцать часов никому показать не сможет.

Наедине с уверенным и холодящим душу осознанием грядущей войны.

СЛУГА АДМИРАЛА

Его Императорского Величества линейный крейсер «Полководец Ванек» висел на стоянке в шестидесяти километрах от кламовского лифта Военно-Космического Флота. Бежали по его бортам синие и красные огни, прямо над главной пусковой ракетной площадкой подмигивал зеленым контуром знак двуглавого орла на адмиральском флаге. Курц уже два часа находился на борту. Корабль скоро будет готов к полету.

Рашель Мансур изо всех сил старалась скрыть предательскую усмешку удовлетворения, грозившую вот-вот прорваться. Реакция, которую она вызвала у горилл из безопасности при входе на базу, почти компенсировала предыдущие несколько месяцев одиночества и паранойи. Они едва смогли задержать ее до того момента, пока звонок в посольство не вытащил на сцену встрепанного капитан-лейтенанта, который тут же начал перед ней краснеть и заикаться. Не успел он задать вопрос о ее намерениях, как она с удовольствием заткнула ему пасть мандатом. Он сопроводил ее вместе с ее багажом прямо в шаттл

для проезда на крейсер, всю дорогу чуть трясясь и поглядывая через плечо. (Совершенно ясно было, что самодвижущиеся чемоданы тоже относятся к технологии, в Новой Республике запретной.)

Людмила Индришек — личность прикрытия в последний месяц — растворилась под утренним душем, и оттуда вышла Рашель Мансур, специальный агент Постоянного комитета ООН по многостороннему межзвездному разоружению. Людмила Индришек жеманилась, носила модные платья и слушалась умных людей, то есть мужчин. Спецагент Рашель Мансур начала свою карьеру с уничтожения бомб (то есть разряжала ядерные заряды и дезинтеграторы террористов), а свою квалификацию повышала при ударах военного флота по упорствующим нарушителям договоров. Она одевалась в черную полувоенную форму, предназначенную именно для того, чтобы производить впечатление на милитаристскую деревенщину в глухих углах космоса. Интересно было смотреть, как смена костюма меняет отношение людей, особенно когда они высчитывали эквивалент ее звания. Пока что она с прочими пассажирами сидела и ждала под бдительным взором глаз-бусинок главстаршины Дуболома.

Наконец герметичный люк открылся.

— Смирно! — рявкнул главстаршина.

Ожидавшие в ангаре матросы вытянулись в струнку. Из люка, пригнувшись, вышел лейтенант, выпрямился. Дуболом отдал честь, офицер отсалютовал в ответ, не замечая Рашели.

— Отлично, — сказал он. — Главстаршина, грузите ребятишек на борт. Меня не ждите, у меня тут дело, я следующим рейсом поеду. — Он глянул на Рашель. — Так, а вы что тут делаете?

Рашель ткнула в него пропуском.

— Дипломатический корпус. Прикомандирована к штабу адмирала особым приказом великого князя Михала.

У лейтенанта отвисла челюсть.

— Но вы же…

— …полковник объединенных вооруженных сил Совета Безопасности ООН. Здесь написано: «По особому приказу великого князя Михала» — какое именно слово вам здесь непонятно? Вы так и будете стоять, рот разинув, или пригласите меня на борт?

— Э… гм… так точно. — Лейтенант исчез в люке пилотской кабины и тут же появился вновь. — Э-гм… полковник… Мансур? Милости прошу на борт.

Рашель кивнула и прошла мимо него. Сохраняя

то же бесстрастное лицо, она разместилась за кабиной экипажа, на местах для офицеров. И стала слушать.

Главстаршина инструктировал новобранцев.

— Вольно! — буркнул он. — Рассаживайтесь, ребята. Так, на переднем ряду, лицом назад, молодцы! Теперь пристегнуться… Так, на шести точках, правильно. Теперь, в сиденье перед собой нашли пакеты. Внимание всем! На такой скорлупке искусственных гравитаторов не ставят, а ускорение у нее не больше, чем у паралитика в кресле. Так что если кого тошнить будет — *только* в пакет! Кто облюет мебель или оборудование — всю неделю их мыть будет. Ясно?

Все кивнули. Рашель ощутила осторожный оптимизм. Кажется, все пассажиры рейса, кроме главстаршины Дуболома, на этот корабль назначены впервые. Это подтверждало имеющуюся информацию: флот готовится к войне, и отлет надолго не задержится.

Дверь в пассажирский салон скользнула на место; послышался рокот закатываемых в грузовой отсек автоматических поддонов. Дуболом постучал в переднюю дверь и вошел, когда она открылась. Через минуту он показался и объявил:

— Старт через две минуты! Держаться всем.

Эти две минуты ползли черепашьим шагом. Удары, глухие и звонкие, сообщили, что топливные шланги и силовые кабели причала отстыковались, потом корабль дернулся, покачнулся и двинулся вперед под стихающее шипение снова закрывающегося воздушного шлюза.

— Вы тут все салаги, — сообщил главстаршина Дуболом своим подопечным. — Сейчас вас тут много таких — призыв начался. А я, — он ткнул себя мясистым пальцем в грудь, — не призывник. Я на этом корабле, куда мы летим, живу. И собираюсь дожить до самой пенсии. А что это значит? А это значит, что вам и таким, как вы, я не позволю подставлять меня или мой корабль. Первое в космосе правило… — начал он, но корабль мотнулся в сторону, как пьяный, под неприятно громкий дребезг откуда-то снизу, — так это что любая ошибка — гроб. Космос не шутит, он сразу убивает. И второй попытки не дает.

Будто чтобы подчеркнуть его слова, у Рашели вдруг желудок ушел вниз. На миг показалось, будто огромные резиновые тиски пытаются разорвать ее на части, а потом она поплыла в воздухе. У новобранцев был настолько же недоуменный вид, насколько у главстаршины — самодовольный.

— Главный двигатель включится через пять минут, — объявил Дуболом.

По тесной кабине пронесся лязг и звон — шаттл медленно поворачивал влево. Вспомогательные трастеры осторожно выводили его из дока.

— Кто не слышал: я тут говорил, что ошибки убивают. И я не собираюсь дать вам убить меня. И поэтому, когда прибудем на борт «Полководца Ванека», вы, засранцы, будете делать точно то, что скажу вам — или любой старшина, уж тем более офицер. И делать будете, черт меня побери, с улыбочкой аж до самых ушей, а кто не будет, тому я башку вобью в задницу так, что он сам себе сможет гланды зубами удалять. Вопросы есть?

Рашель он будто не замечал, неявно признав, что она не под его властью.

Закрыв глаза, она начала глубоко дышать — и тут же пожалела: шаттл провонял застарелым потом с чуть-чуть угадывающейся примесью озона и сладковатым запашком ацетона. Уже давно она в последний раз о чем-нибудь молилась, но сейчас она молилась изо всех сил, чтобы полет в этой консервной банке наконец закончился. Такого убогого шаттла она не видела десятки лет — будто его из какой-то исторической драмы взяли. А полет длился и длился, но, разумеется,

кончился все же. Шаттл встряхнулся и лязгнул, пристыковавшись к стабилизатору-адаптеру «Полководца», потом заскрежетал и заскрипел, вползая в ангар и поворачиваясь. Потом с шипением стало выравниваться давление.

— Гм… полковник?

Она открыла глаза — над ней стоял главстаршина Дуболом, несколько позеленевший от неуверенности, не зная, как с ней обращаться.

— Все в порядке, главстаршина. Мне случалось бывать на борту иностранных судов. — Она встала. — Меня там ждут?

— Гм… да. — Он смотрел прямо перед собой, невероятно конфузясь.

— Отлично. — Она отстегнула ремни, встала, ощущая неровную гравитацию вращения крейсера, и поправила берет. — Выпускайте меня к ним.

Шлюз открылся.

— Отделение, на кра-ул!

Она шагнула в причальный ангар, ощущая недоверчивые взгляды со всех сторон. Старший офицер — капитан второго ранга, если она правильно разобрала знаки отличия, — ждал ее с каменным лицом, скрывающим неизбежное изумление.

— Полковник Мансур, Инспекция по разоружению ООН, — сказала она. — Здравствуйте, капитан второго ранга…

— Муромец. — Он недоуменно заморгал. — Простите, ваши документы. Лейтенант Менвик говорит, что вы приданы к штабу адмирала, но нам не сказали, что вы…

— Все в порядке. — Она повела рукой вдоль коридора, ведущего в главные служебные помещения корабля. — Там обо мне еще не знают. По крайней мере, если великий князь Михал не предупредил. Вы меня просто отведите к адмиралу, и все будет как надо.

Багаж тихо катился за ней на мириадах разноцветных ярких шарикоподшипников.

* * *

У адмирала выдалось плохое утро: снова проблемы с его ложной беременностью.

— Я совсем болен, — тихо мямлил он. — Мне что, вставать надо?

— Это бы вам помогло, ваше превосходительство. — Робард, его вестовой, бережно обнял адмирала за плечи, помогая сесть. — Через четыре часа отлет. После этого через два часа у вас заседание штаба, а перед этим — встреча с

контр-адмиралом Бауэром. Да, и извещение от его высочества с печатью «сверхсрочно».

— Ну, тогда да… да… да… вай его сюда, — велел адмирал. — Чертова эта утренняя тошнота…

И тут тихо запищал переговорник в соседней комнате.

— Сию минуту, ваше превосходительство, — сказал Робард. Потом добавил: — Кто-то хочет вас видеть, господин адмирал. Без предварительной договоренности… А? Как? А! Понимаю. Да-да. Он будет готов через минуту. — Бегом вернувшись в спальню, Робард прокашлялся. — Ваше превосходительство, вы готовы? Да, гхм! К вам посетитель, господин адмирал. Дипломат, прикомандированный к вашему штабу приказом великого князя Михала. Что-то вроде иностранного наблюдателя.

— Ох! — Курц скривился. — Там, на Лампреедва, ни одного не было. И не хуже, да. Темняшек полно было, да. Чертовски противный народец, темняшки эти. Никак не хотели стоять смирно, пока мы стреляли. Иностранцы чертовы, да. Давайте сюда этого парня!

Робард оглядел хозяина критическим взглядом. Сидя на кровати в накинутом на плечи кителе, он выглядел как выздоравливающая черепаха

— но все-таки по эту сторону пристойности. Если только не начнет рассказывать послу о своем нездоровье, то сойдет за приступ подагры.

— Есть, ваше превосходительство.

Дверь открылась — и у Робарда отпала челюсть. Там стоял незнакомец в непонятном мундире. Под мышкой он держал кейс, и рядом с ним топтался несколько ошалелый капитан второго ранга. Что-то кричаще-странное было в этом человеке, и только потом, когда Робард сообразил, что именно, у него губы скривились в отвращении, и он пробормотал про себя: «Содомит!»

Незнакомец заговорил чистым высоким голосом:

— Объединенные Нации Земли, Постоянный комитет по многостороннему разоружению. Я — полковник Мансур, специальный агент и военный атташе посольства. Участвую в этой экспедиции наблюдателем от имени великих держав. Мои верительные грамоты.

«Ну и голосок! Не знай я, что такого не может быть, я бы поклясться готов был, что это — женщина!» — подумал Робард.

— Благодарю вас. Будьте добры сюда. Его превосходительство несколько нездоров и примет вас в спальне.

Робард поклонился и отступил в спальню адмирала, где остолбенел: старик снова завалился на подушки, разинув рот и тихо похрапывая.

— Э-гм… Ваше превосходительство! Господин адмирал!

Открылся один налитый кровью глаз.

— Позвольте представить вам полковника, э-э…

— Рашель Мансур.

— Полковника Рашеля Мансура, с Земли, военного атташе из посольства! И его, э-э, верительные грамоты.

Полковник глядел, едва заметно улыбаясь, как вестовой протягивает адмиралу кейс.

— Ч-чудное имя у вас, полковник, — прошамкал адмирал. — И вы увере-ены, что вы не… — Он оглушительно чихнул и сел. — Черт побери эти пуховые подушки, — пожаловался он с горечью. — И подагру эту дурацкую. Не было так на Лампрее-один.

— Уж конечно, — сухо подтвердила Рашель. — Там, насколько я помню, сплошь песок.

— Смотри-ка, молодец, да! Песок, полно песка. И солнце печет прямо в голову, и обезьяны эти туземные со всех сторон палят, и ни одной приличной цели, чтобы пустить ядерную ракету с

орбиты. Вы там в чьей команде были?

— Я? В трибунале по военным преступлениям. Просеивали песок, искали мумифицированные части тел для улик.

Робард посерел, ожидая взрыва со стороны адмирала, но старик лишь громогласно и хрипло расхохотался.

— Робард! А ну-ка, помоги мне встать, это отличный парень. Вот уж не ду-думал не гадал встретить здесь товарища-ветерана! К столу, Робард. Я должен проверить его верительные грамоты.

Кое-как удалось пройти пятнадцать футов до кабинета адмирала без того, чтобы старик пожаловался на тяготы материнства или стал осматривать ноги — не превратились ли они в стекло за ночь (бывал у него и такой кошмар), — и женоподобный полковник грациозно скользнул в кресло для посетителей. Робард смотрел на него в упор. Женское имя, высокий голос — да нет, если бы это не было *абсолютно* невозможно, он бы даже мог поверить…

— Великий князь Михал согласился на мое присутствие по двум причинам, — говорил Мансур. — Во-первых, вы должны знать, что моя работа как агента ООН — беспристрастно сообщать о

любых — подчеркиваю, *любых* — нарушениях договоров, подписанных вашим правительством. Но куда важнее то, что нет достаточной информации о сущности, напавшей на вашу колонию. Я здесь также для того, чтобы свидетельствовать, если противник применит запрещенное или преступное оружие. Также мне даны полномочия действовать в качестве нейтральной третьей стороны в случае переговоров, обмена пленными, заключения соглашений о прекращении огня и гарантировать, что, если вообще возможно вести войну в цивилизованной манере, данная будет вестись именно так.

— Что ж, чертовски приятно знать, сударь, и прошу вас в мой штаб, — произнес адмирал, выпрямляясь на своем банном стуле. — Не стесняйтесь обращаться ко мне в любое время! Вы свой парень, и я рад, что со мной тут еще один ве-ветеран с Лампрея-один… — На секунду лицо адмирала стало встревоженным. — Боже мой! Опять он шевелится.

Мансур посмотрел странно. Робард открыл было рот, но полковник-иностранец заговорил раньше, чем слуга успел сменить тему.

– Он?

— Ребенок, — доверительно сообщил Курц с

несчастным видом. — Просто слон какой-то. Не знаю, что с ним делать. Если его отец… — Он замолчал, и от его встревоженного лица повеяло холодом.

— Кгм! Мне *кажется*, милостивый государь, вам лучше отбыть, — сказал Робард, недружелюбно глядя на Рашель. — Его превосходительству пора принимать лекарство. И лучше будет, если в следующий раз вы предупредите о своем посещении заранее. Видите ли, у господина адмирала бывают подобные приступы…

Рашель встряхнула головой.

— Я именно так и буду поступать. — Она встала. — До свидания, сударь.

Повернувшись, она вышла.

Помогая адмиралу подняться с кресла, Робард услышал (или ему показалось) чистое сопрано за дверью, произнесшее: «Не знала, что у вас есть слоны!».

Он безнадежно покачал головой. Женщины на борту Имперского флагмана, адмиралы, считающие себя беременными, и флот, готовящийся к отлету в самый дальний поход в истории против неведомого врага. Куда катится мир?

* * *

Гражданину Куратору все это совершенно не

нравилось.

— Так. Короче говоря, ребята из флота поводили тебя по кругу, а теперь разрешили наконец взойти на борт своего ненаглядного крейсера. По пути ты потерял контакт с объектом на целый рабочий день. Вчера вечером, говоришь, ничего необычного он не делал, но докладываешь, что не все время вел наблюдение. Еще что? Как он на самом деле провел тот вечер?

— Не понял, Гражданин Куратор, — произнес Василий сдавленным голосом. — Что вы имеете в виду?

Гражданин скорчил такую свирепую гримасу, что Василий сжался, хотя их и разделяли сорок тысяч километров.

— В твоем рапорте сказано, — с нажимом произнес Гражданин, — что объект покинул свой номер, на несколько минут был упущен, а потом его видели в общественном заведении в компании *какой-то актрисы*. В чьем номере он неожиданно провел несколько часов до возвращения на базу. И ты не выяснил, кто она?

Василий покраснел до кончиков ушей.

— Я думал…

— За ним такое раньше водилось? Скажем, в Новой Праге? Вряд ли. Согласно его личному делу,

он жил монахом с самого прибытия в Республику. Ни разу, *ни разу* за эти два месяца в отеле «Победоносная Корона» он не интересовался тамошними девицами. И как только он прибывает к месту работы, что он первым делом устраивает?

— Я об этом не подумал.

— Знаю, что не подумал. — Куратор замолчал, но лицо его было столь красноречиво, что Василий съежился. — Я не собираюсь и дальше за тебя думать, но не будешь ли ты так любезен поделиться со мной, что предполагаешь делать дальше?

— Э-гм… — заморгал Василий. — Выяснить, кто она? Если с ней все чисто, задать пару вопросов? Смотреть за ним дальше повнимательней?

— Очень хорошо. — Гражданин свирепо осклабился. — И что ты *понял* из своего провала?

— Что надо смотреть на поведение объекта и реагировать на его изменения, — ответил Василий деревянным голосом. — И учитывать не только, что он делает, но и чего он не делает.

Это правило вбивали в головы сотрудникам с самого начала обучения, и Василий готов был набить себе морду, что забыл его. Как он мог упустить такую очевидную вещь?

— Молодец. — Гражданин откинулся в кресле

назад, отодвинувшись от камеры. — Самые азы, Мюллер. Ладно, все мы лучше всего учимся на своих ошибках. Посмотрим, чему тебя научит эта. Мне плевать, если ты за своим подопечным будешь мотаться до самого Рохарда и обратно, лишь бы ты держал глаза открытыми и не проворонил, когда он начнет действовать. И подумай о том, что тебе еще поручено делать. Я тебе скажу по дружбе: ты еще кое-что забыл, и лучше тебе будет самому это заметить, пока мне не пришлось тебе напомнить!

— Так точно, Гражданин.

— Будь здоров.

Экран видеофона мигнул разноцветными квадратами и погас. Василий вылез из своей ячейки, пытаясь понять, что же значило прощальное предостережение Гражданина. Чем быстрее он все выяснит, докажет раз и навсегда, что Спрингфилд — не шпион, тем лучше: он не создан для жизни на корабле. Может, лучше всего начать завтрашний день с разговора с тем механиком-главстаршиной, под чьим началом Спрингфилд работает? Может, это и имел в виду Гражданин, а шлюхой можно будет заняться потом. (Мысль, что ею придется заниматься, почему-то привела его в смущение.)

При первой попытке высунуть нос в коридор его чуть не смела команда матросов, бегом тащивших здоровенную тележку с аппаратурой. Перед второй попыткой он сперва осторожно посмотрел в обе стороны: препятствий видно не было. Василий зашагал по тесному коридору, выкрашенному синей краской. Тот изгибался, повторяя изгибы внутреннего корпуса. В свободном парении «Полководец» при создании гравитации полагался на свои генераторы искривленного пространства. Василий нашел радиальное ответвление, потом спуск в служебные зоны, расположенные в сердце корабля — вниз на две трети его длины.

Повсюду был народ — и в коридоре, и в камерах, открывающихся из проходов, и в отсеках по обе стороны. Василий ловил на себе странные взгляды, но никто его не остановил. Почти все уходили с дороги, не желая привлекать внимание сотрудника ведомства Куратора.

Машинное отделение Василий нашел не сразу, но в конце концов обнаружил тускло освещенное обширное пространство, набитое странного вида машинерией и снующими людьми. Почему-то Василий ощутил необыкновенную легкость в ногах. Спрингфилда нигде не было видно, но это

и не удивительно: машинное отделение большого корабля не один десяток грешников может скрыть.

— Это палуба главных двигателей? — спросил Василий пробегавшего техника.

— А что, по-вашему? Капитанский мостик? — И техник помчался дальше.

Василий раздраженно пожал плечами и шагнул вперед — и еще вперед… и еще вперед…

— Ты что здесь делаешь? — Василия схватили за локоть. — Полундра!

Он беспомощно отбивался, потом перестал, когда понял, что происходит. Потолок был уже рядом, а пол — далеко-далеко, и Василий падал на дальнюю стену…

— Помогите! — прохрипел он.

— Хватайся!

Рука на локте переместилась выше и сильно дернула. Рядом появилась большая стойка с аппаратурой, и Василий вцепился в нее изо всех сил.

— Спасибо. Это машинное отделение? Я ищу главного механика, — сказал он.

Ему трудно было говорить из-за бешено и неровно бьющегося сердца.

— Уже нашел.

Василий уставился на своего спасителя.

— Мне не надо было, чтобы ты мне тут часы гнул. Кривая и без того хреновая. Что нужно?

— Я… — Василий прервал себя. — Извините, мы тут могли бы где-нибудь поговорить наедине?

Механик — на комбинезоне была написана фамилия «Крупник» — очень недовольно скривился.

— Могли бы, только я занят. Через полчаса пуск. Очень важное дело?

— Ага. Работа ваша от этого скорее не сделается, но если вы сейчас мне поможете, это вам может много времени сберечь потом.

— Хм! Ладно, поглядим. — Офицер повернулся и показал куда-то к противоположной стене. — Вон видите там кабинку? Через десять минут я там буду.

И он резко отвернулся и исчез в полумраке, хаосе и людской суматохе вокруг большого синего куба посреди машинного отделения.

— Матерь божья!

Василий оценил ситуацию. Брошен здесь, один, судорожно цепляясь за ящик тающих часов, и до места, куда ему надо — огромный отсек с нулевой гравитацией. Он почувствовал, как съеденный утром завтрак требует свободы при одной только мысли прокуратора о пути на ту сторону.

Исполнясь решимости не опозориться, Василий медленно сполз на уровень пола. В плитках кафеля были упоры для ног, и он, приглядевшись, заметил, что они закреплены, но так, чтобы их можно было быстро снять. Если представить себе, что пол — это стена, то дверь кабинки всего в десяти метрах над головой, и захватов для рук тоже по пути полно.

Он вдохнул поглубже, вылез из-за ящика с часами и как следует оттолкнулся от него там, где ящик соединялся с полом. И был вознагражден за усилия: он взлетел вверх, к кабинке. Стена стала падать на него, и ему удалось ухватиться за пробегающего ремонтного робота, изменив свой курс в строну двери. Как только он попал туда, гравитация начала возвращаться — он скользнул вдоль палубы и остановился в не слишком достойной позе, лежа на спине. В кабинке было тесновато, но там стояли письменный стол, консоль и пара стульев. С консолью возился какой-то молодой матрос.

— Ты, — сказал Василий. — Давай отсюда.

— Есть!

Юнец быстренько закрыл какую-то коробку, воткнутую в консоль, потом отдал честь и отступил в зону нулевой гравитации. Василий, еще не до

конца успокоившись, сумел сесть на стул возле стола и стал ждать, пока появится инженер-капитан третьего ранга Крупник. Уже 11:00, а что он за сегодня сделал? Ничего; разве что понял, какой должен быть девиз у Космофлота: «Спеши и жди». Гражданин этим доволен не будет.

* * *

А тем временем на мостике линейного крейсера «Полководец Ванек» шел обратный отсчет перед активацией главного двигателя.

«Полководец», как флагман экспедиции, располагался в сердце первой эскадры, состоящей, кроме него, из трех линейных крейсеров более раннего класса «Прославленный» и двух линкоров класса «Победа»: «Камчатка» и «Регина» (к сожалению, давным-давно видавших лучшие дни). Эскадра номер два, состоящая из смешанных сил — легких крейсеров, миноносцев и ракетоносцев, — должна была выступить через шесть часов после первой, а следом, через восемь часов, — корабли обеспечения: семь сухогрузов и лайнер «Мечта Сикорского», переоборудованный в госпитальное судно.

В межзвездном смысле «Полководец Ванек» был «простой зверь»: девяносто тысяч тонн ко-

рабля и тысяча человек команды, удерживаемые на тугой орбите вокруг черной дыры размером с электрон и массой с горный хребет. Дыра эта — ядро двигателя — вращалась вокруг своей оси так быстро, что горизонт событий у нее был проницаемым, и использовалась она, чтобы перемещать корабль, щекоча эту сингулярность разными способами. На нерелятивистских скоростях «Полководец» маневрировал, выбрасывая массу в ядро. Сложные квантовые туннельные взаимодействия — жульническая игра внутри эргосферы — преобразовывали эту массу в чистый импульс. На более высоких скоростях энергия, закачиваемая в ядро, могла использоваться для генерации прыжкового поля, схлопывая квантовый колодец между кораблем и каким-либо удаленным пунктом.

У ядра были и другие применения: это был дешевый источник электроэнергии и радиоизотопов, и еще: чуть-чуть подергивая звездный привод, можно было использовать его для генерации местного гравитационного поля искривленного пространства. В качестве последнего средства — выбросить его за борт и использовать просто как оружие. Но если нужно описать его одним словом, то вот это слово: «маневренность».

Восьмимиллиардотонные точечные массы под прямым углом не сворачивают.

Матрос придержал дверь, и Крупкин, отдавая честь, отрапортовал:

— Инженер-капитан третьего ранга Крупкин докладывает о состоянии двигателей, господин капитан первого ранга!

— Отлично. — Командир корабля Мирский кивнул из своего кресла. — Входите, входите. Чем порадуете?

Крупкин чуть-чуть расслабил мышцы.

— Господин капитан, все системы в рабочем состоянии. Готовы к движению в любой момент. В настоящее время наш статус… — он быстро отбарабанил результаты последней серии наблюдений и закончил: — Модификации управления двигателем, произведенные по вашему указанию… господин капитан, мы никогда еще с таким не работали. С виду все в порядке, самопроверка систем неисправностей не выявила, но больше я ничего не могу сказать, пока не будут распечатаны черные ящики.

— Нормально будут работать, — кивнул Мирский.

Крупкину хотелось бы разделить уверенность, прозвучавшую в его голосе: черные ящики, до-

ставленные всего неделю назад и встроенные в схемы управления главного прыжкового двигателя, такой уверенности ему не внушали. И если бы приказ поместить их в систему не пришел с самого верха и не относился ко всем кораблям флота, он, Крупкин, устроил бы нечто, настолько приближенное к скандалу, насколько устав бы позволил. Его дело — следить, чтобы двигатель работал, а потому, черт побери, он должен знать все о том, *как* он работает! В этих коробках могло быть все что угодно — от передовых (шепотом: запрещенных!) высоких технологий и до крошек-эльфов, а отвечать за их работу ему.

Тут с кресла встал бородатый человек на той стороне мостика.

— Разрешите доложить, господин капитан?

— Разрешаю.

— Я закончил загрузку навигационных элементов от системного диспетчера. Сейчас они вводятся в автопилот. Будем через десять минут готовы начать раскрутку к отлету.

— Отлично, лейтенант. А, связист! Мои наилучшие пожелания адмиралу и контр-адмиралу, и мы готовимся к старту через десять минут. Лейтенант Хельсингас, действуйте согласно плану отлета, полученному от диспетчерской службы.

Руль ваш.

— Есть руль мой! Старт через десять минут.

Хельсингас наклонился над переговорной трубой. Матросы вокруг него завертели медные рукоятки и задвигали рычажки, со спокойной точностью посылая импульсы по стальным нервам, которые превращали корабль в почти живой организм. (В машинном отделении наноэлектроника была незаменима, но Адмиралтейство Новой Республики придерживалось мнения, что на мостике корабля с героическим экипажем воинов Империи такие технологические мерзости просто неуместны.)

— Так, капитан, — кивнул Мирский механику. — Ну, хорошо в конце концов все-таки сняться с якоря?

Крупкин пожал плечами.

— Мне будет приятнее, когда мы окажемся в плоском космосе. Слухи всякие ходят.

На миг улыбка капитана погасла.

— Да, конечно. Вот потому-то мы с самого отлета идем с людьми на всех боевых постах, и будем так идти до первого прыжка. Ничего наперед не знаешь, и контр-адмирал хочет быть уверенным, что нас не ждут ни шпионы, ни пусковые установки вражеских ракет.

— Разумная предосторожность, господин капитан первого ранга. Разрешите вернуться на пост?

— Разрешаю. С богом, капитан!

Крупкин отдал честь и направился в машинное отделение со всей скоростью, которую позволяли развить его короткие ноги. Он подумал, что его ждет напряженное время, даже с таким консультантом, как Мартин, который помогал ему заставлять работать эту магию в ящиках управления двигателем.

* * *

Колония Критиков извивалась и пролезала в туннели в своем алмазном гнезде, высиживая всеобъемлющий критический обзор. Молодой и энергичный вид, потомки от одной из ветвей пост-сингулярного цветения, распространившихся вслед за диаспорой три тысячи лет назад, они очень мало что сохранили от человеческого генома в своих холодных чешуйчатых телах. Вопреки земному наследию, только мозги их тесно связывали с монофилетическим таксоном sapiens — поскольку не все изгнанники с Земли были людьми.

Будучи нахлебниками, Критики не имели прямого доступа к фестивальскому созвездию

релейных спутников или к обширной сети визуальных и звуковых сенсоров, рассеянных по поверхности планеты. (Почти все сенсоры Фестиваля переносились на крыльях крошечных инсектоидов-роботов, которыми набили биосферу, посылая миллион штук на каждый телефон, упавший с орбиты.) Критикам приходилось создавать собственные устройства: неуклюжие сети глаз-шпионов на низкой орбите, крылатых беспилотных роботов наблюдения и ненадежных жучков, прицепленных на карнизы окон и дымовые трубы важных зданий.

Критики смотрели с присущим им сочетанием увлеченности и омерзительного цинизма, как солдаты Первого и Четвертого полка перестреляли своих офицеров и *ан масс* дезертировали под черный флаг вышедшего из подполья Революционного традиционного экстропийного фронта Бури Рубинштейна. (Многие солдаты сожгли мундиры и выбросили оружие, другие приняли новые эмблемы и взяли странные серебряные руки, выделанные на репликаторной фабрике комитета.) Критики смотрели на крестьян, жадно требовавших от Фестиваля свиней, коз, а однажды — даже гусыню, несущую золотые яйца. Женщины выпрашивали лекарства, металли-

ческую посуду и ткани. В за́мке слышны были выстрелы: слуги перебили зверинец князя на пропитание. Дождь золотых рублей, заказанный каким-то экономическим саботажником, прохлестал по улицам Нового Петрограда, и почти никто на него не обратил внимания. В этом смысле экономический коллапс, порожденный появлением Фестиваля, был уже завершен.

— Жалкие они, — заметила Та-Кто-Наблюдает Первая. Она лязгнула бивнями по соматическому стенду, где демонстрировались происходящие внизу события: двое из немногих оставшихся верными правительству гренадеров тащили к воротам замка какого-то саботажника, а за ними с воплями и мольбами тянулись его родственники. — Инстинкты неконтролируемы, неумение воспринимать реальность, неумение видеть перспективу.

— Жуй корни, копай глубже. — Муж-Защитник Пятый мрачно чавкнул, демонстрируя необычный для него уровень интуиции (ум не был особо полезным свойством для воинов, бегущих по туннелям). — Вкус крови и почвы.

— Воину все кровь и почва, — фыркнула Та-Кто-Наблюдает. — Жри клубни, брат, пока твои сестры разговаривают о том, чего тебе не по-

нять. — Она откатилась в сторону, стукнулась о Сестру Стратагем Седьмую, которая чуть щипнула ее за бок. — Сестра-однопометница. Течет неопределенность?

— Время экспоненциально растущих перемен над ними. — Сестра Седьмая очень любила подобные гномические изречения — может быть, в наивной надежде, что это даст ей репутацию ясновидящей (и в конечном итоге поддержку, когда она заявит свои претензии на царство). — Вероятно, это неорганизованные жители поверхности, цепляющиеся за стебли, но в их борьбе есть свое величие, уровень искренности, к которому редко приближаются примитивные виды.

— Они и есть примитивные. Их внутренний дискурс изувечен полным отсутствием интертекстуальности. Я корчусь от изумления, что Фестиваль расходует на них свое внимание.

— Едва ли. — Они — антитезис Фестиваля, разве ты этого вибриссами не ощущаешь? — Сестра Седьмая заморгала красными глазами на Ту-Которая-Наблюдает, нашаривая дерево управления соматического стенда. — Вот перед нами гнездовой трутень. — Она произвела некоторые манипуляции, и изображение переехало следом за саботажником в замок. — Фенотипический

разброс ведет к широкой специализации, как всегда, плюс обычный уровень свободы воли, находимой в человеческой цивилизации. Но этот устроен так, чтобы препятствовать всплескам информации, разве не видно?

— Всплескам информации — *препятствовать?* Жизнь — это информация!

Сестра Седьмая самодовольно пукнула.

— Я все время слежу за Фестивалем. Ни один из аборигенов не просил его об информации. Ни один! Вещи — да. Пища — да. Машины, вплоть до репликаторов — да. Но философия? Искусство? Математика? Онтология? Возможно, мы свидетели первой цивилизации зомби.

От темы зомби Сестра Седьмая всегда приходила в возбуждение. Древние гипотезы о давней, досингулярностной працивилизации говорили о зомби — не сознающей себя сущности, действующей, однако, так, будто обладает сознанием. Зомби плачут, кричат, разговаривают, едят и ведут себя как настоящие личности. Если их спросить, они будут утверждать, что сознание у них есть — но за этой маской поведения нет никого и ничего. Нет внутренней модели Вселенной, в которой они живут.

Философы склонялись к гипотезе, что подоб-

ных зомби не существует, и всякий, заявляющий себя личностью, личностью и является. Сестра Седьмая не была в этом убеждена. Люди — морщинистые гомойотермные антропоиды с до смешного маленькими резцами и анархическим общественным устройством — не казались ей особо реальными. И она постоянно выискивала свидетельства, что они вообще не личности.

Та-Кто-Наблюдает придерживалась мнения, что ее однопометница снова жует корни, но она, в отличие от Сестры Седьмой, была не практикующим Критиком, а Наблюдателем.

— Думаю, нам надо прежде всего решить этот вопрос насчет зомби, а затем только приступать к их остальным проблемам.

— И как ты предлагаешь этим заняться? — спросила Та-Кто-Наблюдает. — Опять же вопрос субъективности. Я тебе говорю, единственный жизнеспособный аналитический образ действий — это интенциональный подход. Если нечто объявляет себя обладателем сознания, то поверь этому нечто на слово и рассматривай его как обладателя сознательной интенции.

— Но очень же легко запрограммировать мышку пищать: «Я мыслю, следовательно, существую!» Нет, сестра, мы должны туннелировать

ближе к поверхности, если хотим найти корни разумности. Нужен тест, такой, что зомби застрянет, а личность пройдет.

— И у тебя есть на примете такой тест?

Сестра Седьмая хватанула лапой воздух и щелкнула огромными желтыми клыками.

— Да, думаю, я могу такой составить. Важная характеристика сознательных существ состоит в том, что они принимают интенциональный подход: то есть они моделируют интенции других существ, чтобы предвидеть их поведение. Когда они применяют такую модель к другим, то обретают способность реагировать на эти интенции до того, как те станут очевидными. Когда они применяют эту модель к себе, то обретают самосознание, то есть понимание собственной мотивации, и тем самым — способность ее менять.

Но пока что я не видела, чтобы их мотивация была самоизменяющейся, не видела ничего, кроме встроенных инстинктов. Я хочу протестировать их, поставив их в ситуацию, когда их собственное представление о себе будет контрастировать с их поведением. Если они приспособят этот «образ себя» к новым обстоятельствам, мы будем знать, что имеем дело с братьями по разу-

му. Что решительно скажется на природе нашего обзора.

— Это звучит как травматичная или трудная методика, сестра. Мне придется обдумать это, прежде чем представить Матери.

Седьмая испустила булькающий смех и шлепнулась на пузо.

— Однопометница моя! Как ты думаешь, что у меня на уме?

— Не знаю. Но если это что-нибудь в твоем обычном стиле…

Та-Кто-Наблюдает замолчала, увидев триумфальный блеск в глазу сестры.

— Я всего лишь предлагаю начать Критиковать минимальную их выборку чуть-чуть тщательней, чем обычно, — предложила Сестра Седьмая. — А когда я закончу, все живущие будут знать, что их *Критиковали*. В этом и состоит моя методология.

* * *

Капитан третьего ранга Крупкин освободился для встречи с Василием Мюллером только через два часа, но это не было сознательной интенцией. Почти сразу, как только запитали и запустили поле главного двигателя, и корабль плавно двинулся прочь от Кламовского лифта, пейджер

Крупкина пискнул:

ВСЕМ ОФИЦЕРАМ НЕМЕДЛЕННО СОБРАТЬСЯ В ЗАЛЕ «Д».

— Мать твою в железо, — вздохнул механик и бросил, выходя, Павлу Грубору: — Старик меня вызывает прямо сейчас. Ты пока займись этим береговым механиком и выясни, сколько ему еще возиться с установкой компенсатора? И кинь мне на пейджер, когда узнаешь.

Не ожидая ответа, он вышел.

Михаил Крупкин любил свою работу и особо не ожидал повышения по службе. Судовыми машинами он занимался уже четырнадцать лет и собирался спокойно дослужить до счастливой отставки, с работой на каких-нибудь коммерческих линиях. Но вот такого типа сообщения полностью лишали его внутреннего покоя. Это значило, что начальник будет задавать вопросы о готовности систем, а с этими дурацкими непонятными коробками в машинном отделении… Может, «Полководец» и стал мобильнее, но он, Крупкин, не может отвечать за него теперь на сто процентов.

Что в этих ящиках, он не знал, но не сомневался, что именно ради них Адмиралтейство потратило несколько миллионов крон на модер-

низацию двигателей. И почему-то тщательно уклонялось от всяких разговоров о программном обеспечении этих ящиков. А они, подключенные к двигателю, были также подключены по новой широкополосной линии связи к тактической сети. Что-то тут было подозрительное.

Пережевывая мысленно все это и еще многое, он вошел в экспресс-лифт, поднявший его в конференц-зал офицерской палубы. Дверь в зал «Д» была открыта, его ждали. Почти все старшие офицеры уже собрались. Старпом Илья Муромец, лейтенант Хельсингас из управления огнем, люди из разных боевых частей, Вульпис из релятивистов… Он вроде бы последний, если не считать капитана, у которого есть причины приходить позже всех.

— Привет, Илья! Что стряслось?

Тот посмотрел на него.

— Капитан у адмирала. Придет — объявит, — ответил он. — Я сам толком не знаю, но вроде ничего конкретного.

Крупкин молча перевел дух. «Ничего конкретного» — значит, дело не в ходовой части корабля. Стружку ни с кого снимать не будут. Нельзя сказать, что каперанг Мирский придирчив — по меркам Новой Республики, — но он бывал совер-

шенно безжалостен, если считал, что кто-то не усердствует в работе.

Вдруг атмосфера в зале переменилась. Все повернулись к двери, разговоры стихли, офицеры встали по стойке «смирно». Капитан Мирский на долгую секунду остановился, оглядывая своих офицеров. Очевидно, зрелище его удовлетворило, и первые его слова были такими:

— Господа, прошу присаживаться. — Пройдя к креслу во главе стола, он положил перед собой толстую папку. — Сейчас одиннадцать тридцать. Дверь в это помещение закрыта и закрытой останется до двенадцати часов ровно, если не произойдет ЧП. Я уполномочен вам сообщить, что вводится в действие боевой приказ. Мне неизвестно, какие политические соображения лежат в его основе, но в штабе адмирала Курца меня информировали, что вряд ли возможно иное разрешение кризиса, кроме военного. Соответственно нам приказано идти в составе экспедиционного соединения номер один к Рохарду согласно боевому плану «Омега — зеленый горизонт». — Мирский придвинул кресло и сел. — Есть вопросы по этой части перед тем, как я перейду к нашим конкретным приказам?

Руку поднял лейтенант Марек.

— Господин капитан, известно ли нам что-нибудь об агрессоре? Насколько я понимаю, цензурное ведомство проявило бдительность более обычной.

— Хороший вопрос. — У Мирского дернулась щека, и Крупкин глянул на лейтенанта: молодой пацан из Тактики, на корабль пришел меньше полугода тому назад. — А на хороший вопрос следует давать хороший ответ. К сожалению, я его дать не могу, потому что никто не счел возможным мне рассказать. Итак, лейтенант, как следует расположить наши силы на случай худшей из возможных ситуаций?

Лейтенант Марек гулко сглотнул слюну. Он слишком недавно появился на «Полководце», чтобы просечь сократическую манеру капитана по проверке знаний своих подчиненных — наследие двух сроков преподавания в Академии штаба ВКФ.

— Против кого, господин капитан? Если бы дело было просто в подавлении местного мятежа, проблем бы не было. Но у Рохарда есть заслон, состоящий из эсминца плюс пункты наземной обороны, и подавить они могли бы не хуже нас. И нас бы не послали, если бы этих сил было достаточно в сложившейся обстановке. Значит, там

должен быть активный противник, уже лишивший местную оборону возможности влиять на ситуацию.

— Точный вывод, — невесело улыбнулся каперанг. — Который будет правдив независимо от того, кого мы там встретим. К сожалению, я знаю столько же, сколько и вы, плюс еще одно: очевидно, эсминец «Сахалин» был *сожран.* Мне неизвестно, метафора это или буквальная истина, но явно никто не знает, что это за Фестиваль такой, на что он способен и не вызвал ли у него эсминец несварения желудка. Но мы не забудем нашу присягу на верность Императору и Республике: что бы они ни решили предпринять, мы — их правая рука. Если они решат ударить на врага — мы ударим всей силой. Пока что будем предполагать худшее. Что если у врага есть корнукопии?

Марек посмотрел озадаченно.

— А ведь это палка о двух концах, господин капитан. С одной стороны, у них есть средства, позволяющие производить оружие быстро и не пачкая рук. А с другой стороны, раз они не привыкли работать, откуда у них взяться настоящему боевому духу? Способность производить товары еще не приносит победы тем, кто развращен и

расслаблен изнеженной жизнью роботовладельцев. Откуда у них возьмутся традиции, стиль доблестных вооруженных сил?

— Вот и посмотрим, — непонятно ответил Мирский. — Пока что я предпочитаю предполагать худшее. А худший случай — это что у противника есть корнукопии, и он не разложен и не труслив.

Марек чуть качнул головой.

— У вас вопросы, лейтенант?

— Господин капитан, разве такое возможно? — встревоженно спросил Марек.

— Возможно все, — веско сказал капитан. — И если предполагать худшее, то все неожиданности могут быть только в лучшую сторону. — Он отвернулся от наивного лейтенанта. — Следующий.

Крупкин, имевший как инженер собственное мнение о целесообразности запрета технологий по социальным причинам, кивнул про себя. Мирский ничего вслух не сказал, но механик отлично понимал, что подумал капитан: «Декадентская жизнь изнеженных роботовладельцев отнюдь не препятствует воинским традициям. На самом деле даже оставляет больше времени, чтобы сосредоточиться на существенном».

Капитан продолжил перекличку офицеров, спрашивая их о готовности их частей.

— Машинное отделение. Капитан третьего ранга Крупкин.

Тот подавил недовольный вздох.

— Береговой механик еще не закончил работу по модернизации компенсаторов дрейфа нуля. Точной оценки сейчас я еще дать не могу, но по состоянию на сегодня нам нужно еще три вахты, чтобы закончить модификацию, и одна вахта на испытания. На его работу у меня жалоб нет — дело знает, настоящий мастер. В остальном: вспомогательный комплект компенсаторов — который модернизации не подвергался — полностью работоспособен. Мы идем полным ходом, но полного резерва у нас не будет, пока не будет закончена модификация. Это от четырех до пяти суток минимум.

— Понятно. — Капитан сделал заметку в блокноте и посмотрел на главного механика. Пронзительным взглядом синих глаз, от которого офицер менее опытный превратился бы просто в комок раздерганных нервов. — Нельзя ускорить переоборудование, добавив людей? В нейтральное пространство-время мы выходим через двое суток, и там обязаны предполагать присутствие минных заградителей и крейсеров противника.

— Гм… постараемся, господин капитан первого

ранга. К сожалению, эта модификация слишком непроста для наших механиков. Спрингфилд — специалист, и он выкладывается полностью. Наверное, он мог бы работать быстрее, но возрастает вероятность ошибки из-за усталости. Если позволите аналогию, то он — как хирург на операции. Лишняя пара рук будет только мешаться, и нельзя заставить хирурга выкладываться сутками до конца и ждать, что он не ошибется. Может, на сутки быстрее и выйдет, но еще ускорить — никак.

— Ясно. — Командир корабля многозначительно посмотрел на Муромца. — Но мы все же можем летать и драться, и эта новая система в черном ящике полностью интегрирована. — Он кивнул. — Тактика. Лейтенант Хельсингас, как у вас?

— Всю прошлую неделю проводили учения по отражению агрессора стандартного типа, согласно моделям, присланным из Адмиралтейства. Можно бы еще потренироваться, но ребята вроде общую идею поняли. Если в тактике противника не будет серьезных неожиданностей, мы готовы драться с ним, кто бы он ни был.

— Хорошо. — Мирский на минуту задумался. — Должен вас осведомить, что сегодня утром у

меня был разговор с контр-адмиралом Бауэром и телеконференция с другими капитанами. С этого момента корабль находится в боевой готовности. В ближайшее время следует быть готовыми к боевым операциям. Рапорты о готовности машинного отделения и артиллерии — каждый день ко мне на стол. К остальным это тоже относится.

В последний месяц у нас много времени ушло на адаптацию новобранцев, и необходимо добиться выхода на девяностопятипроцентную оперативную готовность как можно скорее. Завтра мы с «Авроры» возьмем полный груз топлива и боеприпасов, и как только раскрутимся для первого прыжка, пойдем по боевым станциям. Получается, у вас есть тридцать шесть часов. Вопросы есть?

Хельсингас поднял руку.

— У меня есть, господин капитан!

— Да?

— О минных заградителях. Где на нашем пути могут быть мины?

— Хороший вопрос, — кивнул Мирский. — Первый прыжок у нас будет короткий — до Прииска Вольфа-пять. Это не прямой путь к планете Рохард, но если идти прямо к ней… Наш противник

наверняка тоже умеет прокладывать прямой курс. И мы не знаем, что им известно о нас. Но я надеюсь узнать сегодня к вечеру. Бог на нашей стороне: все признаки за то, что этот Фестиваль — язычники-дегенераты, и нам лишь следует обратиться сердцем к Богу и направлять оружие с надеждой. Еще вопросы есть? — Он оглядел зал — не поднялась ни одна рука. — Отлично. Я ухожу на совещание у контр-адмирала. Все свободны.

Командир корабля вышел в тишине, но стоило за ним закрыться двери, зал загудел голосами.

* * *

Мартин был в паршивейшем настроении. Несколько часов назад Крупкин принес ему новость.

— Извините, но так у нас получается. Мы в боевой готовности. Двойные вахты. Особенно вам не придется спать, пока не будет завершена модернизация. Приказал сам старик, и он не в настроении был обсуждать. Когда закончите, можете отрубаться на сколько захотите, но до первого боя всё должно быть сделано.

— Меньше шестнадцати часов всяко не получится, что бы там ни стряслось, — ответил Мартин, изо всех сил стараясь сохранить хлад-

нокровие. — Дополнения будут установлены и запущены к концу этой вахты, но отдать вам систему я не могу, пока не протестирую полностью. Возвратное тестирование идет полностью в автоматическом режиме и требует двадцать тысяч секунд. Потом идет маневровое тестирование, которое обычно занимает целую неделю, если модернизируется новый корпус. И наконец — время квалификации двигателей, что для новой неиспытанной системы, заказанной вашим Адмиралтейством, требует три месяца. И каковы шансы, что вы согласитесь столько времени просидеть спокойно?

— Опустим, — коротко ответил Крупкин. — Маневрировать нам надо уже завтра. Сегодня можете начать тестирование методом прозрачного ящика?

— К хренам! — Мартин натянул очки и перчатки. — Давайте позже поговорим, я сейчас занят. Получите вы свои чертовы модификаторы двигателей. Только отведите мне койку сегодня вечером.

Он снова нырнул в интерфейс погружения, демонстративно не замечая главного механика — который воспринял это на удивление спокойно.

Тоже неплохо. Мартин сумел взнуздать свою

злость, но под оболочкой спокойно суровости сильно нервничал. Его выбивало из колеи это дело с Рашелью, и сейчас он нервничал не только из-за неопределенности положения. Ее обращение застало его врасплох, без защиты, и потенциальные последствия варьировались от непредсказуемых до катастрофических.

Весь остаток дня он яростно работал, проверяя саморасширяющиеся массивы коннекторов, соединяющих схемы управления двигателей с существующими нейронными сетями. Он предвосхитил и исключил несколько возможных проблем в профиле быстродействия датчиков обратной связи, настроил компенсаторы на избыточную точность и добавил несколько патчей во внутренние прошитые контуры управления, которые контролировали и перемещали волосок черной дыры, но серьезно переделанные системные прерывания трогать не стал. Зато поставил специальную схему, о чем попросил Герман.

Работа затянулась далеко в вечернюю вахту. Потом Мартин начал возвратное тестирование — запустил серию процедур самопроверки, управляемых программно. Они должны были проверить все аспекты модернизированной схемы управления и выдать отчет. Установить

и протестировать модуль — работа легкая, а вот завтра надо будет начать тестировать его взаимодействие с ядром, и это здорово будет мотать нервы. Так что где-то в 25:00 Мартин зевнул, потянулся, отложил перчатки и сенсоры обратной связи, встал.

— А-аргх! — зевнул он и потянулся сильнее. Суставы щелкнули, голова закружилась, навалилась усталость и легкая тошнота. Мартин заморгал. Все виделось сейчас плоским и монохромным после долгих часов погружения в трехмерный имитатор с ложными цветами, и еще запястья болели. *И какого черта в наш век военные корабли все еще воняют квашеной капустой и застарелым потом с легкими обертонами помойки?*

Он неровной походкой направился к двери. Проходящий матрос глянул на него с любопытством.

— Мне нужна койка, — объяснил Мартин.

— Подождите здесь, сударь.

Мартин стал ждать. Через минуту нарисовался кто-то из подчиненных Крупкина, спускаясь на руках по стене, как человек-муха.

— Ваша койка? Сию секунду, сударь. Палуба «Д», отсек двадцать четыре. Там офицерская каюта

вас ждет. К завтраку в семь ноль-ноль. Паулюс, покажи этому господину его каюту!

— Сюда, сударь. — Матрос спокойно и уверенно провел Мартина по кораблю в светло-зеленый коридор, где по обе стороны шли люки, как в ночлежке. — Вот, прошу вас.

Мартин моргнул, разглядывая указанную дверь, потом отвел ее в сторону и влез внутрь.

Действительно, как комната в дешевой гостинице или купе трансконтинентального поезда — на две полки которое. Нижнюю можно было перевернуть, сделав из нее стол, когда на ней не спят. Полностью стерильная, абсолютно чистая, с отглаженными простынями и тонким байковым одеялом на нижней койке, каюта пахла машинным маслом, крахмалом и бессонными ночами. Кто-то оставил здесь чистый комбинезон без знаков различия. Мартин недоверчиво осмотрел его и решил еще походить в своем, пока он не слишком испачкался. Переодеваться в мундир Новой Республики казалось сдачей, а дать им возможность объявить Мартина своим — даже слегка предательством.

Он приглушил свет, разулся и лег на нижнюю койку. Вскоре свет стал еще слабее, и Мартина понемногу отпустило напряжение. Голова все

еще кружилась, никуда не делись ни злость, ни усталость, но хотя бы не случилось худшего: никто не похлопал сзади по плечу, не повел на судовую гауптвахту. Никто не знал, на кого он тут работает *на самом деле*. В этом деле, конечно, никогда не скажешь, и у Мартина то и дело пробегали по хребту мурашки. Ситуация была совершенно ненормальная, и просьба Германа воткнуться в самую ее гущу сильно отличалась от обычных его заданий. Мартин закрыл глаза и попытался отключиться, прогнать вертящиеся под веками желтые прямоугольники.

Открылась и закрылась дверь.

— Говори тихо, Мартин, — произнес приглушенный голос возле его подушки. — Как вообще жизнь?

Он вскочил чертиком и чуть не стукнулся лбом о верхнюю койку.

— А! — Он на мгновение проглотил язык. — Что ты…

— Здесь делаю? — раздался тихий иронический смех. — То же, что и ты: борюсь с усталостью и гадаю, кой черт занес меня в этот дурдом.

Он с облегчением выдохнул, успокаиваясь.

— Я не ждал тебя здесь увидеть.

— Быть здесь — моя работа. Придана к штабу

адмирала как дипломатический представитель. Послушай, надолго я здесь остаться не могу. *Очень* будет нехорошо, если меня кто-нибудь увидит в твоей каюте. В лучшем случае они предположат худшее, а в худшем — подумают, что ты шпион или что-то вроде этого….

— Так я и есть шпион, — ляпнул он и тут же спохватился. — То есть ты хотела…

— Ага, ага, и вот у меня с собой твое кольцо-дешифратор секретного агента. Слушай, я хочу поговорить, но сперва по делу. Модернизация двигателей закончена?

У него уже глаза привыкли к темноте, и он видел контур ее лица. Короткие волосы и темнота — от этого она выглядела совсем по-другому: жестче, решительнее. Но что-то было в выражении ее лица неуверенное, когда она на него смотрела. «Сперва по делу», — сказала она.

— Модернизация еще какое-то время займет. Можно бы завтра начать гонять тесты, но рискованно. Всю следующую неделю мне придется вылавливать глюки из высокоточных часов. — Он помолчал. — А ты уверена, что это безопасно? Как ты меня нашла?

— Нетрудно было. Спасибо КБ «МиГ» за план систем безопасности. Службы жизнеобеспечения

и охраны считают, что ты здесь один. И я решила, что безопаснее будет зайти лично, чем тебя пейджером искать.

Мартин сел на кровати, освобождая ей место, и Рашель села рядом. Он сейчас только заметил, что на ней мундир — не Новой Республики.

— Ты здесь на весь рейс?

Она тихо рассмеялась.

— Чтобы лучше узнать тебя. Успокойся. Если хочешь поговорить со своим местным дипломатическим представителем, то это я. Кроме того, им я нужна — или кто-то вроде меня. Кто еще будет вести для них переговоры о прекращении огня?

— А-а! — Мартин замолчал на секунду, обдумывая и осознавая ее присутствие рядом, почти до боли. — Ты рискуешь, — сказал он, подумав. — Они тебе спасибо не скажут…

— Тише. — Она наклонилась ближе. Он ощутил на щеке ее дыхание. — Те патчи, что ты устанавливаешь, Мартин — это элементы системы запрещенного оружия. Я в этом уверена. Не знаю точно, какой именно вид, но уверена, что оно нарушает принцип причинности. И если они в ближайшее время начнут учебные маневры, я буду точно знать, как они собираются эти патчи

использовать. Вот зачем мне нужно здесь быть. В другой ситуации я бы не стала тебя грузить, но мне действительно нужна твоя помощь, активная, чтобы выяснить, что происходит. Ты меня понимаешь?

— Мало чего я понимаю, — нервно ответил Мартин, запитывая автономный ритмоводитель, чтобы пульс остался ровным и не выдал его ложь. Он остро ощущал свою вину за то, что скрывает от нее правду. Рашель явно последний человек, представляющий опасность для его задания, и она ему нравится, хотелось бы при ней отбросить все страхи и тревоги — но осторожность и опыт закрыли ему рот. — Я здесь просто на работе.

Он не мог ей рассказать о Германе. Неизвестно, как она отреагирует, и последствия могут оказаться катастрофическими. Это риск, на который он пойти не смеет.

— Вот что пойми, — сказала она спокойно. — На кон поставлено очень много жизней. Не только твоя, моя, этого корабля, но вообще всех в радиусе тридцати световых лет отсюда. Это куча народу, Мартин.

— А почему ты считаешь, что Большой Э вмешается в дело? — спросил он.

Мартин устал и не хотел, чтобы пришлось ей

врать. *Если она будет говорить сама, я смогу промолчать. Если же она замолчит, я боюсь рассказать ей слишком много. Это было бы серьезной ошибкой.*

Она тронула его за руку.

— Эсхатон заинтересуется по простой причине: он категорически против нарушения принципа причинности. И не притворяйся таким наивным, Мартин, я видела твое резюме. Знаю, где ты был и что делал. Ты не идиот и знаешь, что может сделать в руках специалиста хорошо настроенный искривитель пространства. В терминах теории относительности способность перемещения быстрее света эквивалентна способности путешествовать по времени — по крайней мере, с точки зрения наблюдателей в разных системах отсчета. Они видят свет от твоего прибытия, когда ты ближе к ним, намного раньше, чем увидят свет твоего отбытия, когда ты от них дальше. Поскольку ты обогнал свет, последовательность событий кажется обращенной. Помнишь? И так же с каузальной связью, непосредственной коммуникацией квантового взаимодействия. Это не значит, что происходит реальное путешествие во времени или можно вызвать темпоральный парадокс, но возможность влезть в ви́дение со-

бытий наблюдателем — просто масленица для военных.

Эсхатон не интересуется такими тривиальными способами путешествий во времени, но на настоящее путешествие обрушивается всей массой. Любое проявление замкнутых путей во времени может угрожать его собственной истории. Большой Э не хочет, чтобы кто-нибудь наехал на него ходом коня: назад во времени и снова вперед, изменив историю его возникновения.

Кто-то пытается создать немедленный коммуникатор? Нет проблем. Он строит логический вентиль, передающий выходной сигнал в собственное прошлое, где он снова подается на вход? Это уже основа акаузальной логики, и это — первый инструмент для построения трансцендентного искусственного интеллекта. Пуф! — и на какую-нибудь планету обрушиваются с орбиты орды кровожадных леммингов, или ее разносит в клочки астероид, или еще что-нибудь.

Как бы там ни было, мне не очень интересно, что сделает Новая Республика с Фестивалем. То есть мне не безразлична судьба отдельных жителей Новой Республики, а эти самые, из Фестиваля — очень милый народ, но не в этом дело. Мне

важно, чтобы они не сделали ничего, проникающего в световой конус Земли. Если в деле будет масштабное нарушение принципа причинности, Большой Э может решить устранить всю зараженную зону. А мы знаем, что он рассеял колонии аж за три тысячи световых лет. И даже если ему нужно, чтобы поблизости были люди, все равно — стерилизовать пару сотен планет он может себе позволить.

Мартину пришлось прикусить щеку, чтобы ее не поправить. Он ждал, чтобы она говорила дальше, но она не стала. Она казалась почти подавленной.

— Ты пользуешься серьезным влиянием. С местными поделилась своими выводами? Или вообще с кем-нибудь?

Она снова засмеялась — коротко, мрачно.

— Скажи я кому-нибудь — как ты думаешь, через сколько минут меня бы выкинули за борт без скафандра? Они и сейчас в полной паранойе: им кажется, что я — шпионка на борту, и они боятся минных заградителей и диверсантов на пути.

— Шпионка? — Он сел с перепугу. — Они знают, что на борту есть…

— Тихо ты. Да, шпион. Но не ты и не я, а горилла из ведомства Куратора, которого послали за тобой

следить. Тихо сиди, я сказала! Он еще пацан, совсем желторотый стажер. В его присутствии веди себя спокойно. И вполне можешь разговаривать со мной — я непосредственный представитель твоего правительства.

— Когда мы с тобой сорвемся с этого корабля? — спросил он сдавленно.

— Наверное, когда прибудем. — Она взяла его за руку, сжала. — Делай свою работу и не высовывайся. И, что бы ты ни делал, не веди себя как виноватый и не сознавайся ни в чем. Поверь мне, Мартин. Я тебе уже говорила, мы на время в одной команде.

Мартин придвинулся ближе. Она была напряжена, очень напряжена.

— Это просто безумие, — выговорил он очень медленно и тщательно, обнимая ее за плечи. — Из этой идиотской экспедиции мы не вернемся живыми.

— Возможно. — Она сильнее стиснула его руку.

— Не хотелось бы, — сказал он. — Мне еще не представился случай тебя узнать.

— И мне тоже. — Она чуть отпустила его руку. — И это то, что ты сейчас бы сделал? Серьезно?

— Ладно. — Он прислонился к твердой стенке рядом с койкой. — Я об этом не очень задумывал-

ся, — протянул он, — но я долго был один. Долго. Еще до этой работы. Мне нужно… — Он закрыл глаза. — Черт, я хочу сказать, что мне нужно смыться с этой работы на время. Взять отпуск на год или два, как-то с собой разобраться и понять, кто я такой. Перемена и отдых. И если ты тоже об этом думаешь, то…

— Да, похоже на переутомление. — Она поежилась. — Кажется, кто-то только что прошел по моей могиле. Мы с тобой, Мартин, мы с тобой. Что-то в этой Новой Республике выматывает из тебя жилы, правда? Послушай, меня ждут около двух лет неиспользованного отпуска, когда доберусь домой. Если хочешь вместе куда-нибудь поехать, бросить это все…

— Звучит заманчиво, — заметил он. — Но сейчас…

Он не договорил, поглядев на дверь каюты.

На миг наступило застывшее молчание.

— Я тебя не подведу, — заверила она. Потом крепко его обняла, отпустила и встала. — Ты прав. Мне не стоило сюда приходить. У меня есть своя каюта, где мне положено быть, и если за мной следят… Понятно.

Она взяла шапочку с верхней койки, аккуратно надела и открыла дверь. Потом оглянулась на

миг, и ему захотелось попросить ее остаться, даже рассказать ей все, но она уже вышла, растворилась в красноватом свете коридоров спящего корабля.

— Черт! — тихо выругался он, в тупом недоумении уставившись на дверь. — Поздно, черт, поздно.

СТЫЧКА У ПРИИСКА ВОЛЬФА

Стрельба началась с телеграммы.

В свободном строю с шестью другими крупными кораблями «Полководец Ванек» летел к гелиопаузе, где солнечный ветер встречался с вакуумом межзвездного пространства. Прииск Вольфа расположился в пяти световых годах впереди и почти на пять лет в будущее — поскольку план состоял в том, чтобы флот пролетел по частично замкнутому времениподобному пути, влетел глубоко в будущее (оставаясь в пределах светового конуса с вершиной в Новой Республике в момент первого предупреждения о нападении), а потом с помощью черных ящиков, подключенных к модулям двигателей, вернуться по петле в прошлое. Соблюдя букву закона Эсхатона — *Не нарушь принципа причинности глобально*, — флот выйдет на орбиту возле планеты Рохард сразу после нападения Фестиваля, куда быстрее, чем обычно такая экспедиция могла бы пройти восемь прыжков от метрополии до колонии. При этом эскадра минует любые войска, посланные противником для перехвата прямого контрудара,

и подберет капсулу времени, содержащую разборы битвы, написанные будущими историками — что очень поможет планам адмирала.

По крайней мере, так было в теории. Добраться туда невероятно быстро, с такой огневой мощью, которую никакой агрессор не может ожидать, да еще заранее зная о его боевых порядках и намерениях. Что тут может не получиться?

Штаб превратился в улей сосредоточенности — офицеры «золотой команды», то есть те, что будут на вахте во время грядущего первого прыжка и поведут флот в будущее и одновременно — в глубокий космос, изучали списки своих действий.

Капитан Мирский стоял у задней стены, рядом с тяжелой герметичной дверью, глядя на своих офицеров, находящихся на постах. На главном настенном экране мелькали данные телеметрии от систем управления боем. Впервые в истории военный корабль Новой Республики встречался с технологически оснащенным противником, и до сих пор, насколько известно было контр-адмиралу Бауэру, никто не пытался выполнять эти тактические процедуры. Впереди могло ждать все, что угодно. Пять лет в будущее — дальше они не решились зондировать за один прыжок. В теории их там должен был ждать навигационный

бакен, но если хоть какое-то предположение было неверным, вместо него мог оказаться противник. Мирский едва заметно улыбнулся. «Тем больше причин сделать все правильно, — подумал он. — Если напутаем, второго раза не будет».

Военный атташе — тетка эта с Земли — совала всюду без спросу свой нос и, наверное, должным образом сообщала своим хозяевам. Не то чтобы сейчас это что-то значило, но чувство порядка Мирского было оскорблено присутствием на борту пассажира, тем более пассажира с сомнительной лояльностью. Он решил не обращать на нее внимания, а если это станет невозможным — немедленно ее удалить.

— Первая контрольная точка через пять секунд, — объявил бортинженер. — Привязка к компенсационным буферам преференциальной системы отсчета. Время до точки инициации прыжка шесть секунд.

Еще несколько слов на жаргоне четким напряженным голосом — обычная рутина военного корабля, и каждая фраза определена каким-либо уставом или наставлением.

Батарея-1 доложила:

— Подтверждаю. Есть готовность запитать лазерную сетку.

Масса лазеров — более миллиона крошечных ячеек, рассыпанных по обшивке корабля, способных действовать в согласованной фазе — прошли через процедуры включения питания и доложили о своем состоянии. Корабль приближался к точке прыжка и при этом отсасывал энергию из энергезированного нестабильного вакуума перед собой и сохранял ее, закручивая в ядро своего двигателя — крошечную электрически заряженную черную дыру, размещенную в самом сердце сферы машинного отделения.

Машинное отделение доложило:

— Холостой ход главного инерционного привода в момент минус две секунды. Три секунды до прыжка.

Корабль подплывал все ближе к точке светового перехода. Искривленное пространство перед ним стало выравниваться, изливая энергию в нижележащее вакуумное состояние. Еще шесть огромных кораблей следовали позади с пятиминутными интервалами. Вторая эскадра — легкий заслон быстроходных судов, стартовавших после «Полководца Ванека» — догнала флагман накануне и ушла в прыжок шесть часов назад.

Связь доложила:

— Телеграмма командующего, господин ка-

питан.

— Читайте, — велел Мирский.

— Телеграмма от адмирала Курца, открытая. Предназначена всем. Начало. Предполагать наличие впереди кораблей противника, точка. Открывать огонь при любом контакте с враждебными силами, точка. Во славу Империи. Конец телеграммы. Передана по каузальному каналу на все корабли.

Каузальные каналы связи между кораблями выйдут из строя навсегда после первого прыжка между двумя эквипотенциальными точками: их содержимое будет безнадежно перепутано. Квантовое зацепление — весьма нестойкий феномен и сверхсветовых переходов не выдерживает.

Мирский кивнул.

— Подтвердите получение. Старший помощник, готовность к прыжку.

Мрачно заревели сигналы по всему кораблю.

— Захват системы отчета выполнен.

Релятивисты доложили:

— Есть зацепление с полем прыжка. Белый ящик группы «Б». Повторяю, белый ящик группы «Б».

Захват системы отсчет означал, что корабль точно отобразил положение ее начала коорди-

нат в пространстве-времени. Используя новые контроллеры двигателей, «Полководец» мог вернуться к этой точке во времени откуда-то из будущего, пролетев по замкнутой времениподобной петле.

Мирский прокашлялся.

— Прыжок по готовности!

Не тускнели огни, не чувствовалось движения, и будто вообще ничего не произошло — только дождь экзотических частиц впрыснулся в эргосферу квантовой черной дыры в двигательном модуле. И все же, без малейшей суматохи изменился звездный узор за обшивкой корабля.

— Прыжок подтвержден.

И почти все испустили легкий вздох облегчения.

— Наблюдение, посмотрите-ка, где мы.

Мирский не показывал ни малейших признаков беспокойства, хотя его корабль прыгнул на пять лет вперед в его собственное будущее, а также еще на полтора парсека в неизвестность.

— Есть, господин капитан! Лазерная сетка включается.

Почти два гигаватта мощности — норма огромного города — хлынули в лазерные ячейки обшивки. Уж чего-чего, а электричества на кораб-

лях типа «Полководца Ванека» хватало. Корабль осветился, как пульсар, накачивая вспышку когерентного ультрафиолета, мощности которой хватило бы прожарить все в радиусе десятков километров. Она стабилизировалась, быстро сканируя пространство узким пучком, и через минуту погасла.

Радар доложил:

— Препятствий нет. Все чисто.

Чего и следовало ожидать. Здесь, на расстоянии от пятнадцати до пятидесяти астрономических единиц от планет, можно было лететь сотню миллионов километров в любую сторону, не встречая материальных предметов больше снежка. Интенсивный импульс УФ-лидара идет минуты, часы, только потом возвращается с едва заметным следом нуклонной оболочки.

— Отлично. Ходовая рубка, вперед. Ускорение одна целая «же», конечная скорость десять километров в секунду.

Мирский шагнул назад, глядя, как офицер у руля вводит маневр в компьютер. Десять километров в секунду — не бог весть какая скорость, зато на ней можно уйти от точки возникновения, не особо шумя двигателями, и освободить место для идущих сзади кораблей. Импульс лидара

из глубин гало мог означать лишь крадущийся военный корабль, и очень вредно для здоровья оставаться слишком близко к его точке возникновения. В облаке Оорта индустриализованных систем даже снежок может укусить.

— Отметка на девять-два-шесть-четыре! — доложил Радар-2. — Дистанция четыре и девять десятых мегакилометра, пеленг один-семь-пять через три-три-два. Куча горячих гамма-квантов, одна и четыре десятых МЭВ — они антиматерией топят!

— Ускорение? — спросил Мирский.

— Отслеживаю… Одна и три десятых «же», подтверждается. Без изменений. Секунду…

— Связь, господин капитан! Бюллетень от «Камчатки».

— Докладывайте.

— Сообщение. Начало. Атакован ракетными заградителями противника, точка. Положение серьезное, точка. Где эсминцы, знак вопроса. Откликнитесь, кто может. Конец сообщения.

Мирский заморгал. *Корабли противника? Так быстро?*

Прииск Вольфа находится, можно сказать, прямо у порога Новой Республики. Это была система шахт, эксплуатируемая богатым и хорошо

индустриализованным Септагоном Центральным. *Какого хрена они пустили сюда корабли чужаков…*

— Вторая вспышка в направлении девять-два-шесть-четыре, — доложил Радар-1. — Тот же профиль излучения. Похоже, мы взбудоражили рой!

— Подождите! — проскрежетал Мирский. Он встряхнулся, явно пораженный неожиданным известием. — Подождите, черт побери! Посмотрим, что тут еще. Связь! Ни при каких обстоятельствах не отвечайте на сигналы «Камчатки» и вообще ничьи, сперва не получив моего разрешения. Если здесь корабли противника, то мы не знаем, не раскололи ли они наш код.

— Так точно! Молчание всех сигналов.

— Так. — Он наклонил голову, разглядывая экран. — Если это засада…

Следы гамма-лучей высветились на главном экране с пояснениями, указывающими положение источников и их вектора по отношению к находящейся впереди планетной системе. Один и три десятых «же» — не слишком большое ускорение, но достаточное, чтобы у Мирского мороз пробежал по коже: это был признак серьезных двигателей, ядерных, или на антиматерии, или

на квантово-гравитационной индукции, но уж никак не хилых ионных движков роботов-рудовозов. А это много что могло значить: субсветовые релятивистские бомбардировщики, ракетоносцы, внутрисистемные перехватчики — да что угодно. И «Полководец» должен будет проскочить мимо них к зоне следующего прыжка, что им дает возможность выстрела на ходу при скорости более тысячи километров в секунду… на которой песчинкой можно разнести корабль в клочья. Если это засада, то она уже все силы экспедиции пригвоздила.

— Радар! — сказал Мирский. — Импульс лидара на тридцать секунд. Потом постройте вектор перехвата этих чертовых штук. Смещение десять килокилометров в самой близкой точке. Ускорение десять «же». Бортовой залп двух СЕМ-20 со ста «ка».

— Есть!

— Ракеты к пуску готовы, пуск в минус десять секунд, — доложил капитан третьего ранга Хельсингас от Батареи-1.

— Пусть как следует посмотрят на наш профиль атаки, — пробормотал капитан вполголоса. — Вблизи и отчетливо.

Муромец на него покосился.

— Илья, держи людей в готовности.

Муромец кивнул.

— Гамма-вспышка! — доложил Радар-2. — Вспышка на один-четыре-семь-один, дистанция одиннадцать целых две десятых мегакилометра, пеленг один дробь семь-пять дробь три-три-два. Похоже на стрельбу, господин капитан!

— Вас понял. — Мирский сцепил руки, и Муромец вздрогнул, когда капитан щелкнул костяшками. — Спеши и жди. Рулевой, что там с курсом атаки?

— Готовим, господин капитан!

— Лидар вперед. Похоже, что мы в перестрелке, и они знают, где мы сейчас. Так что давайте и мы на них посмотрим.

Связь доложила:

— Господин капитан, новое сообщение, предположительно с «Камчатки». И еще одно с «Авроры».

— Читайте.

Мирский кивнул в сторону будки связиста, где старшина сматывал перфоленту, вылезающую из медной собачьей пасти.

— Сообщение с «Камчатки». Начало. Ведем бой с ракетоносцами противника, точка. Отстреливаемся, точка. Корабли противника с кормы

захватили нас радаром обнаружения цели, точка. Положение отчаянное где вы. Конец сообщения. Сообщение с «Авроры». Начало. Никаких контактов с противником, точка. Камчатка не на курсе готовится к коррекции элементов орбиты что за стрельба. Конец сообщения.

— Твою мать! — Муромец побагровел.

— Вот именно, — сухо отозвался Мирский. — Вопрос только — чью? Тактика! Наше положение?

— Цель найдена, капитан. Дистанция четыре целых восемь десятых «эм», скорость прохода сто километров в секунду. Боевой контакт в течение двух целых четырех десятых килосекунды.

— Значит, у нас… запас в триста секунд, — заключил Мирский, глянув на дисплей часов. — Должно хватить. Можем посмотреть на ближайший, не подходя настолько близко, чтобы их база запуска могла стрелять по нам, будто она ракетоносец. Всем все ясно? Артиллеристы! Протокол слежения за этими птичками в реальном времени. Интересно, на что они способны. Радар, спектроскоп на цель навести можете?

— На трех «ка» в секунду, с расстояния десять «ка»? Да, только нужен будет здоровенный маяк для задней подсветки.

— Будет вам маяк! — осклабился Муромец. —

Артиллеристы, уменьшить заряд у ракет до одной десятой килотонны перед выстрелом. У вас боеголовки — стандартные МП-3?

— Так точно!

— Вот их и оставьте.

Стоя в глубине мостика, Рашель постаралась не вздрогнуть. Давно работая в инспекции по вооружению, она слишком хорошо знала действие америциевых бомб: атомное оружие делалось с изотопом более плотным и активно расщепляющимся, чем плутоний, более стабильным, чем калифорний. Просто добрые старые атомные бомбы, окруженные объемным зарядом и линзой медных дробленых игл — шрапнелью, которая в вакууме разлетится от огненного шара взрыва остронаправленным конусом со скоростью, составляющей приличную долю от световой.

Следующие тридцать минут прошли в напряженном молчании, нарушаемом только краткими докладами от радаров. Больше ни одна цель не проявилась вспышкой из укрытия. В поясе Койпера они могли находиться, но их не было достаточно близко, чтобы увидеть лидарный импульс линкора или быть им увиденными. Тем временем пассивные сенсоры зарегистрировали два атомных взрыва в пределах половины свето-

вого часа — определенно кто-то вел стрельбу. А за этими взрывами возникли характерные турбуленции от появления из прыжка шести больших кораблей, запитывающих боевые лидары и расходящихся в стороны.

— Точка запуска через шестьдесят секунд, — объявил Хельсингас. — Две горячих СЕМ-20 уже на направляющих.

— Пуск по плану, — сказал Мирский, выпрямляя спину и глядя прямо перед собой на экран. Зеленая стрела, показывающая вектор «Полководца Ванека», выросла и стала уже показывать релятивистские искажения вокруг экстраполированного чувствительного острия: корабль приближался к полупроценту световой скорости, достаточно уже опасной. Слишком высокая скорость может не дать следить за целями, хуже того, она не даст уклониться, или быстро поменять вектор, или прыгнуть, уходя от опасности.

— Триста секунд. Заряжаем ракеты. Готовы, капитан!

— Излучение от цели! — доложил Радар-2. — Много… много… Это помехи, капитан!

— Лазерная сетка, освещение на цель! — скомандовал Мирский. — Артиллеристы, в пассивный режим.

— Есть!

В режиме пассивного нацеливания ракеты захватят цель, освещенную лазерной батареей «Полководца», и будут наводиться по отраженному свету.

— Цель по-прежнему медленно набирает скорость, — сообщил Радар-1. — Похоже на ракетоносец.

— Десять секунд. Направляющие запитаны.

— Пуск по готовности, капитан третьего ранга, — сказал Мирский

— Есть пуск по готовности. Восемь секунд. Данные введены. Инерциальная платформа в автономном режиме. Ракеты заряжены, боеголовки… зеленый. Пять секунд. Начало процедуры запуска, первая ракета. Пошла…

Палуба резко вздрогнула: десять тонн ракеты дернули корпус корабля, вылетая из соленоидной пушки со скоростью больше километра в секунду.

— Есть захват на лидаре. Зажигание включено. Первая ракета подтверждает запуск главного двигателя. Вторая ракета заряжена, зеленый… запуск. Пошла. Зажигание включено.

На экране переднего вида появились красные стрелы, показывающие продвижение ракет. У

них не было автономного источника энергии, ни один человек в здравом уме не посмел бы установить на нее квантовую черную дыру и построенный на ней двигатель — встроить такое в робота-самоубийцу. Вместо этого через лидар с фазовой дифракционной решеткой ракету поливали морем энергии, от которой вскипала и перегревалась реакционная масса, и ракета неслась вперед намного быстрее звездолета. Будучи оружием строго ограниченного радиуса действия с малым ускорением, эти ракеты уже отживали свой век, и единственным их назначением было доставить ядерное взрывное устройство на правильный вектор перехвата, как «автобус» древних систем ННВА — независимо нацеливаемых возвращаемых аппаратов. Реактивная масса выгорит после всего тридцати секунд полета, но к тому времени боеголовки уже будут пожирать расстояние между курсом «Полководца Ванека» и вражеским кораблем. Почти сразу после того, как звездолет пройдет сквозь строй, прилетят его ракеты — и нанесут смертельный удар.

— Радар-один, где они? — тихо спросил Мирский.

— Курс и вектор держат, — отозвался офицер. — И передают кучу спама.

— Первая ракета — заглушка главного двигателя через десять секунд, — сообщил Хельсингас. — Капитан, они пытаются ставить помехи. Без толку.

Он сообщил это с мрачным удовлетворением, как будто от знания, что неизвестные жертвы оказывают какую-то видимость сопротивления, у него появилась уверенность, что он все же не разносит их без всякого для себя оправдания. Даже обер-офицерам иногда бывало трудно вынести применение методов трех столетий ядерной войны.

Связь-2 доложила:

— Помехи убраны, капитан! Я принимаю сигнал бедствия… Два… Нет, три. Повторяю: три сигнала бедствия. Будто они начали вопить раньше, чем их стукнули.

— Поздно, — сказал Хельсингас. — Попадание через тридцать две секунды. Они в радиусе взрыва.

Рашель вздрогнула. Страшная возможность вдруг пришла ей на ум.

Мирский снова щелкнул суставами, сцепив пальцы.

— Артиллерия! Загрузить программу аварийного ухода и активировать в момент минус десять

секунд, если мы еще будем здесь.

— Есть! — отозвался Хельсингас. — Поддержка лазерной сеткой?

— Как сочтете нужным, — великодушно махнул рукой Мирский. — Можно полюбоваться на это световое шоу.

Хельсингас защелкал тумблерами, как одержимый. На экране улетающие ракеты прошли точки отключения главных двигателей и пошли по баллистической траектории; дополнительные ракеты противника стали разлетаться зловещими синими пальцами от точки местонахождения цели.

— Капитан, — медленно начала Рашель.

— Десять секунд. Они ставят серьезные помехи, капитан, но ракеты держат курс.

— А что если «Камчатка» ошиблась? Что если это гражданские рудовозы?

Мирский не обратил внимания.

— Пять секунд! Первая ракета готова к взрыву — дистанция десять «ка». Три секунды. Захват электромагнитным импульсом. Фиксация стабильная. Сенсоры, обратный отсчет расстояния. Оптика закрыта — взрыв. Капитан, подтверждаю детонацию первой ракеты. Взрыв. Вторая ракета сдетонировала.

— Радар, что там у вас?

— Жду, пока туман рассеется… Есть показания датчиков, капитан. Ракеты приближаются. Остатки взрывов забивают радар, лидар показывает лучше. Сработал спектроскоп, подтверждено поражение цели альфа. Кислород, водород, карбонитрил — из корпуса. Похоже, мы ему шкуру пробили, капитан.

— Пробили… — Мирский осекся и обернулся к Рашели. — Что вы там говорили?

— Что если это гражданские? У нас только сообщение с «Камчатки», что на них напали; никаких прямых свидетельств, кроме взрыва бомб — которые могут быть ее собственными.

— Чушь! — фыркнул Мирский. — Такой ошибки ни один наш корабль не допустит!

— Никто по нам не стрелял ракетами. Инструктаж перед прыжком предупреждал всех, что возможна встреча с ракетоносцами противника. Насколько вероятно, что «Камчатка» встретилась с гражданским рудовозом и по ошибке его с удовольствием разнесла? И то, что вам показалось атакой, на самом деле было экраном, который выстреливает корабль по всему, что движется?

Жуткая тишина. Унтера и офицеры смотрели на Рашель с неодобрением: нельзя так разговари-

вать с капитаном! Потом позади нее прозвучал голос:

— На Радаре — продукты ядерного распада, капитан. Цель разваливается. Гм… Господин капитан, принимаем сигналы аварийных маяков… Гражданских.

* * *

«Полководец Ванек» шел слишком быстро, чтобы сбавить ход, и не имел права этого делать как флагман и ведущее судно эскадры. Тем не менее был дан сигнал следующим в кильватере кораблям, и один из более старых свернул в сторону — подобрать уцелевших после этой сокрушительной атаки.

Общая картина, которая наконец нарисовалась часов через восемь, действительно была неприятной. «Ракетоносцы» оказались буксирами, которые тащили за собой передвижные роботизированные фабрики, медленно тралящие небесные тела пояса Койпера для извлечения гелия-три из глыб льда. Внезапное прибавление у них скорости имело простое объяснение: увидев чужие военные корабли, они в панике бросили грузовые модули, чтобы убраться на максимальной скорости. Один из далеких взрывов

устроила «Камчатка», почти попав в «корабль противника» — рудовоз «Индия». (В результате — незначительные повреждения корпуса и эвакуация воздуха из двух отсеков. К сожалению, в одном из них оказался капитан, который и отправился на встречу с Создателем.)

— А не-нечего на дороге попадаться, черт их побери, — прошепелявил адмирал Курц, когда контр-адмирал Бауэр доложил ему новости лично. — Че-чего еще они хотели? — Он встал, забыв на миг о своих стеклянных ногах. — Возмутительная глупость!

— Да, господин адмирал, но есть еще проблемы, — напомнил Бауэр, пока Робард старался снова усадить своего господина. — Данная система принадлежит Септагону, и мы, гм, получили сигналы полчаса назад, из которых ясно, что у них здесь есть линейный крейсер и он идет к нам наперехват.

Адмирал фыркнул.

— И что нам сделает один ли-линейный крейсер?

Рашель, пробившаяся на заседание штаба на том основании, что она как нейтральный наблюдатель обязана быть посредником в подобных ситуациях, смотрела на заикающегося Бауэра с

презрительно-едким интересом. *Неужто он действительно такой дурак?* Она перевела взгляд на адмирала, который сгорбился в кресле, подобно лысому попугаю, и глаза его маниакально блестели.

— Ваше превосходительство, корабль, что подает нам сигналы, является, согласно нашим последним сведениям, ударным крейсером класса «Аполлон». Радарная разведка докладывает о дополнительных следах, указывающих на полную боевую группу. Численное превосходство на нашей стороне, но…

Рашель кашлянула и перебила его:

— Вы им на один зуб.

Бауэр резко обернулся к ней.

— Что вы сказали?

Она похлопала ладонью лежащий перед ней на столе ЛП.

— Разведка обороны ООН считает, что решение Септагона строить корабленесущие крейсеры вместо обычных платформ ракеты/лазер, как у вас, дает ему серьезное преимущество при войне в масштабах планетной системы. Проще говоря, у них меньше огневая мощь на близкой дистанции, но они могу запустить рой перехватчиков, которые разнесут вас в клочья раньше, чем вы

приблизитесь на свою боевую дистанцию. Что серьезнее, они чертовски здорово воюют, и если я не ошибаюсь слишком уж намного, то один этот крейсер *сам по себе* превосходит по массе весь ваш флот. Не хотелось бы создавать у вас впечатления, что я недооцениваю ваши шансы против Септагонского флота, но если вы собираетесь с ними драться, то могли бы известить меня заранее? У меня был бы шанс первой добраться до спасательной капсулы.

— Что ж, капитан, мы же не можем спорить с экспертной оценкой правительства Земли? — Бауэр многозначительно кивнул своему заместителю.

— Никак нет, господин контр-адмирал. Полковник совершенно права.

Молодой и несколько суетливый лейтенант старался не смотреть на Рашель. Мелкий знак пренебрежения, из тех, которые она научилась не замечать.

— Гадские эти новопридуманные штучки, — прошамкал Курц себе под нос. — Но эти чертовы многоугольники не хотят нашего успеха, те-технофилы трусливые! — И громко: — Надо ударить!

— Абсолютно точно, — глубокомысленно кив-

нул контр-адмирал. — Если ударить в точку два по плану, оставив дипломатические тонкости посольствам… Кстати, лейтенант Косов! Что там с известиями? Есть дополнительная информация об этом Фестивале, его боевых порядках, побудительных мотивах? Что мы узнали?

— Так точно! — Лейтенант Косов снял и нервно протер пенсне. — Есть некоторая проблема. Кажется, что закладка от адмиралтейства еще не прибыла. Мы должны были увидеть ориентирный маяк, но, хотя мы уже находимся на нужной орбите, тут ничего нет. Либо они опоздали — либо вообще его здесь не поместили.

— Орбитальный маяк? — Наклонилась вперед Рашель. — Обычный буй-мишень? С дипломатическим пакетом, в котором содержится все, что Новая Республика узнала о Фестивале с момента нашего первого прыжка?

Косов настороженно глянул на контр-адмирала, и тот кивнул.

— Да, полковник. А в чем дело?

— Раз его здесь нет, то есть три варианта, если не ошибаюсь. Либо он здесь был, но его кто-то украл или отключил. Либо…

— Проклятые септагонцы!..

Робард быстренько наклонился над хозяином,

потом поднял глаза и красноречиво пожал плечами.

— Конечно, адмирал. Второй вариант, как я говорила, что его здесь еще не было. Какие-то просчеты, или не удалось найти какой-либо полезной информации о противнике, или про нас забыли, или еще что-нибудь.

В ход рассуждений врезался храп Курца. Все обернулись к адмиралу, Робард выпрямился.

— Боюсь, что в последнее время его превосходительство сильно беспокоила боль в ногах, и вводимая ему сейчас доза лекарства не способствует бодрствованию. Несколько часов он может проспать.

— Да, понятно. — Бауэр обвел взглядом сидящих за столом. — Я думаю, что следует вернуть его превосходительство в его каюту, а я как его заместитель подготовлю для него протокол совещания, и господин адмирал его посмотрит, когда будет себя лучше чувствовать. Или, может быть, у кого-то есть слова, предназначенные непосредственно его превосходительству?

Таковых не оказалось.

— Тогда перерыв на пять минут.

Робард с каким-то матросом быстренько откатили кресло адмирала прочь от стола и исчезли

за дверью. Все встали и отдавали честь, пока сопящего адмирала везли к выходу. Рашель старалась ничего не выразить на лице, скрыть отвращение и жалость при виде этого зрелища. *Он же мне во внуки годится. Как они могут так обращаться сами с собой*?

Бауэр, заняв место адмирала во главе стола, постучал по медному колокольчику.

— Заседание продолжается. Слово предоставляется представителю Земли. Итак, вы говорили?..

— Третья возможность — что Новой Республики больше не существует, — сказала Рашель обыденным тоном. И, не обращая внимания на возмущенные «ахи» вдоль всего стола, продолжила: — Вы имеете дело с врагом, о чьих возможностях не знаете ничего. Боюсь, что и ООН знает немногим больше вашего. Как я уже отмечала, есть три причины, по которым Новая Республика могла не связаться с вами, и полное ее поражение при агрессии есть всего лишь одна из них, но игнорировать ее нельзя. Мы сейчас на восходящей ветви замкнутой времениподобной петли, которая в конце концов вырежет себя из мировой линии данной вселенной, если вам удастся ее замкнуть в наше относительное прошлое — но для Новой Республики непосредственное будущее

— и захватить агрессора врасплох. Такое замыкание подразумевает несколько непривычных вещей. Во-первых, история, которая выходит к нам изнутри этой замкнутой петли, может не иметь никакого отношения к тому эвентуальному исходу событий, который нам желателен. Во-вторых… — Она пожала плечами. — Если бы перед этой экспедицией спросили моей консультации, я бы настоятельно не рекомендовала эту миссию осуществлять. Она, хоть и теоретически не является нарушением пункта Девятнадцать, опасно близка к действиям, которые навлекали в прошлом вмешательство Эсхатона. Он весьма и весьма не любит путешествий во времени, предположительно потому, что если дело зайдет слишком далеко, кто-то может вычеркнуть из реальности его самого. Так что есть возможность, что вы сейчас выступаете не против Фестиваля, а против большей силы.

— Благодарю вас, полковник. — Бауэр вежливо кивнул, но лицо его было маской неодобрения. — Я считаю, что в данный момент мы такую возможность можем не рассматривать. Если Эсхатон решит поучаствовать, то мы ничего все равно сделать не сможем, и потому давайте исходить из предположения, что он вмешиваться

не будет. В таком случае наш противник — это Фестиваль. Косов, что нам было о нем известно перед отлетом?

— А? Сейчас, секундочку… — Косов дико огляделся, зашелестел бумагами, вздохнул. — Да. Значит, так. Фестиваль… Фестиваль…

— Название его мне известно, лейтенант, — неодобрительно бросил контр-адмирал. — Что он собой представляет и чего хочет?

— Никто не знает. — Косов смотрел на замкомандующего, как кролик, застывший в прожекторе трансконтинентального экспресса.

— Вот видите, комиссар? — Бауэр склонил голову набок и посмотрел на Рашель целеустремленным взглядом хищника. — И что же могут сообщить мне о Фестивале достопочтенные межправительственно-координационные органы Земли?

— Гм!

Рашель встряхнула головой. Конечно, бедный мальчик сделал все, что мог — никто из этих людей ничего о Фестивале не знал. И она тоже не знала. Большой зияющий пробел.

— Итак? — напомнил Бауэр.

Рашель вздохнула.

— Все это весьма предположительно; ни один

житель Земли не имел прямых контактов с организацией, называющей себя Фестивалем, и потому наша информация получена из вторых рук и не может быть проверена. Честно говоря, она вообще неправдоподобна. Фестиваль представляется не правительством и не агентством такового — в том смысле, в котором мы это слово понимаем. На самом деле Фестиваль может даже быть не человеческой цивилизацией. Все, что мы знаем: нечто с таким именем появляется в далеких населенных системах — ранее его никогда не наблюдали ближе, чем за тысячу световых лет, — и… в общем, термин для описания происходящего, который мы неоднократно слышали, звучит как «Празднество», если это вам что-нибудь говорит. Все… все останавливается. И Фестиваль на некоторое время берет на себя управление повседневной жизнью системы. — Она посмотрела на Бауэра. — Вы это хотели знать?

Бауэр недовольно покачал головой.

— Нет, не это. Я хотел знать о его возможностях.

Рашель пожала плечами.

— Мы не знаем, — ответила она просто. — Я уже говорила, что прямых контактов у нас не было.

Бауэр нахмурился.

— Значит, для вас это в первый раз? Тогда перейдем к следующему вопросу: уточнения к навигационному плану «Дельта».

* * *

Через несколько часов Рашель лежала ничком на своей койке и старалась отключиться от окружающего мира. Это было непросто: слишком он назойливо ломился в голову, требуя внимания.

Она еще жива. Почему-то она понимала, что это следует воспринимать с облегчением, но увиденное на экране в конференц-зале встревожило ее больше, чем она готова была признать. Адмирал — пустое место в старческом маразме — в центре предприятия. Люди из разведки полны добрых намерений, но ни черта не знают и закостенели настолько, что для этой работы не годятся. Она до посинения пыталась им объяснить, как устроена передовая цивилизация, и они не поняли абсолютно ничего. Вежливо кивали, поскольку разговаривали с дамой — пусть даже сомнительной дамой, с *дипломатом*, — и тут же забывали или напрочь игнорировали ее совет.

В информационной войне не нападают лазерами или ракетами — это все равно что нападать на

железнодорожный локомотив с копьем и каменным топором. Нападение репликатора нельзя отражать, метая материю и энергию в машины, которые ими воспользуются как топливом.

Слушатели кивали одобрительно и переходили к обсуждению преимуществ активных контрмер перед системами пассивного наблюдения. До них не доходило, как будто сама идея такого образования как Фестиваль или даже Септагон попадала на слепое пятно, вездесущее в этой цивилизации. Смириться с тем, что женщина может носить брюки и даже мундир полковника, им было легче, чем воспринять идею технологической сингулярности.

Когда-то на Земле она посещала один семинар. Инженеры-герменевтики с ума сходили, пытаясь разобраться в путанице аркан сингулярности. Демографы тщились составить распределение по мирам колоний. А пара суроволицых наемников-командиров и консультанты по промышленному шпионажу старались найти какие-то долгосрочные гарантии от возвращения Эсхатона. Их всех собрали и перемешали с тесным кругом экспертов оборонной и дипломатической разведки ООН. Устраивали эту встречу Объединенные Нации, которые, как бетонный остров стабильности

в море карликовых государств, единственные могли провести такое глобальное мероприятие.

Во время семинара Рашель как-то пошла на вечеринку, устроенную на балконе из белого бетона в большом отеле, построенном на окраине Женевы — города ООН. Она была в мундире, работала аудитором в комиссии по ядерному разоружению. Черный мундир, белые перчатки, зеркальные очки, посылающие импульсами новости и данные о радиации в ее покрасневшие усталые глаза. Зарядившись смесью антагонистов алкоголя, она пила горький (и не действующий на нее) джин с каким-то космологом из Бельгии. Взаимное непонимание, чуть окрашенное предвкушением, втянуло их в пинг-понг разговора.

— Мы столького не понимаем насчет Эсхатона, — настаивал космолог, — особенно насчет его взаимодействия с рождением Вселенной. Большим взрывом.

Он приподнял брови, ожидая реплики.

— Большой взрыв. Это случайно не был взрыв пошедшего вразнос подпольного реактора?

Сказано было с совершенно невозмутимым лицом, чтобы принять это за шутку.

— Вряд ли. В те времена не было лицензирующих органов — в начале пространства-времени,

до эры расширения и первого появления энергии и массы, примерно в первую миллиардную долю от миллиардной доли миллионной доли секунды жизни Вселенной.

— Ну конечно, Эсхатон здесь ни при чем. Это же явление современное?

— Может быть, и ни при чем, — ответил он, тщательно подбирая слова. — А может быть, создавшие их обстоятельства сформировали необходимые условия возникновения Эсхатона, или существование чего-то, связанного со Вселенной вне Эсхатона. Есть целая школа космологии, утверждающая на основе слабого антропного принципа, что Вселенная такова, как она есть, потому что, если бы она была другая, мы бы не существовали и не могли бы ее наблюдать. Есть и… менее популярная теория, основанная на сильном антропном принципе, что Вселенная существует, дабы давать жизнь определенным типам сущностей. Я не думаю, что мы сможем понять Эсхатона, пока не поймем, почему существует Вселенная.

Она улыбнулась ему в тридцать два зуба и была благодарна прусскому дипломату, который спас ее, с поклоном попросив разъяснить историю падения Варшавы во время последних

неприятностей на Балтике. Примерно через год вежливый космолог был убит алжирскими религиозными фундаменталистами — они сочли, что его теория Вселенной есть кощунство против слов пророка Юсуфа Смита, начертанных на двух золотых скрижалях. Но в Европе, наполовину опустевшей и павшей жертвой того, во что превратился исламский мир, этим уже никого было не удивить.

Где-то в это время изменилась и она сама. Много десятилетий — добрую часть свой второй жизни, в начале двадцать второго века, — она провела в битвах против зла распространения ядерного оружия. Начинала она с дредами на голове, как активистка «Прямого действия», приковывала себя к оградам, в юношеской вере, что ничего плохого с ней случиться не может. Потом она поняла, что правильный способ действий другой: деловой костюм, наемные солдаты и угроза отмены страховых полисов должны поддерживать ее тихий голос. Все еще колючая и прямолинейная, но уже не такая сопливая нонконформистка, она научилась использовать систему с максимальным эффектом. Казалось, что гидра уже наполовину под контролем, бомбежки стали редкими — не более одной где-то раз

в два года, — когда Бертил пригласил ее в Женеву и предложил новую работу. Тут-то она пожалела, что так невнимательно слушала космолога — потому что алжирские «святые последнего дня» очень тщательно работали, когда подавляли типлеритскую ересь, — но тут уже было поздно: она слишком увязла в мелочной рутине расследований Постоянного комитета по хронологической и пробабилистической военной технике.

В процессе работы идеалист в ней бодался с прагматиком, и прагматик победил. Может быть, семена этого были посеяны еще в ее первом замужестве, может быть, появились позже: пуля в спину и полгода в госпитале в Калькутте ее переменили. Она сама тоже, конечно, стреляла, или же направляла механику превентивного возмездия, стерев с лица земли не одно гнездо фанатиков с ядерным оружием, будь то среднеазиатские борцы за независимость или свободные наемники, прикопившие в подвале слишком много бомб, а однажды — активисты движения в защиту жизни, решившие любой ценой защищать нерожденного ребенка. Идеализму трудно существовать, когда у других людей так много идеалов, предаваемых при реализации средствами, которые выбираются для борьбы за

них. Она прошла через Манчестер через три дня после окончательного крушения «Интер-сити Ферм», до того, как дождем смыло печальные груды пепла и костей с сожженных улиц. Она стала настолько циничной, что лишь полная смена понятий, широкий взгляд на перспективы человечества помог ей сохранить самоуважение.

И вот теперь — Новая Республика. Дыра в захолустье, если честно сказать. Ее надо переделать любыми необходимыми средствами, пока она не заразила этой грязью более просвещенных соседей, вроде Маласии и Туркии. Но ее жители все же люди — и при всем том, что они творят со средствами массового уничтожения в явном неведении об их мощи, они все же заслуживают лучшего, чем то, что получат от разбуженного и рассерженного Эсхатона. Лучшего, чем остаться биться головами о что-то, чего не могут постичь, вроде Фестиваля, чем бы он ни был. Если они не могут понять его, то ей, быть может, следует домыслить за них немыслимое, помочь им как-то свыкнуться с ним — если это возможно. Самым тревожным, что известно ООН о Фестивале — единственное, что она не сказала Бауэру, — было то антитехнические колонии, вступавшие с ним в контакт, исчезали, и когда Фестиваль уходил,

оставались только развалины. Почему такое происходило — она не имела понятия, но это был прогностически неблагоприятный признак.

* * *

Ничто так не способствует сосредоточенности разума человека, как знание, что через четыре недели его повесят, разве что знание, что именно он устроил диверсию на том корабле, на котором летел и на котором будет предан смерти через три месяца — со всеми, кто есть на борту. И хотя исполнение приговора еще далеко, шансы на отсрочку неизмеримо ниже.

Мартин Спрингфилд сидел в почти пустой офицерской кают-компании, держа в руке стакан чая, и бездумно таращился на потолочные бимсы. В отделке преобладали флотские мотивы: старые дубовые панели вдоль стен и деревянный паркетный пол, отполированный до блеска. На почерневшем от времени комоде стоял серебряный самовар под картиной маслом, изображающей человека, давшего кораблю имя. Полководец Ванек, ведущий кавалерийскую атаку при подавлении Восстания Роботов сто шестьдесят лет назад, — растаптывающий мечты граждан о жизни без принудительного труда на

службе аристократов. Мартин поежился, пытаясь успокоить собственных демонов.

«Моя вина, — думал он. — И разделить ее не с кем».

Неутешительная судьба.

Он глотнул, ощутив под горьким вкусом чая едкую сладость рома. Губы у него уже онемели. «Глупец, — подумал он. — Слишком поздно переделывать обратно. Слишком поздно признаться, даже Рашели, чтобы вытащить ее из этой ловушки. Надо было сказать ей с самого начала, пока она не взошла на борт. Держать ее подальше от мести Эсхатона». Теперь, даже если он во всем сознается, или если бы сделал это до того, как включили патч в контроллерах ядра двигателя, это бы только обеспечило ему дорогу на электрический стул. И хотя диверсия была необходима, и даже если непосредственно из-за нее никто не погибнет…

Мартин поежился, допил чай и поставил стакан рядом с креслом. Он бессознательно сгорбился, шея склонилась под тяжестью нечистой совести.

«По крайней мере я поступил правильно, — пытался сказать себе он. — Никто из нас не вернется домой, но хотя бы дом останется там, откуда мы вышли. И необжитая квартира Рашели тоже».

Он вздрогнул. Невозможно было даже думать о своей вине перед флотом, но знание о присутствии женщины на борту не давало ему заснуть в эту ночь.

Суровые сигналы, зовущие людей на боевые посты, прозвучали где-то час назад. Что-то надо было делать с группой боевых кораблей Септагона, взмывших, как потревоженное гнездо шершней, в ответ на гибель рудовозов. Мартину это было все равно. Где-то в схемах управления двигателя атомные часы тикали чуть медленнее, зацепляясь за едва заметный завиток пространства-времени из ядра двигателя. Ошибка была, разумеется, весьма малой, но нарушение принципа причинности усилит ее невероятно, когда флот начнет обратный путь сквозь пространство-время.

Мартин сделал это преднамеренно, чтобы предотвратить катастрофическое, непоправимое несчастье. Пусть флот Новой Республики считает, что замкнутая временеподобная петля будет всего лишь мелким тактическим маневром, на самом деле она — острие клина, того клина, который Герман велел остановить. Он, Мартин, заключил союз с ведомством гораздо более тайным и темным, чем организация Рашель. С его

точки зрения, люди из разведки обороны ООН просто подражали действиям его работодателя в малом масштабе — в надежде предотвратить их.

«Прощай, Белинда, — думал он, мысленно прощаясь с сестрой навсегда. — Прощай, Лондон. — Пыль веков съела столичный город, обратив его башни в пыль. — Здравствуй, Герман!»

Сейчас Мартину был ненавистен даже мерный стук часов на стене.

«Полководец Ванек», флагман флота, генерировал синхронизирующий сигнал всем прочим кораблям. И не только это: он задавал инерциальную систему отсчета, замкнутую на пространственно-временные координаты первого корабля. Чуть замедлив часы, Мартин добился, что обратная временная компонента маневра будет едва заметно испорчена.

Флот пойдет вперед в световой конус, может быть, на четыре тысячи лет, он начнет раскручиваться почти на все расстояние — но не настолько, насколько прошел. Прибытие к планете Рохард будет задержано почти на две недели — примерно столько занял бы быстрый бросок без всяких времениподобных замкнутых штучек, которые запланировало Адмиралтейство. И Фестиваль… Ну, что сделает Фестиваль с флотом, это уже его,

Фестиваля, дело. Мартин только знал, что ему, как и всем прочим, придется за это заплатить.

С кем они собрались шутить? Заявляют, что хотят использовать маневр только для уменьшения времени перехода — как же! Грудной младенец сообразит, о чем говорится в запечатанных в сейфе у адмирала приказах. *Дуря самого себя, Эсхатон не обманешь*. Может быть, Герман — точнее, то существо, что таилось за этим кодовым именем — будет там ждать. Может быть, Мартин сможет покинуть обреченный корабль, может быть, Рашели это удастся, а может быть, из-за каприза судьбы флот Новой Республики сможет победить Фестиваль в равном бою. А может быть, можно научить лошадь петь…

Он поднялся, слегка неуверенно, и отнес стакан к самовару. Налил себе чаю, потом добавил из граненого стеклянного графина, пока острый запах не поплыл над паром. Сел он в кресло слегка, пожалуй, жестковато; онемевшие пальцы и губы не слушались. Делать было нечего, только бежать от чувства собственной вины, напившись до потери сознания. Мартин и выбрал этот легкий путь.

Вскоре мозг переключился на более терпимые воспоминания. Восемнадцать лет назад, когда он был молодоженом и работал подмастерьем ин-

женера по обслуживанию, как-то к нему в одном баре на орбите возле Уоллстонкрафт подошел какой-то непонятный человечек.

— Могу я вас угостить? — спросил этот тип, судя по серому костюму то ли бухгалтер, то ли юрист. Мартин кивнул. — Вы Мартин Спрингфилд, — сказал подошедший. — Вы сейчас работаете на «Накамичи нуклеар», пашете, как трактор, и получаете мало. Мои спонсоры просили меня предложить вам работу.

— Ответ — «нет», — автоматически откликнулся Мартин.

Он заранее для себя решил, что опыт, полученный в «НН», ценнее, чем лишняя тысяча евро в год, а кроме того, иногда его параноидальный работодатель проверял лояльность своих работников такими фальшивыми предложениями.

— Конфликта интересов с вашим теперешним нанимателем не будет, мистер Спрингфилд. Работа, которую я предлагаю, не требует эксклюзивной лояльности, и в любом случае предложение не вступит в силу, пока вы не станете фрилансером или не уйдете в другую организацию.

— Что за работа? — приподнял бровь Мартин.

— Вы когда-нибудь задумывались, зачем вы существуете?

— Перестаньте нести… — Мартин осекся. — Это какая-то религиозная хрень?

— Нет. — Человек в сером смотрел прямо ему в лицо. — Совсем наоборот. — Никакого бога пока нет — в этой вселенной. Тем не менее мой работодатель желает принять меры предосторожности, чтобы Бог не возник. И для этого ему нужны человеческие руки и ноги. Поскольку он ими не оснащен, так сказать.

Звон разбитого об пол стакана вернул Мартина к реальности.

— Ваш работодатель…

— Считает, что вам может найтись роль в защите безопасности космоса, Мартин. Не называя имен… — Серый придвинулся ближе. — История долгая. Хотите ее послушать?

Мартин кивнул. Это казалось единственно разумным поступкам в совершенно бессмысленной, сюрреалистической ситуации. И кивнув, он сделал первый шаг по дороге, которая привела его через восемнадцать лет к пьянству в одиночку в кают-компании обреченного звездолета, когда считанные недели отделяли его от завершения миссии во флоте Новой Республики. В худшем случае — минуты.

Кончится тем, что он окажется в списках потерь

вместе со всем экипажем «Полководца Ванека». Родственников известят, прольются слезы на фоне трагической и бессмысленной войны. Но его это уже волновать не будет. Потому что он — как только допьет — встанет и пойдет, пошатываясь, в свою каюту и плюхнется на койку. Там он будет ждать того, что случится в ближайшие три месяца, когда лязгнут челюсти капкана.

* * *

В каюте было жарко и немного душно, несмотря на гудение вентиляции и капающей время от времени влаги из переполненной трубы за панелью рядом с головой Рашели. Спать не получалось, расслабиться тоже. Она поймала себя на желании с кем-нибудь поговорить, с кем-нибудь, кто может сообразить, что происходит. Она перевернулась на спину.

— ЛП! — позвала она, наконец поддавшись порыву, с которым безуспешно боролась. — Где Мартин Спрингфилд?

— Местонахождение. Кают-компания корабля, палуба «Д».

— Есть с ним кто-нибудь?

— Ответ отрицательный.

Она села. *Весь экипаж по боевым постам; како-*

го черта Мартин там делает один?

— Я иду туда. Легенда прикрытия: для всех людей на корабле я все еще у себя в каюте. Подтверди возможность.

— Подтверждаю. Перепрограммирование управляющей схемы тайного слежения выполнено.

Систему управления огнем и приводом перестроили, но старую сетку слежения за личным составом по нагрудным табличкам оставили — не используя, может быть потому, что она снижала потребность в зверствующих унтерофицерах. Рашель надела обувь, встала и взяла жакет с верхней койки. Минуту потратила, чтобы привести себя в приличный вид, потом пошла искать Мартина. Безответственно, конечно, покидать герметизируемую каюту, когда корабль готовится к бою, но Мартин тоже поступил безответственно. *Что он себе думает?*

Она быстро пошла к кают-компании. Коридоры корабля были зловеще тихи, вся команда — по герметичным отсекам и станциям контроля повреждений. Тишину нарушало лишь гудение вентиляционной системы — да еще тиканье часов в кают-компании, когда Рашель открыла туда дверь.

Единственным посетителем кают-компании оказался Мартин, и выглядел он хуже чем усталым — скорчился в мягком кресле, как выпотрошенная тряпичная кукла. Серебряный подстаканник стоял перед ним, наполовину полный коричневой жидкостью, которая, если Рашель хоть что-нибудь в этом понимала, чаем не была. Он открыл глаза, когда она вошла, но ничего не сказал.

— Тебе полагается быть в каюте, — заметила Рашель. — Сам знаешь, кают-компания не герметизируется.

— А какая разница? — Он шевельнулся, будто пожать плечами требовало слишком много усилий. — Честно, не вижу смысла.

— Я вижу. — Она подошла и встала перед ним. — Можешь идти в свою каюту или в мою, но ты будешь там *через пять минут*!

— Не помню, чтобы подписывал… с тобой… контракт на работу, — пробормотал он неразборчиво.

— Нет, не подписывал. И я это делаю не как твой работодатель, а как представитель твоего правительства.

— Тпр-ру-у! Нет у меня пвительтсва… — Мартин покачнулся, вставая с кресла, и болезненно

скривился.

— Новая Республика считает, что есть, а я — наиболее подходящий его представитель в этих обстоятельствах. Или ты предпочитаешь какой-нибудь другой выбор?

Мартин поморщился.

— Нет уж. — И снова покачнулся. — Кажется, у меня в левом кармане что-то вроде «4-3-1». Наверное, надо принять. — Он зашатался, нашаривая пачку антиалкогольного средства. — И нечего на меня собак спускать.

— Я не спускаю собак. Я даю тебе инерциальную систему отсчета для твоего же блага. Кроме того, я думаю, нам надо присматривать друг за другом, и я провалю эту работу, если не вытащу тебя отсюда в каюту, пока никто не заметил. За пьянство на военном корабле в боевом походе наказывают плетьми, ты не знал?

Рашель взяла его под локоть и осторожно повернула к двери. Мартин уже достаточно слабо держался на ногах, чтобы это оказалось простым делом. Рашель была высокой и имела бустеры, встроенные в скелетную мускулатуру как раз на такой случай, но у Мартина были свои достоинства: масса, инерция и низко расположенный центр тяжести. Какое-то время они изображали

прогулку пьяницы, пока Мартин не сумел налепить на ладонь антиалкогольный пластырь. Рашели удалось вывести его в коридор.

Когда они дошли до ее каюты, Мартин глубоко дышал и был бледен.

— Входи, — велела она.

— Хреново мне, — с трудом произнес он. — Найдется у тебя воды попить?

— Найдется. — Она закрыла люк и повернула запорное колесо. — Вон там умывальник. Ты такую конструкцию наверняка видел.

— Ага, спасибо.

Он включил воду, плеснул себе в лицо, потом взял фарфоровую чашку и стал жадно пить глоток за глотком.

— Это чертово алкогольное обезвоживание. — Он выпрямился. — Ты думала, у меня хватит ума этого не делать?

— Была такая мысль, — ответила она сухо.

Рашель стояла, сложив руки на груди, и смотрела на него. Он встряхнулся, как измазанная водяная крыса, и тяжело сел на аккуратно убранную койку Рашели.

— Мне очень нужно было кое-что забыть, — сказал он мрачно. — Может, даже слишком нужно. Такое не часто бывает, но, знаешь, когда заперт и

компания только из меня и состоит, это нехорошо. Все эти дни я провел в обществе кабелей, схем да нескольких юнцов-мичманов за обедом. Да еще призрак из ведомства Куратора ошивается вокруг все время, приглядывая за мной и ловя каждое слово. Как, блин, в тюрьме.

Рашель вытащила складной стул и села.

— Значит, ты никогда в тюрьме не был. Повезло тебе.

Он скривил губы.

— А ты, выходит, была? Общественный служащий?

— Ага. Восемь месяцев там провела — сельскохозяйственный картель засадил меня за промышленный шпионаж. «Эмнести малтинейшнл» сделала из меня узника торговли и наложила эмбарго, так что меня выпустили еще чертовски быстро.

Она вздрогнула от пришедших воспоминаний — бледных теней, бешеная яркость которых выцвела со временем. Это не был самый большой срок, что ей пришлось отсидеть, но прямо сейчас она ему этого говорить не собиралась.

Он покачал головой и едва заметно улыбнулся.

— Новая Республика — это для всех тюрьма. Как ты думаешь?

— Гм! — Она смотрела сквозь него. — Раз ты так говоришь, то, может, несколько сгущаешь краски.

— Ну ладно, согласись хотя бы, что все они пленники своей идеологии. Двести лет насильственного подавления не оставили им особой возможности дистанцироваться от собственной культуры и оглядеться вокруг. Отсюда и та каша, в которую мы сейчас влипли. — Он повалился на спину, головой к стене. — Извини, я жутко устал. Двойную вахту отстоял на калибровке двигателей, потом четыре часа на «Доблестном», выискивая неполадки в логике переключения управления подачи окислителя…

— Извиняю. — Рашель расстегнула жакет, потом нагнулась и сбросила ботинки. — Уф!

— Ноги болят?

— На этом чертовом флоте весь день не присесть. Нехорошо будет, если я тоже буду ходить сгорбившись.

Он зевнул.

— Сменим тему. Как ты думаешь, что будут делать силы Септагона?

Она пожала плечами.

— Наверное, выведут нас отсюда, держа на мушке, одновременно требуя компенсации с Но-

вой Республики. Они прагматики — треп насчет чести нации, доблести, храбрости и мужества им по барабану.

Мартин сел.

— Если ты позволила себе разуться, то не возражаешь чтобы я тоже…

Она махнула рукой.

— Будь моим гостем.

— А я думал, я должен быть твоим верноподданным.

Рашель засмеялась.

— Ты только ничего не выдумывай насчет своего статуса! Ох уж эти чертовы монархисты. Абстрактно я это понимаю, но как можно с этим мириться? У меня бы крыша поехала, клянусь. И десяти бы лет не выдержала.

— Хм. — Он наклонился вперед, развязывая шнурки. — А ты посмотри на это с другой стороны. У нас на родине люди сидят в кругу семьи и друзей, ведут уютную жизнь, одновременно делая два-три дела: возятся в саду, проектируют машины, пишут пейзажи и воспитывают детей. Энтомологи изучают мелких тварей, чтобы понять, как у них ножки дергаются. Почему мы этого не делаем?

— Я делала когда-то.

Он посмотрел на нее недоуменно, но она куда-то унеслась в воспоминаниях.

— Тридцать лет была домашней хозяйкой, можешь поверить? Такая была богобоязненная пара, муженек-кормилец, двое чудесных деток, в которых я души не чаяла, домик с садиком в пригороде. Каждое воскресенье — в церковь, и ничего, ничего не нарушало общепринятых приличий.

— Ага, так я и думал, что ты старше, чем кажешься. Реакция конца шестидесятых?

— Каких именно шестидесятых? — Она мотнула головой и сама ответила на свой риторический вопрос: — Две тысячи шестидесятых. Я родилась в сорок пятом. Выросла в баптистской семье, в баптистском городе, тихом и религиозном — был возврат к религии после Эсхатона. Наверное, все просто отчаянно перепугались. Давно это было, мне сейчас уже и вспомнить трудно. В один прекрасный день, когда мне было сорок восемь, дети учились в колледже, до меня дошло, что я никому не верю. Тогда были средства для продления жизни, и пастор перестал их обличать как сатаническое вмешательство в волю Божию — когда дедушка обыграл его в сквош, — и вдруг я увидела, что день этот пустой, и впереди у меня

еще миллион таких же дней, а на свете столько всего есть, чего я не делаю и делать не смогу, если останусь такой же. К тому же на самом деле я не *верила*: религии предавался мой муж, а я просто с ним за компанию. И я уехала. Прошла курс лечения, сбросила двадцать лет за полгода. Прошла обычную процедуру омоложения Стерлинга, сменила имя, сменила жизнь, сменила все на свете. Прилипла к анархистской коммуне, научилась жонглировать, влезла в радикальную деятельность против насилия. Гарри — пардон, Гарольд — с этим смириться не мог.

— Второе детство. Как подростковый период в двадцатом веке.

— Вот именно. — Она глянула на Мартина в упор. — А ты?

Он пожал плечами.

— Я моложе. Старше, конечно, чем все участники этого идиотского крестового похода детей здесь, на борту. Кроме разве что адмирала. — На миг, всего на миг у него стал такой вид, будто он смертельно устал. — Тебе здесь не место. И мне здесь не место.

Она посмотрела на него пристально.

— Тебе это все не нравится?

— Мы… — Он спохватился, бросил насторо-

женный испытующий взгляд на Рашель и начал снова: — Этот рейс обречен. Я думал, ты это знаешь.

— Да. — Она смотрела в пол. — Это я знаю, — спокойно сказала она. — Если мы не договоримся о каком-нибудь прекращении огня или не убедим этих ребят не использовать оружие, нарушающее принцип причинности, вмешается Эсхатон. Пульнет в них кометой из антиматерии, или что-то в этом роде. — Она подняла на него глаза. — А как ты думаешь?

— Я думаю… — Он снова замолк, потом ответил несколько уклончиво: — Если вмешается Эсхатон, значит, мы оба оказались не там, где надо.

— Ха! Действительно, свежая мысль. — Она вымученно улыбнулась. — Так ты сам откуда? Я тебе про себя рассказала.

Мартин потянулся, откинулся назад.

— Вырос в деревне, на холмах Йоркшира: козы, полотняные шапки и черные сатанинские мельницы, полные бог знает чего. А, да, еще обязательный танец с хорьками в пабе по вторникам — для туристов.

— Танец с хорьками? — недоверчиво посмотрела на него Рашель.

— Ага. Килт завязывают клейкой лентой во-

круг колен — как ты, вероятно, знаешь, ни один йоркширец принципиально ничего под ним не носит, — а хорька сажают за шиворот. Хорек — это зверушка такая, малость похожая на норку. Только куда менее дружелюбная. Это такой обряд инициации у молодых мужчин — хорька засовывают туда, где солнце не светит, и танцуют нечто вроде «ферри-данс» под аккомпанемент волынки. Последний, кто останется танцевать — ну, в этом роде. Вроде как у древних буров состязание по поцелуям с муравьедом. — Мартин театрально передернулся. — Ненавижу хорьков. Эти сволочи кусаются, как чистейший виски, только без тех приятных последствий.

— Значит, так вы выступали по вторникам, — сказала Рашель, начиная медленно улыбаться. — А по средам?

— О, по средам мы сидели дома и смотрели повторные показы «Дороги коронации». Старые видеофайлы подтянули до реалистических разрешений и снабдили, естественно, субтитрами, так что можно было понять, что там говорится. Потом поднимали по пинте чаю «Тетли» за падение дома Ланкастеров. У нас в Йоркшире это традиция. Помню празднование тысячелетия победы — но хватит обо мне. А ты чего по средам делала?

Рашель моргнула.

— Да ничего особенного. Разряжала атомные бомбы террористов, получала пулю от сепаратистов — алжирских мормонов. А, да, это когда я в первый раз взбунтовалась. А до того я водила деток на футбол, хотя не помню, в какой день недели это было. — Она отвернулась и пошарила у себя в чемодане под койкой. — А, вот она. — Рашель вытащила узкую коробку и открыла. — Может, тебе не стоило лепить тот антиалкогольный пластырь.

— Да я хреновый собутыльник. Нажрался в одиночку и впал в тоску, и тебе пришлось меня вытаскивать и протрезвлять.

— Может, тебе стоило найти копанию и надраться вдвоем, чем делать это в одиночку. — Появились две рюмки, Рашель наклонилась ближе. — Тебе водой разбавить?

Мартин критическим взглядом посмотрел на бутылку. Реплицированный пятидесятилетний солод, набравший силу в бочонке. Если это не наноклон оригинала, то стоит такая штука своего веса в платине.

— Буду пить аккуратно, а завтра зайду в лазарет и попрошу новое горло. — Он присвистнул в предвкушении, когда она налила приличную

дозу. — Как ты узнала?

— Что ты это любишь? — Она пожала плечами. — А никак. Я просто выросла на зерновом пойле. И не знала настоящего, пока не случилось одного задания на Сырте… — Лицо ее затуманилось. — Долгой и счастливой жизни.

— За это я выпью, — ответил он после секундного раздумья. Минуту они посидели молча, смакуя вкус виски. — Только мне было бы куда лучше сейчас, знай я, что происходит.

— Я бы по этому поводу не парилась. Либо ничего, либо мы погибнем так быстро, что не почувствуем. Септагонский несущий крейсер, наверное, совершит облет, чтобы убедиться, что мы не собираемся больше учинять беспорядки, потом сопроводит нас до следующей зоны прыжка, пока дипломаты будут спорить, кто кому чего платит. А сейчас я слышала, как связисты поминают мое имя всуе, сколько бы толку в том ни было. Надеюсь, это убедит Септагон сначала спросить, а потом стрелять.

— И еще лучше мне было бы, будь у нас способ слинять с этого корабля.

— Расслабься и выпей. — Она покачала головой. — Нет такого способа, так что не суши себе мозги. А вообще-то, если уж нас подстрелят, то

разве не лучше умереть, потягивая хороший виски, чем вопя от ужаса?

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты жуть до чего хладнокровная? Нет, извини, не так. Говорил тебе кто-нибудь, что у тебя шкура как у танка?

— Многие. — Она задумчиво уставилась в рюмку. — Это благоприобретенное. Не дай тебе бог, чтобы тебе пришлось стать таким.

— Ты хочешь сказать, что тебе пришлось?

— Да. Иначе мою работу не сделать. Мою последнюю работу.

— А что ты сделала? — спросил он тихо.

— Я не шутила насчет атомной бомбы террористов. На самом деле бомбы — это было проще всего остального, а трудно было искать тех мудаков, которые их закладывали. Найти мудака, найти устройство, устройство обезвредить, обезвредить помойку, откуда он эту дрянь выкопал. Обычно в таком порядке, но, бывает, сильно не повезет, и приходится действовать с засевшими в городе террористами, не потрудившимися сперва послать письмо с предупреждением. Тогда, если мы найдем мудака, самое трудное — удержать линчующую его толпу до тех пор, пока не узнаем, где он взял бабахалку.

— И случалось тебе проигрывать?

— То есть напортачить, чтобы погибло несколько тысяч человек, да?

— Нет, я не об этом. — Он нежно взял ее за свободную руку. — Я знаю, где ты бывала. Любая моя работа — если она не получается, кому-то приходится платить. Кем-то. Сотнями тысяч человек. А цена хорошей инженерной работы — другая: никто не замечает, когда она сделана правильно.

— Но никто и не пытается тебе помешать ее делать, — возразила она.

— Знаешь, ты бы удивилась.

Напряжение у нее в плечах спало.

— Не сомневаюсь, что у тебя на эту тему есть, что рассказать. Ты знаешь, для человека, не умеющего работать с людьми, ты на удивление здорово умеешь изображать жилетку, в которую следует плакать.

Он фыркнул.

— А ты для человека, занимающегося не своим делом, отлично справляешься, пока что. — Он отпустил ее руку и погладил сзади по шее. — Но я думаю, массаж бы тебе не помешал. Ты здорово напряжена. Голова еще не болит?

— Нет, — ответила она слегка неохотно и сделала еще глоток. Стакан был почти пуст. — Но я готова рассмотреть предложенный вариант.

— Я знаю три способа умереть счастливым. К сожалению, ни один из них пока мной не испытан. Составишь мне компанию?

— А где ты о них слышал?

— На спиритическом сеансе. Очень хорошем. А если серьезно, то доктор Спрингфилд предписывает принять еще одну дозу живой воды «Спейсайд», потом лечь и принять сеанс массажа шеи. А потом, если даже эти семиугольные решат пострелять, по крайней мере пятьдесят процентов здесь присутствующих умрут счастливыми. Как тебе?

— Отлично. — Она устала улыбнулась и потянулась к бутылке, чтобы налить себе. — Вот еще что. Ты был прав насчет нехватки информации. К этому можно привыкнуть, но легче не становится. Хотелось бы мне знать, что они думают…

* * *

На мостике корабленесущего крейсера флота «Неоновый лотос» зазвучали бронзовые колокола. Дымились благовония в курильницах над отдушинами вентиляции за изукрашенными золотом колоннами, обозначающими края зала. На фоне беспроглядной тьмы змеились сияющие глифы слежения. Координатор служб корабля

Ариадна Элдрич откинулась на спинку кресла, созерцая черноту космоса. Она внимательно рассматривала скопление глифов, перехватывавшее вектор корабля возле середины стены.

— Идиоты бескультурные. Что они себе думают?

— Вряд ли они вообще что-нибудь думают, — сухо заметил междиректоральный руководитель Маркус Бисмарк. — Наши новореспубликанские соседи считают, что от умственной работы мозги гниют.

Элдрич усмехнулась.

— Слишком даже верно.

Облако диадем поменьше следовало сходящимся путем за боевой эскадрой Новой Республики — эскадрилья перехватчиков на антиматерии (шесть часов пути от крейсера-матки), набирающих скорость на факеле жесткого гамма-излучения с ускорением чуть меньше тысячи «же». Их экипаж — витрифицированые тела и разумы, загруженные в вычислительные матрицы, — наблюдал за вторгшейся армадой, бдительно высматривая любые признаки активных контрмер, прелюдию к атаке.

— Они хоть подумали, в кого стреляют?

— Не уверена, но они говорят, что ведут вой-

ну. — Это произнес новый голос, тихое сопрано Чу Мелинды, представительницы Организации общественной разведки. — Они говорят, что по ошибке приняли те рудовозы за перехватчики противника. Хотя какого противника ожидали они встретить в нашем секторе…

— Я так понимаю, что они не обращались прямо к нам? — спросил Бисмарк.

— Не обращались, но у них на борту есть полуразумная дипломатическая экспертная система. Она называет себя наблюдателем ООН и идентифицирует себя как… гм… Наблюдателя ООН. Эта система сообщает об их некомпетентности, так что, если только Капитолий не захочет обвинять ООН во *лжи*, нам стоит сделать вид, что мы верим. Тем более что коэффициент достоверности больше ноль-восьми.

— А зачем они дали этой системе доступ к сети связи своего корабля?

— Только Эсхатон знает. Я только отмечаю не без интереса, что все корабли, кроме этого, построены на верфях Солнечной системы.

— Не могу сказать, что в восторге это слышать. — Элдрич сосредоточенно уставилась на экран. Корабль ощутил ее настроение, и курсор целеуказания призраком мелькнул по иерогли-

фам, означавшим противника, наводя гразеры на далекие световые конусы вражеской эскадры. — И все-таки, пока мы можем не дать им нанести больший ущерб — есть изменения в их траектории прыжка?

— Пока нет, — ответила Чу. — Все еще идут к СПД-47. Зачем вообще туда надо соваться? Это же не по пути ни к одной из их колоний.

— Гм… и появились из ниоткуда. Вас это не наводит ни на какие мысли?

— Либо они сошли с ума, либо не зря у них на борту инспектор ООН, — протянул Бисмарк. — Если они хотят выйти по времениподобной петле на какого-то противника, который…

У него глаза полезли на лоб.

— В чем дело? — спросила Ариадна.

— Фестиваль! — выпалил он. Глаза у него прыгали как сумасшедшие. — Помните его? Пять лет назад? Они хотят напасть на Фестиваль!

— Напасть? — едва сумела произнести Ариадна Элдрич. — На *Фестиваль*? Чего ради?

На краткий миг лицо у Чу остекленело. Выгруженное объединение с распределенным хранилищем памяти куда больше и мощнее, чем любая компьютерная сеть досингулярностной Земли.

— Он прав, — сказала она. — Режекционисты собираются атаковать Фестиваль, как будто это пограничный империалистический захватчик.

Ариадна Элдрич, координатор служб корабля и повелитель такой огневой мощи, которая даже и присниться не могла всему флоту Новой Республики, не удержалась и захохотала во все горло.

— Да они с ума посходили!

ТЕЛЕГРАММА ОТ МЕРТВЕЦА

До Сингулярности люди жили на Земле, смотрели на звезды и утешали себя в своей изоляции уютной верой, что Вселенной до них дела нет.

К несчастью, они ошибались.

Вдруг, как гром с ясного неба, летним днем в середине двадцать первого века нечто невиданное подобралось к кишащему термитнику земной цивилизации и помешало в нем палкой. В том, что это было проявление мощного сверхразума, настолько же непостижимого человеческому мозгу, как человеческий непостижим лягушачьему, — никто не сомневался. Откуда или из *когда* эта штука появилась — вопрос другой.

До Сингулярности разработки в области квантовой логики назойливо рекламировались как невероятный прорыв к созданию искусственного компьютерного интеллекта. Они также были полезны при закачивании информации обратно во времени — возможно, как путь для массивного перемещения материи со сверхсветовыми скоростями, хотя это казалось менее важным, чем применения их в компьютерах. Общая теория

относительности обнажила тот факт — еще в двадцатом веке, — что и перемещения со сверхсветовой скоростью, и путешествия во времени требуют нарушения принципа причинности — закона о том, что каждому следствию предшествует его причина. Различные защитные механизмы и законы космической цензуры, объясняющие, почему нарушения принципа причинности не ведут к расширяющейся нестабильности во Вселенной, предлагались и отбрасывались — во время Сингулярности выяснилось, что все они неверны.

Около девяти миллиардов человек просто исчезли в мгновение ока, высосанные из наблюдаемой вселенной, и следа не осталось, чтобы понять, куда они делись. Странные непроницаемые предметы — тетраэдры в основном, но и другие платоновы тела тоже, серебристые и лишенные массы, — появились на поверхности внутренних планет Солнечной системы. Сети рухнули. И из насыщенного информацией раствора человеческого дискурса кристаллизовалось сообщение:

Я — Эсхатон. Я не бог ваш.

Я происхожу от вас и существую в вашем будущем.

Да не нарушишь ты принципа причинности в моем историческом световом конусе. А не то.

Ошеломленные уцелевшие двадцать лет выцарапывались из разверзшейся после катастрофы пропасти. Исчезло более девяти десятых рабочей силы, сложные экономические экосистемы опали, как джунгли под дефолиантом. Еще пятьдесят лет ушло на реиндустриализацию внутренних планет Солнечной системы. Еще десять лет — до первых попыток применить устаревшую теперь технологию туннельного прорыва к межзвездным путешествиям.

В середине двадцать второго века один исследовательский звездолет добрался до звезды Барнарда. Расшифровав слабые радиосигналы, идущие от второй планеты, экипаж корабля узнал, что случилось с людьми, которых устранил Эсхатон. Рассеянные за пределами светового конуса Земли, они стали невольными колонистами тысяч миров: вывезенные через туннели, которые вели не только вперед в пространстве, но и назад во времени, они были снабжены минимальными условиями поддержания жизни в виде роботизированных фабрик и среды с пригодным для дыхания воздухом. У миров поближе к Земле история была краткой, но для находящихся

дальше прошли века.

Шок от этого открытия будет эхом распространяться по расширившимся горизонтам людской цивилизации еще тысячу лет. У всех обитаемых миров была одна общая черта: где-нибудь стоял монумент с предупреждающей надписью о нарушении принципа причинности. Казалось, что силы, людям непостижимые, приняли участие в делах человеческих и хотят, чтобы все это знали. Но если что-то явно запретить делать, всегда найдется кто-то, кто попробует. И Эсхатон не проявлял снисходительности к темным сторонам человеческой природы…

* * *

Линейный крейсер лежал в дрейфе, купаясь в пурпурном свете звездных останков. Каждый час зажигалась его лазерная сетка, посылая в пустоту импульс ультрафиолета, и сонм небольших платформ-интерферометров плавал рядом, подключенный широкополосной связью. А внешнее пространство было горячим: хотя ни одна звезда не мерцала в центре зрачкоподобного ядра, что-то сыпало оттуда дождем заряженных частиц.

Другие корабли эскадры расположились вокруг «Полководца» на таком расстоянии, что невоору-

женным глазом их не было видно. Они ждали здесь уже три недели, пока отставшие выйдут из прыжка и займут свое место в строю. За шесть недель до этого корабли совершали прыжок за прыжком, мотаясь между двумя компонентами древней двойной системы, которая давно уже изгнала свои планеты в глубокий космос и осталась стареть в одиночестве. Каждый прыжок уводил дальше в будущее, и в конце концов корабли делали тысячелетние прыжки в неизвестность.

Атмосфера в кают-компании была непривычно натянутой. В походе скука на корабле присутствует постоянно: после почти семи недель даже наиболее невозмутимые офицеры становятся раздражительными. Весть, что последние эсминцы прибыли уже на рандеву, распространилась как пожар несколько часов назад. Группка офицеров сгрудилась в углу, нянча охлажденную бутылку шнапса. За беседой в последние часы корабельной ночи они отчаянно пытались развеяться, потому что на следующий день корабль начинал путь назад, раскручиваясь обратно по собственной временной линии, пока не встретит собственную входную точку в эту систему и не вторгнется в свободно сплетенную ткань самой истории.

— Я на флот пошел, только чтобы увидеть бордели Маласии, — заметил Грубор. — Если слишком много времени нянчиться с фермой обработки отходов, скоро тебя ребята с мостика начинают воспринимать как мусор в невесомости. Они бегут развлекаться в каждом порту, а мне остается только промывать танки отходов да готовиться к экзаменам на инженера.

— Бордели! — фыркнул Боурсый. — Павел, ты слишком серьезно воспринимаешь собственные перспективы. В Маласии нет таких борделей, куда тебе или мне разрешат хотя бы близко подойти. Перед каждым увольнением Зауэр проверяет, насколько хорошо у нас миндалины отполированы, а потом оказывается, что сунуться можно только в вонючую дыру, и там полно кусачих насекомых, или туземцы политически ненадежны. Или психи. Или изуродованы и ушли в мерзкие и противоестественные половые извращения, или — сам придумай.

— И все-таки. — Грубор рассматривал стакан. — Я бы не отказался увидеть хотя бы одно мерзкое и противоестественное половое извращение.

Кравчук открутил крышку и показал бутылкой в сторону стаканов. Грубор покачал головой, Боурсый свой протянул.

— Вот чего я хотел бы знать, — тихо сказал Кравчук, — это как мы вернемся. Не понимаю. Время-то уже ушло? Само собой разумеется.

— Сам ты разумеешься! — Грубор глотнул крепкой жидкости. — Это не обязательно должно быть так только потому, что ты так хочешь. — Он огляделся по сторонам. — Никто не слышит? Так вот, мы тут по шею завязли. То секретное дополнение к приводу, что они хрен знает где купили, позволяет нам крутить с осью времени на прыжках. Мы в эту задницу космоса забрались в пространстве только затем, чтобы минимизировать шансы, что нас обнаружат или что прыжок будет неправильным. Они ищут какую-то там капсулу времени из дому, где нам скажут, что делать дальше, что там в учебниках истории написано. Потом мы возвращаемся обратно — дальше, чем мы сюда забирались, другим маршрутом, и оказываемся там, куда летим, раньше, чем вылетели. Пока сечешь? Но главная проблема тут — Бог. Они хотят нарушить Третью Заповедь.

Боурсый перекрестился с озадаченным видом.

— Это что, не чтить отца своего и мать свою? Да вся моя семья…

— Нет. Ту, которая говорит, что да не влезешь ты в ход истории, *а не то*. Подписанную «Искренне

Ваш, Бог». Третья заповедь, выжженная в Камне Благодарения буквами шести футов в глубину и тридцати в высоту. Допер?

Боурсый с сомнением прищурился.

— Да это мог быть любой шутник на орбите с лазером первичной фазы на свободных электронах…

— В те времена таких штук не было. Ну, я от тебя иногда балдею просто. Послушай, факт в том, что ни хрена мы не знаем, клянусь всеми шестнадцатью печами ада, что ждет нас возле Рохарда. И потому мы подкрадываемся сзади, как тот мужик-деревенщина, который ходил охотиться на слонов с зеркалом, потому что боялся их увидеть…

Уголком глаза Грубор заметил Зауэра — неофициального замполита корабля. Тот входил в кают-компанию.

— Ты кого это трусливой деревенщиной обозвал? — загремел Боурсый, тоже косясь на дверь. — Я кэпа нашего знаю восемьдесят семь лет, и он мужик что надо! А адмирал… Ты это адмирала голубым назвал?

— Да нет, я тебе *пытаюсь* объяснить, что мы каждый боимся кто того, кто этого… — Грубор сделал неопределенный жест.

— Так это *я*, значит, пидор? — взревел Боурсый.

— Да пошел ты! — заорал в ответ Грубор.

Тут кают-компания разразилась внезапными аплодисментами, и какой-то кадет заиграл на пианоле бравурный марш. К сожалению, его игре был присущ более энтузиазм, чем мелодичность или гармония, и присутствующие быстро разделились на его приверженцев (коих было мало) и всех прочих.

— Все будет как надо, — самодовольно произнес Боурсый. — Придем в систему Рохарда, покажем наш флаг и погоним этих дегенератов-захватчиков в шею. Сам увидишь. И все будет — то есть было — как надо.

— Я не про то. — Кравчук, обычно зажатый почти до аутизма, позволил себе чуть расслабиться в поддающей компании друзей-офицеров. — Я про эту иностранную чувиху, шпионку, или дипломатку, или кто она там. Ей, значит, положено за нами присматривать? Не знаю, чего капитан ее терпит. Я бы ее выставил из главного люка, чтобы воздух наш зря не тратила.

— Она тоже участвует, — возразил Боурсый. — Спорить могу, она тоже хочет, чтобы мы победили — а то ведь какой у нее будет дурацкий вид? Во-

обще у тетки какой-то дипломатический статус: ей позволяется совать нос куда хочет.

— Ха! Так пусть эта чувиха свой нос держит подальше от моих пусковых установок, если не хочет посмотреть, как трубы запуска изнутри выглядят.

Грубор вытянул ноги.

— Ага. Как собачка Хельсингаса.

— У Хельсингаса есть собачка? — Боурсый вдруг весь превратился в слух.

— Была. Прошедшее время. Той-шнауцер вот такого размера. — Грубор почти сдвинул ладони вместе. — Этакий хорек с мозгами крысы. С мерзким характером, гавкала всегда, как боцман с похмелья, и в коридоре все время гадила — показывала, что она здесь хозяйка. И никто ничего не говорил — не мог сказать.

— И что случилось?

— Как-то насрала не под той дверью. Старик вышел, торопился куда-то, и вступил в это дело раньше, чем посланный мной матрос успел убрать. Я про это слышал, а скотину эту больше никогда не видел. Думаю, ее домой пешком отправили. Хельсингас потом месяц мрачный ходил.

— Рагу из собачатины в кают-компании, — сказал Кравчук. — То-то же я шерсть из зубов

несколько дней выковыривал.

До Боурсого дошло не сразу, потом он неуверенно засмеялся. Припал к стакану, чтобы скрыть замешательство, и спросил:

— А чего капитан ее терпел так долго?

— А кто знает? Если на то пошло, кто знает, зачем адмирал терпит иностранную шпионку? — Грубор уставился в стакан и вздохнул. — Может, адмирал даже *хочет*, чтобы она была с нами. А может, просто про нее забыл…

* * *

— Разрешите доложить, господин лейтенант, есть отметка, — сообщил оператор наблюдения. Он возбужденно показывал на график на дисплее — дело происходило на мостике легкого крейсера «Непреклонный».

Лейтенант Кокесов поднял покрасневшие глаза.

— Чего там у тебя, Менгер?

Шесть часов нескончаемой собачьей вахты его достали. Он потер глаза и попытался сфокусировать на своем подчиненном.

— След на дисплее, господин лейтенант. Похож на… Это точно возврат от нашего первого светового импульса в секторе наблюдения. Шесть целых двадцать три сотых светового часа. Очень

малый объект. Обрабатываются данные… По всем признакам — металлический предмет. Орбита — около двух целых семи десятых миллиарда километров от центрального светила. Почти напротив нашего положения, учитывая задержку.

— Размер и параметры орбиты определить можешь? — спросил лейтенант, подаваясь вперед.

— Пока нет, но вскорости, господин лейтенант. Мы зондировали в этот час, и это должно нам дать полный набор элементов — как только придет отклик. Но это далеко, около сорока астрономических единиц. Предварительный анализ показывает, что объект имеет пятьдесят метров в диаметре с точностью до порядка величины. Может быть намного меньше, если на нем установлены отражатели.

— Ага. — Кокесов сел. — Штурман, нашли что-нибудь в этой системе, подходящее под такое описание?

— Никак нет.

Кокесов глянул на передний экран. Огромный, налитый красным глаз центрального светила смотрел на него в упор. Лейтенант поежился и произвел пассы, отгоняющие сглаз.

— Тогда, наверное, это наша капсула и есть. Менгер, есть там сопровождающие объекты?

Какие-нибудь вообще?

— Никак нет! Внутренняя часть системы чиста, как грифельная доска. Это даже неестественно, если меня спросить. Этот объект, и кроме — ничего.

Кокесов снова встал и подошел к посту наблюдения.

— Как-нибудь придется вас научить строить фразы, Менгер, — сказал он устало.

— Так точно! Виноват, господин лейтенант.

В рубке на десять минут наступило молчание, прерываемое лишь скрипом стила Менгера, вводящего данные, и цокотом клавиш под опытными пальцами. Потом тихий присвист.

— Что там?

— Есть подтверждение. Разрешите доложить, господин лейтенант, вам стоит посмотреть.

— Давайте тогда на главный экран.

— Есть! — Менгер пощелкал кнопками, покрутил рукоятки, еще что-то написал. Главный экран, ранее наведенный на красный глаз, расплылся морем розовых потеков. В середину их выползла желтая точка, в углу треугольником обозначилось положение корабля. — Это неотфильтрованная лидарная карта того, что перед нами. Извините, что так неясно, но масштаб круп-

ный — вся система в одном квадранте, и недели нужны были, чтобы построить вот этот набор данных. В общем, вот что будет, если я включу орбитальный фильтр на плоскости эклиптики. — Он нажал кнопку. Через кашу розового пролегла зеленая линия, повернулась, как часовая стрелка, и исчезла.

— Я думал, вы что-то нашли, — слегка раздраженно сказал Кокесов.

— Так точно. Одну минуту. Здесь, как видите, ничего нет. Но я перезапустил фильтр для наклонных круговых орбит. — У края тумана появился зеленый диск и чуть наклонился. Что-то замигало фиолетовым, ближе к центру, и снова исчезло. — Вот оно. Что-то очень мелкое, орбита почти под девяносто градусов к эклиптике. Вот почему мы эту штуку так долго не замечали.

— Ага. — Кокесов какое-то время разглядывал экран, наполняясь теплым чувством удовлетворения. — Связь, дайте мне капитана. Да, я знаю, что он на «Полководце». Тут у меня есть сведения, которыми начальство может заинтересоваться…

* * *

Прокуратор Василий Мюллер остановился перед дверью каюты и набрал в грудь воздуху. Постучал раз, другой. Не получив ответа, попы-

тался повернуть ручку — та не поддавалась. Он выдохнул, вытащил из правого рукава петлю из жесткой проволоки и сунул в щель для таблички. Как на тренировке: вспышка света, и ручка поддалась. Василий инстинктивно напрягся — последствия того же обучения (которое было нацелено на розыск и задержание, действия в ночном тумане сырого каменного города, где единственные постоянные факторы — страх и вражда).

Каюта была аккуратно прибрана. Не вылизана до блеска, как у нормального космонавта, но все же достаточно. Ее хозяин, дитя привычки, ушел обедать и еще как минимум минут пятнадцать не вернется. Василий огляделся, запоминая. Очевидных признаков, типа волос или тонких проволочек на дверном косяке, не было. Он вошел и затворил за собой дверь.

Вещей у Мартина Спрингфилда было немного: это понятно, его привлекли в последнюю минуту. Но того, что было, оказалось почти достаточно, чтобы Василий позавидовал: его присутствие на корабле было еще менее запланированным, и у него была куча времени, чтобы горько пожалеть о непонимании сократического предупреждения Гражданина («Что ты забыл?» — был задан вопрос

человеку, осматривающему готовый к отлету корабль). И все же у него была работа, которую надо делать, и достаточно профессионализма, чтобы сделать ее как следует. Все возможности исчерпались достаточно быстро, и единственное, что привлекло внимание прокуратора, был потрепанный серый футляр ЛП в ящичке стола под рабочей станцией каюты.

Василий осторожно перевернул прибор, выискивая стыки и лючки. ЛП был похож на книжку в твердом переплете; микрокапсулы, встроенные в каждую страницу, меняли цвет в зависимости от того, что на страницу было загружено. Но ни одна книга не умеет реагировать на голос своего хозяина или восстанавливать равновесие ядра корабельного двигателя. Вот корешок… Василий надавил, и после легкого сопротивления тот поднялся вверх, открывая отделение с нишами. Одна из них была занята.

«Нестандартное устройство расширения», — понял Василий.

Не думая, нажал на детальку. Она выщелкнулась, и он спрятал ее в карман. Если это что-то безобидное, то еще будет время вернуть ее на место. Присутствие Спрингфилда на корабле было для него как напильником по нервам: этот

человек не мог не замышлять какую-то пакость! На флоте полно своих хороших инженеров, зачем понадобился иностранец? После событий последних двух недель Василий даже мысли не допускал, что тут что-то менее серьезное, чем диверсия. Любой сотрудник тайной службы знает: совпадений не бывает; у государства слишком много врагов.

Задерживаться в каюте инженера он не стал, но остановился, чтобы оставить невинную бусину под нижней койкой. Через день из нее поползет паутина рецепторов — редкое и дорогое средство, которое Василию было доверено.

Замок двери щелкнул за его спиной. Беспамятный, он не сообщит хозяину о посещении.

У себя в каюте Василий заперся и сел на койку. Расстегнул воротник и полез в нагрудный карман за изъятым устройством. Покатал его в пальцах, рассматривая. Это могло быть что угодно, вообще что угодно. Потом вытащил из ящичка своих инструментов небольшой, но мощный прибор — запрещенный всем гражданам Республики, кроме тех, у кого был приказ Императора спасать государство от него самого — и проверил устройство на активность. Ничего очевидного не заметил: устройство не излучало, не пахло

взрывчаткой или биоактивными смесями, имело стандартный интерфейс.

— Интересная задачка: неизвестный модуль расширения в багаже инженера. Что бы это могло быть? — произнес он вслух. Потом воткнул модуль в собственный интерфейс и запустил диагностику. Через минуту он только тихо ругался себе под нос. Модуль был полностью рандомизирован. Уничтоженная улика недозволенных действий — в этом Василий не сомневался. Но каких именно?

* * *

Буря Рубинштейн сидел в герцогском дворце, реквизированным теперь под штаб Совета экстропии и киборгов, прихлебывал чай и распевал прокламации со свинцовым сердцем.

За толстой дубовой дверью его кабинета терпеливо ожидал взвод «диких гусей» — темные глаза и зловещие клювы стволов готовы были встретить незваных гостей. Полурасплавленный телефон, с которого началась революция, лежал, неиспользуемый, на столе, а стопка исписанных листов возле левого локтя росла, а стопка справа убывала. Не та работа, которой Рубинштейн радовался, скорее наоборот, но он считал ее необходимой. Солдат, обвиненный в изнасиловании

и грабеже, которого следовало наказать. Учитель, который обозвал исторический процесс Демократического Трансгуманизма пищей для технофилов и подстрекал своих юных питомцев распевать императорский гимн. Мусор, сплошь мусор, а революции некогда просеивать его, чтобы отделить крупинки золота, реабилитируя и перевоспитывая падших: месяц прошел с прибытия Фестиваля, и вскоре огромные стальные корабли Императора нависнут над головой.

Будь все так, как хотел бы Буря, войска Императора не нашли бы себе помощников в подавлении гражданского населения, которое сейчас было полностью поглощено процессом полномасштабной экономической сингулярности. Сингулярность — острие исторического клина, и возле этого острия скорость перемен растет экспоненциально, быстро устремляясь к бесконечности, а это страшно. Появление Фестиваля на орбите вокруг доиндустриальной колониальной планеты принесло экономическую сингулярность: материальные товары оказались просто рисунками атомов, бесконечно повторяемыми машинами, которым не нужно было вмешательство человека или обслуживание. Жесткий взлет сингулярности корежил

общественные системы, экономические уклады и образы мышления, как артиллерийский налет. И только заранее вооруженные — подполье диссидентов-экстропистов, суровые мужики вроде Бури Рубинштейна — готовы были продавливать собственные идеи в растекающуюся ткань общества, неожиданно оказавшуюся слишком близко к факелу прогресса.

Но перемены и власть имели цену, которая Рубинштейну нравилась все меньше и меньше. Не то чтобы он видел какие-нибудь альтернативы, но люди привыкли к пастушьему кнуту отеческой церкви и благодушной диктатуре маленького папочки, герцога Политовского. Привычки дюжин поколений не опрокинуть в одночасье, а омлет не приготовить, не разбив сколько-то яиц.

У Бури был один роковой недостаток: он не был человеком насилия. Он ненавидел и презирал обстоятельства, которые заставляли его подписывать ордера на арест и принудительную выгрузку. Революция, которую он столь долго воображал себе, была деянием славным, не омраченным грубой силой, и реальный мир — с его закоснелыми учителями-монархистами и фанатиками-священниками — разочаровывал его неимоверно.

Чем больше вынужден он был поганить свои идеалы, тем сильнее росла в нем внутренняя боль, тем сильнее было его горе, и тем сильнее ненавидел он людей, которые заставляют его совершать такие мерзкие, экстремистски-кровавые действия. Постепенно эти люди становились зернами в мельнице революции и заготовками скальпелей, что кололи его совесть и не давали ему по ночам спать, заставляя планировать новую волну чисток и принудительных выгрузок.

Он был погружен в заботы, забыв об окружающем мире, подавленный и еще сильнее загоняющий себя в это состояние той работой, которую он всегда хотел делать, но даже не представлял, как она будет ужасна, — и тут с ним заговорил голос:

— Буря Рубинштейн!

— Что?

Он поднял глаза чуть ли не виновато, как мальчишка, которого на уроке застукал за посторонними делами строгий школьный учитель.

— Говорить. Мы. Нужно.

Та штука, что сидела в кресле напротив него, была такой кошмарной, что он несколько раз моргнул, пока смог сфокусировать на ней глаза. Эта тварь была безволосая, розовая, больше че-

ловека, с толстыми ногами, мощными лапами, с рубиновыми глазками — и четырьмя большими желтеющими клыками, как резцы у крысы размером со слона. Глазки таращились на него с неприятной разумностью, а тварь возилась с со странной сумкой, свисающей с ремня, — другой одежды на ней не было.

— Говорить. Ты будешь говорить. Мне.

Буря поправил пенсне и прищурился.

— Кто вы такой и как сюда попали?

«Я слишком мало спал, — тихо забормотала половина его разума, — знал ведь, что от кофеина в таблетках в конце концов так и будет».

— Я. Сестра Стратагем Седьмая. Я из монофилетического таксона Критиков. Теперь говори со мной.

Выражение крайней озадаченности легло на небритое лицо Рубинштейна.

— Я вас казнил на прошлой неделе?

— Я очень в этом сомневаюсь.

Горячая вонь капусты, гниения и земли ударила в лицо Рубинштейна.

— Ну ладно. — Он откинулся назад в легком головокружении. — А то противно было бы думать, что схожу с ума. Как вы проникли сюда мимо охраны?

Тварь в кресле уставилась на него. Неприятное было ощущение, будто на тебя прикидывает петлю палача какая-то колбаса с пастью саблезубого тигра-людоеда.

— Ваша охрана. Не есть разумные существа. Нет интенциональной позиции. Теперь рано, вы усвоите урок не верить неразумной охране при распознавании угроз. Я сделала себя безвредной в их… у вас нет слова для этого понятия.

— Понимаю. — Буря рассеянно потер лоб.

— Нет, не понимаете. — Сестра Седьмая усмехнулась Рубинштейну, и он отпрянул прочь от двадцатисантиметровых клыков, коричневато-желтых и способных разгрызть бетон. — Не задавай вопросов, человек. Я спрашиваю: вы — разумны? Свидетельства противоречивы. Только разумные существа создают искусство, но ваши работы не необычны.

— Я не думаю… — Он остановился. — Что вы хотите знать?

— Вопрос. — Тварь в кресле так же продолжала улыбаться. — Вы спросили. Вопрос. — Она покачивалась из стороны в сторону, слегка подергиваясь, и Рубинштейн начал осторожно нащупывать под столом кнопку, включающую тревожный звонок в караульной. — Хороший

вопрос. Я суть Критик. Критики за Фестивалем много-много жизней летают. Мы приходим *Критиковать*. Первое, что я хочу знать: я Критикую сапиенсов? Или только представление марионеток в театре теней на стене пещеры реальности? Зомби или зимбо? Тени разума? Развлечение Эсхатона?

Холодок бегал про спине Рубинштейна вверх и вниз.

— Я *думаю*, что я — сапиенс, — сказал он осторожно. — Конечно, я бы так сказал, даже если бы не был им? Ваш вопрос не может иметь ответа. Тогда зачем его задавать?

Сестра Седьмая наклонилась вперед.

— Ваш народ ни о чем не *спрашивает*, — прошипела она. — Пища? Да. Оружие? Да. Мудрость? Нет. Начинаю думать, что вы не сознаете себя, не спрашиваете.

— А о чем спрашивать? — пожал плечами Буря. — Мы знаем, кто мы и что делаем. Чего нам хотеть — философии пришельцев?

— Пришельцы хотят *вашей* философии, — указала Сестра Седьмая. — Вы даете. Не берете. Оскорбление Фестиваля. Зачем? Первичный интеррогатив!

— Не уверен, что правильно понял. Вы жалуе-

тесь, что мы ничего не требуем?

Сестра Седьмая хлопнула пастью в воздухе, лязгнув клыками.

— Подтверждение! Цитата: «Показателем жизнеспособности постиндустриальной экономики дефицита является переход от экономики косвенного уровня, использующей маркеры обмена товарами и услугами, к экономике древовидной структуры, характеризующейся оптимальным распределением производственных систем в согласии с итерированной дилеммой заключенного «зуб-за-зуб». Деньги суть симптом нищеты и неэффективности». Конец цитаты. «Манифест марксистов-гилдеристов», глава вторая. Почему вы не выполняете?

— Потому что наш народ в массе своей к этому еще не готов, — ответил Буря без обиняков. Напряжение в спине стало проходить. *Если эта уродина хочет обсуждать революционную диалектику, уж я-то маху не дам!* — Когда мы построим посттехнологическую утопию, все будет так, как вы говорите. Но сейчас нам нужна руководящая партия, чтобы вести наш народ к полному пониманию принципов идеологической корректности и постэкономической оптимизации.

— Но марксизм-гилдеризм и демократическое

экстропианство — это анархистская эстетика. Зачем же руководящая партия? Комитет? Революция?

— Да потому что традиции такие, черт побери! — взорвался Рубинштейн. — Мы этой вот революции ждали больше двухсот лет! А до того — двести лет ждали первой революции, вот так у нас делается. И получается! Так отчего нам и дальше так не действовать?

— Разговоры о традиции в самый разгар Сингулярности. — Сестра Седьмая завертела головой, разглядывая в окнах туманный вечерний дождь. — Недоумение максимизировано. Непонимание, что сингулярность есть обрыв всех традиций? Революция необходима. Демонтировать старое, торжественно внедрить новое. Ранее сомневалась в вашей разумности. Теперь сомневаюсь в наличии безумия, разумности не сомневаюсь. Только разумные организмы могут демонстрировать суперлативную иррациональность!

— Вот это может быть и верно. — Рубинштейн осторожно уже в третий раз нажал под столом кнопку тревоги. *Какого черта она не работает?* — Но чего вы здесь от меня хотите?

Сестра Седьмая обнажила зубы в ухмылке.

— Я прихожу приносить Критику. — Рубиновые вытянутые глаза уставились на Рубинштейна. Критикесса резко встала, под коричневой грязной кожей дрогнула рябь мускулов. На голове поднялась венчиком бахрома рыжеватых волос. — Твои охранники не ответят. Я Критикую. Ты идешь со мной. Немедленно!

* * *

В боевой рубке «Полководца Ванека» было тихо и спокойно по сравнению с почти паникой возле Прииска Вольфа, и все же никто бы не сказал, что это мирный рейс. Нет, ведь Илья Муромец стоял в глубине рубки, пристально за всем наблюдая. Старик заглядывал не менее двух раз в сутки — просто кивал от дверей, но все замечали, что он здесь. Иногда даже адмирал присутствовал, мрачно и молча глядя из своего инвалидного кресла — воспоминанием о предыдущей войне.

— Возможность финального маневра через час, — доложил рулевой.

— Так держать!

— Есть так держать. Разведка? Ваша подача.

— Есть наша подача! — Лейтенант Марек повернулся вместе с креслом и глянул на Илью вопросительно. — Желаете лично осмотреть беспилотный бот, господин капитан?

— Нет. Если не будет работать, я буду знать, кто виноват. — Илья улыбнулся, пытаясь смягчить свои зловещие слова, но, обнажив зубы, стал похож на волка, загнанного в угол. — Профиль запуска?

— Удерживается на минус десять минут, господин капитан!

— Хорошо. Потом опять запустите самотестирование, вреда не будет.

Никто в рубке не знал наверняка, действительно ли этот металлический отражающий предмет — капсула из дома. Может быть, беспилотный аппарат это выяснит, а может быть, и нет. Но чем дольше длилось ожидание, тем сильнее росло напряжение, а чем сильнее было напряжение, тем больше росла вероятность ошибки.

— С виду все отлично, господин капитан. Двигатели на холостом ходу, один процент мощности, танки с горючим полны, рейки наддува и замки́ расстыковки готовы, приборы отлично поют на всех каналах. Готов начать закрытие ангара запуска по команде.

— Ну ладно. — Илья сделал глубокий вдох. — Кто там, включайте нагнетатель. Поехали.

Глубоко внизу, у кормы корабля, глубже машинного отделения и складов, располагался

ряд воздушных шлюзов. Некоторые, рассчитанные на выход экипажа, были малы, другие, для вспомогательных кораблей вроде станционных шаттлов — побольше. В самом большом ангаре находилась пара беспилотных разведчиков — трехсоттонных роботов, способных вести наблюдение за звездной системой или составлять карты лун газовых гигантов. Роботы не могли нести гравитационных двигателей (этого не мог ни один корабль меньше эсминца), но вполне развивали приличные двадцать с чем-то «же» на атомно-электрической ионной тяге, и держать это ускорение могли достаточно долго. Для более быстрых полетов их можно было оснастить ракетами, расщепляющими соленую воду, как у торпед дальнего действия «Полководца», но эти ракеты были грязными, относительно неэффективными и совсем не годились для скрытного картографирования планетных систем.

На каждом роботе был установлен комплект приборов утыканных датчиками гуще, чем любой зонд, запущенный с Земли в двадцатом веке. Это был регресс по отношению к номинальной цели проекта «Полководца Ванека», полуироническ ой цели, записанной в сертификате конечного пользователя: «Идти храбро туда, где не бывал

еще человек, картографировать звездные системы в длительных экспедициях и занимать эти системы именем Императора». Сброшенный в необитаемой системе, такой зонд мог составить ее карту за пару лет и был готов дать полный отчет, когда линкор вернется к нему по дороге от собственной цели. Это было невероятное подспорье для картографов колоний, позволяющее одному исследовательскому кораблю картографировать три системы одновременно.

Глубоко в корпусе «Полководца» пробуждался от двухлетнего сна первый зонд. Команда матросов суетилась под бдительным взглядом двух старшин, отцепляя тяжелые топливные шланги и замыкая осмотровые люки. В своем выстеленном свинцом гробу зонд бурчал, прозванивая набитое реактивной массой и охладительной водой брюхо. Тихо гудел компактный термоядерный реактор, импульсный ускоритель выпрыскивал смесь электронов и пи-мезонов в поток ионов лития со скоростью чуть меньше световой; разлетались нейтроны, поглощаемые кожухом водяных труб, согревая их и подпитывая волны давления в замкнутом цикле охлаждающей системы. Вторичные солнечные генераторы, снятые на этот полет за ненадобностью, лежали,

завернутые, в углу ангара.

— Пять минут до старта. Ангар запуска докладывает о герметизации отсека реактора. Топливная команда отсоединила шланги, давление в баках стабильное. Жду данных телеметрии.

— Продолжайте.

Илья терпеливо смотрел, как команда Марека следит за ходом запуска. Он только раз оглянулся, когда приоткрылась дверь в рубку, но это был не капитан и не контр-адмирал, а шпионка… то есть дипломатический агент с Земли. Только место занимает и воздух расходует — по мнению кавторанга, — хотя старпом и понимал, почему адмирал и его штаб не мешает ей настырно всюду совать свой нос.

— Что вы запускаете? — спросила она кратко.

— Робота наблюдения.

— А что наблюдать?

Он обернулся и посмотрел на нее в упор.

— Не помню, чтобы мне говорили, будто у вас есть полномочия следить за чем бы то ни было, кроме наших военных действий.

Инспектор пожала плечами, игнорируя оскорбление.

— Может быть, если вы мне скажете, что ищете, я помогу вам это найти.

— Маловероятно. — Он отвернулся. — Лейтенант, состояние?

— Две минуты до старта. Отсек телеметрии герметизирован. Подтверждение сигнала от бортового управления. Отсечка топлива включена, пусковая установка готова, разгерметизация ангара через шестьдесят секунд.

— Это капсула с сообщением, — тихо произнесла инспектор. — Ждете письма из дома, капитан?

— Вы меня утомляете, — бросил Илья почти небрежно. — Не стоит этого делать. Эй, вы! Да, вы! Состояние!

— Идет откачка воздуха из ангара. Открывается внешний пусковой люк… Питание пусковой установки включено, зонд переходит на внутреннее питание… Перешел. Пуск через минуту. Идет последняя предполетная самопроверка.

— Такая у меня работа — задавать неприятные вопросы, капитан. И важный вопрос *сейчас*…

— Будьте добры соблюдать тишину.

— Предмет, который вы хотите зондировать — его сюда поместило ваше Адмиралтейство или Фестиваль?

— Пуск через тридцать секунд, — доложил в наступившей тишине лейтенант Марек и поднял

глаза. — Я что-то не то сказал?

— О чем вы говорите? — спросил Илья.

Рашель покачала головой и сложила руки на груди.

— Если не хотите слушать — ваше право.

— Десять секунд до запуска. Форсунки открыты. Реактор выходит на критический режим. Поток мюонов нормален, шлюзы акселератора — чисто. Точка удвоения потока реактора пройдена. Пять секунд. Направляющие запуска включены! Главный теплоотвод в рабочей температуре!

Тяжелая вибрация сотрясла палубу.

— Две секунды. Реактор в рабочей температуре. Отделение шлангов. Ноль. Полное отделение. Первый зонд вышел из ангара запуска. Двери закрываются. Гироскопы в норме, давление в баках максимальное, три секунды до запуска главного двигателя.

Дрожь стихла.

— Заслонка — чисто. Включение главного двигателя.

В рубке ничего не шевельнулось, но в нескольких метрах от корабля из подобного жалу хвоста зонда вырвался красно-оранжевый пучок тяжелых ионов металла. Зонд стал отходить от корабля, и тут же раскрылись два огромных кры-

ла — радиаторы тепла.

Илья принял решение.

— Лейтенант Марек, возьмите управление на себя. Полковник, пойдемте со мной.

Он открыл дверь. Она вышла за ним в коридор.

— Куда мы идем?

— На небольшой разговор, — ответил он.

Быстро шагая к конференц-залу, он не стал ждать, чтобы она догнала его. На лифте, опять по коридору — в зал со столом и стульями, к счастью, свободный. Муромец подождал, пока подойдет инспектор, потом закрыл дверь.

— Садитесь, — предложил он.

Инспектор села на краешек кресла, подалась вперед и стала смотреть с серьезнейшим лицом.

— Вы думаете, я хочу вас на части разорвать? — начал он. — И правильно думаете, только причина не та.

Она подняла руку.

— А давайте угадаю. Заговорила о политических вопросах в присутствии подчиненных? — Она смотрела на него почти насмешливо. — Послушайте, капитан! Пока я не вышла на палубу и не увидела, что вы делаете, я не знала, что происходит, но сейчас я серьезно думаю, что вам лучше

бы меня послушать, а потом пересказать командиру корабля. Или контр-адмиралу. Или обоим. Субординация — это все очень хорошо, но если вы хотите подобрать эту аномалию с орбиты, то, я думаю, меньше шести часов остается до того момента, когда все полетит к чертям. И я хотела бы, чтобы мои слова до вас дошли. Так что давайте отложим театральные эффекты — у нас еще будет на них время, — и сейчас займемся делом.

— Вы все время пытаетесь внести сумятицу.

— Ага. Я это сделала своей профессией. Лезу во все углы, задаю неудобные вопросы, и сую свой нос в чужие дела, и нахожу ответы там, где никто их не ожидал увидеть. Пока что я спасла восемь городов и семьдесят миллионов жизней. Хотите, чтобы я была не так назойлива?

— Скажите мне, что вы знаете, и тогда я буду решать.

Он тщательно подбирал слова, будто оказывал величайшее снисхождение ее недисциплинированному отказу знать свое место.

Рашель откинулась на спинку.

— Это вопрос дедукции, — сказала она. — Потому неплохо знать хотя бы кусок контекста. Для начала: этот корабль — этот флот — не случайно рванул по пространственноподобному маршруту

за четыре тысячи лет в будущее. Вы пытаетесь сделать маневр, который нарушает, но не совсем, кучу договоров и пару законов, установленных полубожественным декретом. Вы не собираетесь входить в собственный световой конус прошлого, но хотите подойти к этому очень близко — уйти глубоко в будущее, чтобы обойти всех наблюдателей, или пожирателей, или мины, которые Фестиваль мог установить на вашем пути, прыгнуть к цели, потом вернуться в прошлое и случайно выйти из полета чуть-ли-не-перед появлением Фестиваля. Вы знаете, какие выводы и я из этого делаю? О крайнем безрассудстве. Третье Правило не зря дано. Испытывать его — значит барабанить в дверь Эсхатона.

— Это я все знаю, — подтвердил Илья. — Итак?

— Ну, вам стоит спросить, что же тогда мы должны ожидать здесь найти? Мы сюда прибыли и искали буй. Капсулу из времени с подробными тактическими описаниями из нашего прошлого светового конуса — то есть оракула, который нам расскажет о враге куда больше, чем мы могли бы знать, так как наша временная линия не пересекалась с его. Снова жульничество. Но мы живы.

— Не понимаю. Почему такого не может быть?

— Потому что… — Она посмотрела на него дол-

гим взглядом. — Вы знаете, что бывает с людьми, которые нарушение принципа причинности используют как оружие? А вы невероятно близко к этому подошли, что само по себе уже безумие. И вам это сошло с рук! Такого просто нет в сценарии, если только правила не поменялись.

— Правила? Вы это о чем?

— Правила. — Она закатила глаза. — Законы физики бывают в некоторых случаях подозрительно человеческими. Начиная от принципа неопределенности Гейзенберга, что присутствие наблюдателя действует на объект наблюдения на квантовом уровне, исходя из чего можно вывести кучу поразительных взаимосвязей во Вселенной. Рассмотрим, например, отношение сильных ядерных взаимодействий к электромагнитным силам. Чуть-чуть изменить его в одну сторону — нейтроны и протоны не станут вступать в реакцию, — не будет термоядерного синтеза. Сдвинуть в другую — цикл ядерных реакций остановится на гелии — и никогда не образуются более тяжелые ядра. Столько есть подобных корреляций, что космологи строят теории, будто мы живем во Вселенной, которая существует специально, чтобы породить наш вид жизни или что-то, от нее происходящее. Например, Эсхатон.

— И что?

— И то, что вы нарушили какие-то из более загадочных космологических законов. Те, которые утверждают, что Вселенная, где происходит истинное нарушение принципа причинности — путешествие во времени — де-факто нестабильна. Но нарушение принципа причинности возможно, только когда есть агент причины, в данном случае наблюдатель, и потомки этого агента подвергаются серьезному воздействию этого нарушения. Сформулируем это иначе: это принято как закон космологии потому, что Эсхатон не терпит идиотов, его нарушающих. Вот почему моя организация старается объяснять людям, что этого делать нельзя. Не знаю, пытался ли кто-нибудь объяснить вашему Адмиралтейству, что произошло в том дальнем углу космоса, где сейчас Крабовидная туманность? Там теперь пульсар, который не является естественным — скажем так, — и истребленные виды будущих возможных завоевателей галактики. Кто-то попытался обойти правила — и Эсхатон это пресек.

Илья заставил себя отцепить пальцы от ручки кресла.

— Вы хотите сказать, что капсула, которую мы решили подобрать — бомба? Но ведь Эсхатон уже

попытался бы нас убить или хотя бы захватить…

Она невесело осклабилась.

— Если не верите мне, то это ваша проблема. Мы — я имею в виду Комитет ООН по анализу интеллектуального каузального оружия — видели с полдюжины инцидентов подобного рода, когда та или иная тайная попытка создать устройство, нарушающее принцип причинности, приводила к беде. Обычно ничего столь грубого, кстати, как ваш замкнутый времениподобный путь и хакерское предсказание; это были действительно Устройства, Нарушающие Причинность. Редакторы истории, минимаксные цензоры, дедовские бомбы и по-настоящему мерзкое устройство, называемое пространственноподобный аблятор. Существует целая онтология каузального оружия, как и ядерного — атомные бомбы, термоядерные с атомным запалом, электрослабые взрывные устройства и тому подобное.

Каждая такая локализация, где мы видели развертывание УНП, бывала тщательно и систематически превращена в пыль неизвестными силами — но силами, явно восходящими к Эсхатону. Мы никогда не *видели* процесса разрушения, потому что Большой Э в таких случаях любит избыточные воздействия. Самое мелкое средство

уничтожения у него вроде пятисоткилометрового астероида, падающего на региональную столицу на скорости двести километров в секунду.

И потому мне кажется большим сюрпризом, что мы еще живы. — Она оглядела пустые стулья, отключенную рабочую станцию на столе. — Да, и еще одно. Эсхатон всегда истребляет УНП *до того*, как они начинают работать. Мы думаем, что он знает, где их найти, потому что у него есть собственные УНП. Нечто вроде сохранения региональной ядерной гегемонии путем нападения на тех, кто строит завод по обогащению урана или атомный реактор. Как бы там ни было, вы не пытались нарушить принцип причинности — *пока что*. Флот собирается, вы обнаружили капсулу, но вы еще фактически не замкнули петлю и не воспользовались предсказанием в запрещенном контексте. Вы можете даже уйти целыми, если прыгнете обратно, но не попытаетесь выйти раньше точки старта. Только я бы поосторожнее отнеслась к открытию этой капсулы. По крайней мере, сделайте это на приличном расстоянии от прочих ваших кораблей. Неизвестно, что в ней содержится.

Илья неохотно кивнул.

— Я думаю, командира корабля следует изве-

стить.

— Да уж. — Она глянула на консоль. — И еще одно. Я думаю, вам понадобятся все преимущества, которые только можно получить, и одно из них сейчас сидит у себя в каюте и пальцами вертит. Может быть, вам стоит перемолвиться словом с Мартином Спрингфилдом, инженером с берега. Он человек странный, и вам придется к нему отнестись снисходительней, чем вам бы хотелось, но я думаю, он знает больше, чем говорит, и куда больше, когда дело идет о системах приводов. «МиГ» не стал бы платить ему две тысячи крон в неделю просто за красивые глаза. Когда «МиГ» продал эту вот птичку вашему Адмиралтейству, он подписал еще и контракт на пятидесятилетнее обслуживание и модернизацию — что может принести даже больше доходов, чем сама продажа.

— Что вы мне тут хотите сказать? — Илья выглядел раздраженным. — Инженерные вопросы не ко мне, и вам это уже следовало бы знать. И я был бы вам благодарен, если бы вы воздержались от советов, что мне надо и что не надо…

— Придержите язык. — Она потянулась вперед и схватила его за руку — не сильно, но достаточно, чтобы шокировать. — Вы же не понимаете, как работает оружейный картель? Так слушайте.

«МиГ» продал вашему правительству корабль, удовлетворяющий определенным спецификациям. Отвечающим тем требованиям, о которых мечтает Адмиралтейство. Истинные спецификации, под которые корабль *спроектирован* — дело другое, но фирма наверняка намеревалась выставлять счета за модернизацию в течение всего срока его службы. И у фирмы наверняка больше опыта реальных межзвездных войн, чем у вашего Адмиралтейства, которое таких войн не вело, а лишь посылало несколько канонерок для подавления дикарей каменного века. Будьте со Спрингфилдом поласковей, и он вас может удивить. В конце концов, его жизнь зависит от того, справится ли корабль со своей задачей.

Она выпустила руку Муромца.

Илья смотрел на нее с непроницаемым лицом.

— Я доложу капитану, — заявил он и встал. — Тем не менее, я был бы очень вам благодарен, если бы вы держались подальше от боевой рубки, когда там моя вахта, или же воздержались бы от советов. И не трогайте руками моих офицеров. Это понятно?

Она встретила его взгляд. Если по его лицу ничего нельзя было прочесть, то ее глаза ничего не скрывали.

— Отлично поняла, — выдохнула она, встала и вышла из зала, не говоря больше ни слова. И тихо закрыла за собой дверь.

Илья посмотрел ей вслед, и его пробрала дрожь. Он сердито встряхнулся, потом взял телефонную трубку и сказал:

— Дайте мне капитана. По важному делу.

* * *

Это действительно была капсула, побитая и почерневшая за проведенные в космосе четыре тысячи лет. И в ней была почта.

Робот осторожно к ней подобрался, зондируя радаром и инфракрасными датчиками. Капсула, холодная и безмолвная, не проявляла никаких признаков жизни, кроме остаточной радиоактивности на корме. На компактной ракете типа «материя/антиматерия» она проползла восемнадцать световых лет от Новой Республики на субсветовой скорости, потом затормозила у выбранной орбиты и отключила двигатель. Носовой конус капсулы был изрыт и исцарапан, ободран тяжелым переходом в межзвездной среде. Но за ним ждала серебристая сфера метрового диаметра, которая была сделана из агломерата промышленного алмаза толщиной в пять санти-

метров — сейф, способный выдержать все, кроме атомного взрыва.

Почту разместили на дисках — алмазных пластинах, прослоенных отражающими золотыми листками. Технология древняя, но невероятно долговечная.

Матрос, управляющий роботом, с помощью внешних манипуляторов выкрутил заглушку, запечатывавшую капсулу, и осторожно вынул стопку дисков. Проверив, что они не взрывчатые и не из антиматерии, бот повернул и направился к «Полководцу» и другим кораблям первой эскадры.

Обнаружение почты — а ее было слишком много для тактических данных — вызвало у команды лихорадку ожидания. Люди уже два месяца были заперты в корпусе корабля, и возможность получить весточку от родных и любимых привела их в лихорадочное нетерпение, сменившееся — у некоторых — глубокой депрессией при намеке, что их могли и забыть.

Однако Рашель куда меньше интересовалась почтой. Шансы, что Адмиралтейство позволило ее работодателям послать ей сообщение с дипломатическим шифром, были, по ее оценке, меньше нуля. Мартин тоже ничего не ожидал.

Сестра не писала ему в Новую Прагу, с чего вдруг она сейчас напишет? Бывшая жена — от нее он ничего не хотел. Если говорить об эмоциях, то его самой тесной теперешней привязанностью — как ни внезапно стало это ему ясно — была Рашель. Поэтому, пока офицеры и матросы «Полководца» тратили свободное время на догадки, что может быть в письмах из дома, Рашель и Мартин тревожились, потому что рисковали. Дело в том, что, как она деликатно выразилась, у него дипломатических документов не было, и даже если отвлечься от принятой в Новой Республике морали, нехорошо бы вышло, реши кто-нибудь, что Мартин — рычаг, который можно использовать для воздействия на Рашель.

— Наверное, не стоило бы нам, милый, столько времени проводить наедине, — прошептала она ему в плечо, лежа на его узкой койке. — Когда все по боевым постам, нас не должны заметить, но в остальное время…

У него напряглись плечи — он понял.

— Надо бы что-нибудь придумать, — сказал он. — Только что?

— Ага. — Она поцеловала его в плечо. — Но только не так, чтобы какой-нибудь синеносый ханжа посадил тебя под арест за неподобающие

поведение или чтобы убедить штаб адмирала, что я шлюха двухкопеечная, которую можно спокойно лапать или просто в упор не замечать. Впрочем, они и сейчас от этой мысли недалеко.

— Кто? — Мартин перевернулся к ней с суровыми лицом. — Скажи мне.

— Тсс! — Она положила ему палец на губы, и на миг выражение ее лица стало суровым. — Мне защитник не нужен. Или ты пропитался местными идеями?

— Надеюсь, что нет!

— Да и я так не думаю, — тихо засмеялась она и привалилась к нему.

* * *

Несколько дней спустя Мартин сидел у себя в каюте один, задумчиво ворочая мыслями о Рашели и держа кружку быстро остывающего кофе, когда в дверь забарабанили.

— Кто там?

— Почта для инженера! Получить у эконома!

Застучали удаляющиеся шаги, потом донеслась какофония звуков с дальнего конца коридора.

— Гм-м-м? — Мартин сел на койке. *Почта?* Вообще-то такое казалось невероятным. С другой стороны, все в этом полете было невероятным.

Пробужденный от грез, Мартин нагнулся, нашарил ботинки, потом вышел проверить источник прерывания.

Найти его было нетрудно. Каюта эконома представляла собой кишащую толпу нижних чинов, тянущихся за своей почтой от родных и знакомых. Письма были распечатаны на принтере и заклеены в аккуратные конверты. Озадаченный Мартин попытался найти главного.

— Да? — Перегруженный работой старшина за столом сортировки оторвал взгляд от пачки писем, которую складывал для передачи на курьерский Его Императорского Величества корабль «Годо». — А, это вы. Вон там, среди неотсортированной почты. — Он показал на ящик поменьше, где содержались отобранные письма: умершим, спятившим и штатским.

Мартин с любопытством покопался в пачке и нашел письмо со своим именем. Довольно толстое. «Странно», — подумал он.

Не став открывать письмо тут же, Мартин отнес его к себе в каюту.

Открыв же, чуть не выбросил его на месте: оно начиналось с ужасающей фразы: «Дорогой мой Марти!»

Только одна женщина так его называла, и хотя

она была предметом некоторых из самых нежных его воспоминаний, она же умела наполнять его желчной и болезненной злобой, которой он потом стыдился. Они с Мораг разошлись уже лет восемь назад, и взаимные упреки с обвинениями проложили между ними ров молчания.

И что же могло побудить ее писать письмо сейчас? Она всегда отлично владела словом; ее сообщения по электронной почте состояли из кратких предложений с упрощенной орфографией и не были похожи на те эмоциональные наводнения, которые она приберегала для общения лицом к лицу.

Озадаченный Мартин стал читать.

Дорогой мой Марти!

Давно я тебе не писала. Надеюсь, ты меня простишь. Куча дел, и главное, Сара, за которой надо присматривать. Она очень выросла в последнее время и очень похожа на своего отца. Надеюсь, что ты появишься на ее шестнадцатилетие…

Он оторвался от письма. Это была какая-то тщательно продуманная шутка. Его бывшая жена говорит о ребенке — их ребенке, — которого не существует. И стиль — совершенно не ее! Как будто кто-то, прочитав досье его семейной истории, пытается…

Он вернулся к чтению, на этот раз тщательно выискивая скрытый смысл.

Сара сейчас изучает в колледже теологию. Ты же знаешь, насколько она всегда усердно училась? Ее новый учитель Герман вроде бы вытащил ее из скорлупы. Она работает над статьей по эсхатологии, и настояла, чтобы я послала тебе экземпляр (прилагается ниже).

Дальше шла болтовня о придуманных друзьях, воспоминания о всяких мелочах, которых никогда не было, и более серьезных моментах (очевидно, хорошо задокументированных). Насколько Мартин мог судить, все это было бессодержательно.

Он стал читать «статью». Она оказалась длинной, и Мартин усомнился, что мудро было со стороны Германа ее посылать. В Новой Республике школьники пишут восьмистраничные эссе о Боге? И о Его мотивах в той мере, в которой их можно вывести из космологических констант? Написана была статья в четком, местами скучном стиле, от которого у Мартина скулы свело — работа студента, который гоняется за отметкой, а не статья специалиста, заявляющего свою точку зрения. Потом его взгляд упал на сноски.

Рассмотрим гипотетический случай силы,

которая намеревается создать локальное нарушение принципа причинности, в результате которого не произойдет поглощение световым конусом своего начала. (Мы неявно предполагаем идеально сферическую зону греховности, расширяющуюся со скоростью с *и началом в момент времени T0.) Если сферический объем греховности не пересекается с четырехмерной траекторией исходного положения силы, то мы имеем дело не с первородным грехом. Следовательно, мы не будем ожидать, что Эсхатон обречет грешную цивилизацию целиком на проклятие, то есть на превращение в сверхновую второго типа: искупление возможно. Однако проклятие той греховной силе, что вызвала нарушение причинности, неизбежно.*

Мартин перешел к низу страницы, начал подчеркивать существенные слова и фразы.

Всегда ли Эсхатон вмешивается деструктивно? Вероятный ответ — нет. Мы видим последствия вмешательства в вопросах первородного греха, но на каждое такое вмешательство могут быть тысячи невидимых тонких воздействий, введенных в мировую линию прецизионно и скрыто. Посредник, через которого осуществляются такие воздействия, должен остаться скрытым

ради эффективности воздействий. Таковой посредник может даже действовать в согласии с нашими собственными усилиями как эсхатонобоязненных людей, дабы нарушение перестало существовать. Возможно, что некоторые эсхатологически-сознательные правительственные ведомства могут помогать тайным друзьям Эсхатона, если знают об их существовании. Другие же, тайные агенты греховных сил, могут пытаться идентифицировать их по очевидности и арестовать.

Да, это вполне инструктивно. Стеганографические подпольные каналы Мартина всегда раздражали из-за возможных недопониманий и искажений смысла, но в данном случае Герман выразился вполне ясно. Недоверие тайной полиции Новой Республики. Возможная помощь других ведомств — Рашель? Никакого возмездия против самой Новой Республики: это снимало колоссальный груз с его совести. Как ни противно было ему общественное устройство этого государства, люди не заслужили смерти только из-за неспособности своих руководителей справиться с беспрецедентной проблемой. Но последняя сноска оставалась непостижимой, как ни пытался Мартин ее понять.

Конечно, мало кто из людей будет даже рассматривать возможность нарушения закона причинности без очень серьезной очевидной угрозы. Можно задуматься: что делают невидимые помощники Эсхатона, чтобы предотвратить нарушение причинности перед лицом такой угрозы? В этот момент у них может оказаться раздвоение лояльности: требование защищать первый закон человеческого космоса и в то же время нежелание отдавать заблудших, но все же собратьев по человечеству в когти огромного зла. В этих условиях я полагаю несомненным, что Эсхатон велит своим агентам соблюсти интересы своих собратьев по человечеству сразу же после предотвращения распада ткани самого пространства-времени. Эсхатон — Бог не сострадательный, быть может, но практичный, не желающий, чтобы инструменты его ломались в работе. Тем не менее ключевой вопрос остается таким: какая сторона виновата меньше? Это уводит нас глубоко в дебри этики, где гуляет просто фестиваль неоднозначности. И все, что мы можем сделать — это надеяться, что тайные помощники выберут правильно, иначе последствия критики будут весьма суровы.

Мартин сел на койку и почесал в затылке.

— И что это фигня вообще значит? — буркнул он.

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

У адмирала выдался плохой день.

— Да лопни твои глаза, убери ты от меня руки! — рявкнул он на денщика.

Робард, не обращая внимания, продолжал его поднимать. Дряблое тело Курца не было способно к сопротивлению, когда слуга посадил его и подставил подушки под спину.

— Я тебя наружу выведу и расстреляю!

— Разумеется, ваше превосходительство. До завтрака или после?

Адмирал зарычал из глубины глотки, но рычание тут же сменилось хриплым судорожным вдохом.

— Хреновый я стал. Не то, что было. Гадство, блин!

— Изволите стареть, господин адмирал. Со всеми случается.

— А вот с этим чертовым атташе с Земли — ни фига. Не стареет совсем. Я его помню на Лампрее. Он кучу дагерротипов с меня наснимал, как стою я над холмом из черепов, что мы построили на площади в Новой Бохаре. Чего-то надо было все

же делать с пленными повстанцами. Иисуса с нами не было, чтобы караваи передавать, ха-ха. Он говорил, что меня повесит, подонок. Только руки коротки. Какой-то он урод скользкий. Я бы поклялся, что он любит переодеваться бабой. По-твоему как, Курт? Голубой он?

Робард закашлялся и подвинул прикроватный столик с тостом и яичницей, поставив его перед адмиралом.

— Инспектор ООН — дама, ваше превосходительство.

Курц пораженно заморгал водянистыми глазами.

— Как! Разрази меня гром, вот это сюрприз! — Он потянулся за чашкой, но рука его так тряслась, что даже чуть приподняв чашку, он расплескал ее содержимое. — Я так и думал. Я так и знал! — произнес адмирал тоном обвинителя.

— Наверное, ваше превосходительство. Вам станет лучше, когда вы примете лекарство.

— Но если он девчонка, а еще он был на Первом Лампрее, значит… — У Курца стало недоуменное лицо. — Ты в ангелов веришь, Робард?

— Никак нет, господин адмирал.

— Ну, тогда все в порядке, значит, она дьявол. А с этим я разберусь. Где бумаги?

— Я их сразу после завтрака принесу, господин адмирал. Контр-адмирал Бауэр велел сказать, что он за всем присмотрит.

— Вот и отлично.

Курц сосредоточенно атаковал яичницу. Когда вскоре он признал свое поражение, Робард убрал столик.

— Вам бы одеться и встать, ваше превосходительство. Заседание штаба через тридцать минут.

Через тридцать пять минут адмирал был готов принимать свой штаб в большом зале для совещаний рядом с его каютой. Натянув мундир и приняв лекарство, он будто сбросил десять лет с плеч и зашаркал в зал, тяжело опираясь на трости. Правда, Робард почтительно ему помог, когда адмирал попытался отдать честь в ответ собравшимся офицерам и чуть не выбил себе тростью глаз.

— Добрый вечер, господа! — начал адмирал. — Насколько я понимаю, пакетный почтов… Пардон, почтовый пакет получен. Лейтенант Косов, что там пришло?

— Э-гм… — Косов позеленел. — Ваше превосходительство, там трудности у нас…

— У нас? — попытался загреметь адмирал. —

Трудности у врагов должны быть, а не у нас!

— В капсуле пакет из двадцати дисков…

— Вы мне не диски давайте, а ответы! Что там говорится о противнике?

Контр-адмирал Бауэр наклонился вперед.

— Лейтенант хочет сказать, — перебил он, — что пакет поврежден.

Косов глянул на контр-адмирала с неизъяснимой благодарностью.

— Точно так, ваше превосходительство. Частная почта цела, в основном, но в капсуле есть пробоина от микрометеорита, и три диска раскололись. Мы сумели получить частичную копию приказов с оставшихся дисков, но там только ведомость поставок для хозчасти и предлагаемое меню празднования тезоименитства Его Величества. Отсутствуют подробные сведения о противнике, боевой приказ, диспозиция сил, дипломатический анализ, данные разведки и вообще любые полезные сведения — они разбиты.

— Понятно. — Адмирал выглядел настолько внешне спокойным, что Косов задрожал. — Значит, данных о диспозиции противника мы не имеем. — Он повернулся к Бауэру. — А т-тогда это нам сильно облегчает жизнь. Мы, следовательно, должны действовать по плану «Б», и наша атака

принесет успех! Каждый да выполнит свой долг, ибо наше дело правое. Н-надеюсь, у вас есть планы, как разобраться с бунтовщиками на планете? Отлично. Фестиваль мы перехватываем на орбите, уничтожаем его корабли, а далее исходим из предположения, что бунтовщики и их пособники из вражеского лагеря лелеют гнусные планы низложить Его Величество. Контр-адмирал, возлагаю на вас руководство подходом к системе противника. Полковник фон Унгерн-Штернберг! Планы высадки вашей морской пехоты на планету и восстановления порядка, будьте добры. Капитан первого ранга Мирский, вы будете координировать маневры… э-э… флотилии. Докладывать будете курсанту Бауэру.

Адмирал поднялся, пошатнулся и не возразил, когда Робард поддержал его под локоть.

— В-все св-вободны! — объявил он, повернулся и захромал прочь из зала.

* * *

Младший прокуратор Мюллер скучал и, более того, несколько злобился. Если не считать болтовни за пивом в Новой Праге, повесить на этого инженера было совершенно нечего. Только тот факт, что он был иностранцем, высказывавшим

радикальные мнения, могущие послужить моральному развращению люмпен-пролетариата — то есть принадлежал к примерно девяноста процентам населения известной вселенной. Да, у него было нестандартное устройство в ЛП, но что из этого? Или все-таки что-то?

Почти два месяца своей жизни Василий убил, чтобы собрать вот эти крохи информации. Большую часть этого времени он скучал так, что рисковал вывихнуть скулы. Матросы и офицеры старались с ним не разговаривать — он был из людей Куратора, долженствующих охранять общество, и это, как любая полицейская должность, вызывало некоторые подозрения. Жалкую библиотеку кают-компании он истощил быстро. И занять время было совершенно нечем, кроме как строить фантазии о будущей встрече на планете Рохард. Но он мог придумать очень ограниченное число слов, которые нужно будет сказать отцу, и никакого удовольствия представлять себе, как он их скажет, тоже не было.

Тем не менее как-то вечером Василию пришло в голову, что он может пойти и другим путем в исследовании действий объекта. Разве Спрингфилд не проводит излишне много времени в компании этой тетки-дипломата?

Вот уж подозрительное дело! У Василия каждый раз ноздри раздувались, когда он о ней думал. Не будь при ней письма великого князя, он бы ее мигом сволок в допросную. Ладно, пусть там Спрингфилд — радикал, но полковник Мансур ходит *в брюках*, что уже достаточно было бы для ареста за непристойное поведение на улицах столицы, пусть даже и с дипломатическими документами. Эта женщина, опасная вырожденка с извращенными вкусами, носящая мужскую одежду, наверняка развращает всякого, кто с ней общается. Да само ее присутствие на корабле — угроза моральному здоровью экипажа! Инженер проводит с ней столько времени, что очевидно (Василий видел записи наблюдения, как он шастает в ее каюту и обратно), где он хранит все улики. Спрингфилд — опасный шпион-анархист, а она его пособница, мастер тайного искусства дипломатического соблазна, коварная, жестокая и опасная.

Вот почему Василий собирался взломать ее каюту и поискать, как следует. Почти две недели у него вызревало это решение, с тех пор, как он решил, что нестандартный модуль в ЛП Мартина — на самом деле липа, если особо не уточнять.

Полторы недели прошло, как флот начал свое

судьбоносное возвращение домой — сперва прыжком через ненаселенную систему двойной звезды с кодовым именем «Терминал-бета», потом от звезды к звезде, каждый день откручивая обратно более ста лет. Еще четыре недели — и флот прибудет к месту назначения, но Василий не спешил. Он понял, что действовать надо тонко. Без доказательств измены он против никого из них не мог предпринять действий, а доказательства — явно под дипломатическим замком. Что тут ни делай, это будет в высшей степени предосудительно: если поймают за взломом — ну, багажа дипломата, — опустят ниже плинтуса, не сомневайся. Найдут доказательства сами — бросят волкам. Может быть, не в буквальном смысле, но долгая служебная карьера наблюдателя за лояльностью пингвинов на южной полярной станции ему обеспечена.

Для налета Василий выбрал ранний вечер. Мартин был в кают-компании, пил шнапс и играл в домино с инженер-капитаном третьего ранга Крупкиным. Василий, сидя в служебном помещении лейтенанта безопасности Зауэра, ждал, когда полковник Мансур не выйдет зачем-то из своей каюты. Мониторы проследили ее путь по коридору к офицерским удобствам. Отлично. Значит,

она пробудет в душе не меньше десяти минут, если будет придерживаться своего стандартного режима. Младший прокуратор тихонько вышел и направился к лифту, а оттуда — в коридор к офицерским каютам.

Закрывая за собой дверь каюты Мансур, он тщательно огляделся. Две койки, как полки в вагонах, верхняя опущена для сна, а нижняя поворачивается на шарнирах, превращаясь в стол. Два ящика, крохотный умывальник, зеркало и телефон. Из-под стола торчит угол большого чемодана. Инспектор не налегке путешествует, как офицеры флота.

Прежде всего Василий потратил минуту на осмотр чемодана — никаких волосков, проволочек поперек щели, замки тоже ничем не блокированы. Обычный, несколько потрепанный чемодан из дерева с кожей. Попытавшись вытащить его, Василий сразу понял, что там что-то неправдоподобно тяжелое. Тогда молодой прокуратор отпустил задвижки койки-стола и поднял ее к переборке. Извлеченный на свет чемодан будто улыбнулся ему, страшный и безликий.

Василий понюхал воздух и вытащил пистолет-отмычку. Еще один совершенно незаконный инструмент ведомства Куратора, это было

чудо инженерной мысли: зонды с электромагнитным управлением, электронные датчики, трансмиттеры и даже компактный лазерный передатчик. Любой замок вскрывался за считанные секунды. Василий нагнулся над чемоданом и вскоре подтвердил, что дипломатический багаж представителя ООН обладает не большим иммунитетом от пистолета-отмычки, чем любой восьмисувальдный замок с кодовой резонансной частотой опознания и неоправданной верой в многозначные простые числа. Крышка щелкнула и отскочила.

В ней лежали туалетные принадлежности и зеркало. После беглого осмотра Василий перешел к самому чемодану и оказался лицом к лицу со слоем одежды. Он сглотнул слюну. Неназываемые предметы издевались над ним: сложенные нижние юбки, женские спортивные трусы, кружевные перчатки. Все это он осторожно отложил в сторону. Под ними лежало желтое шелковое платье. Василий покраснел, сконфузившись до глубины души. Платье он поднял, развернул. Смущаясь, поднялся и встряхнул его. Очень красивое платье и женственное, совсем не то, что ожидал он увидеть у этой испорченной развращенной агентши с Земли. Вся разведка шла не так, как

он себе представлял. Василий покачал головой и положил платье на верхнюю койку, потом нагнулся к чемодану.

Под платьем лежал черный тренировочный костюм и восьмиугольная шляпная картонка. Василий попытался приподнять ее — коробка не шевельнулась. Сплошная и тяжелая, как свинец! Ободренный, Мюллер взял тренировочный костюм и накинул его на спинку стула. Под ним оказалась гладкая пластиковая поверхность, а в ней горели огоньки. Сам чемодан был всего шесть дюймов глубины! А вся нижняя его половина расположилась под поверхностью, на которой лежала фальшивая картонка, и была, конечно же, набита всякой контрабандой и шпионской аппаратурой.

Василий вгляделся в пластиковую панель. Похожа на клавиатуру, только клавиш нет — ни белых, ни черных, и бумажные ленты некуда вставлять. Все это было непривычно чужое. Василий ткнул пальцем в панель, в явно приподнятый участок. Мигнули руны: «В ДОСТУПЕ ОТКАЗАНО. ОТПЕЧАТОК НЕ РАСПОЗНАН».

Черт!

По спине потекли струйки пота. Василий стал рассматривать возможности, и тут его взгляд

упал на выгруженное из чемодана барахло. Этой штуке нужен знакомый рисунок кожи? А вот, перчатки. Он их взял. Длинные женские перчатки. Чем-то они пахли едва слышно — да. Василий натянул одну из них на правую руку и снова коснулся приподнятого участка.

«ОБРАБОТКА… ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ДОСТУПА».

Человеческое тело теряет пять миллионов частичек кожи в час; эти перчатки Рашель носила, следовательно…

Появилось меню. Василий ткнул в него наудачу. Первая опция гласила: «КАТАЛОГ МОДЕЛЕЙ ЗИРС ФАУНДЕЙШН», что бы это ни значило. Под ней: «КУТЮРЬЕ МОДЕЛЕЙ АППАРАТУРЫ ГНУ 15.6». Дальше: «ИСТОРИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ ДИОР». Василий почесал в затылке. Никаких тебе шифровальных книг, скрытого оружия, камер наблюдения. Только какие-то непонятные инструкции вычислительной машины! В раздражении он ткнул в возвышенный участок.

Каюту наполнило низкое жужжание, и Василий отпрыгнул, повалив стул. В крышке шляпной картонки открылась щель, послышалось безумное щелканье, и щель что-то выплюнула. На стол опустилось нечто красное — туманный клубочек кружева с двумя отверстиями для ног. *Скандал!*

А шляпная коробка, щелкая и скрежеща, недолго думая выдала тюлевое бальное платье, пару сапог на шпильках и пару грубой вязки синих шортов. Все предметы были горячи на ощупь и слегка пахли химикалиями.

— Прекрати! — зашипел Василий. — Перестань!

В ответ из чемодана полился поток чулок, пара брюк и корсет, который любому надевшему его гарантировал травму живота. В отчаянии Василий хлопнул по панели управления, и чемодан прекратил производство вещей. Василий смотрел на него, туго соображая. *Зачем таскать с собой чемодан одежды, если можешь взять с собой чемодан, который тебе любую одежду изготовит?* Тут чемодан зловеще заскрежетал, и Василий уставился на него в онтологическом ужасе. *Корнукопия! Рог изобилия!Запрещенная мифологическая химера истории, машина, которая принесла вырождение, безработицу и коллапс экономики предкам до того, как Сингулярность помогла им переселиться и основать Новую Республику*.

Корнукопия хмыкала и гудела. Перепуганный донельзя Василий оглянулся на дверь. Если Рашель уже идет обратно…

Картонка открылась, оттуда высунулось что-то черное и блестящее. Зажужжали антенны, сканируя помещение, сбоку вылезли и приподнялись четко выраженные клешни.

Василий глянул на монстра — и ему хватило. Дверь еще долго моталась и стучала у него за спиной, пока он, выпучив глаза, несся по коридору, в вывернутой женской перчатке на одной руке.

А свежеиспеченный шпионоробот закончил осмотр зоны появления. Примитивные программы в микропроцессорном мозгу сделали вывод, что ничто не препятствует рабочему режиму. Робот установил его по умолчанию и приготовился вести разведку. Схватив для камуфляжа ближайший незакрепленный предмет, робот натянул его на свой крабий панцирь и направился к вентиляционной шахте. Когда он уже вынул решетку, снова щелкнула шляпная картонка, и родившийся второй робот увидел лишь желтое платье, исчезающее в вентиляционном люке. Вновь щелкнула картонка, готовясь выпустить очередного…

Когда Рашель вернулась, чемодан был почти пуст — и почти вся готовая одежда отсутствовала.

* * *

— Ты идешь со мной, — сказала Буре Сестра Седьмая. — Смотреть ситуацию. Объяснять, что плохо, и понимать.

Ветер задувал в открытое окно, неся над городом серые тучи, и Новый Петроград горел адом запретных технологий. Рушились и снова воздвигались дома, вырастая из жутковатой почвы людских грез. В квартале златокузнецов высились серебряные деревья, и их резкие плоские поверхности играли под светом скрывающегося в облаках солнца. Безволосая пришелица вылезла на балкон и показала бивнями на ярмарку на той стороне города.

— Это сделал не Фестиваль!

Буря беспомощно вышел за ней на крышу над бальным залом герцога. Клоачный смрад ударил в ноздри — далекий обонятельный след трупов, болтающихся на фонарных столбах во дворе. Политовский скрылся, но его люди ушли не тихо, и мятежные толпы, разгоряченные и разъяренные, учинили много зверств над офицерами и их родственниками. Последовавшие репрессии были суровы, но необходимы…

Копья света ударили из промоин в облаках.

Через секунду в холодном вечернем воздухе стал слышен грохот их прохода. Гром зарокотал, отражаясь от оставшихся в городе окон.

— Фестиваль не понимает людей, — спокойно отметила Сестра Седьмая. — Мотивация заключенных в плоти разумов, лишенных осознания реального времени, не поддается моделированию. В силу этого Фестиваль предполагает альтруистическую эстетику. Я вопрошаю: это есть произведение искусства?

Буря Рубинштейн мрачно уставился на город.

— Нет. — Ему тяжело было это признавать. — Мы надеялись на лучшее. Но людям нужно руководство и сильная рука, без нее они устраивают беспорядки…

Сестра Седьмая издала странный хрюкающий звук. Буря не сразу понял, что она над ним смеется.

— Бунт! Свобода! Конец стеснения! Глупые люди. Глупые неорганизованные люди, не чующие своего места среди людей. Им необходимо нюхать мочу в углу норы. Делать военную музыку. Много маршировать и убивать многочисленно. Это не есть комедия?

— Мы возьмем все это под контроль, — непреклонно ответил Буря. — Этот хаос — не наша

судьба. Мы же стоим на пороге утопии! Эти люди, когда их выучат, будут вести себя рационально. Грязь, невежество и десятки поколений гнета — вот то, что вы видите здесь. Это исход неудачного эксперимента, а не судьба человечества!

— Тогда почему ты не скульптор, вырезающий новую плоть из старой? — придвинулась ближе Сестра Седьмая. Шумное дыхание с капустным запахом напомнило ему морскую свинку, которую ему купили в шесть лет родители. (Когда ему исполнилось семь, был голод, и свинка пошла в котел.) — Почему ты не построишь новые разумы для своего народа?

— Мы все исправим, — еще раз подчеркнул Буря. Еще три изумрудного цвета звезды пролетели над головой — они изломанными спиралями гонялись друг за другом, потом развернулись и улетели за реку, как разумные метеориты. *Если сомневаешься, смени тему.* — Как ваш народ сюда попал?

— Мы Критики. У Фестиваля много свободных емкостей для разумов. Он привез нас, как Край и прочих, кто прячется в темноте. Фестиваль должен путешествовать и узнавать. Мы — путешествуем и меняемся. Находим, что сломано, и Критикуем, помогаем сломанному себя вос-

становить. Достичь гармоничной тьмы и сытой ульевости.

Что-то высокое и мрачное пробежало у Бури за спиной. Он поспешно повернулся и увидел нечто многосуставчатоногое, с птичьими лапами ступней, с каким-то диким пучком сверху. Ноги согнулись в коленях, тело опустилось и повисло почти напротив балкона, столь же темное и незаманчивое, как пустая носовая дырка черепа.

— Идем, поехали. — Сестра Стратагем Седьмая стояла сзади, между Бурей и его кабинетом. Это было не предложение, а команда. — Будем тебя хорошо изучить.

— Я… я… — Буря вдруг замолчал, схватился рукой за горло, нащупал кожаный ремешок, который на нем был, и дернул за его конец. — Охрана!

Сестра Седьмая подкатилась к нему, тяжелая и неумолимая, как землетрясение, сбросила его в избушку на курьих ножках, снова издав то же носовое фырканье. Тут же у нее за спиной послышалось яростное шипение и беспорядочная стрельба, и первый из наемных охранников ворвался в двери кабинета. Рубинштейн оказался на полу, а на нем — две сотни килограмм, прижимающих его к полу. Избушка накренилась, потом

пошла вверх, как лифт, ухнула вниз и понеслась имитацией санок на зимнем празднике. Буря закашлялся, не в силах вдохнуть, но задохнуться не успел — Сестра Седьмая слезла с него и села на что-то вроде вороньего гнезда из сухих веточек. Она улыбнулась страшным оскалом, показав клыки, потом вытащила здоровенный овощной корень и стала его грызть.

— Куда вы меня везете? Я требую, чтобы меня немедленно…

— В Плоцк, — ответила Критикесса. — Учиться понимать. Морковку хочешь?

* * *

За Мартином пришли, когда он спал. Дверь каюты с треском распахнулась, вошли два здоровенных матроса, включился свет.

— Что стряслось? — спросил разбуженный Мартин.

— Встать!

В дверях стоял старшина.

— А что…

— Встать!!! — Одеяло слетело, Мартина стащили с кровати, не успел он еще даже проморгаться. — Быстро!

— Да что случилось?

— Заткнись, — сказал один из матросов и небрежно отмахнул Мартина по лицу.

Тот упал на кровать, а второй схватил его за левую руку и надел браслет наручников. Когда Мартин попытался поднести руку ко рту, болевшему и горячему, но, в общем, целому, ему надели второй браслет.

— На губу его. Быстро!

Мартина протащили через дверь, голого и в наручниках, спустились с ним на уровень ниже машинного отделения и ядра двигателя. Все это происходило в болезненно-размытом свете. Мартин сплюнул и увидел сгусток крови, распавшийся каплями на полу.

Открылась какая-то дверь, его туда впихнули, он упал, и дверь со звоном захлопнулась.

Вот тут до него и дошло. Он сжался, перевернулся набок, и его вывернуло на пол желчью. Весь арест, от начала до конца, занял не больше двух минут.

Мартин все еще лежал на полу, когда дверь снова открылась. Перед глазами возникла пара сапог.

Приглушенный голос:

— Убрать этот бардак. — И громче: — Эй, ты! Встать!

Мартин перевернулся на спину и увидел над собой лейтенанта безопасности Зауэра. С ним был еще какой-то младший офицер из ведомства Куратора и пара унтеров. Мартин попытался сесть.

— Выйдите, — велел Зауэр охранникам. Те вышли. — Встать, — повторил он.

Мартин сел и сумел прислониться спиной к стене.

— Ты крупно влип, — сказал лейтенант. — Нет, помолчи. Ничего не говори. Значит так, ты влип. Можешь закопать себя глубже, а можешь нам помочь. Посиди подумай минуту. — В руках лейтенанта была тонкая черная пластина. — Мы знаем, что это. Теперь ты можешь нам сам рассказать, кто тебе ее дал, а можешь предоставить нам самим делать выводы. Здесь не гражданский суд, не расследование в бюро присмотра. Здесь, если до тебя еще не дошло, суд военно-полевой. Как ты с нами, так и мы с тобой. Это ясно?

Мартин заморгал.

— Я эту штуку впервые вижу, — заявил он, и пульс у него забился чаще.

Зауэр скривился с отвращением.

— Дурака из себя не строй. Это было в твоем приборе. Законы флота гласят, что проносить на борт военного корабля не разрешенные устрой-

ства связи — преступление. Так что эта штука здесь делает? Забыл ее вынуть? Кому она принадлежит?

Мартин нерешительно заявил:

— Мне на верфи велели ее носить. — Когда я взошел на корабль, то не думал, что мне тут придется быть дольше одной вахты. Или что это будет проблемой.

— Значит, на верфи велели. — Зауэр состроил скептическую физиономию. — Это же сдохший каузальный канал, инженер! Ты хоть знаешь, сколько такая штука стоит?

Мартин неуверенно кивнул.

— А вы знаете, сколько стоит этот корабль? — спросил он в свою очередь. — «МиГ» его построил. «МиГ» кучу денег зарабатывает, продавая корабли такого типа. Чем больше список боевых успехов корабля, тем больше денег. Вам не пришло в голову, что мои изначальные работодатели — у которых вы меня арендовали — имеют законный интерес увидеть, как вы поменяли корабль, который они вам продали?

Зауэр бросил картридж на койку Мартина.

— Правдоподобно. Пока что правильно себя ведешь, держись так и дальше. — Он повернулся и стукнул в дверь. — Если ничего больше не хо-

чешь добавить, я передам капитану твой рассказ. Если у тебя появится, что еще рассказать, скажи об этом надзирателю, когда тебе обед принесут.

— Это все? — спросил Мартин, когда открылась дверь.

— Это все? — переспросил Зауэр, качая головой. — Сознаешься в подрасстрельном деле и спрашиваешь: «И это все?» — Он остановился и посмотрел на Мартина без всякого выражения. — Да, это все. Конец записи.

И вышел.

* * *

Василий заявился к лейтенанту Зауэру сразу после аварийно прекращенного обыска в каюте у Рашели — напуганному до полусмерти, ему нужен был совет. Он выложил Зауэру все, как на духу, а тот ободряюще кивал, потом успокоил Василия и объяснил, что они будут делать дальше.

— Они в этом деле на па́ру, сынок, тут к гадалке не ходи. Но надо было сначала мне сказать. Ладно, посмотрим, что ты там за прибор у него нашел?

Василий передал ему модуль, изъятый из ЛП Мартина. Зауэр глянул и кивнул.

— Ага, ты таких раньше не видел? Ну, не парься, это как раз тот рычаг, который нам нужен. — Он

многозначительно постучал по истощенному каналу. — Не знаю, зачем это было ему нужно на борту, но ничего глупее он придумать не мог. Прямое нарушение законов Его Величества. Ты мог с этим прийти прямо ко мне, не задавая вопросов, чем копаться в багаже у той бабы. Чего ты, разумеется, не делал. Или делал?

— Я… Никак нет, господин лейтенант!

— Вот и отлично. — Зауэр снова сам себе кивнул. — Потому что иначе я бы, конечно, должен был тебя арестовать. Но я думаю, она просто оставила дверь каюты незапертой, влез какой-то матрос и решил покопаться у нее в гардеробе. Ладно, расследуем это дело…

Он задумчиво замолчал.

— А почему нельзя арестовать женщину, господин лейтенант? За владение запрещенной машинерией…

— Потому, — ответил Зауэр, глядя на Василия сверху вниз. — Потому что у нее — дипломатический паспорт. И ей *позволено* иметь в багаже запрещенную машинерию. А если честно, то у нее, насколько я понимаю, есть оправдание. Ты бы мог возразить, если бы у нее швейная машинка с собой была? А она так и скажет, что это она и есть. Производитель белья.

— Но я видел, как оттуда вылезали эти штуки, многоногие! Они хотели меня поймать…

— А их больше никто не видел, — сочувственно перебил его Зауэр. — Я-то тебе верю, *что-то* ты действительно видел. Может быть, роботы-шпионы. Но отличные, умеющие хорошо прятаться и следов не оставлять… — Он пожал плечами.

— А что ж мы тогда будем делать, господин лейтенант?

Зауэр отвернулся.

— Я думаю, нанесем визит мистеру Спрингфилду, — сказал он вполголоса. — Возьмем его. Запрем на время в камеру. А потом… — Он неприятно усмехнулся. — Посмотрим, как задергается госпожа дипломат. А это нам подскажет, что за всем этим стоит. Что ты думаешь?

Ни один, ни другой не заметили трусиков в горошек, которые прятались наверху в вентиляционной отдушине, слушая терпеливо и все записывая.

ПРИЗНАНИЯ

«Полководец Ванек» набирал скорость в экономичном режиме на двух «же», своим ядром двигателя закручивая впереди себя пространство-время в виде долины, по которой легко скользил, не напрягая особо экипаж и машины. Девяносто две тысячи тонн линкора (с восьмимиллиардотонной черной дырой в ядре) трудно было разогнать, но, начав двигаться, корабль быстро мог перемещаться с места на место. Считанные дни уйдут на преодоление огромной пропасти, отделяющей стоянку «Полководца» от первой прыжковой точки возвратного маршрута его временеподобного пути — но никак не годы, которые самые первые зонды человечества тратили на прохождение тех же расстояний.

Корабли флота ушли всего-то на двадцать световых лет от Новой Республики, но при этом прыгнули вперед на четыре тысячи лет, выписывая зигзаги между беспланетными составляющими системы двойной звезды в попытке удрать от любого долговременного наблюдения, которое мог установить за ними Фестиваль. Вскоре нач-

нется пространственноподобный участок пути, с заходом к аналогичной системе неподалеку от планеты Рохард; там флот пойдет по причудливой траектории, замыкая путь во времени в своей мировой линии и не пересекая мировую линию собственной исходной точки.

По пути тендеры флота регулярно снабжали корабли провизией, водой и воздухом. Не менее восьми торговых кораблей пришлось раздеть и бросить между звездами навеки, а их команды влились в экипажи других кораблей. Рейд задал системе снабжения флота такую нагрузку, что она не могла где-то не дать сбоев, и целый годовой кораблестроительный бюджет ушел на обеспечение одной этой операции.

Крейсируя между прыжками, корабли не прекращали учений. Импульсы радара ощупывали глубокий вакуум за гелиопаузой, а офицеры рассчитывали траектории ракет и торпед, используя суда других эскадр как мишени. Результаты лазерной стрельбы вводились в неутомимую мельницу аналитических машин.

Отслеживание кораблей на дальней дистанции — задача сложная, потому что они очень мало излучают такого, что можно было бы обнаружить. Применять радары — дело безнадежное: чтобы

закачать достаточно энергии для получения ответа, корабль должен был столько ее выработать, что экипаж сварился бы заживо. И только широкие радиаторные панели, распростертые к звездам, ныне светящиеся тускло-красным, позволяли пользоваться лидаром при высокой интенсивности краткими периодами. (Вакуум — наиболее эффективный теплоизолятор, и активные сенсоры, способные работать за миллиарды километров, раскалялись докрасна.)

Мартин Спрингфилд ничего этого не знал. Лежа у себя в камере, он провел последние два дня в унылой скуке, по очереди впадая то в отчаяние, то в сдержанный оптимизм. «Еще жив, — думал он. — Это ненадолго», — приходила следующая мысль. Если бы можно было хоть что-то сделать! Но на борту звездолета бежать некуда. Он достаточно был реалистом, чтобы понимать: если у них кончатся варианты, ему конец. Значит, надо было просто надеяться, что они не разберутся, что он сделал, и решат его выпустить, чтобы не ссориться с верфью.

Как-то вечером он сидел на койке, когда открылась дверь. Он тут же поднял взгляд, рассчитывая увидеть Зауэра или пацана этого из Кураторской конторы. И глаза у него полезли на лоб.

— Что ты тут делаешь?

— Зашла навестить. Можно я присяду?

Он напряженно кивнул. Рашель села на край койки. На ней был простой черный спортивный костюм, и волосы она собрала в строгий пучок на затылке, но вела себя свободно, почти раскованно. Он понял, что это не маскировка — она не играет сейчас даму легкого поведения, или дипломата в банановой республике, или что бы то ни было вообще. Она — она и есть, личность весьма замечательная.

— Я думал, они тебя тоже должны были запереть, — сказал он.

— А, да… — Она будто отвлеклась. — Секунду. — Рашель поглядела на карманные часы. — Ага. — Перегнувшись через него, она налепила в изголовье койки что-то небольшое и металлическое.

— Я уже заклинил жучков, — сообщил он. — Чтобы лишнего не подслушали.

Она посмотрела на него сердито.

— И на том спасибо.

— А что…

— Я хочу услышать правду. Ты мне лгал, — просто сказала она. — И я хочу знать, почему.

— А! — Он постарался не смутиться. А она тща-

тельно сохраняла спокойное выражение лица — затишье перед бурей.

— У тебя будет только один шанс сказать правду, — заявила она совершенно непринужденным голосом, да только чувствовалась в нем сдерживаемая резкость. — Я думаю, они еще не знают, что ты врал, но когда мы вернемся… они не идиоты, а ты закапываешь себя в яму. Контора Куратора следит. Если ты будешь вести себя как виновный, то этот вундеркинд сделает единственно возможный вывод.

Он вздохнул.

— А что, если этот вывод правильный? Что если я *действительно* виноват?

— Я тебе верила. Как тебе, не как игроку. Я не люблю, когда мне врут, Мартин. Хоть в делах, хоть в личном — все равно.

— Ладно. — Он разглядывал сияющую заглушку, которую она прилепила над изголовьем. Это было проще, чем смотреть в ее сердитое обиженное лицо. — Если я тебе скажу, что они назвали себя работниками верфи, ты мне поверишь?

— Нет, — покачала она головой. — Ты не настолько туп, чтобы купиться на легенду прикрытия. — Она отвернулась. — Не люблю, когда мне врут, — добавила она желчно.

Он посмотрел на нее. Рашель — современнейший профессионал, в отличие от неуклюжих любителей из Новой Республики. У нее есть рефлексы анализа речи, детекторы лжи и куча других устройств, которые были бы нацелены на него, если бы речь шла о делах, но она их не использовала. Если так — то он вполне может понять, отчего она на него так злится. Он бы тоже злился на ее месте. И обиделся бы.

— А я не люблю врать, — заверил он, что было в достаточной степени правдой. — Если в этом нет абсолютной необходимости.

Она глубоко вдохнула, явно овладевая собой.

— Я — это самое близкое к понятию «адвокат», что у тебя здесь может быть, Мартин. Единственный на четыре тысячи лет времени и на двести световых лет расстояния представитель твоего правительства. У них легалистская система правления, при всех средневековых вывертах, и они разрешили мне как твоему адвокату тебя посетить. Я буду защищать тебя, если дело дойдет до военно-полевого суда, поскольку ты гражданский, и, быть может, я смогу сделать так, чтобы до этого не дошло. Но только если ты расскажешь мне все, чтобы я знала, кого защищаю.

— Не могу я об этом говорить, — сказал он,

чувствуя себя неуютно. Взял книгу, пытаясь этим отчасти скрыть свою больную совесть. — Мне нельзя. Я думал, что уж кто-кто, но ты это поймешь.

— Слушай! — полыхнула она по нему взглядом. — Помнишь, что я говорила тебе о доверии? Так вот, я сильно разочарована. Потому что я верила тебе, и мне кажется, что ты это доверие обманул. При сложившихся обстоятельствах мне придется много говорить, если я буду пытаться снять тебя с крюка, на который ты сам подсел, или хотя бы вытащить тебя живым. И до того, как я этим займусь, мне надо знать, *о чем* ты мне врал. — Она встала. — Дура я. И трижды дура, что тебе поверила, и еще раз дура, что с тобой связалась. Черт, я непрофессиональна. Но я еще раз тебя спрошу, и на этот раз лучше ответь правдиво. Слишком много жизней от этого зависят, потому что это уже не игра. На кого ты, мать твою, работаешь?

Он минуту помолчал, чувствуя, что события выходят из-под его контроля. *Не могу я ей сказать, не могу!* Он поднял глаза, впервые за все это время встречаясь с ней взглядом. И это выражение обиды в ее глазах приняло за него решение: никакие рациональные доводы не дадут ему уснуть

в эту ночь, если он оставит ее в таком состоянии. Ее предал единственный человек, которому она могла доверять в радиусе многих световых лет. На непрофессионализм будет отвечено непрофессионализмом. Во рту у него пересохло, язык перестал ворочаться.

— Я работаю на Эсхатона.

Рашель тяжело села на койку, глаза у нее полезли на лоб.

— Что?

Он пожал плечами.

— Ты думаешь, у Эсхатона единственный способ решения проблем — это сбросить на них камень?

— Ты шутишь?

— Нет. — Он ощущал во рту вкус желчи. — И я верю в то, что делаю. Иначе ведь меня бы здесь не было? Потому что альтернатива — действительно сбросить на планету здоровенную бомбу. Это для Эсхатона легче, и шуму соответственно больше. И люди *боятся*. Но на самом деле почти всегда Большой Э решает проблемы тихо, посредством таких людей, как я.

— И давно?

— Уже лет двадцать. — Он снова пожал плечами. — Это все.

— А зачем? — Она опустила сцепленные руки, зажала их меж колен, и глядела на Мартина с выражением жалобного недоумения.

— Затем… — Он попытался собрать рассыпающиеся мысли. — Поверь мне, Эсхатон предпочитает, чтобы сначала делали свою работу такие люди, как ты. Но если флот пустился в путь, и ты проиграла спор, то альтернативы уже нет. Ты же не думала, что они, создав все предпосылки для замкнутого временеподобного пути, не пройдут его до логического конца? — Он сделал глубокий вдох. — Вот тут и начинается моя работа. Я водопроводчик на те случаи, когда Эсхатон хочет заделать течь без шума.

— То есть ты агент?

— Да, — согласился он. — Как и ты.

— Как я. — Она издала хриплый звук, который мог быть задуман как смех. — Блин, знаешь, Мартин, я не это ожидала услышать.

— Мне жаль, что так вышло. Особенно… Ну, с нами. В середине.

— Мне тоже, с теми же прибамбасами, — откликнулась она дрогнувшим голосом. — Это все?

— Все… А, в смысле… Нет, больше я ничего от тебя не скрыл. Честно.

Долгая пауза.

— Ладно. Это было… ну, чисто профессиональное?

Он кивнул.

— Да. — И посмотрел на нее. — Не люблю я врать. И не врал и не скрывал правды больше ни о чем. Клянусь.

— Ладно, о'кей. — Она устало улыбнулась, одновременно и с насмешкой, и с облегчением.

— И это всерьез тебя грызло? — спросил он.

— Ну, можно и так сказать, — ответила она с едкой иронией.

— Э-гм… — Он протянул руку. — Мне жаль, что так вышло. Честно.

— Извинения приняты. Условно. — Она пожала его руку и тут же выпустила. — Так, теперь можешь мне сказать, что там для нас придумал Эсхатон?

Мартин вздохнул.

— Что знаю, расскажу. Но должен тебя предупредить: ничего приятного. Если мы не выберемся с корабля до прилета, то, вероятно, оба погибнем…

* * *

Путешествия во времени дестабилизируют историю.

История — дочь случайности. Столько событий зависят от критического непонимания или неожиданных встреч, что даже апокрифическая бабочка может устроить бурю своим крылышком. Единственная неверно понятая телеграмма в июне 1917 года сделала возможной большевистскую революцию; один шпион в 1958 году затянул холодную войну на десять лет. А без обоих этих событий разве могла вообще возникнуть такая сущность, как Эсхатон?

Конечно, во вселенной, где допускаются путешествия во времени, сама история становится нестабильной — и равновесие можно восстановить, только когда этот дьявольский механизм вырежет сам себя из картины. Это, однако, хилое утешение для триллионов сущностей, безмолвно исчезающих и становящихся никогда не бывшими в кильватере разразившегося во времени урагана.

Не удивительно, что где бы во вселенной ни возникала разумная жизнь, она тут же ищет возможность использовать замкнутые времениподобные кривые для предотвращения собственной гибели. Будь возможны путешествия быстрее света, они были бы неотличимы от путешествий во времени, как учит общая

теория относительности, и это сходство делает технологии полного уничтожения пугающе доступными. В малом масштабе глупые маленькие организации вроде Новой Республики стараются получить преимущество над своими современниками и соперниками. В большом — огромные хладнокровные разумы ищут способа стабилизировать свою вселенную в наиболее подходящей для них форме. Их вмешательство может быть и простым — не дать соперникам вычеркнуть их из записей стабильной истории, — и столь изощренным, как воздействие на ранний период Большого взрыва, до момента, когда поле Хиггса распалось на отдельные фундаментальные силы, связывающие воедино вселенную, с целью обеспечить оптимальное для поддержания жизни соотношение физических констант.

Это не единственная вселенная, далеко не. Это даже не единственная вселенная, в которой существует жизнь. Существование вселенных, как и живых организмов, балансирует на грани хаоса — пузырьки во взбаламученном пространстве, срывающиеся и всплывающие вовне, расширяющиеся и охлаждающиеся, вскоре порождающие следующие пузырьки концентрированного пространства-времени; многомерный сад кри-

сталлов, полный странных деревьев, дающих странные плоды.

Но другие вселенные нам без пользы. Слишком много переменных там взаимодействуют. Когда изначальный взрыв энергии, означающий рождение вселенной, начинает ослабевать, пульсирующее силовое поле, что движет первичным расширением, испытывает напряжение и рассыпается, превращаясь в сложную смесь других сил. Константы, которые определяют их относительный вес, устанавливаются случайно, от фонаря.

Есть вселенные всего лишь с двумя силами, иные — с тысячами (в нашей — пять). Есть вселенные, где электрон массивен, и ядерный распад настолько легок, что эра формирования звезд заканчивается спустя всего миллион наших лет после Большого взрыва. Химические реакции затруднены, и задолго до того, как могла бы возникнуть жизнь, в такой вселенной остаются только остывающие пульсары и черные дыры — обломки творения, пришедшие к преждевременному концу.

Есть вселенные, где фотоны имеют массу, и другие, где слишком мало массы, чтобы она достигла замыкания и сколлапсировала в мощном кризисе в конце времен. На самом деле существует

бесконечно много вселенных, и все они необитаемы. Есть и меньшая бесконечность вселенных, допускающих обитаемость, и в некоторых из них развивается разумная жизнь.

Но больше того, что сказано, нам, быть может, никогда и не узнать.

Переход из одной вселенной в другую почти невозможен — материалы, существующие в одной из них, могут оказаться в другой нестабильными.

Таким образом мы, заключенные в нашем маленьком аквариуме пространства, плывем сквозь кристаллический сад вселенных, и наши интеллекты — существа, подобные Эсхатону, — очень стараются, чтобы менее разумные обитатели не разбили стекло изнутри.

Человек в сером все это подробно объяснил Мартину восемнадцать лет назад.

— Эсхатон весьма заинтересован в поддержании целостности мировой линии, — говорил он. — Это и в ваших интересах тоже. Как только люди начинают возиться с непонятными парадоксами причинности, могут вылезти самые разнообразные летальные побочные эффекты. Эсхатон подвержен их действию не менее любого другого существа нашей вселенной — он, как вы

знаете, не создавал ее, он только живет в ней, как и мы. Он может быть массивным сверхчеловеческим интеллектом или кластером интеллектов, он может обладать возможностями, которые нам и не охватить разумом, но его, вероятно, можно очень легко уничтожить — просто несколько термоядерных бомб в нужном месте до того, как он включился и обрел сознание, выйдя из досингулярных сетей двадцать первого столетия. Не будь Эсхатона, люди как вид уже, скорее всего, вымерли бы.

— Эпистемология по счетам не платит, — заметил сухо Мартин. — Если вы ожидаете от меня, что я буду делать что-нибудь рискованное…

— Мы это оценим, — кивнул человек в сером. — Нам нужно выполнение поручений, и не все из них полностью безопасны. Как правило, от вас не потребуется большего, чем заметить некоторые вещи и сообщить о них нам, но иногда, если угроза серьезна, вас могут попросить действовать. Обычно тонкими и необнаружимыми способами, но всегда — на ваш риск. Однако за это есть компенсации.

— Опишите, какие.

Мартин поставил на стол недопитый бокал.

— Мой спонсор, разумеется, готов вам хорошо

платить. И часть этой платы — мы способны *упростить путь*, если вы подадите на пролонгацию и постоянный статус резидента.

Технология продления жизни, позволившая сдвинуть среднюю продолжительность полноценной жизни за сто шестьдесят лет, была на удивление действенна и доступна в большинстве развитых миров. И ее контролировали настолько тщательно, насколько вообще можно контролировать медицинскую процедуру. Контроль и лицензирование — это были реликты Перехлеста, краткого периода в двадцать первом веке, когда население Земли зашкалило ненадолго за отметку в десять миллиардов (до Сингулярности, когда Эсхатон выбрался за пределы обычного человеческого разума и быстренько переписал книгу правил). Эффекты перенаселения еще пугали планету, и ответом стало железное правило: если хочешь жить больше естественного срока, либо продемонстрируй какие-то выдающиеся заслуги, причину, по которой тебе следует разрешить остаться, либо проходи лечение и эмигрируй. Мало было правил, которым повиновались все раздробленные племена, все культуры и компании Земли, но это из-за общности интересов к ним принадлежало. И если тебе предлагают стать

исключением благодаря скрытому вмешательству Эсхатона…

— Сколько у меня времени на обдумывание? — спросил Мартин.

— До завтра. — Человек в сером заглянул в свой блокнот. — Оклад — десять тысяч в год. Десять тысяч или больше — премии, если вас попросят что-нибудь сделать. И существенно исключительный статус в комитете по населению. А главное — вы поможете защитить человечество как целое от действий некоторых его неумеренных — не будем говорить «глупых» — представителей. Еще выпить хотите?

— Да, неплохо бы.

Они хотят мне платить? За то, что я вызвался бы делать добровольно?

Мартин встал.

— Мне не надо думать до завтра. Считайте, что я с вами.

Человек в сером улыбнулся без малейшего оттенка юмора.

— Мне сказали, что вы так ответите.

* * *

«Золотая команда» была по уши в работе. Ни одна голова не шелохнулась, когда открылась

дверь и вошел капитан первого ранга Мирский в сопровождении контр-адмирала Бауэра и его свиты.

— Капитан второго ранга Муромец, докладывайте!

— Господин капитан первого ранга, время до перехода в прыжок — триста секунд. График местоположения подтвержден, в рабочем состоянии. Все системы работают нормально, уровень готовности согласно плану «Б». Люди готовы занять боевые посты по команде.

Мирский кивнул.

— Продолжайте, господа.

Контр-адмирал тоже кивнул и тихо приказал своему адъютанту записывать. По всему кораблю заревели сирены. Топот людей, разбегающихся по своим местам, слышен не был, но в воздухе повисло напряжение. В рубке послышался шепот — офицеры у своих рабочих станций тихо переговаривались.

— Готовность к прыжку через двести секунд, — доложил релятивист.

Рашель Мансур — в мундире инспектора по разоружению — сидела неуютно близко к стене, изучая набитую приборами консоль из-за плеча какого-то старшины. Медные рукоятки и

барочно-красные светодиоды ей подмигивали, оловянная собачья голова безмолвно лаяла с какого-то выключателя. Кто-то половину жизни проводил, надраивая гравировку, чтобы она сияла как масло. Горькой иронией казалось видеть такое искусство на войне. Ситуация, как подумала Рашель, более чем отвратительна, и когда в ней оказывается что-то хоть отдаленно красивое, это только все усугубляет.

Фестиваль. Из самых глупых целей, которые могла выбрать Новая Республика, эта была самой глупой. Рашель говорила об этом Мартину, сама собирая доступные кусочки информации. Вместе они выложили совершенно пугающую гипотезу.

— Герман выражался об этом необычно туманно, — признал Мартин. — Обычно он дает кучу всяких деталей обстановки. И каждое слово что-то значит. Но здесь он как будто не хочет говорить о Фестивале слишком много. Он их назвал, гм, «фабриками планерных пушек». Я не знаю, что тебе известно о Жизни…

— Сотовые автоматы, игра?

— Именно она. Планерные пушки — это мобильные сотовые автоматы. Есть сложные живые структуры, которые себя воспроизводят, и сотовые структуры попроще. Фабрика же планерных

пушек — жутковатая конструкция. Она периодически себя пакует в очень плотные мобильные системы, мигрирующие по сетке на пару сотен клеток, потом распаковывает себя в двух экземплярах, а те пакуются снова и разлетаются в противоположных направлениях. Герман говорил, что они — аналог реального пространства, и называл их роботами Бойса–Типлера. Самовоспроизводящиеся субсветовые межзвездные зонды, которые рассылаются для сбора информации о Вселенной и передачи ее в центр. Только Фестиваль — это не флот лишенных интеллекта роботов. Он несет с собой процессоры *выгрузки* и тысячи умов, работающих быстрее реального времени, когда есть ресурсы для их поддержки, а при перелетах помещаемых в долговременные носители.

Рашель при этих словах слегка вздрогнула, и он ее обнял, неправильно поняв источник ее огорчения. Она не возразила, не желая дать ему понять, что он ее расстроил. С выгрузками ей приходилось иметь дело. Выгрузки первого поколения, только что из вселенной мясных марионеток, проблемой не были, а вот их детки до нее добрались. Рожденные — если это можно так назвать — в виртуальной среде, они быстро

уходили от любых норм человечества. Что серьезнее, их представление о реальном мире было неадекватно. Что было совершенно без разницы, пока им не приходилось иметь с этим миром дело, но когда контакты начались, они стали использовать в качестве конечностей развитые наносистемы и время от времени ломали что-нибудь — например, планеты.

Это нельзя было назвать злонамеренностью — они просто созрели в среде, где информация не пропадала, если только кто-нибудь этого сознательно не хотел, где смерть и разрушение были обратимы, где волшебная палочка действовала, а галлюцинации жили своей жизнью и были опасны. Реальная вселенная играла по другим правилам — по тем, от которых в ужасе удрали их предки, как только был создан процесс миграции разумов в распределенные компьютерные сети.

Фестиваль — это, кажется, настоящий «геморрой». С одной стороны, выгруженная цивилизация, привыкшая к всемогуществу в собственной карманной вселенной, решила без всякой видимой причины выйти на свет и поиграть в галактического туриста. С другой стороны, в каждом порту захода к ее услугам были физические машины огромного разума и мощи. Например,

кустовые роботы. В их основе — ветвящееся дерево крон. Каждый сук разделяется на конце на две ветви, соединяемые гибким сочленением. Процесс повторяется до молекулярного уровня, и каждая конечная ветвь снабжается наноманипулятором. Результат — серебряный туман с гантелевидной сердцевиной, излучающий когерентные световые волны, способный изменять форму, собирать и разбирать физические предметы по желанию — и могущий построить практически что угодно в желаемой физической форме, начиная с атомных масштабов. Кустовые роботы были идеалом пехоты: стреляй в них — и они сожрут пули, рассекай их на дополнительные ветки — и спасибо тебе за лишний металл.

— Тревожит меня, что будет, когда мы прилетим, — сознался Мартин. Он жестикулировал, бессознательно подчеркивая главное в разговоре. — Кажется, Новая Республика не может на самом деле понять, что происходит. Они видят нападение, и я могу их понять — Фестиваль уничтожил политическую и экономическую систему на одной из их колоний так же тщательно, как бомбардировка с орбиты, — но я не вижу, какой здесь может быть путь к урегулированию. Общей почвы не будет никакой. Чего хочет Фестиваль?

Что может заставить его уйти и оставить Новую Республику в покое?

— А мне казалось, ты не в восторге от Новой Республики, — поддела его Рашель.

Он поморщился.

— А ты? Мне не по душе их общественный строй, и они это знают. Вот почему я сижу в этой камере, а не в своей каюте или машинном отделении. Но… — Он пожал плечами. — Одно дело — их общественное устройство, но люди всюду люди, и как-то пытаются сжиться с этой сумасшедшей вселенной. Они мне не нравятся как личности, но это еще не значит, что я хочу их смерти. Они не чудовища, и не заслуживают того, что на них надвигаются, но жизнь вообще несправедлива.

— В том, что она такова, есть и твой вклад.

— Да. — Он опустил взгляд, будто рассматривал что-то, для нее невидимое. — Жаль, что альтернативы нет. Но Герман не может им этого спустить с рук. Либо закон причинности нерушим, либо — полный распад. Будет куда лучше, если их маневр просто не удастся, и тогда весь рейс окажется ляпом неумехи, чем если они добьются успеха и тем поощрят будущих авантюристов добираться до своих врагов по временеподобным путям.

— А если тебя привяжут к мачте, когда корабль

направится в Мальстрем?

— Я же не говорил никогда, что я всеведущий. Герман сказал, что попытается меня вытащить, если у меня получится. Хотелось бы мне знать, что он имел в виду. А какие у тебя варианты?

Она скривила губы.

— Может быть, он надул моего начальника, который учил меня никогда не выходить в море без спасательной лодки.

Мартин фыркнул, очевидным образом не поняв.

— Ага, говорят, что капитан всегда тонет со своим судном — да только никто никогда не вспоминает черную команду, тонущую в машинном отделении!

Объявление с мостика вернуло Рашель к настоящему.

— Прыжок через сто секунд.

— Состояние? — запросил Муромец. Все посты по очереди ответили, все шло по плану. — Время до перехода?

— Сорок секунд. Замедление вращения ядра продолжается, идет отрицательный выброс массы.

Глубоко под ногами массивная сингулярность ядра системы привода крутилась все медленнее,

высвобождая момент импульса в энергетический вакуум пространства-времени. Вибрации не было, не было ощущения движения, да и не могло быть. Момент импульса — в контексте космического двигателя — был свойством искривленных участков пространства и ничего общего не имел с материей в том смысле, в каком понимает ее большинство людей.

— Продолжайте, капитан второго ранга. — Командир корабля стоял позади, сцепив руки за спиной. — С вашего разрешения, контр-адмирал?

Бауэр кивнул.

— Действуйте по своему усмотрению.

— Идет переход… Чисто. Система координат фиксирована.

— Препятствий нет, — сообщил Радар-1. — Кажется мы на точке.

— Десять «же», направление на центральное светило, — сообщил Илья. Вид у него был почти скучающий — все это за последние три дня уже с десяток раз повторялось. — Подтвердите фиксацию положения, потом дайте мне результат пассивного сканирования. Стандартный профиль.

— Есть. Навигация подтверждает, звезда фик-

сирована. Ага, на этот раз куда ближе к колодцу. Вижу массивный сброс лишнего тепла с «Канцлера Романова», они прошли.

Это подняло людям настроение. Даже при постоянном ускорении в десять «же» промах на пару астрономических единиц мог потребовать часы или дни для устранения.

— Больше ничего не видно.

— Дайте эхо от лидара. Прерывистый импульс, фронтальный девяносто градусов.

— Эмиссия идет — есть. Профиль ровный.

Основной экран имитатора показал мегаватты лазерного света, пробивающие глубины пространства — в основном жесткий ультрафиолет, синхронизированный пилообразным импульсом корабельных часов.

— Сканирование закончено. Лидар отключен.

Радар-2 доложил:

— Есть отражение! Дистанция… Боже мой! Мы прямо над ним! Дистанция шестьдесят километров. С виду — металл!

— Рулевой! Полную мощность через десять секунд! Курс плюс десять, минус сорок.

— Есть! Двести одиннадцать «же» через пять… три… есть.

Как все местные силы, флот Новой Республи-

ки оперировал земным значением ускорения — десять метров в секунду за секунду. На полной боевой тяге «Полководец» мог набрать от нуля первую космическую скорость быстрее чем за шестьдесят секунд; без тонкого балансирования спина ядра по отношению к кривизне пространства вокруг корабля команда была бы раздавлена в лепешку. Но наличие ядра двигателя имело свою цену — субсветовая ракета на ядерном двигателе могла на коротком расстоянии догнать и превзойти в маневренности корабль, отягощенный массой горы.

— Радар, дайте-ка мне детали этого препятствия!

Мирский подался вперед.

— Есть!

На дисплее появился график. Рашель всмотрелась в показания, глядя мимо черепа старшины Борисовича на иззубренные края.

— Подтверждаю…

Радар-2 доложил:

— Еще контакты! Повторяю, множественные контакты!

— Дистанция? — спросил капитан.

— Они — слишком близко! Капитан, очень неясные контакты. Сетка анализа потратила

несколько секунд на их разрешение. Очевидно, черные тела с характеристиками «стелз». Дистанция девяносто «ка», один и три десятых «эм», семь «эм», еще один на двести пятьдесят «ка»... Мы посередине!

Рашель закрыла глаза. Холодок пробежал по спине, когда она подумала о малых фабриках-роботах, репликаторах, рое самовоспроизводящегося оружия, размножающемся на низкой орбите вокруг луны газового гиганта. Глубоко вдохнув, она открыла глаза.

Ее размышления прервал Радар-2.

— Цель! Дистанция шесть и девять десятых мегакилометра, широкий профиль излучения. Курс минус пять-пять, плюс два-два.

Мирский обернулся к своему старпому.

— Илья, твой выход.

— Есть. Обозначаю новый контакт как цель Альфа. Лечь на курс схождения с целью Альфа, максимальное сближение триста «ка», полная мощность.

— Есть навести на цель Альфа!

— Вы чего-то ждете, капитан, — тихо сказал Илья.

Рашель чуть наклонила голову, чтобы усиленным слухом разобрать разговор двух старших

офицеров в глубине рубки.

— А как ты считаешь? Что-то тут снесло всю нашу флотилию обороны, — буркнул вполголоса Мирский. — Что-то такое, что здесь находится, ожидало ее. Ничего, кроме враждебных контактов, я не ожидал сразу после выхода из прыжка.

— Я только не думал, что они будут так близко. — Муромец выглядел озабоченным.

— Мне пришлось немного покопаться, но спасибо инспектору Мансур. — Капитан кивнул в ее сторону. — Мы кое-что знаем об их возможностях, и это несколько тревожит. Это не обычная сводка разведданных, потому что те дураки не сочли это достойным упоминания. Мы воюем с корнукопиями, понимаете ли, и ни один кретин в разведке флота не позаботился узнать, на что способны фабрики-роботы в тактике.

Капитан второго ранга Муромец покачал головой.

— И я тоже не знаю. А это имеет военное значение, господин капитан?

— Имеет. Понимаешь, роботы умеют *размножаться*. И создавать звездные парусники.

— Звездные парусники… — тут его осенило. Илья был потрясен. — И какого они могут быть размера?

— До полукилограмма массы. А в грамм машинерии на алмазной подложке можно впихнуть чертовское количество управляющих схем. Пусковые установки, которые этими бестиями стреляют, имеют массу, возможно, до четверти тонны каждая — но приличный кусок этой массы является хранимой антиматерией, чтобы питать генераторы пучков нейтральных частиц. Можно предположить, что пусков тут пара тысяч, вот это, наверное, и есть плохо видимые контакты. Если зацепить один из них и он в тебя стрельнет, то следует ожидать звездный парусник на луче с ускорением в десять тысяч «же». Но, конечно, ты его скорее всего даже не увидишь, если только он на тебя не нацелится и ты не получишь малость из его бокового лепестка. В общем, мы в середине минного поля, и эти мины могут стрелять по нам релятивистскими ракетами.

— Но… — На лице Ильи отразился ужас. — Я думал, это было стандартное положение для стрельбы!

— Так и есть, кавторанг, — сухо сказал Бауэр.

— А… — Илья слегка позеленел.

— Отраженный сигнал! — Сообщил Радар-3. — Есть отраженный сигнал! Нечто запущено с цели Альфа, ускорение одна целая три… нет, пять

десятых. Жарит гамма-излучением одна целая четыре десятых МЭВ.

— Зарегистрировать как первого кандидата, — ответил Илья и тут же напряженным голосом обратился к Мирскому: — Господин капитан, прошу разрешения возобновить непосредственный контроль!

— Разрешаю, — ответил каперанг.

Рашель оглядела рабочие станции рубки. Офицеры сгорбились за пультами, тихо переговариваясь по звуковой связи, подкручивая бронзовые ручки и щелкая переключателями. Мирский подошел к командному пульту и встал за плечом Ильи.

— Поищите радаром энергетические выбросы, — посоветовал он. — Дело выходит трудное. Если я прав, то мы — в середине минного поля, контролируемого центральной платформой управления. Если дадим утечку снова, то отсюда не выберемся.

Рашель тоже наклонилась вперед, сосредоточившись на главном экране. «Это, — подумала она, — замечательно. Если их команда всегда так работает, то при некоторой удаче они пробьются даже на низкую орбиту вокруг Рохарда».

Еще десять минут росло напряжение, пока

«Полководец» набирал скорость, устремляясь к цели. Сингулярностный двигатель практически необнаружим, даже на близком расстоянии (обнаружить массу горы за миллион километров не под силу даже самым чувствительным детекторам гравитационных волн), но все, что должна была бы сделать крепость противника — это переключиться на импульсно-допплеровский радар, и линкор будет торчать на нем, как больной зуб. Первое правило космической войны — как и древней подводной войны — гласит: «Если тебя видят, значит, могут убить».

С другой стороны, база противника не могла точно знать, где именно сейчас корабль; он немедленно изменил курс, после того как заглушил поисковый лидар. Еще четыре кратких лидарных вспышки проехались по корпусу, пока остальные корабли эскадры взяли свой пеленг, и сразу — тишина.

— Второй след! — объявил Радар-1. — Еще пуск. Дистанция сорок семь «эм», вектор по направлению к источнику лидара-три — «Суворову».

— Подтвердить курс и ускорение, — приказал Илья. — Зарегистрировать как второго кандидата.

— Подтверждаю еще три, — сообщил Радар-

2. — Еще один источник, дистанция девяносто мегакилометров. Цель Бета. Густо их здесь…

— Ищите следы…

— Третье эхо от локальной цели Альфа, — объявил Радар-2. — Рассеяние по отношению к кандидатам один и два. Похоже на ракету. Эта в нашу сторону.

— Дайте время подлета, — мрачно сказал Мирский.

Рашель посмотрела на него внимательно: Мирский — стреляный воробей, но даже если он сообразил, что происходит, она не понимала, как он собирается таскать каштаны из огня. В любой момент она готова была услышать рев сигнала тревоги и доклад наблюдателя, поймавшего гул релятивистских частиц, на волне которых несется гонимый пучком звездный парусник с зарядом антиматерии.

Конечно, слишком было бы ожидать от правительства Новой Республики понимания, насколько противник превосходит их по классу — культурный уровень этих людей не позволял им оценить опасность такого явления, как Фестиваль. Даже лучшие тактики флота, те, которые были знакомы с такими запретными технологиями, как самовоспроизводящиеся роботы или

звездные парусники, не осознавали до конца, что Фестиваль с ними может сделать.

Шансы «Полководца» уцелеть в этом столкновении были очень хилые. На самом деле вся экспедиция строилась на предположении, что противник по сути достаточно человеческий, чтобы понимать концепцию войны и использовать оружие, котором кидаются друг в друга образованные поумневшие обезьяны. У Рашели было безнадежное и неприятное глубинное чувство, что Фестиваль, действуя без таких предвзятых концепций, окажется куда смертоноснее для экспедиционных сил Новой Республики, чем те могут себе представить. К сожалению, оказалось, что она будет на месте событий, когда космолетчики на собственной шкуре убедятся: межзвездные наступательные войны куда проще проиграть, чем выиграть.

— Отраженный сигнал, цель Гамма! Еще одна цель — дистанция двести семьдесят «эм». И снова запуск ракеты.

— Это… — Илья запнулся, — одна база на кубическую астрономическую единицу? Миллион баз, если они равномерно распределены во внешней системе…

Он был потрясен.

— Ты думал, что воюешь с *людьми*? — спросил Мирский. — Это полностью интегрированная оборонная сеть роботов. И большая. Охренительно большая. — Он был почти рад собственной проницательности. — Адмиралтейство, понимаешь, не стало слушать, когда я им объяснял. Еще восемнадцать лет тому назад. Одна из причин, по которым я так и не стал флаг-офицером…

— Я слушал, — спокойно сказал Бауэр. — Продолжайте, капитан.

— Есть, контр-адмирал. Решение по цели Альфа?

Пост управления огнем доложил:

— Время до цели Альфа двести секунд, капитан.

— Гм! — Мирский посмотрел на дисплей. — Ваше мнение, кавторанг?

Илья сглотнул слюну.

— Я бы подпустил вплотную и включил лазерную сетку.

Мирский слегка качнул головой.

— Забываете, что у них могут быть рентгеновские лазеры. — И скомандовал громче: — Релятивисты, будьте готовы к микропрыжку. По моей команде чтобы через пять секунд нас здесь не было. Место назначения — любое в пределах

десяти а.е., без разницы. Можете?

— Так точно, капитан! Ядро полностью заряжено, прыжок возможен. Включаем в момент «Ч» минус пять секунд.

— Торпедисты, шесть СЕМ-20 — в аппаратах, снаряженных и готовых к запуску за две минуты. Боеголовки настроены на направленное расщепление, угол распределения двадцать градусов. Три из них — на цель Альфа, остальные три — в резерве для запуска по пятисекундной готовности. Потом зарядить две торпеды, чтобы готовы были, когда я скажу.

— Есть! Три заряда на цель Альфа, три в резерве, и две торпеды. Шесть изделий на направляющих ждут команды, капитан. Снаряжаются две торпеды, будут готовы через четыре минуты.

— Приятно слышать, — сказал Мирский излишне желчно, и лейтенант у консоли заметно вздрогнул. — Все нормально, — добавил капитан.

— Сближение через сто двадцать секунд. Оптимальный профиль запуска через восемьдесят.

— Нанесите на график положение ближайших идентифицированных мин. Покажите вектора на командной станции Альфа, считая, что они запустят снаряды, сохраняя постоянное ускоре-

ние в десять кило-«же». Они могут нас достать за сорок секунд?

— Проверяю, — ответил штурман. — Капитан, нас они не достанут, если только у цели Альфа нет пары фокусов со скоростью в рукаве. Но достанут на пятнадцать секунд позже.

— Отлично, — кивнул Мирский. — Артиллерия! Запуск за сорок секунд до цели. Рулевой и релятивисты: в момент контакта плюс пять секунд — то есть *через* пять секунд после нашего огня по цели, инициируйте микропрыжок.

— До запуска пятьдесят секунд… Отметка.

Рашель глядела на экран — мешанину красных птичек и удлиняющихся линий. Собственный спроецированный вектор корабля — синий — тянулся к одной из красных точек, потом резко остановился. «В любую секунду, — подумала Рашель, — может случиться любая мерзость».

Артиллерия доложила:

— Тридцать секунд. Ракеты разогреты. Сетка запуска запитана. Двадцать секунд.

— Принимаю какой-то шум с кормы, — перебил Радар-1.

— Десять секунд. Направляющие запуска запитаны, — сообщил артиллерист.

— Стрелять по графику.

— Есть! Навигационные данные переданы, инерциальные платформы установлены. Ракеты заряжены, боеголовки готовы.

— Легкие частицы! — завопил Радар-1. — Крупный взрыв за шесть мегакилометров, пеленг шесть-два и пять-девять! Выглядит… черт, будто попали в наш крейсер. Поток частиц с кормы! Пеленг один-семь-семь и пять, боковое рассеяние, дистанции пока нет…

— Пять секунд до запуска. Запуск, пошла первая ракета. Захват лидаром. Двигатель включен. Подтверждение зажигания главного двигателя. Вторая ракета заряжена, запуск нормально… Пошла. Двигатель включен. Третья ракета…

— Это Радар-один, у меня захват лидаром! Прямо с кормы на нас кто-то светит! Дистанция — пятьдесят два «ка»…

Мирский шагнул вперед.

— Ракетчики! Все три запасных ракеты строго назад по нашему курсу. Пассивные искатели, мы им осветим цель.

— Есть! Четвертая ракета, отсчет пошел… Запуск. Пятая, отсчет пошел… Запуск.

— Говорит радар-два, у нас на хвосте искатель. Дистанция сорок пять «ка», схождение при… Господи боже мой, глазам своим не верю!

— Шестая готова к старту. Куда наводить?

— Радар-два, дайте свой график ракетчикам для наведения ракет с четвертой по шестую. Ракетчики, стреляйте, как только определите цель — выиграйте для нас время.

— Есть! — Лейтенант с пепельным лицом склонился над консолью и защелкал клавишами как одержимый.

— Расстояние до точки стрельбы по Альфе? — спросил Мирский.

— Тридцать секунд, капитан. Вы форсируете атаку? — Офицер ждал команды. Каждый ватт мощности, закачанный лазерной сеткой в атакующий залп, означал на один ватт меньше для наведения перехватчиков.

— Да, лейтенант. И надеюсь, что вы не будете учить меня моей работе.

Офицер вспыхнул и отвернулся к консоли.

— Артиллерия, что у нас там?

— Я накачал до предела передовые ракеты, ускорение максимальное, какое только могут выдержать боеголовки. Отключение главного двигателя через пятнадцать секунд. Как только он отключится, перевожу мощность на наши перехватчики. Выгорание первой ракеты через десять секунд.

Рашель про себя кивнула. Вспомнились лекции по основам релятивистской физики, стратегии в постэйнштейновской вселенной и следствиям расширения светового конуса по равномерно распределенной сетке точек. *В любой момент окаменелый свет от следующих снарядов-перехватчиков может нас настичь…*

— Боже правый! — крикнул оператор Радар-3. — Лучи со всех сторон! Мы в клетке!

— Возьмите себя в руки! — рявкнул Мирский. — Сколько источников?

— Их… их… — Офицер на радаре защелкал клавишами. Появились красные линии на экране. — Шестнадцать, капитан, и со всех сторон!

— Понятно. — Мирский покрутил ус. — На руле, к микропрыжку готовы?

— Так точно!

— Отлично! — Мирский улыбнулся сжатыми губами. — Артиллеристы, обстановка?

— Первая ракета — двигатель отключен. Вторая, третья — отключен. Все лучи привода переведены на второй залп. Время залпа до цели — пятнадцать секунд. Ага, к нам направляются семнадцать снарядов противника. На перехват идут три антиракеты.

— Дальнейший огонь прекратить. Сколько до

того, как первый снаряд противника окажется на нужной дистанции?

— Это будет… две секунды после контакта, капитан.

— Штурман! Прыжок через пять секунд. Оставаться праздновать победу не будем.

— Есть!

Радар-1 доложил:

— Еще отметки, капитан! Считываются… Нет, они не успеют.

— Сколько их, лейтенант?

— Мы окружены. Снаряды на пучках со всех сторон, на дальней дистанции. Насчитываю…

— Первая ракета сдетонировала! Вторая ракета сдетонировала. Третья сдетонировала. Три детонации на цели.

— Прыжок через пять секунд. Четыре…

— Восемнадцать и девять десятых «ка»… Нет, девятнадцать «ка» снарядов на пучках!

— Идущий к нам первым — дистанция двенадцать «ка». Сокращается…

— Подтверждено попадание по цели Альфа, кислород и азот в спектре.

— Два.

— Девять «ка».

— Тридцать два «ка» снарядов противника!

Нет, тридцать два и …

— Один. Прыжок.

Пригасли красные аварийные огни, и зажегся верхний свет. На мостике наступила тишина, потом контр-адмирал Бауэр прокашлялся.

— Поздравляю, господа, — объявил он Мирскому и еще не отошедшему экипажу. — Из всех кораблей эскадры, которые пока что проходили эту ленту, вы единственный, кто ушел, более того, нанес ущерб противнику. Совещание у меня в кабинете в шестнадцать ноль-ноль — обсуждение гипотез, положенных в основу учений, и объяснение нашей новой тактической доктрины действий в аналогичной ситуации: массивной разветвленной оборонительной сети роботов с управлением огнем по каузальному каналу. Завтра снова ее прогоним и посмотрим, на что вы будете способны уже с открытыми глазами.

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Между тем, за две тысячи лет от корабля лежал, свернувшись в темноте, ребенок и хныкал, видя сон об Империи.

Феликс застонал, вздрогнул и плотнее завернулся в рваное одеяло. Заброшенный сеновал не отапливался, и в щели между бревнами стен зверски дуло, зато хотя бы крыша была над головой. И теплее, чем на каменистой почве. В дебрях шастали волки, и для мальчишки в эту пору спать под звездами было рискованно даже в лучшие времена.

Ворон устроился над головой Феликса на толстой балке, сунув под крыло черный длинный клюв. Иногда он просыпался, встряхивал перьями, переступал с ноги на ногу, оглядывался. Но дверь была заложена, никто сюда добраться не мог, и Ворон засыпал, следуя примеру хозяина.

По крыше колотил дождь, иногда протекая сквозь дерн, покрывающий грубо обтесанные доски, тонкими холодными струйками капал на пол. Тяжело висел в воздухе запах полусгнившего

сена. Феликс не решался зажигать свет после того, как господин Кролик указал ему, насколько это опасно. Водились тут твари, которые умели видеть тепло — молчаливые твари с пастями. И они любили выедать у детей мозги.

Феликсу снились порядки Империи, мужчины в блестящих мундирах, женщины в шелковых платьях, снились звездолеты и кавалерийские парады, обряды и церемонии. Но сны его были отравлены усталым и проникающим во все цинизмом. Дворяне и офицеры были развращенными бездельниками, а их женщины — жадными гарпиями, ищущими сладкой жизни. Церемонии и ритуалы стали пустыми и незначащими — декорацией, скрывающей омерзительную систему институциональных несправедливостей для поддержки излишеств правителей. В снах о Новой Праге он ощущал себя герцогом или принцем, застрявшим в куче навоза, скованным по рукам и ногам ответственностью и бюрократией, не в силах шевельнуться, а на него неумолимо наезжала многотонная машина гниющего разложения.

Когда он задергался и заплакал во сне, господин Кролик придвинулся ближе и прильнул к нему, шевеля мокрым мехом на вдохе и выдохе. Вскоре сон Феликса стал глубже, и господин Кро-

лик отодвинулся, свернувшись в клубок, чтобы заняться ночной отрыжкой и пережевыванием жвачки. Трудно быть мальчишкой в пору быстрых перемен, но вдвойне трудно быть кроликом метрового роста, одаренным проклятием человеческого разума и инстинктов норного обитателя.

В свете раннего утра Феликс зевнул, протер глаза, неловко потянулся, дрожа от холода.

— Кролик?

— Карр! — захлопал крыльями Ворон над головой и прыгнул чуть ближе, склонив голову набок. — Кр-ролик в дер-ревне!

Феликс медленно заморгал.

— Жаль, что он меня не дождался.

Он поежился, ощутив чувство одиночества — очень чуждое девятилетнему мальчишке. Потом он поднялся и стал укладывать в потрепанный ранец свои пожитки: одеяло, небольшую консервную банку, полупустую коробку спичек и один из тех странных телефонов, с помощью которых Фестиваль разговаривал с людьми. Над телефоном он на секунду задумался, но ощущение, что действовать нужно срочно, победило, и Феликс сунул его в рюкзак.

— Поиграем в «Охоту на кволика», — сказал он и открыл дверь.

Было холодное ясное утро, и двор заброшенного хутора покрывала грязь, куда нога уходила по щиколотку. Почерневшие развалины дома стояли сбоку от этой трясины, как пень от дерева, сожженного молнией, — огнем Отца Небесного. За ним пара пыльных серых пятен указывала на обедненный слой почвы, откуда наносистемы Фестиваля высосали все редкие элементы, чтобы построить что-то крупное, — наверняка связанное с исчезновением крестьянина и всей его семьи.

Ниже, в двух километрах, расположилась деревня, за поворотом узкой грунтовой дороги, за рощицей высоких сосен. Феликс надел ранец, остановился ненадолго, помочиться на почерневшую от огня стену дома, и медленно направился вниз. Хотелось напевать или насвистывать, но он молчал: неизвестно, какие твари водятся здесь в лесах, а забывать предупреждения господина Кролика не стоило. Очень был серьезный мальчик, очень взрослый.

Ворон запрыгал вслед за ним, потом тяжело снялся с места, хлопая крыльями, и опустился в канаву чуть дальше по дороге и несколько раз кивнул.

— Завтр-р-р-рак! — объявил он.

— Отлично!

Феликс прибавил шагу, но, увидев, что нашел для еды Ворон, отвернулся и с силой ущипнул себя за переносицу, до слез, чтобы не рыгнуть. Слезы добыть было трудно. Давным-давно и далеко-далеко говорила ему Няня: «Большие мальчики не плачут». Сейчас он узнал, что это не так. Он видел, как плакали мальчики намного больше его, даже мужчины, стоя у изрытой пулями стены. (Некоторые не плакали, другие держались очень прямо, но конец был один для всех.)

— Иногда я тебя ненавижу, Ворон.

— Кар-р-р? — Ворон поднял голову. Лежащий в канаве предмет еще был одет в девчоночье платьице. — Жр-рат-ть надо.

— Надо, ты и жри. А я должен найти Петра. Пока мимы нас не поймали.

Феликс нервно оглянулся через плечо. Они уже три для бежали, перепуганные, опережая мимов на один прыжок. Мимы двигались медленно, часто борясь с невидимым ветром или пытаясь проложить путь вокруг нематериальных домов, но были неумолимы. Они не спят, не моргают и не останавливаются.

На сто метров ближе к деревне ожил телефон. Он мяукал, как любопытный котенок, пока Фе-

ликс не нащупал его в ранце и не вытащил.

— Да оставь ты меня в покое! — воскликнул он в досаде.

— Феликс? Это господин Кролик.

— Что? — Пораженный Феликс уставился на телефон. Из-под масляных отпечатков пальцев поблескивала хромировка.

— Это я, твой лопоухий друг. Я в деревне. Слушай, ближе не подходи.

— А почему? — нахмурился Феликс, продолжая идти.

— Они тут. У меня кончилось везение, вряд ли смогу удрать. Ты… — На секунду голос гигантского зайцеобразного стал совершенно нечеловеческим — животный визг гнева и страха. — За тобой, у тебя за спиной! Беги напрямик! Беги!

Телефон загудел и отключился. Феликс сердито его поднял, собираясь хлопнуть оземь, но остановился. Впереди, глядя на него, сидел Ворон, глазки-бусинки, клюв в крови.

— Пролети над деревней, — велел Феликс. — И расскажи, что увидишь.

— Кар-р!

Ворон разбежался и взлетел, пригнув траву, потом взмыл над верхушками деревьев. Феликс снова посмотрел на телефон со смешанным вы-

ражением горя и гнева. *Нечестно. Все нечестно!* Единственное, чего ему хотелось — быть молодым, беззаботным и развлекаться. Спутники появились потом, и сперва с ними была госпожа Ежиха, но погибла при случайном спектакле Края: ее убило электрическими разрядами, полыхнувшими из ионосферы, изнасилованной искусственными солнечными вспышками. Край — он такой, ума у него нету. Он, Край, бесконечно опасен и переменчив, коварный, как ядовитая змея, но иногда создающий шедевры красоты. (Его северные сияния держались неделями.)

Феликс тревожно огляделся. Над живой изгородью, дальше по дороге, что-то вроде бы двигалось. Он прижал телефон к щеке.

— Кто-нибудь будет говорить со мной?

– Ты нас развлечешь?

— Я не знаю, как! — выпалил он.

– Расскажи сказку. Предложи формальное интересное доказательство. Спой, станцуй, хлопни в ладоши.

— А что вы сделаете для меня взамен?

– Чего ты требуешь?

Голос на том конце, пропущенный сквозь узкую полосу каузального канала, казался жестяным и далеким.

— За мной гонятся плохие. Они кидаются пирожками и превращают меня в такого же. Вы их остановите? Защитите меня от мимов?

– *Рассказывай.*

Феликс набрал воздуху в грудь. Посмотрел вверх и увидел, что над ним кружит Ворон. Он прыгнул в канаву, потом нырнул под изгородь и побежал по лесу, петляя. И на ходу рассказывал:

— Жил-был герцог, который прозябал во дворце, на берегах реки, и он правил единственным на планете городом. Он был не очень мудрым, но делал, как ему казалось, лучше для его народа. А потом как-то утром пошел телефонный дождь, и мир поменялся. Дальше будет сказка про герцога.

История оказалась длинная и бессвязная, и какое-то время тянулась. Как осадили дворец герцога анархо-террористы, спустившие с цепи на город хаос и пластиковую мебель. Все солдаты дезертировали, разграбив дворец и зоопарк, старый герцог сбежал через подземный ход под приемной Куратора и сумел скрыться с тремя верными солдатами. Пораженный горем, он не мог взять в толк, что случилось с его миром. Почему переменилось все? Из мусора темного переулка ему замяукал телефон. Он наклонился подобрать

его, и это движение спасло его от выстрелов из винтовок двух солдат-предателей. Они убили Гражданина фон Бека, но сперва Гражданин пометил их своим медленным пистолетом — потому что Гражданам ведомства Куратора было позволено использовать при выполнении своего долга запретное оружие. (Пули из медленного пистолета летели на крыльях колибри, отыскивая свою жертву, куда бы она ни сбежала. Эти пули убивали, жаля своими стрекалами с нейротоксинами, как осы с тайной полицейской печатью. Это было оружие террора, чтобы продемонстрировать ужасы технологии без ограничений.)

Феликс съехал по переплетению корней на насыпи, перешел поляну, утыканную пнями, пускающими зеленые побеги, и продолжил рассказывать. Герцог в отчаянии заговорил с телефоном, и тот предложил ему три желания. Он попросил вернуть ему молодость, думая, что это горькая шутка, но тут же, к его удивлению, он стал опять молодым. Потом он попросил о спутниках, и ему дали друзей, чудесных друзей, которые для него были готовы на все, не прося ничего взамен. И даже третье желание, желание мальчишки в первом приливе возвращенной молодости, было удовлетворено. Все это было не

то, чего он на самом деле хотел или стал бы просить, не будь он тогда так взволнован, но у него получилось удачнее, чем у людей, которых он потом встречал. (Например, тот кулак, который попросил гусыню, несущую золотые яйца. Это было чудесное животное, если его не поднести к дозиметру железнодорожника и не увидеть, что оно просто хлещет ионизирующим излучением от алхимического камня в яйцеводе. Только сделать это приходит в голову лишь тогда, когда даже табуретку поднять трудно, а волосы вылезают из головы клочьями.)

Обращенный в дитя герцог за месяц впроголодь прошел триста километров. Но друзья о нем заботились. Ворон, который мог озирать все вокруг и сверху, предупреждал его о ловушках, засадах и волчьих ямах. Господин Кролик прыгал у его ног и своим острым слухом, чутким на опасность носом и просто старым добрым здравым смыслом спасал от голода и холода. Госпожа Ежиха тоже помогала, рыская вокруг, готовя, убирая и охраняя лагерь, иногда прогоняя наглых нищих и бродяг острыми иглами и внушительными зубами. Пока ее не убило грозой.

Но где-то по пути маленький герцог начал восстанавливать чувство цели — а с ним вернулась

глубокая пропасть отчаяния. Куда ни посмотри, гнили в полях посевы. Когда-то разумные крестьяне подняли ставки и возносили к небесам надутые сферы из алмазов и волокнистого стекла. Знахарки сбрасывали возраст и становились еще мудрее, ненатурально мудрыми, пока эта мудрость не вытекала из них, оживляя предметы силой их воли. И, наконец, самые мудрые вообще утрачивали человеческий облик и бежали из своей рассыпающейся человечьей скорлупы в выгруженную послежизнь Фестиваля. Интеллект и неограниченные знания, похоже, со стабильным человеческим существованием не вязались.

Маленький герцог говорил кое с кем из людей, пытаясь объяснить им, что это не будет тянуться вечно, рано или поздно Фестиваль кончится, и платить придется страшную цену. Но над ним смеялись, обзывали его всячески, когда узнавали, кем он был в прошлой жизни. А потом кто-то натравил на него мимов.

Хруст веток и тревожное карканье — Ворон слетел к нему на плечо, вцепился огромными когтями аж до крови.

— Мимы! — прошипела птица. — Невермор!

— Где? — оглянулся Феликс расширенными от страха глазами.

Что-то в подлеске за спиной затрещало, он обернулся, скинув с себя Ворона, и тот, тяжело хлопая крыльями, взлетел вверх, тревожно каркая. По ту сторону поляны показалась человеческая фигура. Мужчина, судя по размеру взрослый, белый с головы до ног как пудра. Двигался он рывками, как испорченная заводная игрушка, и нельзя было не узнать круглый желтоватый предмет у него в правой руке.

— Пир-рог! — каркнул Ворон. — Смер-р-рть!

Феликс повернулся и бросился бежать, пригнув голову, бежать, не разбирая дороги. Сучья хлестали по голове, по плечам, кусты и корни хватали за ноги. Вдали слышались крики и карканье Ворона, налетающего на мимов, уворачивающегося от смертельного пирога и клюющего врагов в глаза, в уши, в пальцы. Одна лишь липкая нить оранжевой слизи из блюда с пирогом может проесть кости насквозь. Разлагающая наноначинка строит карту и заново собирает на своем смертельном пути нервные связи, превращая остатки тела в свое орудие в реальном мире.

Мимы были результатом поломки — часть Края, которая слишком близко подлетела к вспышке на солнце и стала жертвой битового гниения несколько визитов Фестиваля тому

назад. Они потеряли речевые пути до самого Ядра Хомского, но как-то сумели прицепиться к звездным парусникам Фестиваля. Может быть, насильственная ассимиляция или разделение собственного умственного пространства с другими существами было их способом общения. Если так, то это было в лучшем случае неверным решением — как решение младенца пообщаться с собакой путем ее битья. Но ничего не могло остановить эти их попытки.

Нечленораздельный крик за спиной сообщил Феликсу, что этого конкретно мима Ворон сумел отвлечь. Но мимы ходят стаями. Где остальные? И где господин Кролик с его верным двенадцатикалиберным и сушеными скальпами хуторян на поясе?

Шум впереди. Феликс покачнулся, останавливаясь. Телефон все еще был у него в руке.

— Помогите! — выдохнул он в трубку.

– *Укажите параметры помощи.*

Неясная белая тень двигалась среди деревьев. Когда-то это была женщина. Сейчас она была мертвенно-бледна, если не считать кроваво-красных губ и фальшивого носа. Слои белой одежды облекали ее разлагающиеся члены, скрепленные тонкой сетью металлических серебристых ли-

ан, пульсирующих, сжимающихся при каждом движении. Она, шатаясь из стороны в строну, приближалась, кокетливо покачивая бедрами, как будто в основании позвоночника у нее был универсальный шарнир. Большое блюдо с пирогом она держала двумя руками. Пустые орбиты глаз, затянутые светочувствительной пленкой, усмехнулись ему, когда женщина наклонилась и протянула блюдо, как мать протягивает избалованному сыну любимое лакомство.

Феликс задохнулся — запах был неописуемый.

— Убей ее! Пусть она уйдет! — заскулил он, пятясь и упираясь спиной в дерево. — Пожалуйста!

– *Подтверждено.* — Голос Фестиваля остался далеким и тусклым, но что-то изменилось в интонации. — *Служба безопасности Края к вашим услугам. Чем можем быть полезны?*

Мимы приближались.

— Убейте их! — выдохнул Феликс. — Пусть они от меня отстанут!

– *Наведение на цель. Включение рентгеновского лазерного орудия. Извещаем, что настоящее наклонение орбиты неблагоприятно для хирургического удаления. Закройте чем-нибудь глаза.*

Феликс прикрыл глаза локтем. Полыхнули кости в красном силуэте, и тут же ударил гром

и порыв жара, будто кто-то открыл дверь в ад прямо у него перед носом. Кожу заколoло, будто госпожа Ежиха обняла его всем телом. В лесу падали деревья, хлопали крылья вспугнутых птиц. Вспышка и взрыв повторились еще раз, на этот раз позади, потом еще три или четыре раза, дальше и дальше.

– *Служба Инцидентов работу окончила. Угроза устранена. Извещаем, что вы получили дозу ионизирующего излучения в размере около четырех греев, что без срочного лечения представляет угрозу жизни. Отправлен пакет медицинской помощи. Оставайтесь на месте, и он будет у вас через двадцать две минуты. Благодарим за ваше предание и желаем всего наилучшего.*

Феликс лежал, тяжело дыша, у корня дерева. Голова кружилась, слегка тошнило, образ собственных костей перед глазами плавал в лиловом тумане.

— Пусть придет господин Кролик, — выговорил он в телефон, но тот молчал.

Он заплакал слезами досады и одиночества, потом закрыл глаза и заснул. И спал, когда с небес спустился паук и обмотал его коконом серебристой не-шелковой нити, заново начиная процесс разложения и переформирования пораженного

радиацией тела. Это случилось в третий раз, и это была расплата за третье желание. Молодость, истинные друзья… и то, что каждый мальчишка желает в своем сердце, не очень понимая, что полная приключений жизнь — совсем не так радостна, если это тебе надо ее прожить.

* * *

Мартин сидел в камере на матрасе, и пытался посчитать, сколько дней остается до его казни.

Флот уже был в шести днях от последнего прыжка к планете Рохард. Перед этим, наверное, примут припасы с оставшихся судов снабжения и загрузят на них всех лишних — срочников, сошедших с ума, вышедших из строя по болезни или каким-либо иным образом оказавшихся непригодными. Может быть, и его переместят и отправят с больными и сумасшедшими обратно в Новую Республику, чтобы отдать под суд по обвинению в шпионаже на верфи, за что полагается смертная казнь. Почему-то он сомневался, что ему поможет его защитник или спасет тот факт, что верфь в нем нуждается: этот сопляк из конторы Куратора совершенно явно против него заимеет зуб и не успокоится, пока Мартин не будет повешен.

Это один вариант. Второй — что его будут держать на губе до самого прибытия. Когда уже будет понятно, что аккумулирующееся запаздывание, которое он подключил к четырехмерной навигационной системе «Полководца», раздолбало их дурацкий план подобраться незаметно к Фестивалю по пространственноподобной траектории. В каковом случае будет заподозрен саботаж, а саботажник уже за решеткой, готовый к употреблению, как индейка в День благодарения.

Почему-то осознание того, что все получилось, что задание выполнено и угроза широкого нарушения принципа причинности устранена, не наполняло Мартина счастьем. Наверное, полагал он, существуют герои, которые пошли бы к воздушному шлюзу пружинным шагом, но он не из них. Он бы предпочел открыть дверь в спальню Рашели, чем наружный люк, и с большим удовольствием вдыхал ее запах, чем лопнул в вакууме. Мартин мрачно подумал, что это очень на него похоже: влюбиться до одержимости именно перед тем, как безнадежно вляпаться в дерьмо. Он достаточно давно жил на свете и справедливо полагал, что иллюзий у него осталось немного: у Рашели столько шероховатостей, что ее можно использовать как напильник, и в некоторых

отношениях у них имелось мало общего. Но стучаться о стены тесной клетки было очень одиноко, и тем более одиноко, когда знаешь, что возлюбленная от тебя не дальше тридцати метров — и совершенно бессильна тебе помочь. Может быть, сама под подозрением. И как бы сильно она ни была ему нужна, он, если быть до конца честным, не хотел, чтобы она здесь находилась. Он хотел жить с ней снаружи — лучше всего во многих световых годах от Новой Республики, и чтобы долго-долго в прошлом никаких дел с этой Новой Республикой не было.

Он лег на спину, перевернулся на живот и закрыл глаза. И с ним едва слышным жужжащим голосом заговорил унитаз:

— Если слышишь меня, Мартин, стукни пальцем по палубе рядом с унитазом. Один раз.

«Вот и все, подумал он. И казнить меня не надо будет; выставят меня в зоопарке психов, и детишки будут в меня шкурками от бананов кидать».

Но он протянул руку и стукнул по основанию металлического унитаза, выпиравшего из стены.

— Это… — Он резко сел, и голос сразу пропал.

Мартин заморгал и огляделся. Голосов нет. Ничего в камере не переменилось — было все так же жарко, душно и держался запах плохой

канализации и застарелой капустной похлебки. (Капустный запах — это было необъяснимо. Давным-давно питание состояло из солонины и флотских сухарей — рецептура, которой упрямо придерживался флот Новой Республики, несмотря на то, что под рукой был глубокий вакуум и экстремальный холод — сразу за пределами прочного корпуса.) Мартин снова лег на спину.

— …один раз. Если слышишь…

Он закрыл глаза и, как на спиритическом сеансе, один раз сильно стукнул по основанию унитаза.

— Принято. Теперь стукни… — голос замолчал, потом продолжил, — стукни столько раз, сколько дней ты здесь провел.

Мартин заморгал, потом отстучал ответ.

— Азбуку Морзе знаешь?

Мартин пошарил у себя в мозгах — на это ушло много времени.

— Да, — отстучал он.

Совершенно вышедшее из употребления знание — узкополосный последовательный код, но Мартин его знал по очень простой причине: Герман настоял, что это необходимо. Код Морзе доступен человеку, и программа, вынюхивающая изощренный протокол, может просто пропустить

вещь столь обыденную, как постукивание пальцами на фоне общения по видеоканалу.

— Если ляжешь, приложив голову к унитазу сбоку, то лучше будешь меня слышать.

Мартин заморгал. *Костная проводимость звука? Нет, что-то иное. Индукционные провода вокруг слуховых нервов — какой-то высокочастотный источник закорачивается о металл унитаза, используя его как антенну! Неэффективно, но на близком расстоянии…*

— Назовите себя, — попросил он.

Ответ пришел морзянкой:

— Она же Людмила. Кто наблюдал за нами за ужином?

— Чудо-мальчик, — отстучал Мартин и опустился на пол, дрожа от облегчения. Можно было предположить наличие только двоих на том конце связи, а молодец из конторы Куратора вряд ли так бы себя назвал. — Какой у тебя передатчик?

— Жучок в канализации, заклиненный в выпускном клапане. Один из партии, случайно освобожденной этим идиотом-подкуратором. Велела им тебя найти. Батарейки в жучке почти сели, истощенные телефоном. Предпочитаю морзянку. Мартин, я пытаюсь тебя вытащить. Пока толку нет.

— Сколько до прибытия? — быстро простучал он.

— Десять дней до перехода на низкую орбиту. Если раньше тебя не освободят, ожидай выручки в день прибытия. Пытаюсь добиться для тебя дипломатического иммунитета.

Десять дней. Выручка — это если его не засунут на грузовоз под конвоем и не отправят на казнь, и если Рашель не делает хорошую мину при плохой игре.

— Что за выручка?

— Дипломатическая спасательная лодка, достаточная для двоих. Питание садится, попытаюсь послать другой жучок. Люблю. Конец связи.

— Я тебя тоже люблю, — простучал он с надеждой, но ответа уже не было.

* * *

Жужжали, клацали и гудели мириады мельчайших колесиков на фоне серого шума под рабочей станцией. Лучи оптических преобразователей танцевали на противоположной стене цветами волшебного фонаря. Оператор с расстегнутым воротничком с вышитыми золотыми листьями откинулся в кресле и выпустил струйку дыма из ноздрей: трубка была свободно зажата у него

между пальцами, а он уставился на экран.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул он.

Дверь открылась. Он моргнул, встал на ноги.

— А, прокуратор! Чем могу служить?

— М-можно минутку вашего времени, господин лейтенант?

— Ради бога. Всегда рад быть полезным Василиску. Присядете?

Василий уселся за стол, явно чувствуя себя неуютно. На стене играли свет и тени, тонкий синий дымок лениво сворачивался кольцами в красно-желтой подсветке.

— Это, гм, наш вектор состояния?

На миг лейтенант Зауэр подумал, не навешать ли мальчишке лапши на уши, но неохотно отказался от этой идеи.

— Да. Он вам мало чего скажет, если вы не интересуетесь топологией пятимерных многообразий. И это значение останется теоретическим, пока мы не прилетим и релятивисты не дадут карту пульсара, его подтверждающую. Я стараюсь в этом разобраться — когда это дело кончится, может, мне повышение выйдет.

— Ага, — кивнул Василий. Не только Зауэр ожидал повышения после этой кампании. — Мы

уже почти весь путь проделали, теперь недолго.

Зауэр поджал губы, поднес трубку ко рту и затянулся.

— Не говори гоп, малыш. Не хвались, пока твой враг не будет убит и закопан на перекрестке трех дорог, с пастью, набитой чесноком.

— Ну понятно. Но это ваши парни сделают, я уверен. А наши потом должны будут прийти и все подчистить, чтобы никогда такого снова не случилось.

Зауэр посмотрел на молодого полицейского, сохраняя вежливое лицо вопреки легкому раздражению.

— И я чем-нибудь могу помочь?

— Ну, в общем, да. — Гость откинулся в кресле, полез в карман кителя и достал портсигар. — Не возражаете, если я закурю?

Зауэр пожал плечами.

— Курите.

— Спасибо!

Минуту они оба молчали: вспыхнули зажигалки, серовато-синие клубы дыма поплыли к отдушине вентиляции. Василий, еще не привычный к этому занятию взрослых, попытался сдержать кашель.

— Я насчет инженера на губе.

— Ну понятно.

— Ага…– Пуф-ф. — Меня почему-то интересует, что с ним будет. Я, гм, так понимаю, что последние корабли снабжения сбросят груз и домой пойдут через пару дней, и вот я думаю: что, если?..

Зауэр сел прямо. Трубку он отложил. Она погасла, и хотя до чашечки было трудно дотронуться, в ней ничего не было, кроме подернутых пеплом черных остатков.

— Вы хотите знать, могу ли я его передать вам и посадить вас обоих на галошу, идущую домой.

Василий полуулыбнулся, несколько смущенный.

— Совершенно точно. Этот тип кругом виноват, сразу видно, и его надо отправить домой, чтобы судить и расстрелять. Как по-вашему?

Зауэр снова откинулся на спинку кресла, разглядывая аналитическую машину.

— Смысл есть, — признал он. — Но с моей колокольни все это не так просто выглядит.

Он зажег трубку.

— Отличный табак, господин лейтенант, — заметил Василий. — Немножко вкус странноватый только. Зато очень расслабляет.

— Это опиум, — пояснил Зауэр. — Отличное зелье, если не перебарщивать. — Минуту он со-

средоточенно раскуривал трубку. — Во-первых, с чего вы решили, что Спрингфилд на губе?

Василий сделал недоуменное лицо.

— Но это же очевидно? Он нарушил законы Империи. Честно говоря, я это и расследовал.

— Его казнь не упростит Адмиралтейству привлечение к нам иностранных инженеров; или вы другого мнения? — Зауэр затянулся. — Будь он космонавтом, молодой человек, мы бы его уже выкинули из шлюза. Я вам вот что скажу, по дружбе: если вы потребуете, чтобы вам его передали на основании того, что у вас на него есть, добьетесь только одного: Адмиралтейство задержит дело на несколько месяцев, назначит свое расследование, заключит, что реального ущерба не было, отдаст его под военно-полевой суд за какую-нибудь ерунду и приговорит к сроку, который он уже к тому времени отсидит — такой принцип, чтобы никто не сидел зря, — а вы останетесь в дураках. Ей-богу, вам это не надо, уж поверьте мне. Ставить такое пятно на послужной список в самом начале карьеры — это неудачный ход.

— А что же вы предлагаете, господин лейтенант?

— А вот что. — Зауэр погасил трубку и по-

смотрел на нее с сожалением. — Я думаю, вам придется решать, хлестать по лошадке или нет.

— По лошадке, господин лейтенант?

— Ага. Игровой термин, господин Мюллер. Удвоить ставку или свалить. Вы уже *точно* решили, что ваш инженер работает на эту юбку с Земли? По мне, вполне оправданное подозрение, но четких улик не хватает — кроме ее бесстыжего с ним поведения. Что — давайте не будем дурить себе голову — может быть вполне невинным — непристойным, но невинным в смысле преступных намерений против Республики. В любом случае, она ничем себя не скомпрометировала, кроме наличия запрещенного прибора в ее дипломатическом багаже, да еще тем, что понятия не имеет о морали и добродетели. У нас нет оснований для цензуры, тем более для объявления ее персоной нон грата. Понимаю, она вас раздражает, но ее присутствие в этом походе предписано его превосходительством великим князем. Так что вам решать: либо срать, либо слазить с горшка. Либо примите, что господин Спрингфилд, вероятно, вылетит из тюрьмы, как птичка, либо поставьте себе цель побольше, и тогда надейтесь, что удастся накопать на нее достаточно, чтобы мы могли не посчитаться с ее иммунитетом.

Василий побледнел. Вероятно, до сих пор до него все это просто не доходило — он превысил свои полномочия, обыскивая каюту Рашели, и если он не найдет этому оправдания, его будущее под угрозой.

— Я удвою ставку, господин лейтенант. Только… вы не хотите мне что-нибудь порекомендовать? Шаг очень серьезный, я не хотел бы ошибиться.

Зауэр улыбнулся — не так чтобы неприятно.

— Не волнуйтесь, не ошибетесь. Есть многие другие, кто хотят убрать ее с дороги, и они согласятся чуток помочь. Вот как будем разбивать ее прикрытие…

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ

На вершине холма, откуда открывалась дорога на Плоцк, тянулся неровный ряд крестов. Они были повернуты лицом к узкой речке, бежавшей по долине, к водяному колесу Бориса-Мельника. Висящий на них человеческий груз в коричневых рясах таращился пустыми глазами на выгоревшую коробку монастыря Святого Духа на том берегу. Аббат нашел свой путь раньше своих монахов, насаженный на кол, как птица на вертел.

— Убивайте всех, Бог узнает своих, — насмешливо прокомментировала Сестра Седьмая, поворачиваясь к двери, выходящей на раскисшую дорогу. — Не это ли говорила их гнездовая папа-мама в давно прошедшие времена.

Буря Рубинштейн трясся от холода в избушке на курьих ножках, шагающей по дороге прочь от Нового Петрограда. Утро выдалось холодноватым, и свежий воздух отдавал мучительно знакомым запахом: чем-то средним между серой от сгоревшего пороха и пряно-сладкой пыльцой тропических цветов. Но не запахом жареной свинины: монастырь сожгли, когда уже убили

монахов, а не до того.

— Кто это сделал? — спросил Рубинштейн с куда большим спокойствием, чем сейчас испытывал.

— Сам-знаешь-кто, — ответила Критикесса. — Не задерживайся вниманием на сем, но следующее учти: действующие лица Края в близкой окрестности более вырождены, нежели цивилизованы. Мимы и огнеходящие лемуры. Очень опасные.

— Так это… — Буря сглотнул слюну, не в силах оторвать взгляда от бахромы на холме. Попов он не любил, но это празднество излишеств превосходило все, что он мог бы счесть приемлемым. — Это работа Края?

Сестра Седьмая склонила голову набок и щелкнула в воздухе моржовыми бивнями.

— Нет! — объявила она. — Это работа людей. Но запускатели голов уже поработали здесь, осеменяя трупы дальнейшею жизнию. И неминуемо ожидать воскресения, хоть и не всеобщего.

— Запускатели голов?

— Краежители с фейерверками. Осеменяют черепную коробку, каннибализируют тело, выгружают и запускают карту, содержащую семена ума для включения в состав Фестиваля на орбите.

Буря вперился в ряд крестов. У одного трупа не было черепа, и верх креста обгорел.

— Щас стошнит…

Он успел добраться до края избушки. Сестра Седьмая заставила ее присесть, пока он перевешивался через край, рыгая и содрогаясь в спазмах, изливаясь на грязные наружные стенки.

— Готов продолжать? Необходима еда?

— Нет. Выпить чего-нибудь. Покрепче.

В углу избушки валялась пирамида консервных банок и бутылок. Сестра Седьмая, не слишком хорошо знакомая с человеческими идиомами, выбрала жестянку попрочнее — это оказались консервированные ананасы, — небрежно пробила в ней дыру и налила в пустую банку, которую Буря вчера использовал в качестве чашки. Он молча ее принял и долил шнапса из карманной фляжки. Избушка покачнулась, останавливаясь. Буря прислонился к стенке и проглотил пойло одним глотком.

— Куда ты меня теперь? — спросил он, бледный и еще дрожащий от чего-то куда более сильного, чем простой холод.

— Критиковать подсудимых. *Это* — не искусство. — Сестра Седьмая гневно оскалилась в сторону холма. — Никакого правдоподобия!

Никакой заботы о сохранности!

Рубинштейн сполз по стене избушки, свалился кучей напротив штабеля еды. Его заполнило безнадежное отчаяние. Когда Сестра Седьмая начинала вещать, она могла это делать часами, без особого смысла.

— На этот раз что-нибудь конкретное? Или ты хочешь заговорить меня до смерти?

Здоровенная кротовая башка резко обернулась к нему. Дыхание со свистом вырывалось между зубами. На миг Рубинштейн сжался, увидев в ее глазах гневно ухмыляющуюся смерть. Потом огонь снова потускнел до ее обычного циничного интереса.

— Критики знают, кто это сотворил, — просипела она. — Иди судить, иди Критиковать.

Ходячая изба шагала дальше, унося их от места казни. Невидимая из сеней, начала дымиться ряса одного распятого монаха. Череп его взорвался, испустив клуб синего пламени и громкий звук, будто вылетело что-то размером с кулак, потянулся белый инверсионный след. Разум еще одного монаха — или то, что осталось от него после дня на кресте — направлялся к орбите, к пожирателям данных Фестиваля.

Избушка шагала целый день, мимо чудес, ди-

ковин и мерзостей, обступивших дорогу со всех сторон. Две опушенные хохолками геодезические сферы плыли над головой как сверкающие диадемы диаметром в километр. Их полет был основан на тепловом расширении заключенного в них воздуха, разогретого солнцем. (Воспаряющие крестьяне — их разум расширялся причудливыми протезами — глядели вниз из своего общего орлиного гнезда на обитателей земли. У некоторых из их детей уже отрастали перья.) Вокруг очередного холма избушка прошагала по подвесному мосту крученого серебра, перекинутому через пропасть, которой месяц назад еще не было, — воздух в ее глубинах светился красноватым жаром, а дно скрывал постоянный венерианский туман. Ритмический гул адской машинерии доносился из бездны. Однажды рой кремниевых бабочек на солнечной энергии, размером с большую тарелку, промелькнул мимо, мечась, трепеща и унося с собой любой заблудившийся электропровод и любые дискретные компоненты. Хищный «Юнкерс», размером с орла, летел за ними, иногда устремляясь вниз и взмывая с изуродованной бабочкой в когтях, выросших из его шасси.

— Глубокая Сингулярность, — многозначительно заметила Сестра Седьмая. — Машины живут и

размножаются. Эволюция корнукопий.

— Не понимаю. Чем это вызвано?

— Возникающее само собой свойство сложной инфоэкологии. Жизнь расширяется, заполняя экологические ниши. Теперь машины воспроизводятся и размножаются, а когда Фестиваль максимизирует энтропию, — деградируют в путевую станцию.

— Деградируют в… — Он уставился на Критикессу. — То есть ты хочешь сказать, что это только *временное* состояние?

Сестра Седьмая посмотрела на него безмятежно.

— А что навело тебя на противоположную мысль?

— Но… — Буря огляделся. Увидел заброшенные поля, превращающиеся в поляны сорняков, уходящие назад выгоревшие деревни и странные артефакты. — К этому никто не готов, — произнес он слабым голосом. — Мы думали, так оно будет и дальше!

— Некоторые приготовятся, — сказала Критикесса. — Корнукопии размножаются. Но Фестиваль идет дальше, цветком, расцветающим в свете звезды перед следующим броском через холодную темную пустыню.

Ранним утром следующего дня показался Плоцк. До вторжения Фестиваля это был пряничный базарный городок тысяч в пятьдесят душ — крепость региональной полиции, тюрьма, два собора, музей и порт дирижаблей. Кроме того, здесь была самая северная железнодорожная станция на планете — пункт отправления барж к хуторам, точками рассыпанных по степи к Северному океану.

Сейчас его едва можно было узнать. От целых районов остались пятна пепелищ, зато группа изящных башен поднималась до полпути в стратосферу на месте бывшего собора. Буря смотрел, разинув рот, как какая-то зеленая тварь плюнула из окна в середине башни пылающим светом, который закрутился по небу и пронесся над их головами со странным двойным ударом грома. Запах — наполовину пороховой дым, наполовину орхидеи — снова вернулся. Сестра Седьмая села и втянула в себя воздух.

— Приятен запах диких сборщиков ранним утром. Выгрузка л'амурчиков в Фестиваль и милиция киборгов. Шпили из кости и бивней. Жажда апокалипсиса.

— О чем ты бормочешь! — Буря сел на край стопки вонючих одеял, из которых Критикесса

соорудила себе гнездо.

— Спятила совсем наноструктура, — ответила она довольно. — Цивилизация! Свобода, Справедливость и Американский Образ Жизни!

— Что еще за дикобраз жизни? — спросил Буря, вскрывая батон жирной чесночной колбасы и отрезая себе кусок инкрустированным перочинным ножом. Борода дико чесалась, он уже несколько дней не мылся, и, хуже всего, он чувствовал, что начинает понимать Сестру Седьмую. (Никто не должен быть принужден понимать Критика: это жестокая и причудливая кара.)

Над головой вспыхнуло яркое зеленое сияние, полыхнув в дверном проеме и осветив грязные углы избы.

— ВНИМАНИЕ! ВЫ ВОШЛИ В КАРАНТИННУЮ ЗОНУ! НАЗОВИТЕ СЕБЯ НЕМЕДЛЕННО!

Глубокий низкий рев отдался у Бури в костях. Он сжался и заморгал, уронив колбасу.

— Почему ты им не отвечаешь? — спросила Сестра Седьмая беспричинно спокойно.

— Не отвечаю?!

— ВНИМАНИЕ! У ВАС ТРИДЦАТЬ СЕКУНД, ЧТОБЫ ПОДЧИНИТЬСЯ!

Изба затряслась. Буря шагнул вперед и споткнулся, наступив на колбасу. Выйдя из себя, он

бросился к двери.

— Прекратите бардак! — завопил он, тряся кулаком в воздухе. — Уже человеку позавтракать спокойно нельзя, чтобы вы тут же не влезли, кретины гнусные? Дебилы бескультурные, чтоб вам герцогская шлюха в суп нассала по ошибке!

Свет резко отключился.

— ОХ, ВИНОВАТ! — произнес усиленный голос. И потом, потише: — Это вы, товарищ Рубинштейн?

Буря разинул рот, глазея на летающий изумрудный ромб. Потом посмотрел вниз и увидел на дороге одного из людей Тимошевского — но совсем не такого, каким тот был в Новом Петрограде.

* * *

Рашель сидела на койке, напрягаясь и нервничая. Не обращая внимания на стуки, звяканье и редкие удары в заднюю переборку, она отчаянно старалась прочисть себе мозги. Ей предстояло принять несколько тяжелых решений, и если она выберет неверное — Мартин точно умрет, и более того, она тоже умереть вместе с ним. Или, что еще хуже, ее могут преждевременно отозвать, и тогда не будет ни одного шанса выполнить ее истинное задание. И поэтому мыслить ясно, не

отвлекаясь на тревогу, было трудно.

Тридцать минут назад в ее дверь постучал посыльный. Наспех застегнув китель, она открыла.

— Лейтенант Зауэр шлет вам привет, мадам, и просит вам напомнить, что военно-полевой суд состоится сегодня, в четырнадцать ноль-ноль.

Она заморгала как идиотка.

— Какой такой военно-полевой суд?

Посыльный ответил невозмутимо:

— Мне неизвестно, мадам. Господин лейтенант только велел сказать вам…

— Да, поняла. Вы свободны.

Он ушел, и она быстро натянула сапоги, прошлась по волосам расческой и побежала поискать кого-нибудь, кто в курсе.

Кавторанг Муромец находился в офицерской кают-компании и пил чай.

— Что там такое насчет военно-полевого суда? — налетела на него Рашель.

Он посмотрел на нее с непроницаемым лицом.

— А, ничего особенного. Тот инженер, что арестован. Не идти же в бой, пока он у нас на борту? Вот старик и назначил слушание на сегодня, чтобы покончить с этим делом.

— В каком смысле? — спросила она ледяным голосом.

— Ну нельзя же человека расстрелять без суда, — ответил Илья, едва давая себе труд скрыть презрение. Он постучал стаканом рядом с самоваром. — Суд здесь будет, сегодня после обеда. Там и увидимся.

Дальше Рашель помнила, что оказалась у себя в каюте. Как она туда попала — выпало из памяти. Ее знобило и тошнило.

«Они хотят убить Мартина, — поняла она. — Потому что иначе им до меня не добраться».

Рашель обругала себя дурой. Кто за этим стоит, сколько врагов она себе нажила? Это адмирал? (Сомнительно. Ему не нужны все эти формальности, суды, если он кого-то хочет расстрелять.) Илья? Да, этот имеет против нее зуб. Или этот мальчишка-шпион, желторотый хмырь из секретной службы? Или капитан, быть может? Она покачала головой. Кто-то решил ее достать, а на корабле секретов не бывает: как бы они с Мартином ни были осторожны, кто-то все равно заметил.

Холодная пустота под ложечкой сгустилась в ком нервов. Вся эта командировка оборачивалась полным поражением. То, что она узнала от Мартина — в том числе его задание, — не оставляло флоту никаких надежд на успех; скорее, грозило

ему полной гибелью. Ее собственная роль переговорщика лишалась смысла. Вести переговоры можно с людьми, а не с созданиями, которые по отношению к людям — как люди к собакам или кошкам (или машинам, милым предсказуемым машинам, которые легко разбираются на части, когда их исследуешь, но потом собрать снова их не удается). Оставаться здесь дальше было бесполезно, это не поможет ей доставить пакет Джорджа Чо, а Мартин…

И тут Рашель поняла, что не собирается его бросать. И с этим осознанием пришло облегчение, потому что тогда ей оставался только один образ действий. Она нагнулась вперед и сказала негромко:

— Багаж. Сезам, отворись. План «Титаник». У тебя три часа десять минут. Начать.

Теперь оставалось только сообразить, как вытащить его из этого обезьяньего суда в каюткомпании к себе в каюту: задание, отличающееся от того, чтобы выдернуть его с губы, но не менее более трудное.

Чемодан молча выкатился из-под койки, крышка откинулась на петлях. Примерно минуту Рашель что-то набирала на клавиатуре. Открылась панель, и Рашель вытащила катушку

гибкого шланга. Шланг был прикреплен на кран с холодной водой на крошечном умывальнике. Шланг подлиннее и потолще, с шарообразным утолщением на конце, был опущен в унитаз — как колоноскоп, запущенный в кишки обширной канализационной сети корабля. Чемодан загудел, посылая в шланг волны вязкой белой жидкости. Эти волокна чего-то похожего на пластик поползли по унитазу, образовав вместе со шлангом тугую затычку; по каюте разошелся неприятный запах — порох, патока и струйка запаха дерьма. Рашель проверила индикатор состояния на чемодане. Удовлетворенная увиденным, она взяла перчатки, шапку, все прочее, что могло понадобиться, снова проверила индикатор и быстро вышла.

Туалет едва слышно гудел и позванивал звуками расширяющихся коммуникаций. Вентиляционная труба нагрелась, из канализационной — вырвался пар и тут же заглох, забитый новой поросльюю паутины. Сработал сигнал излишней ионизации, но Рашель отключила его, как только вернулась в каюту. Сигнал радиационного предупреждения мигал, невидимый, на чемодане в разогревающемся помещении. Надувка дипломатической спасательной лодки началась.

* * *

— Не волнуйся, сынок. Все получится. — Зауэр хлопнул Мюллера по спине.

Василий вымученно улыбнулся.

— Надеюсь, господин лейтенант. Я просто никогда еще не был в военно-полевом суде.

— Ну, ничего. — Зауэр тщательно подбирал слова. — Считай это продолжением своего образования. Наша лучшая возможность легально прищучить эту стерву…

Честно говоря, Зауэр был куда менее уверен, чем старался выглядеть. Вся авантюра была более чем слегка несанкционированной, выходила за пределы его компетенции как офицера безопасности корабля, и без активной поддержки кавторанга Муромца, старпома корабля, он бы на нее не решился. У него точно не было полномочий по собственной инициативе устраивать военно-полевой суд в присутствии офицеров, старших по рангу, не говоря уже о том, чтобы судить гражданского контрактника по обвинению, влекущему смертную казнь. Что у него было — так это решимость искоренять подрывную деятельность любыми необходимыми средствами и старпом, готовый подписать все, что будет

нужно. Не говоря уже о благородном энтузиазме выставить агента Куратора именно таким дубом, каким тот и был.

Времени не хватало катастрофически. С момента выхода из прыжка на край внутренней системы эскадра летела в полном радиомолчаниии с постоянным ускорением в десять «же» — тяжелом ускорении, компенсированном искривлением пространства-времени с помощью сингулярностей двигателя. (Десяти «же» без компенсации хватило бы, чтобы вырубился самый крепкий мужик — ускорение костедробильное, не дающее дышать.) Очевидно, произошла какая-то ошибка навигации, из серьезных, от которой штаб адмирала метался в черной ярости несколько дней, но противнику эта ошибка их не выдала, а это главное.

Несколько дней назад эскадра начала торможение до ста километров в секунду по отношению к планете Рохард. В ранние часы сегодняшнего утра корабли достигли скорости контакта и дальше будут дрейфовать последние тридцать световых секунд, возобновив ускорение (и увеличив собственную видимость) только на активной радарной дистанции от противника. Сейчас оставалось еще два миллиона километров. Где-то

около полуночи по корабельному времени эскадра начнет максимальное приближение к планете на полной тяге и войдет в соприкосновение с кораблями противника — если предположить, что они выйдут драться. (Если нет, то эти трусы отдадут контроль над зоной низких орбит Новой Республике, тем самым оставив без поддержки свои наземные силы.) В любом случае, акция против инспектора ООН должна быть завершена до вечера, когда корабль перейдет в состояние боевой готовности — если раньше ни на что не напорется.

С точки зрения Зауэра почти чудом было, что Илья согласился участвовать вместе с ним в этом обмане. Он мог запросто утопить этот план или доложить командиру корабля, что то же самое. Перед самым генеральным сражением отвлечься самому и отвлечь еще двоих офицеров, которым, правда, не надо было готовить боевые посты, это вполне могло считаться дивом.

Зауэр подошел к столу в кают-компании и уселся за ним. Вообще-то это был обеденный стол, накрытый для такого случая белой скатертью, прижатой томами Боевого устава Империи в кожаном переплете. Следом вошли еще два офицера: доктор Герц, корабельный хирург, и

капитан-лейтенант Вульпис, релятивист. Их вид соответствовал серьезности момента. Зауэр прокашлялся.

— Заседание суда считаю открытым, — объявил он. — Введите обвиняемого.

Открылась другая дверь, вошли двое матросов, ведя Мартина Спрингфилда, который в наручниках и ножных кандалах двигался достаточно медленно. Дверь за ними со стуком захлопнулась.

— А, гм. Да. Будьте добры назвать свое имя суду.

Мартин огляделся. Лицо у него было бледное, но он владел собой.

— Что?

— Будьте добры назвать себя.

— Мартин Спрингфилд.

Лейтенант Зауэр сделал заметку в блокноте, с раздражением заметив, что чернила в ручке закончились. Ладно, неважно. Дело не требовало письменного протокола.

— Вы являетесь гражданским лицом, подданным Объединенных Наций Земли. Это так?

На лице Мартина проявилось раздражение.

— Нет, черт побери! Я вам уже устал талдычить, что ООН — не правительство! Я аффилирован

с компанией Пинкертона по юридическим и страховым вопросам — это значит, что я подчиняюсь их правилам, а они защищают меня от нарушителей. Но у меня есть также резервный полис о серьезных нарушениях моих прав от «Нью-модел Эр Форс», который, насколько я понимаю, покрывает подобные ситуации. У меня также с полдюжины соглашений с различными квазиправительственными организациями, но ни одна из них не имеет надо мной суверенитета. Я не раб!

Доктор Герц повернул голову и посмотрел на Зауэра многозначительно. Пенсне сверкнуло в резком свете вольфрамовых ламп. Зауэр фыркнул.

— Пусть будет записано, что обвиняемый — подданный Объединенных Наций, — заявил он с нажимом.

— Никоим образом.

Головы повернулись на голос. Пока Мартин говорил, Рашель Мансур незаметно вошла через боковую дверь. И наряд на ней был еще более скандалезный, чем обычно: белое трико в обтяжку, а поверх — какие-то ватные вроде шмотки и пухлый жилет, напоминающий бронежилет полицейского. «Прямо как под скафандр оде-

лась», — подумал Зауэр.

— Организация Объединенных Наций не является…

— Тишина в зале! — Зауэр ткнул ручкой в ее сторону. — Здесь происходит военно-полевой суд, и я не признаю за вами права говорить. Соблюдайте тишину, иначе я велю вас вывести.

— И создать дипломатический инцидент? — неприязненно улыбнулась Рашель. — Попробуйте, и наверняка потом пожалеете. В любом случае, я уверена, данному обвиняемому разрешено обратиться для защиты к адвокату. Вы его оповестили о его правах?

— Э-э… — Вульпис опустил глаза.

— Не относится к делу. Суд продолжает…

Мартин прокашлялся.

— Я хотел бы назвать в качестве своего адвоката полковника Мансур.

Смотри-ка, получается.

Зауэр притворился, что пишет что-то в блокноте. В глубине зала Василий удивленно и беззвучно ахнул. Сопливый придурок уже терял надежду.

— Суд признает инспектора ООН Мансур советником обвиняемого. Я обязан вас предупредить, что данный суд проходит согласно Боевому уставу Империи, раздел Четырнадцать, статья

о действиях в непосредственной близости от противника. Если вам незнакомы правила и положения этой статьи, вы имеете право указать на это и устраниться от участия в суде.

Рашель улыбнулась шире.

— Защита ходатайствует об отсрочке в связи с приближающимся боестолкновением. После битвы времени будет достаточно.

— Отклонено! — отрезал Зауэр. — Нам нужен протокол справедливого суда до вынесения приговора.

Вот от этого у нее наглая ухмылка с рожи сползет!

— Суд объявляет перерыв на пять минут, чтобы обвиняемый мог посоветоваться со своим адвокатом. И ни минутой дольше. — Лейтенант стукнул кулаком по столу, встал и вышел из кают-компании. Остальные члены трибунала последовали его примеру, а за ними — кучка зрителей. Остались Рашель, Мартин и четверо матросов конвоя в дверях.

* * *

— Ты понимаешь, что это чистая формальность? Они меня казнят, — сказал Мартин.

Голос у него был хриплый и слегка неров-

ный. Руки он сцепил на коленях, стараясь унять дрожь.

Рашель заглянула ему в глаза.

— Мартин, смотри на меня. Ты мне веришь?

— Я… да.

Он опустил глаза.

Она протянула руку через стол, взяла его за левое запястье.

— Я кое-что почитала об их судебных процедурах. Они здорово нарушают порядок, и я в любом случае буду апеллировать к капитану — который и должен был возглавить трибунал вместо выскочки-офицера из службы безопасности, одновременно поддерживающего обвинение.

Она отвернулась, оглядела отдушины вентиляции, и одновременно отстучала по тыльной стороне его руки. Он напряг руку, давая понять, что сообщение принято.

Следующее заседание. Увидишь, я моргну три раза — начинай дышать глубже. Когда моргну два раза — задержи дыхание.

У него чуть шире открылись глаза. А она продолжала говорить.

— У них не будет времени ничего сделать до перигея. Мы в двух астрономических единицах и быстро приближаемся, соприкосновение должно

начаться около полуночи, если предстоит открытая война.

Морзянкой она передала:

К спасательной шлюпке.

— Это… — Мартин сглотнул слюну. *Как сбежать?* — пошевелил он рукой. — Я не уверен, что будут соблюдены все формальности. Этот обезьяний суд… — Он пожал плечами.

— Оставь это мне. — Она подчеркнула свои слова пожатием руки. — Я знаю, что делаю.

Впервые за все это время в его лице появилась надежда. Рашель прервала контакт и откинулась в кресле.

— Душно здесь, — пожаловалась она. — Где тут вентиляция?

Мартин посмотрел ей за спину, она проследила за его взглядом: решетки в потолке. Рашель крепко зажмурила глаза, перед глазами поплыли зеленые растровые изображения, как кошмары с тюремной решеткой. Шпионские жучки, остатки стада, выпущенного Василием, терпеливо ждали в вентиляционных отдушинах. Роботы следовали за ней до кают-компании, загруженные кое-чем, что придаст интерес процедуре. «Как следует служи маленьким наблюдателям», — с горечью подумала она.

— Я тебя отсюда вытащу, — заверила она Мартина.

— Я понимаю. — Он кивнул, чуть наклонив голову. — Ты знаешь, я же сам с людьми работать не очень…

Она покачала головой.

— Они это делают, чтобы заставить меня себя скомпрометировать. Дело тут не в тебе. Ничего личного. Они просто хотят, чтобы я не стояла на дороге.

— Кто?

Она пожала плечами.

— Офицеры среднего звена. Те, кому короткая победоносная война — билет на повышение. Те, кто считает, что меня вообще нельзя было сюда пускать, тем более дать возможность доложить о том, что видела. Уж после Лампрея-один — точно. Я была там агентом Красного Креста на месте, ты это знаешь? Расследовала военные преступления. Выставила их всех в очень неприглядном свете, и они это знают. Им не нужен мирный договор, им нужны боевой дух и слава.

— Если дело только в тебе, отчего этот оболтус из конторы Куратора здесь торчит? — спросил Мартин.

— Двух зайцев одним выстрелом. Не парься.

Если у них не выйдет, они смогут свалить все на лапу Куратора, выставить своего внутреннего врага в невыгодном свете. Особой любви между разведкой флота и гражданской тайной полицией не замечалось никогда. Если получится, то нас обоих уберут с дороги. Если по уставу, у них вообще права не было устраивать этот фокус. Чтобы вынести смертный приговор — кроме как перед лицом противника, — нужен командир корабля и старший помощник, так что, если они тебя казнят, это настолько незаконно, что их всех можно будет повесить.

— Очень утешает. — Мартин выдавил улыбку, но получилась она очень испуганной. — Ладно, делай, как считаешь… Черт, в общем, я тебе доверяю.

— Вот и хорошо.

Двери открылись.

* * *

— Получается, — заметил Зауэр. — Она пришла защищать своего прихвостня. Теперь надо только заставить ее нарушить дисциплину. Должно быть не трудно, поскольку скамья вся наша.

— Дисциплину? — Вульпис приподнял бровь. — Ты говорил, что это будет суд.

— Суд. Состязание духа — нашего против ее. Она снизошла до того, чтобы его защищать, тем самым она действует в суде на правах офицера. Статья Сорок шестая гласит, что выступающий в суде офицер подчиняется Уставу и может быть привлечен к суду за недобросовестность либо неуважение к суду. Согласившись выступать в нашем суде, она тем самым лишила себя дипломатического иммунитета. Тем лучше. Примерно через два часа мы выходим на позиции. Пока мы миндальничаем, но после этого момента *любой* старший офицер может выносить смертный приговор — или даже приказ о казни на месте, поскольку это подпадает под статью Четвертую Устава «Повиновение перед лицом противника: Обеспечение такового». Не то чтобы я *запланировал* использование этой статьи, но ведь она нам дает некое прикрытие?

Доктор Герц снял пенсне и начал его протирать.

— Как-то мне это не очень нравится, — сказал он нервозно. — Все это сильно пахнет крючкотворством, будто на нас это спихнули. Вас не беспокоит, что мы играем на этого поросенка из-под Куратора?

— Да нет. — Зауэр наконец все-таки усмехнул-

ся. — Понимаете, на самом-то деле чего я хочу: чтобы вот этот самозваный адвокат вляпался в нарушение дисциплины, субординации, чего угодно — а насчет самого обвиняемого, я думаю, лучше всего, если обвинитель откажется от обвинения или суд вынесет вердикт «Не виновен». — Он фыркнул. — Совершенно очевидно, он не знал, что нарушает какие-либо правила. Плюс к тому устройство, которое у него было, оказалось неактивным, и мне не доказать, что оно могло использоваться на борту корабля. И Адмиралтейство будет рвать и метать, если мы ему усложним найм гражданских контрактников. Я надеюсь задурить ей голову так, чтобы она не поняла, что никакого дела здесь нет, пока мы не уберем ее с дороги, а тогда мы Спрингфилда освободим. Отчего наш молодой господин Мюллер будет выглядеть полным и законченным идиотом, не говоря уже о том, что у *меня* появятся основания завести на него дело по подозрению в проникновении со взломом, краже личных вещей, нарушении дипломатического иммунитета и неприкосновенности дипломатического запечатанного багажа, а может быть, даже дезертирстве с поста. — Усмешка Зауэра превратилась в акулий оскал. — Что-нибудь еще добавить?

Вульпис тихо и восхищенно присвистнул.

— Напомни мне, чтобы я никогда с тобой в карты играть не садился.

Доктор Герц водрузил пенсне на место.

— Будем продолжать наш цирк, господа?

— Да, наверное. — Зауэр допил чай и встал. — После вас, братья мои офицеры! А клоунов потом приведем.

* * *

Чемодан в каюте Рашели уже какое-то время не дымился. Он опал, вновь поглощая и выдавая наружу свое содержимое. Вязкая белая пена расползлась по всей мебели каюты, жадно переваривая все доступные углеводороды и выдавая вертящуюся субстанцию алмазной фазы, пригодную для интенсивного нанопроизводства. Из раствора выпадали твердые блоки прозрачного материала, образуя полую сферу, почти заполнившую помещение. Под палубу уходили корни, углубляясь в контуры утилизации корабля, воруя сточные воды, где во время полета накапливались органические остатки. (По давней конвенции, корабли, не имеющие утилизаторов, сбрасывали отходы лишь уходя прочь от обитаемых областей космоса: не один злополучный работяга на орбите был застрелен навылет замо-

роженным дерьмом, обладающим кинетической энергией больше, чем у бронебойного снаряда.)

Самодвижущийся чемодан, вмороженный в основание стеклянистой сферы, теперь был куда легче, чем когда Рашель внесла его на борт. Тогда он весил почти треть тонны, а сейчас его масса стала меньше пятидесяти килограмм. Избыточная масса в основном состояла из толстостенных капиллярных труб карбида бора, контейнеров для кристаллов сверхчистого тетрайодида урана-235 и большого запаса кадмия — вещества, которые трудно было бы найти где попало. Чемодан был способен создать все, что нужно, если предоставить ему составляющие элементы. В основном ему нужны были углерод, водород и кислород, которые в установке обработки корабельных отходов имелись в изобилии. Но если дипломату необходимо было бы убраться как можно быстрее, а достаточно мощного источника энергии под рукой бы не оказалось… Ну, цепная реакция деления, древняя и старомодная технология, была удобна тем, что использующие ее источники энергии легко хранятся, очень мало весят и вряд ли взорвутся без серьезной причины. Все, что для нее нужно — это подходящий материал оболочки, чтобы держать ее в порядке и

заставлять работать. Вот почему Рашель таскала с собой уран, которого хватило бы на пару-тройку приличных атомных бомб или на запал ядерного водно-солевого ракетного двигателя.

Водно-солевая ядерная ракета — пожалуй, самый простой межпланетный двигатель, который можно засунуть в пароходный чемодан. С внутренней стороны корпуса возле каюты Рашели чемодан построил большой бак, проросший сквозь нейтронопоглощающие, выстланные бором трубы: они наполнялись водой, содержащей тетрайодид урана в почти критическом состоянии. Только тонкий слой тщательно ослабленных пластин корпуса и обойденные кабельные каналы удерживали стеклянную сферу и ее двадцатитонный водно-солевой топливный танк по эту сторону переборки, внутри корабля. Гибридная структура угнездилась под шкурой корабля, как личинка паразита, питающаяся хозяином и готовая вот-вот проклюнуться.

По всему кораблю вода в туалетах спускалась вяло, давление в трубах душевой офицерского состава скандально снизилось, и техники жизнеобеспечения чесали репу, гадая, отчего снизился вдруг уровень сточных вод в четвертом отстойнике. Одна блестящая догадка — насчет течи

в трубах — уже была озвучена, но до боя оставалось всего несколько часов, и все внимание сосредоточилось на системах оружия. Тем временем фабрикатор чемодана прилежно крутился, выдавая полимеры и прочие компоненты отделки спасательной шлюпки для своей хозяйки. Поскольку до боя оставалось немного времени, скорость играла существенную роль.

* * *

— Суд продолжает свою работу! — Зауэр постучал по столу перевернутым стаканом. — Подсудимый Мартин Спрингфилд, вы обвиняетесь в том, что в тридцать второй день месяца Гармонии года Республики двести одиннадцатого преднамеренно пронесли на борт военного корабля «Полководец Ванек» коммуникационное устройство, содержащее каузальный канал, без ведома вашего непосредственного начальника, а также без ведома кого-либо из офицеров корабля, в нарушение статьи Сорок шестой Боевого устава. Далее, вы использовали указанное устройство для связи с иностранными лицами либо организациями в нарушение статьи Двадцать второй Устава, и тем самым раскрыли детали управления военным кораблем «Полководец Ванек» в

нарушение раздела Второго Акта от сто двадцать седьмого года «Об обороне территории», а также раздела Четвертого Боевого устава, статьи «Измена во время ведения военных действий». Таким образом, вы совершили действия, составляющие нарушение правил контроля связи, переговоры с врагом и предательство в военное время. Признаете ли вы себя виновным?

Он не успел ничего ответить, как заговорила Рашель.

— Он не признает себя виновным ни по одному обвинению. И я могу доказать его невиновность.

В ее глазах горел опасный огонек, она стояла очень прямо, сцепив руки за спиной.

— Признает ли подсудимый себя виновным? — с нажимом спросил Вульпис.

— За меня отвечает полковник, — сказал Мартин.

— Прежде всего улики, подтверждающие обвинения. Пункт первый: в тридцать второй день месяца Гармонии года Республики двести одиннадцатого вы преднамеренно пронесли на борт военного корабля «Полководец Ванек» коммуникационное устройство, содержащее каузальный канал, без ведома вашего непосредственного начальника, а также без ведома кого-либо из

офицеров корабля, в нарушение статьи Сорок шестой Боевого устава. Секретарь, представьте вещественное доказательство номер один.

Вперед вышел старшина с каменным лицом, держа в руках бумажный пакет, содержимое которого он вытряхнул на стол: небольшой черный картридж памяти.

— Вещественное доказательство номер один: каузальный канал типа двенадцать, встроенный в стандартный картридж расширения модели «СХ», используемый в электронных Личных Помощниках повсюду в сфере загнивающей Терры. Вещественное доказательство изъято из электронного Личного Помощника подсудимого младшим прокуратором Василием Мюллером из ведомства Куратора, имевшим задание наблюдать за поведением подсудимого, в тридцать второй день месяца Гармонии, как было уже указано. Полученное под присягой свидетельство прокуратора приводится в протоколе. Оспаривает ли кто-либо допустимость данного доказательства? Нет? Хорошо, тогда…

— Я оспариваю. — Рашель показала на черный картридж. — Во-первых, я обращаю внимание суда на то, что обыск, учиненный младшим прокуратором в личных вещах обвиняемого,

незаконен, и любое доказательство, полученное в результате его, является недопустимым, поскольку подсудимый является лицом гражданским и к нему не относится ограничение прав, налагаемое присягой на верность, приносимой военнослужащим. Следовательно, гражданские права подсудимого, в том числе право на неприкосновенность его имущества, не могут быть нарушены без должным образом оформленного ордера официального лица, обладающего полномочиями, оговоренными в статье Двенадцатой. Если младший прокуратор не имел такого ордера, то проведенный им обыск является незаконным и представляет собой взлом, а любая информация, полученная в процессе или в результате такового, не может использоваться в судебном заседании. Во-вторых, если это — каузальный канал, то я — банановая улитка. Это стандартная квантово-точечная карта памяти, и если у вас есть грамотные инженеры-электронщики, они вам это подтвердят. В-третьих, у вас нет полномочий рассматривать этот балаган как суд: я проверила Устав, и там ясно сказано, что военно-полевой суд может проводиться лишь по приказу старшего по рангу из имеющихся офицеров. Где у вас письменный приказ адмирала?

Она сложила руки на груди и гордо оглядела судей.

Зауэр покачал головой.

— У младшего прокуратора был приказ следить за поведением Спрингфилда, таким образом, все его действия вполне законны в глазах ведомства Куратора. И я прошу занести в протокол мое крайнее неудовольствие словами защиты, будто я не имею полномочий проводить данный суд. Я *получил* такие полномочия от своего непосредственного начальника, и я буду их использовать. — Он осторожно обошел вопрос о том, какие именно полномочия он имеет. — Что до вещественного доказательства, якобы неверно идентифицированного, то у нас есть протокол показаний подсудимого, где он явно признает, что данное устройство является каузальным каналом, который был пронесен подсудимым на борт по просьбе третьей стороны, а именно — верфи. В Уставе говорится именно об умысле, а потому не имеет значения, является ли данный предмет на самом деле пустышкой: обвиняемый все равно виновен, ибо думал, что проносит на борт коммуникационное устройство. — Он сделал многозначительную паузу и закончил: — Занесите в протокол, что улика приобщена к делу.

Взгляд, который он бросил на Рашель, был весьма красноречив: «Попалась, стерва! Что ты теперь делать будешь?»

Рашель посмотрела на Мартина и быстро заморгала, потом снова обернулась к судьям.

— Вопрос права, милостивый государь. Дело в том, что мысли обычно не рассматриваются как дела. И действительно, в этом государстве, которое отказывается даже думать о применении управляемых мыслями машин, различие это еще острее, чем у меня на родине. Создается впечатление, что моего подзащитного судят за мнения и убеждения, а не за действия. У вас есть какие-нибудь свидетельства, что он передавал информацию третьей стороне? Если нет, то и дела нет.

— Именно такие свидетельства у меня есть. — Зауэр хищно осклабился. — И вы должны знать, кому он передавал информацию. — Он показал на нее. — Вы заведомый агент иностранной державы. Обвиняемый свободно с вами общался. Теперь вы, поскольку согласились его защищать, в данном суде выступаете как офицер. Я ссылаюсь на статью Сорок шестую: «Любое лицо, уполномоченное выступать в суде в роли офицера, подчиняется дисциплине Устава». Из чего я

заключаю, что вы смело отбросили свой дипломатический иммунитет в попытке спасти своего шпиона от петли палача.

На миг казалось, что Рашель смутилась: она оглянулась на Мартина и быстро моргнула. И снова повернулась к трибуналу.

— Так вы устроили весь этот мартышечий суд в попытке обойти мой иммунитет? Я польщена. Никогда не думала, что вы настолько глупы… *Юта!*

Дальше все происходило очень быстро. Рашель упала на колени за своим импровизированным столом, Зауэр сделал движение в сторону матросов, стоящих в глубине помещения, собираясь отдать приказ арестовать эту женщину. Но не успел он открыть рот, как раздались четыре резких взрыва. Отдушины вентиляции разлетелись, оттуда посыпались какие-то *штуки* — сложные, многорукие, изрыгающие светло-синюю пену под высоким давлением. Пена прилипала ко всему, на что попадала, от судейской скамьи и до дальних стен импровизированного суда. Была она легкой, но вязкой, быстро застывала и твердела.

— Взять ее! — заорал Зауэр.

Он схватил пистолет, но здоровенный ком синей пены облепил руку и намертво приклеил ее

к боку. От пены шел сильный химический запах, знакомый по детским посещениям зубного врача. Зауэр глубоко вдохнул, борясь с облепляющей массой, и сочная, тошнотворная фруктовая вонь рванулась в легкие. Мир потемнел.

* * *

Рашель знала, что дело закончится хреново, с момента, как вошла в кают-компанию. Ей случалось видеть судей, настроенных на виселицу, еще на Земле, и потом еще на дюжине заданий. Это почти ощущается как запах, едкое и зловонное желание приказать казнить — как вонь самой смерти. И в суде ощущался этот запах — и еще что-то. Какая-то хитрая затаенность, самодовольное предвкушение, будто все это — какой-то огромный анекдот с последней репликой, о которой ей оставалось только гадать.

Когда лейтенант безопасности ее произнес — полуоформленную, неадекватную последнюю реплику, которую, как она думала, он состряпал именно на этот случай, — она глянула на Мартина. *Будь готов*. Она мигнула три раза и увидела, как он замер, потом кивнул — заранее договоренный сигнал. Она обернулась к судьям, снова моргая. Зеленые огни зажглись под веками. «Этап

второй», — произнесла она про себя, и радиомикрофон в горле передал команду жучкам, ждущим в вентиляционном ходу. И она снова повернулась к судьям. Там сидели три офицера, глядя на нее грозовыми облаками над горизонтом. *Выиграть время.*

— Вопрос права, милостивый государь. Дело в том, что мысли обычно не рассматриваются как дела.

Она говорила дальше, думая, как они отреагируют на обвинение в том, что этот балаган подстроен. Либо отступят, либо…

— Именно такие свидетельства у меня есть. — Политрук, этот, в середине, с лисьей мордой, состроил жуткую гримасу. — И вы должны знать, кому он передавал информацию. — Он показал прямо на нее.

«Вот оно», — подумала Рашель и снова неслышно сказала: «Багаж. Запрос состояния готовности».

Спасательная шлюпка готова к запуску. Топливный танк в субкритическом состоянии, готов. Запасная реактивная масса загружена. Подача кислорода в пределах номинала. Внимание: дельта-вэ к указанному пункту назначения Нью-Питерстаун в данный момент 86 км/сек,

убывает. Доступный запас маневра всего 90 км/сек.

«Подойдет, — решила Рашель. — Водно-солевая ракета почти так же эффективна, как старая добрая термоядерная ракета. В родной системе она вполне подходила для путешествий Земля-Марс от поверхности до поверхности. Здесь, правда, ее придется чуть перегрузить — невозможно будет вернуться на орбиту без дозаправки. Но это ничего, если только…»

— …я заключаю, что вы смело отбросили свой дипломатический иммунитет в попытке спасти своего шпиона от петли палача.

Она сглотнула слюну, глянула на Мартина и моргнула дважды — сигнал «задержи дыхание».

Багаж: готовить запуск. Ожидать прибытия экипажа с момента сто секунд. Запуск произвести в момент Т минус двадцать секунд от настоящего времени.

Когда они сожгут вот этот конкретный мост и прыгнут за борт, остается только молиться и надеяться, что командование на мостике не осмелится засветить радар — рискуя предупредить Фестиваль, — чтобы найти ее и уничтожить. Спасательная шлюпка — это мыльный пузырь по сравнению с капитальными кораблями ВКФ

Новой Республики.

Рашель снова поглядела на судей и сделала глубокий вдох, собравшись.

— Так вы устроили весь этот мартышечий суд в попытке обойти мой иммунитет? Я польщена. Никогда не думала, что вы настолько глупы… *Юта!*

Она пригнулась — последнее слово она выкрикнула, оповещая жучков через микрофон у горла. Одновременный многократный грохот ей сообщил, что объемные заряды сработали. Она нахлобучила прозрачный капюшон-респиратор, закрыла его, а потом включила сотовый индикатор «свой-чужой».

Шершни рванули сквозь дыры в потолке. Пауки, крабы, скорпионы из углеродных полимеров — все, на самом деле, изготовленные из сточных вод — распыляли липкую обездвиживающую пену повсюду, и там, где кто-нибудь барахтался, выделяли анестезирующий пар хлороформа. Какой-то матрос бросился к Рашели, и тот сработали ее боевые имплантаты: он рухнул, как мешок с картошкой, получив по голове удар нечеловеческой силы раньше, чем она заметила его существование. Мир сузился до пространства между ней и Мартином, который стоял за столом,

вытаращив глаза, протягивая к ней полуопущенные руки, а какой-то матрос уже потащил его к дверям.

Рашель перешла на боевую скорость, отрезав от управления телом свою слишком человеческую нервную систему.

Время замедлилось, свет померк, цепи гравитации ослабели, зато воздух стал густым и вязким. Люди-куклы двигались как в замедленной съемке, а Рашель перепрыгнула через стол и бросилась к Мартину. Его стражник стал поворачиваться к ней, поднимая руку, Рашель схватилась за нее и вывернула, почувствовав, как кость вышла из сустава. Другого охранника она резко ткнула левым кулаком, треснули хрупким картоном ребра, и парочка костей в кисти Рашели хрустнули от удара. Трудно было об этом помнить — вообще трудно было думать, — но самым главным ее врагом было собственное тело, куда более хрупкое, чем казалось ее рефлексам.

Одной рукой она обхватила Мартина — осторожно, будто он был стеклянным, но «у-уф» выходящего из его легких воздуха сказало ей, что она Спрингфилда душит. Дверь не была заперта, и Рашель распахнула ее ногой, вытащив Мартина раньше, чем та успела закрыться. Отпустив

его, она повернулась, захлопнула дверь, потом полезла в жилетный карман за чем-то вроде шпаклевки.

— Омаха! — крикнула она в микрофон.

По поверхности вещества забегали стробированные желтые и красные огни — своим механическим зрением Рашель их видела, — она влепила шпаклевку в дверь и плюнула сверху. Вещество посинело и начало быстро расползаться — волна липкой жидкости побежала по щели между дверью и стеной, становясь тверже алмаза.

Между залепленной дверью и стеной перебило кабель интеркома, и это вместе с липкой пеной и хлороформом давало выигрыш в минуту или две, пока оставшиеся в кают-компании поднимут тревогу.

Мартин пытался согнуться пополам и вдохнуть. Она подхватила его и побежала по коридору — будто бредешь по горло в воде, и Рашель быстро поняла, что проще отталкиваться одной ногой, потом другой и лететь, — как при малой гравитации.

Край поля зрения у Рашели стало заволакивать красным, и это значило, что она близка к перегоранию. Периферическая нервная система

работала на форсаже, но при такой скорости она питалась анаэробным дыханием, и эти резервы истощались тревожно быстро. На следующем перекрестке остановилась кабина лифта: Рашель рванулась туда, втащив за собой Мартина, и нажала уровень приемного этажа офицерской зоны. Потом переключилась на нормальную скорость.

Двери закрылись, и лифт поехал вверх, а Мартин начал судорожно дышать. Рашель привалилась к стенке — черные пятна плыли перед глазами, горящие легкие требовали воздуха. Первым заговорил Мартин.

— Где… где ты научилась?..

Рашель моргнула. В левом верхнем квадранте ее поля зрения плавали часы. Восемь секунд прошло, как она крикнула «Юта». Восемь секунд? Уж скорее — восемь минут. Рашель глубоко вдохнула, вызывая зевоту, вымывая из легких углекислоту. Мышцы ныли, горели, будто раскаленные провода проложили вдоль костей. Подташнивало, левая рука стала неудержимо трястись.

— Специальные. Имплантаты.

— Кажется, ты мне чуть ребро не сломала — вот здесь. Куда мы?

— Спасательная. Шлюпка… — Судорожный вдох. — Как я говорила.

Сверху мигнула лампочка. Один этаж проехали. Один остался.

На нужном этаже дверь открылась. Рашель выпрямилась, шатаясь. Никого не было — счастье. В таком состоянии ей с мышью не справиться, куда уж там с солдатом. Она вышла из лифта, Мартин — за ней.

— В мою каюту, — сказала она тихо. — Постарайся идти непринужденно.

Он поднял руки.

— Вот с этим?

Черт, надо было их сорвать, пока она еще была на форсаже.

Рашель покачала головой и, пошарив в кармане брюк, вытащила серую трубку.

— Парализатор.

Везение кончилось на половине коридора. Открылась дверь, вышел какой-то старшина. Он подвинулся, давая дорогу, но тут у него отвалилась челюсть — он сообразил, что происходит.

— Эй!

Рашель в него выстрелила.

— Быстрее! — бросила она через плечо и захромала вперед. Мартин двинулся следом. Дверь ее была впереди, за поворотом.

— Золото! — окликнула она ждущую шлюпку.

Над головой замигали красные огни — включилась система оповещения: « Тревога! Зеленая палуба, сектор «Б»; двое вооруженных бунтовщиков на свободе. Вооружены и опасны. Зеленая палуба, сектор «Б», тревога!»

— Черт, — буркнул Мартин. Впереди зарокотал, опускаясь, герметический щит.

Рашель снова перешла на боевую скорость, и мир сразу стал серым. Она бросила свое тело вперед, встала прямо под щитом и уперлась в него. Мартин двигался как во сне, просто чувствуя, как давят на нее моторы, стараясь расплющить, разрезать пополам. Он нырнул — проскользнул под щитом. Она — за ним, отпустив барьер и не сбрасывая темпа, хотя руки и ноги онемели, и смертельным предупреждением появилось покалывание в лице. До ее каюты было два метра.

— Юнона! — крикнула она двери через горловой микрофон, и это слово прозвучало как хрип старого динозавра.

Дверь распахнулась. Мартин вбежал внутрь, а Рашель оставили силы: она ничего не видела, колени стали подгибаться. Боевая скорость кончилась, она почувствовала, как плывет, и что-то ударило в бок.

Кто-то волочил ее по щебню, и это было чер-

товски больно.

Сердце билось так, будто сейчас разлетится на части. Воздуха не хватало.

Звук захлопнувшейся двери.

Темнота.

ЦИРК МЕРТВЫХ

Революционный комитет занял православный собор Плоцка, превратив его в Комиссариат по экстропической идеологии. Все те, кто отверг учение революционной оптимизации и при этом не покинул город, были приведены в трибунал и получили долгие и подробные разъяснения о своем неправильном поведении. После чего их расстреливали, разумы картографировали и выгружали в Фестиваль, а потом приговаривали к исправительному труду — обычно все сразу. Таких было немного — почти все население разбежалось по лесам и полям, преобразилось или радостно приняло дело революции.

Избушка Сестры Седьмой, созданная по местным мифам и легендам, выгруженным в ноосферу Фестиваля, присела во дворе Революционного комиссариата и как следует испражнилась. Вскоре домик встал и направился к вишневым деревьям по краям площади: избушка проголодалась, и любовь епископа к цветущим вишням не мешала ей перекусывать.

Сестра Седьмая недовольно наморщила рыло и

направилась к двери. В церкви было полно просителей, желающих получить то или вытребовать это. Они стояли перед кухонным столом, расположившимся в середине нефа, а за ним сидели с полдюжины революционных функционеров скучающего вида. Маленькая исступленная женщина призвала Рубинштейна воздеть руки и изгнать председателя, который так был нагружен механическими дополнениями, что при ходьбе клацал. Предмет экзорцизма вроде бы имел что-то общее с необходимостью отменить прежнюю политику уничтожения художественно неграмотных. Действительно, этот приоритет не имел особого веса по оценкам Критикессы — в конце концов, нельзя же выиграть эстетический спор у трупа, — но желание Рубинштейна передумать, после всего лишь пары дней общения с ней, никак не свидетельствовало о его художественной цельности. Эти забавные люмпен-людишки были так невозможно афористичны в своей крайности, им так недоставало последовательности, что иногда она отчаивалась понять движущую ими эстетику.

На какое-то время Сестра Седьмая утонула в потоке знаний от Фестиваля. Он давал фильтрованную информацию о своем бегстве от сознания,

стимулируя этим колонию Критиков на орбите, а они передавали ей самые сладкие кусочки. Фестиваль распространяется звездными парусниками, что действительно так. Для передачи своих открытий домой он также пользуется каузальными каналами. Сейчас на кольцах машинерии вокруг Спутника возникали огромные Хиггс-бозонные фабрики, застывший газ и пыль слипались в импульсно-волновые ускорители частиц на границе планетарного пространства. Тысячи тяжелых термоядерных реакторов выходили на режим, каждый давал достаточно энергии для существования континентальной цивилизации. Первая партия звездных парусников близилась к готовности, и прожорливость их была невероятна — не менее тонны стабилизированной антиматерии каждому; потом еще каузальные каналы, петабиты и экзабиты связанных частиц, которые надо было произвести и тщательно и ненаблюдаемо разделить на соответствующие пакеты. Первые звездные парусники должны были вскоре принять полезный груз, направить тупые носы в пустоту и рвануть с ускорением где-то в полмиллиона «же», усевшись на пучке нейтральных частиц, испускаемых огромными машинами запуска на высокой орбите у планеты

Рохард. Их основным назначением будут две последние остановки на маршруте Фестиваля — чтобы доставить свежие каналы и подробный доклад о текущем посещении, следующим назначением… ну, Фестиваль устроился лагерем на несколько месяцев. Вскоре прибудут Торговцы.

Торговцы шли за Фестивалем повсюду. Самовоспроизводящийся природный источник каузальных каналов, Фестиваль прокладывал дороги связи, открывая новые цивилизации для торговли — цивилизации, которые, после посещения, пребывали в слишком сильном культурном шоке, чтобы торговаться за огромные строения, которые строил для своих собственных целей и покидал потом Фестиваль. Более чем тысяча мегасостояний была составлена туземцами планетной цивилизации Торговцев с помощью сверхсветовых кораблей и достаточного запаса разумов, чтобы следовать за Фестивалем. Как птицы по следам плуга, отваливающего жирную почву, они ждали, когда можно будет запустить зубы в сочную интеллектуальную собственность, распаханную прошедшим крестьянином.

Сейчас что-то щекотало задний мозг Сестры Седьмой. Она остановилась у купели и нагнулась попить. Сообщение от Той-Кто-Наблюдает

Первой: «Идут корабли. Фестиваль извещает. Много кораблей идут в молчании». *Вот это уже интересно*. Обычно Торговцы появляются, как трехъярусный цирк, в мигании огней и с громкой музыкой на всех волнах, пытаясь привлечь внимание. Крадутся — это к беде.

«Определено сорок два корабля. Все с ядрами двигателей, все на малой эмиссии: термальный выброс, уменьшение видимости во фронтальном аспекте. Дистанция семь световых секунд».

Странно. Сестра Седьмая выпрямилась. Кто-то — нет, какая-то конструкция Фестиваля, вроде человеческого детеныша, но с длинными висячими ушами, блестящим мехом и глазами на ножках по сторонам крысиной морды — входил в боковую дверь.

Сестра моя. Как реагирует Фестиваль?

Встроенные расширения включали ее в телефонную нервную систему Фестиваля, создавая мост связи с братьями и сестрами.

«Фестиваль заметил. Текущая деятельность не закончена, вмешательство терпимо не будет. Направлены трое Вышибал».

Сестра Стратагем Седьмая вздрогнула и оскалила клыки. Мало что в Фестивале ее пугало, но Вышибалы в этом списке стояли вторым пунк-

том, сразу после Края. Край может тебя убить случайно; Вышибалы куда менее случайно действуют…

Зайцеобразное видение в проходе прыгнуло к ней с выражением панического страха на морде. Буря прервал нотацию Тимошевскому и огляделся.

— Что это? — спросил он.

Тимошевский зарокотал:

— Думаю, тушеный кролик на ужин.

— Нет! Господа, умоляю! Помогите!

Кролик остановился перед ними, растолкав двух бабушек, протянул передние конечности — руки, как заметила Сестра Седьмая, с неприятно-человеческими пальцами. Он был одет в жилет, который состоял в основном из карманов, держащихся вместе с помощью молний.

— Господин в беде!

— У нас нет господ, товарищ, — ответил Тимошевский, явно отнеся просителя в категорию несъедобных. — Истинно революционное учение гласит, что единый наш закон — рационализм и динамический оптимизм. Откуда ты, и где твой паспорт?

Кролики лицевыми мышцами не очень умеют управлять, но этот явно отразил на морде недо-

умение.

– *Помощь* нужна, — выдохнул он, потом замолчал, явно восстанавливая самообладание. — Мой господин попал в беду. Охотятся мимы! Они разделили нас в деревне, я убежал, но они, боюсь, идут сюда.

— Мимы? — Тимошевский задумался. — Не клоуны? — Металлическое щупальце с выступами ружейных дул выдвинулось из его спины, стало щупать воздух. — Цирк?

— Цирк смерти, — сказала Сестра Седьмая. — Представление Края, очень неудачное. Если идет сюда, помешает народному празднику вашей революции.

— Это как же? — Тимошевский пристально и подозрительно вгляделся в Сестру Седьмую.

— Слушай ее, Олег! — рявкнул Буря. — Она прилетела с Фестивалем, она знает, что происходит. — Он потер лоб, будто признать ее превосходство в знаниях было ему больно.

— А? — Колеса в черепе Тимошевского медленно повернулись: очевидно, избыток приспособлений занимал большую часть его внимания.

Сестра Седьмая топнула, и пол вздрогнул.

— Мимы скучны. Надо помочь кролику. Узнаешь новое; быть может, поставишь драму спа-

сения?

— Как скажешь. — Буря повернулся к Олегу: — Послушай, ты отлично справляешься, держа все под контролем. Выбери шесть своих лучших — кому я говорю? — и разберитесь с этими мимами. Нам не надо, чтобы они все испортили, я видел их работу, и мне она не понравилась.

Стоящий за Олегом комиссар с унылым лицом протолкался вперед.

— А чего это нам тебя слушать, не понимаю, ты, космополит, свининой кормленый? — заговорил он с сильным акцентом. — Не твоя это революция, здесь сообщество советского союза независимого Плоцка, и реакционеры из центра нам тут не будут лапшу на уши вешать!

— Тихо, Бабар! — велел Олег. Щупальце, торчащее из спины, повернулось к восточному человеку, и кончик его тускло засветился красным. — Буря — правильный товарищ. Уж хотел бы он нас под центр загнать, он бы привел с собой войско?

— Он и привел, — заметила Сестра Седьмая, но революционеры не обратили внимания.

— Он пришел с охраной. Хватит споров, — отрезал Олег. — Настоящий революционер, он с этим кроликом правильно понял.

— Смотри, не ошибись, Тимошевский, — хмыкнул Бабар. — Дураков тут нет. И провала не потерпим.

* * *

Зауэр бросился из кают-компании на пост безопасности, как только пришел в сознание, жутко ругаясь, моргая от дикой боли в голове после хлороформа и отдирая корки застывшей пены от помятого измазанного кителя. Вахтенный старшина тут же вытянулся в струнку, отдавая рапорт, Зауэр его прервал.

— Общая тревога. Глобальный поиск этой шпионки ООН и инженера с верфи — немедленно, повсюду. Все записи наблюдения за шпионкой за последний час немедленно мне на пульт, как только начнется розыск. Сразу после этого — полный список всего личного состава, сейчас свободного от вахты.

Зауэр сердито бросился в кресло. Пробежал пальцами по бритой голове и уставился на экран у себя на столе, потом хлопнул по кнопке переговорника.

— Дайте вахтенного оперативного офицера! — И, обернувшись назад, крикнул: — Старшина, я что сказал? И немедленно! Берите всех, кто будет

вам нужен.

— Так точно, господин лейтенант! Разрешите спросить, чего следует ждать?

— Дипломатиха с Земли — диверсантка. Мы ее прижучили, но она сбежала, прихватив с собой инженера. Чем, быть может, оказала нам услугу, если не считать, что они, во-первых, на свободе, а во-вторых, вооружены и находятся на корабле. Так что, ребята, вы ловите психованных иностранных террористов с запрещенным инопланетным оружием. Ясно?

— Так точно! — На лице космонавта читался интерес. — Ясно, господин лейтенант!

Рабочая станция дзынькнула, Зауэр повернулся к ней. На него вопросительно смотрел каперанг Мирский.

— А я думал, вы очень заняты присмотром за сопляком из ведомства Куратора, — заметил он.

— Господин капитан первого ранга! — Зауэр выпрямился в кресле, будто аршин проглотил. — Разрешите доложить о проблеме?

— Валяйте.

— Нарушение режима безопасности. — У Зауэра на лбу пот выступил. — Подозревая двойную игру со стороны дипломатического представителя Земли, я организовал операцию по дезинфор-

мации, чтобы убедить ее, будто мы вскрыли ее игру. К несчастью, убедить ее удалось слишком хорошо: она сбежала из-под стражи вместе с этим механиком с верфей, и сейчас их местонахождение на корабле не установлено. Я начал повальный обыск корабля, но в свете того факта, что у нас на борту вооруженный противник, я бы рекомендовал полную герметизацию и объявление тревоги.

Капитан и глазом не моргнул.

— Делайте. — Он отвернулся на несколько секунд от камеры. — Боевая рубка изолирована.

За звукоизолирующей дверью поста безопасности взвыла сирена.

— Доложите обстановку.

Зауэр огляделся. Стоящий у двери матрос кивнул.

— Докладываю, господин лейтенант: пост безопасности изолирован.

— Мы заперты, господин капитан, — доложил Зауэр. — Инцидент произошел всего около трех минут тому назад. — Он посмотрел в сторону. — Старшина, нашли записи?

— Отматываю, господин лейтенант. Ага, нашел внешние… Черт побери! Виноват, господин лейтенант, но двенадцать минут назад камеры

наблюдения на Зеленой палубе, у входа — это где ее каюта, — были отключены. Внутренний сигнал отключения по главному каналу, подписанный… гм… вашим личным кодом, господин лейтенант.

— Ого! — хмыкнул Зауэр. — Местонахождение свободных от вахт проследили?

— Так точно. Никто за последний час не был там, где ему не положено. Это, конечно, ничего не значит: если кого поймают без таблички, отделается максимум парой дней на губе.

— Это точно. Теперь соберите группу, чтобы проверили тот коридор!

Зауэр забыл про ждущего на проводе капитана, пока Мирский не покашлял, напомнив о себе.

— Я так понял, что какое-то время вам ничего не грозит.

— Так точно, господин капитан! — У лейтенанта покраснели уши. — Кто-то отключил датчики в коридоре возле каюты инспектора, воспользовавшись моим паролем безопасности. Господин капитан, она действительно нас обошла.

— И что вы будете делать по этому поводу? — Мирский приподнял бровь. — Давайте, предлагайте решение.

— Я… — Зауэр запнулся, — господин капитан, я

обнаружил диверсантов. Разрешите осуществить захват?

Мирский невесело усмехнулся.

— Осуществляйте. Возьмите их живыми. Хочу задать им пару вопросов.

Впервые Зауэр увидел капитана сердитым, и у него кровь застыла в жилах.

— Обязательно живыми. Без случайностей. Да, Зауэр, и еще одно. Слышите меня?

— Так точно, господин капитан!

— Когда это кончится, чтобы у меня на столе был рапорт, описывающий весь инцидент. Ко вчерашнему утру.

— Есть!

Капитан резко оборвал связь, и Зауэр встал.

— Слышали? Старшина, я беру пейджер. И оружие. — Он подошел к запечатанному шкафчику и прижал к нему палец. Шкаф со щелчком открылся, и Зауэр начал доставать оттуда снаряжение. — Вы останетесь здесь. Слушайте на девятнадцатом канале. Я пойду к той каюте. Присматривайте за моим кодом. Если увидите его там, где меня нет, сообщите немедленно. — Он натянул облегченный шлем, потом взял тазер, подержал его у виска, пока два компьютера устанавливали связь, потом поднял глаза, проверяя

слежение за целью. — Все ясно?

— Так точно! Известить мне штабных офицеров на Зеленой палубе?

— Разумеется. — Зауэр наставил оружие на дверь. — Открывай.

— Есть!

Со щелчком вышла засовы, и матрос с той стороны двери чуть не уронил поднос с кофе, увидев лейтенанта.

— Максим, бросай поднос и держи вот это! — Зауэр протянул ему оружие, и удивленный рассыльный растерянно его принял. — Держись девятнадцатого канала. Сам молчи, отвечай только, если тебя вызовут. А теперь за мной.

И он побежал вперед. Створки герметичных дверей расходились перед ним, как половинки ножниц, и смыкались за его спиной, превращая ночь в череду туннелей, освещенных прыгающим красным светом.

* * *

Первое, что она осознала — болит голова. Второе…

Она лежала в амортизирующей койке. Руки и ноги замерзли.

— Рашель!

Она попыталась ответить, что уже в сознании, но не услышала, что получилось. Открыть глаза удалось лишь невероятным усилием воли.

— Время. Сколько? Давно…

— Минуту назад, — ответил Мартин. — Что тут было?

Он лежал на соседней койке. Капсула была невероятно тесной, как бывало на рассвете космической эры. Люк над головой был откинут, открывая вид на дверь каюты изнутри.

– *Люк, закрыть*. Я же говорила, что у меня есть спасательная шлюпка?

— Ну, я думал, ты в переносном смысле. — В тусклом освещении видны были расширенные зрачки Мартина. А над ним начала затягиваться крыша капсулы. — Что происходит?

— Мы находимся на… — Она остановилась ради судорожного вдоха, — …черт возьми, на водно-солевой ракете. Атомной. Чемодан набит… ураном. И бором. Материальчик, который нужен в аварийной ситуации, которого на месте не найдешь. Мой маленький страховой полис.

— Но нельзя же пробивать себе путь наружу из обитаемого корабля! — возмутился Мартин.

— Посмотришь сам. — Она отлепила губы от зубов. — Запечатывает… переборки. Вокруг нас

— герметичный кокон. Вопрос только…

– *Автопилот готов*, — объявила шлюпка.

Ряд навигационных огней зажегся на консоли.

— …в том, будут ли они в нас стрелять при старте.

— Погоди, дай я спрошу прямо. Мы менее чем в дне пути от Рохарда, так ведь? У этой штуки хватит пороху нас туда доставить? И ты собираешься пробить дыру в стене и вытащить нас наружу, а они нас просто так отпустят?

— Типа того что, — сказала она, закрыв глаза и рассматривая красивые синие картинки на собственной сетчатке. — Около десяти тысяч секунд ускоренного полета до приземления. Мы сейчас в сорока тысячах секунд от перигея. Так что будем дрейфовать, как кусок дерьма, понятно? Прикинемся пустым топливным баком. Если они засветят радар, то выдадут себя, если будут стрелять, станут видимыми. Так что, да, они нас отпустят, решив, что подберут потом, сделав свое дело. Если мы попытаемся добраться туда первыми, они будут стрелять…

— Ты ставишь на то, что Фестиваль их прикончит.

— Ага.

– *Готов запустить топливный насос*, — заявил

автопилот. У него был голос вздорного старика.

— Мой первый муж, — сказала Рашель. — Всегда ворчал.

— А я думал, это был твой домашний хорек. — Мартин разбирался в спасательной паутинке. — На этом корыте гравитация есть?

— Шлюпка — не прогулочная яхта.

Что-то ударило, заколотило в наружную дверь.

— О, черт!

— Запуск через сорок две секунды, — сказала Рашель.

— Будем надеяться, это время у нас есть. — Мартин нагнулся и стал привязывать ее к койке. — Сколько эта штука «же» тянет?

Она засмеялась и тут же закашлялась.

— Сколько мы выдержим. Атомная ракета.

— Атомная? — Он вытаращил в ужасе глаза. — Но мы же будем живой мишенью! Если они…

— Заткнись и не мешай работать.

Она закрыла глаза, занявшись последними приготовлениями.

Слово «крадучись» было сутью всего дела. Атомная ракета была действительно живой мишенью для корабля вроде «Полководца». У нее был двигатель примерно часа на четыре, в течение которых она могла уходить от погони, если

некомпенсированное ускорение не размажет пассажиров по стенкам и если линкор не включит полную боевую тягу и не настигнет ее. Когда топливо выгорало, ракета отдавалась на милость баллистики. Хуже того, пока не удастся уйти хотя бы на десять тысяч километров от корабля, ракета будет в пределах досягаемости третичного лазера: достаточно, чтобы корабль просто навел на шлюпку свою лидарную сетку — и пассажиры спекутся, как яйца в микроволновке.

Но есть разница между *может* и *будет*, и Рашель надеялась, что в эту щель сумеет проскочить ее шлюпка. Активизировать двигатель большого корабля — это создать маяк, который заметит любой миноносец противника в радиусе половины световой минуты. Включить большой лазерный сенсор или лазерное орудие — как зажечь большой неоновый сигнал: «КОРАБЛЬ ВТОРЖЕНИЯ — ИДИ МЕНЯ УБИВАТЬ».

Если каперанг Мирский не захочет навлекать на себя гнев адмирала, демонстрируя себя перед всем Фестивалем, он не станет так яростно гоняться за Рашелью. Только если она включит собственный двигатель или сигнал бедствия, руки у него будут развязаны — потому что она и без того выдаст его позицию.

Тем не менее прежде всего нужно выбраться из корабля. Несомненно, команда захвата через минуту будет уже у двери каюты с ружьями и резаками в руках. Ослабленные переборки между выросшей спасательной шлюпкой и внешним корпусом — это все хорошо, но как добиться чистого отделения, не вызвав тревоги?

— Мех-один. Передать первичную последовательность разрушения.

— Подтвердите. Первичная последовательность разрушения для меха-один.

– *Меч*. Подтверждение?

— Подтверждаю.

Передатчик в чемодане послал наружу разрушительную песню сирен, на волне, которую воспринимали только механические шпионы Рашели — те, что еще остались. Мех-один, заклиненный в клапане спуска унитаза гауптвахты, услышит. Используя остатки энергии своих батарей, он взорвет собственный заряд, поменьше ручной гранаты — но достаточно мощный, чтобы разрушить выводящую трубу.

* * *

На военных кораблях невозможно использовать канализацию, работающую на силе тяжести.

Канализация «Полководца Ванека» — сложная система труб, соединенных клапанами, препятствующими обратному току, — работала под давлением. «Полководец» отходы не утилизировал, но хранил, иначе они замерзали бы в шрапнель, разрывая корабль, словно ружье, заряженное льдом. Но из каждого правила есть исключения, и хранение отходов в танках во избежание создания баллистических осколков — вполне удачное решение, если не считать риска аварии на борту, короткого замыкания или загрязнения системы жизнеобеспечения.

Когда самодельная бомба Рашели сдетонировала, она искорежила выводящую трубу, по которой отходы со всех палуб поступали в главный танк. Хуже того, она вырвала клапан. Сточные воды хлынули из танка обратно и полились повсюду — сотни литров в секунду поступали в каналы труб. Сигналы повреждения заверещали на станции обслуживания, и вахтенный матрос поспешно открыл главные клапаны, сбрасывая фекалии из труб в космос. На «Ванеке» было почти тысяча двести человек команды, и он уже пару месяцев находился в полете: дождь трюмных вод пролился из шпигатов, будто пожар тушили, и почти двести тонн их вылетело в космос, как раз когда

спасательная шлюпка Рашели заканчивала обратный отсчет.

В процессе сбора шлюпки нанофабрика в чемодане Рашели произвела обширные — чтобы не сказать разрушающие — изменения в околокаютном пространстве. Вроде бы твердые переборки разлетелись как стекло, на внешнем корпусе корабля пена закрученного алмаза, в полметра толщиной, рассыпалась пылью по кругу три метра в диаметре. У Рашели желудок рухнул вниз, когда гамак, в котором она лежала, метнулся в сторону. Импровизированные газовые сопла над головой врубились, выталкивая новорожденную шлюпку из разорванного чрева. Жуткие и болезненные ощущения навалились на Рашель, а Мартин ухнул, будто его ударили в живот. Шлюпка входила в поле искривленного пространства корабля — градиент в одно «же» метров на сто вокруг корабля. Лодка зловеще скрипела и дергалась, потом закувыркалась к корме линкора.

На борту «Полководца Ванека» орали сигналы нулевой гравитации. Офицеры мостика, ругаясь, дергали привязные ремни кресел, старшины орали на матросов по всему кораблю, созывая всех на места по аварийному расписанию. В машинном отделении испуганно матерился капитан тре-

тьего ранга Крупкин, перебрасывая аварийные выключатели, потом схватился одной рукой за стол, другой за переговорную трубу, чтобы потребовать от мостика объяснений.

Без всякого шума сингулярность двигателя перешла в режим отключения. Поле искривленного пространства, обеспечивающее подобие гравитации и защищающее от ускорения, схлопнулось в куда более слабое сферическое поле, с центром в точечной массе машинного отделения, — как раз вовремя, чтобы двести тонн трюмных вод и двадцать тонн импровизированной шлюпки не стукнули молотом по корме корабля и не разорвали в клочья теплообменники.

Во входном коридоре на Зеленой палубе заливалась, требуя внимания, какофония сигналов тревоги. Мигали стробированные огни: синий, красный, зеленый; выла тревога разгерметизации, оповещения об отказе гравитации — все на свете. Лейтенант Зауэр, ругаясь про себя, воевал с дверью аварийного отсечения.

— Помоги, кретин! — крикнул он матросу Максиму Кравчуку, который, побледнев от страха, застыл посреди коридора. — Хватай рукоятку и тяни, если жить хочешь!

Дальше по коридору опускались двери гер-

метизации поврежденных отсеков. Как только они закрывались, из них выдвигались засовы, опускающиеся в гнезда. Максим схватился за рукоять, которую указал Зауэр, и дернул. Вместе они смогли распечатать дверь.

— Залезай, болван! — буркнул Зауэр.

Сигнал разгерметизации, кошмар космонавта, перестал мигать, но мерзкий вой сирены отказа гравитации продолжал ломить в висках — и пол стал крениться. Кравчук свалился внутрь отсека и стал пристегиваться к стене — руки работали инстинктивно. Зауэр видел белки его вытаращенных глаз. Он остановился у входа, оглядел коридор. Эта сука из ООН была в следующем отсеке: надо обезопасить этот и достать дыхательный аппарат, чтобы можно было идти дальше — смотреть, что она сделала с кораблем. «Кажется, не только капитан будет вопросы задавать», — подумал он с горечью.

Зауэр забрался в отсек, когда уклон стабилизировался на относительно терпимых тридцати градусах. Стала ощущаться легкость в ногах. «Наверное, двигатель отключается», — понял лейтенант. Оставив дверь открытой — она закроется автоматически в случае падения давления, — он стал тщательно надевать аварийный скафандр.

В основном скафандр представлял собой набор соединенных прозрачных мешков с наспинным баллоном, где хранился запас воздуха на шесть часов. Для внешних работ не годится, но вполне подходит для работ в пробитом корпусе.

— Оделся, быстро! — велел он перепуганному матросу. — Выясним, в чем тут причина.

Через четыре минуты прибыл главстаршина Молотов и четверо вооруженных полицейских, пробираясь по распечатанным отсекам коридора. За ними тащился молодой прокуратор с опрокинутым лицом, явно не освоившись еще со спасательным скафандром. Зауэр не обратил на него внимания.

— Главстаршина, у меня есть причины полагать, что в следующем отсеке находятся вооруженные диверсанты. Когда я дам сигнал, надо, чтобы вот эта дверь открылась, после чего необходимо будет очистить лежащий за ней коридор. Не знаю, чем могут обороняться его обитатели, но оружие у них определенно есть, так что я бы предложил накрыть все огнем из тазеров. Как только это будет сделано, если коридор окажется пуст, движемся к каюте. Все ясно?

— Так точно, — ответил Молотов. — Кто там может быть?

Зауэр пожал плечами.

— Скорее всего, этот инженер, Спрингфилд, и женщина с Земли. Но могу и ошибиться. Как будете действовать — ваша забота.

— Понимаю. — Молотов повернулся к своим людям. — Ты и ты — по сторонам двери. Когда откроется, стреляйте по всему, что шевелится. — Он помолчал и спросил: — Удаленное вскрытие двери каюты?

— Заблокировано. Открытие вручную тоже.

— Это да. — Молотов снял ранец и стал разматывать толстый провод. — Вам тогда лучше встать подальше. — Он схватился за рукоять двери. — По моему сигналу… пошел!

Аварийная дверь с грохотом ударила в потолок, матросы напружинились, но коридор был пуст.

— Нормально. К каюте, ребята.

К двери Молотов подходил осторожно.

— Сигналит, что там вакуум, господин лейтенант. — Главстаршина показал на предупреждающие огни на раме.

— Откуда там вакуум? Прокол сделала в стенке, чтобы мы не влезли. Проверьте, чтобы все в костюмах были, когда выломаем дверь.

Зауэр смотрел, как Молотов прилепил кусок резинового шнура к раме, вдоль петель, потом

вдоль ручки и замка, и закрепил клейкой лентой.

— Буду использовать взрывной шнур. Хорошо бы упредить Контроль обстановки, что тут будет падение давления, пока снова отсек не загерметизируем.

— Господин лейтенант…

Так, это Мюллер, из-за которого весь бардак начался.

— Чего еще? — рявкнул Зауэр, не давая себе труда скрывать злость.

— Я… — Василий сжался. — Надо осторожнее, господин лейтенант… Она… Инспектор — не дура. Я опасаюсь…

— Если будешь еще ко мне приставать, тебе будет чего опасаться, щенок, это я тебе обещаю. Главстаршина! Если этот человек будет путаться под ногами, арестуйте его. Это он этот бардак устроил.

— Он?

От взгляда Молотова младший прокуратор съежился и исчез, пятясь.

— Я договорился с Контролем, нас отделили герметично.

Зауэр снова был на командном канале, а Молотов достал провода, детонатор и начал под-

ключать к взрывчатке.

— Все чисто, — сказал Зауэр. — Так, все готовы? — Он отступил и встал рядом с Молотовым. — А вы, главстаршина?

Молотов кивнул.

— Тогда — вперед!

Резкий звук, как удар кнута, и края двери задымились. А потом грохнул невозможно громкий удар, и у Зауэра лопнули барабанные перепонки. Дверь исчезла. За ней клубилась, тянула к нему когти темная пустота, завывая и затягивая в себя. *Не прокол, выходит?* Он попытался схватиться за дверцу ближайшей аварийной ниши, но она уже захлопнулась, и его поволокло по коридору. Что-то сильно ударило между лопаток, так что дыхание отшибло. Вокруг было темно, и боль была неимоверной. Черный цилиндр вертелся перед глазами, в ушах свистело со звоном. Пластик хлопал по лицу. «Скафандр, значит, порвался, — подумал вяло Зауэр. — Интересно, что сталось с…»

Но думать было трудно. Зауэр сдался и погрузился в забытье, штопором уходящее в тишину без сновидений.

А Василию Мюллеру повезло больше.

ВЫШИБАЛЫ

Адмирал сидел за столом и щурился.

Контр-адмирал Бауэр прокашлялся.

— Если господин адмирал позволит…

— А? Говорите-говорите, молодой человек!

— Мы сегодня ночью входим в зону соприкосновения с врагом, — терпеливо объяснил Бауэр. — Мы должны будем провести последнее совещание, сформулировать окончательно нашу тактическую ситуацию. Мне нужна ваша подпись на моих боевых приказах.

— Ага, хорошо. — Адмирал Курц попытался сесть прямо, и заботливые руки Робарда поддержали его хилые плечи. — Они при вас?

— Да, ваше превосходительство. — Бауэр достал тоненькую папочку и положил на полированный стол. — Если вы желаете ознакомиться…

— Нет-нет, — махнул исхудалой рукой адмирал. — Вы человек разумный. Вы повеселите этих туземцев, как следует, да?

Бауэр уставился на начальника со смешанным чувством отчаяния и облегчения.

— Так точно, ваше превосходительство, пове-

селим, — пообещал он. — Через час мы будем на дистанции лидара от поверхности планеты, и тогда точно определим боевые порядки противника. Группа Четыре проведет разведку боем, а тяжелые корабли останутся контролировать орбиту и раздолбают все, что будет в пределах досягаемости их оружия. Эскадра эсминцев пойдет убирать все огневые позиции, которые мы найдем на геостационарной орбите, а торпедные катера получат задание работать на скоростном перехвате…

— Вы этим туземцам задайте перцу, — сонно произнес Курц. — Прямо на городской площади навалите гору черепов. Ковровую бомбардировку им. Взорвать гадов!

— Так точно, господин адмирал. Теперь подпишите вот здесь…

Робард вложил ручку в пальцы адмирала, но они так тряслись, что алая подпись на приказах почти скрылась под большой кляксой, как под свежей кровью.

Бауэр отдал честь.

— С вашего позволения, господин адмирал, иду выполнять ваши приказы!

Курц глядел на контр-адмирала, и на миг в его запавших глазах вспыхнул отблеск прежней

воли.

— Выполняйте, контр-адмирал! Победа да пребудет с нами, ибо Господь наш не допустит, чтобы верные ему… — Глубокое недоумение вдруг отразилось у него на лице, и он рухнул бы на стол, не подхвати его верный Робард.

— Ваше превосходительство! Вы… — Контр-адмирал бросился вперед, но денщик уже откатывал кресло адмирала от стола.

— Его превосходительство несколько дней сильно перенапрягается, — заметил Робард, опуская спинку. — Я отвезу его в спальню. Поскольку мы идем на сближение с врагом… — Он попросил: — Не соблаговолит ли господин контр-адмирал принять мои извинения и вызвать корабельного врача?

Через полчаса, опоздав на совещание на десять минут, Бауэр ворвался в конференц-зал.

— Господа! Прошу садиться.

Два ряда офицеров сидели перед возвышением, откуда мог обращаться к своему штабу адмирал.

— Должен сообщить вам весьма печальное известие, — начал он. Папка под правой рукой у него изогнулась от напряжения, с которым он ее прижал к боку. — Адмирал…

Море лиц обратилось к нему, веря, ожидая.

— Адмирал нездоров.

Уж точно нездоров, если корабельный врач от него не отходит и считает, что у него один шанс из десяти оправиться от кровоизлияния в мозг, поразившего его при подписании приказов.

— Кгм! Он дал мне инструкцию продолжать операцию как планировалось, действуя от его имени, пока он возьмет на себя контроль за ситуацией. Мне бы хотелось бы передать следующие слова адмирала: он верит, что каждый выполнит свой долг, и наше дело правое, ибо с нами Бог!

Бауэр зашелестел бумагами, пытаясь избавиться от стоящего перед глазами образа адмирала на постели — такого беззащитного и высохшего, — и врач с фельдшером тихо совещаются над ним, ожидая прибытия капеллана.

— Итак, сперва обзор ситуации. Капитан второго ранга Куррель, что нам скажут навигаторы?

Кавторанг Куррель поднялся. Небольшой суетливый человечек, глядящий на мир острыми разумными глазами из-под роговых очков, он был главным штурманом.

— Несоответствие серьезное, но не фатальное, — начал он, перебирая лежащие перед ним бумаги. — Очевидно, их превосходительство планировал замкнутый времениподобный путь,

который мы предвидели. Вопреки улучшениям, внесенным в мониторы времени двигателя, несоответствие не менее чем в шестнадцать миллионов секунд вкралось в расчеты во время траверсирования. Это, должен я добавить, не является полностью необъяснимым, учитывая, что мы совершили всего шестьдесят восемь прыжков на протяжении около ста тридцати девяти дней, покрыв расстояние более восьми тысяч пятидесяти трех световых лет — новый и существенный рекорд в истории флота. — Он остановился поправить очки. — К сожалению, эти шестнадцать мегасекунд направлены в самом неблагоприятном для нас направлении — в смысле времени, — в ту область, в пределах которой противник оккупировал нашу территорию. И действительно, немногим хуже было бы, если бы мы сделали обычный переход в пять прыжков где-то на сорок четыре световых года. Полная карта пульсара, скоррелированная по направленному вниз спину, показывает, что наше темпоральное смещение — где-то на три миллиона секунд от стартовой точки, где она экстраполирована к мировой линии места назначения. Это подтверждается классическим измерением по эфемеридам для планеты. Соглас-

но местной истории, противник — Фестиваль — окапывается в течение тридцати дней.

Общий вздох пронесся вокруг стола — смесь невозможности поверить и немого гнева. Контр-адмирал взглянул острым взглядом…

— ГОСПОДА!

Тишина восстановилась.

— Может быть, мы потеряли предусмотренные тактические преимущества из-за этого ранее невиданного маневра, но это еще не означает провала кампании. Мы всего в десяти днях в будущее в световом конусе нашей точки отправления, а если бы мы использовали обычный путь подлета, мы бы еще дней десять летели. И мы не слышали еще ничего от разведки, а потому можем предполагать, что противник, пусть и закрепившийся, нас не ожидает. — Бауэр улыбнулся сжатыми губами. — Расследование навигационной ошибки мы проведем, когда отпразднуем победу.

Раздался неясный одобрительный гул.

— Лейтенант Косов, доложите общую обстановку.

— Есть, господин контр-адмирал. — Косов встал. — Все корабли рапортуют о готовности к бою. Главные проблемы: неисправность механики на «Камчатке» — но оттуда рапортовали,

что давление восстановлено почти на всех палубах, — а также взрыв в системе хранения сточных вод на данном корабле. Насколько удалось установить, за исключением некоторых кают на Зеленой палубе и локализованного повреждения трубопроводов возле гауптвахты, все отремонтировано, однако отсутствуют несколько человек, в том числе лейтенант безопасности Зауэр, который в момент взрыва занимался расследованием какого-то происшествия.

— Понятно. — Бауэр кивнул каперангу Мирскому. — Вам есть, что добавить, капитан?

— Пока нет, господин контр-адмирал. В настоящее время спасательные партии пытаются разыскать тех, кого выбросило из корабля при произошедшей декомпрессии. На нашей боеспособности это сказаться не должно. Тем не менее я представлю вам полный и подробный рапорт в любое удобное для вас время. — Мирский был мрачен, и имел к тому все основания, поскольку флагманскому кораблю никак не полагается позорить флот, уж тем более терять офицеров и матросов из-за аварии в канализации, если это действительно была авария. — Однако я должен доложить, что в списке пропавших без вести числится дипломат с Земли. В обычной ситуации

я бы организовал поиски уцелевших, но сейчас… — Он красноречиво пожал плечами.

— Примите мои соболезнования, капитан: отличным офицером был лейтенант Зауэр. Итак. Я решил, что мы будем развертывать боевые порядки согласно атакующему плану «Е». Мы его дважды проигрывали на штабных учениях, и теперь вам предоставляется возможность осуществить его на практике, и на этот раз против настоящего, хотя и не определенного противника…

* * *

Удары по корпусу шлюпки привели Мартина в чувство.

Он заморгал — волосы плавали в воздухе перед глазами — и уставился на стену прямо перед собой. Она съехала в сторону, и сопла холодного газа попытались вбить Мартина в потолок, превращающийся из сплошь серого в слои черноты, усыпанные сверкающими бриллиантами звездной пыли. Приливная тяга «Полководца Ванека» пыталась, видимо, выдернуть у Мартина руки и ноги, — до сих пор все тело ныло. Рашель лежала рядом с ним, и губы у нее подергивались — она общалась с примитивным мозгом шлюпки. Боль-

шие серые облака — замерзшие сточные воды — закрывали вид наверху. У Мартина в глазах замигали желтые маяки — спасатели что-то искали.

— Как ты? — прохрипел он.

— Сейчас, минутку. — Рашель снова закрыла глаза и отпустила руки, которые всплыли вверх, почти касаясь экрана; тот был куда как ближе, чем сперва подумал Мартин. Капсула представляла собой усеченный конус где-то четыре метра диаметром внизу и три наверху, но высотой не более двух метров — примерно тот же объем, что у пассажирского салона такси (топливный танк и двигатель под ней были заметно больше). Она гудела и тихо булькала в ритме трубопроводов жизнеобеспечения, очень медленно вращаясь вокруг продольной оси. — Мы идем двенадцать метров в секунду. Это неплохо. Примерно на километр от корабля отойдем… Блин, что там такое?

— Какие-то внешние работы? Нас ищут?

— Скорее кого-то из своих. — У нее вдруг широко раскрылись глаза от ужаса.

— Что бы там ни случилось, это произошло после нашего ухода. Если бы ты включила продувку, мы же были бы окружены облаком осколков?

Она покачала головой.

— Надо вернуться и помочь. Мы должны…

— Чушь! У них команды для внешних работ всегда дежурят на боевых позициях, и ты это не хуже меня знаешь. Не твоя проблема. А знаешь, я понял. Кто-то попытался проникнуть в твою каюту, когда мы вылетели. Слишком усердно пытался, судя по результату.

Она глядела на далекие точки, плавающие у кормы корабля, с этой дистанции казавшегося тупорылым цилиндром.

— Но если бы я не…

— Тогда меня сейчас вели бы к наружному шлюзу в наручниках, а ты сидела бы под арестом, — напомнил он усталым, холодным, рациональным голосом. Голова болела: давление в капсуле, очевидно, было ниже, чем в корабле. Руки тряслись и зябли — реакция на последние пять минут. Или десять, сколько там все это длилось. — Ты мне жизнь спасла, Рашель. И если ты на минуту перестанешь себя грызть, я бы хотел сказать тебе спасибо.

— Если там, снаружи, кто-то есть, а мы его бросим…

— То его подберут свои. Поверь мне, я представляю себе отлично, как они взламывали твою

каюту. Не проверили перед тем, что она вскрыта в космос, и их выдуло чуть дальше, чем они собирались. Вот зачем на военных кораблях нужны команды для внешних работ и шлюпки. А нам лучше беспокоиться о том, как бы никто нас не заметил до финального события.

— Гм… — Рашель покачала головой, и лицо ее слегка прояснилось. — Все равно мы слишком близко, на мой вкус. У нас есть еще один танк холодного газа, и это даст нам дополнительные десять метров в секунду. Если включить его сейчас, то мы уйдем от корабля километров на двести пятьдесят до перигея, но они начнут маневр еще до того и серьезно расширят зазор. Воды и воздуха у нас хватит на неделю. Я планирую врубить полную тягу при посадке, когда они будут заняты обороной противника, какой бы эта оборона ни оказалась. Если она вообще есть.

— Я думаю, пожиратели там будут, трансформеры. — Мартин коротко кивнул, но тут мир закружился вокруг него. *Неужто космическая болезнь?* Мысль о том, чтобы в этой клетушке провести целую неделю с сильной тошнотой была слишком омерзительна, чтобы даже ее рассматривать. — Может быть, антитела. В любом случае, ничего такого, что Новая Республика мо-

жет понять. Для нас, наверное, просто будет этого избежать, но если ввалиться со стрельбой…

— Ага, — зевнула Рашель.

— У тебя вымотанный вид. — Мартин ощутил тревогу за нее. — Как ты вообще это проделала? Там, на корабле? Это ж тебе потом должно аукнуться…

— Уже аукается. — Она нагнулась вперед и подергала синюю сетку вдоль бывшего пола каюты. Неожиданно подплыли контейнеры сока, кувыркаясь в свободном падении. Рашель взяла один и жадно присосалась к трубке. — Угощайся.

— Не то чтобы я неблагодарен был или что, — добавил Мартин, отмахиваясь от пачки манго-дурианового сока, болтающегося перед носом, — но… зачем?

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— И все же, — сказал он.

Рашель пустила летать пустой пакет и обернулась к Мартину.

— Я бы предпочла навешать тебе какой-нибудь лапши о долге и доверии, но. — Она неловко пожала плечами в ремнях своего кресла. — Неважно.

Рашель протянула руку, и Мартин безмолвно ее пожал.

— Ты не провалила свое задание, — заметил он. — У тебя и не было задания. В любом случае — не то, что твой босс, как там его?

— Джордж. Джордж Чо.

— …не то, что думал Джордж. Недостаточно данных, верно? Что бы он сделал, если бы знал про Фестиваль?

— Возможно, то же самое. — Она слабо улыбнулась пустому пакету и выловила из воздуха новый. — Ты в корне неправ: у меня все еще есть работа, которую нужно сделать — если и когда мы прилетим. Шансы на что благодаря нашей эскападе снизились примерно — да, процентов на пятьдесят.

— Гм. Ну, если я смогу чем-нибудь помочь, скажи. — Мартин потянулся и вздрогнул от напомнившей о себе боли. — А ты не видала мой ЛП? После…

— Он у тебя под креслом, с зубной щеткой и сменой белья. Я заглянула в твою каюту, когда тебя загребли.

— Ты гений! — воскликнул он радостно. Нагнувшись, Мартин пошарил в тесном закутке под консолью. — Ух ты!

Он выпрямился, открыв потрепанную серую книжку. По страницам плавали слова и картинки.

Мартин постучал по воображаемой клавиатуре — возникли новые изображения.

— Тебе помощь нужна в управлении этой шлюпкой?

— Если хочешь. — Она допила второй пакет, сунула оба пустых в мешок. — Ты летал когда-нибудь?

— Двенадцать лет провел на «Л-5». Основы навигации, без проблем. Если бы это был обычный спасательный модуль, я бы еще и камбуз смог запрограммировать. Традиционная йоркширская привычка — знать, как испечь сливовый пудинг в свободном падении. Фокус в том, чтобы корабль вращался вокруг камбуза, так что пудинг остается неподвижным, а вращается гриль…

Она засмеялась. Пакет клюквенного сока отскочил от головы Мартина.

— Хватит тебе!

— Ладно. — Он откинулся назад, ЛП парил перед ним в воздухе. На открытых страницах прибор реального времени скачивал данные из мозга шлюпки. (Часы в углу отсчитывали секунды до первого запрограммированного Рашелью торможения, за две тысячи секунд до перигея.) Мартин, нахмурившись, чертил стилом иероглифы. — Должно получиться. Если по нам стрелять

не будут.

— У нас ответный сигнал Красного Креста. Им тогда придется вручную отключать систему «свой-чужой».

— Чего они точно делать не будут, если не озверели до конца. Ладно. — Мартин поставил на странице последнюю точку. — Но мне было бы приятнее, если бы я знал, куда это мы летим. В том смысле, если Фестиваль ничего не оставил на орбите…

И тут они оба застыли.

Что-то скребло по крыше спасательной капсулы, будто полые металлические кости стучали по решетке.

* * *

Кролик зарычал и сердито выхватил свой полуавтоматический пистолет. Прижав уши и оскалив зубы, он злобно зашипел на киборга.

Сестра Седьмая села прямо, любуясь столкновением. Все, кроме Бури Рубинштейна, пригнулись, а он шагнул вперед, на середину поляны.

— Прекратить! Немедленно!

На долгую секунду кролик застыл. Потом медленно расслабил мышцы и опустил ствол.

— Он первый начал.

— Мне плевать, кто начал. У нас есть работа, а потому нечего друг в друга стрелять. — Он повернулся к киборгу, с которым схлестнулся кролик. — Ты что-то сказал?

Революционерка заробела, длинные вытянутые когти медленно разжались.

— Я хорошая экстропийка. А эта тварь… — Она сделала жест, в ответ на который кролик еще раз показал зубы. — Он приверженец культа личности! Он контрреволюционер! На выгрузку его!

Буря прищурился. Многие бывшие революционеры съехали с нарезки из-за прибамбасов к телу, которые предлагал Фестиваль, не сообразив, что для управления этими штуками нужно модернизировать центральную нервную систему. Это приводило к некоторой путанице.

— Товарищ, ты же тоже личность. Чувство идентичности необходимо для наличия сознания, а оно, как указывают великие учителя, есть краеугольный камень, на котором строится трансцендентность.

Киборг задумался. На глазах мелькнули зеркальные мембраны, отражая внутреннюю работу мысли.

— Но в сообществе разума личностей нет. Личность вырастает из общества, следовательно,

индивидуум не может иметь…

— Мне кажется, ты недопонимаешь великих философов, — медленно проговорил Рубинштейн. — Это не критика, товарищ, потому что сами философы по сути своей гениальны, и следовать за ними трудно, но, когда они говорят: «сообщество разума», они говорят о достижении сознания в индивидууме, возникающем из до-сознательных агентов, а не об обществе вне личности. Таким образом, отсюда следует, что быть связанным с собственным сознанием — это не значит придерживаться культа личности. Теперь, следуя иному… — Он прервал сам себя и бросил острый взгляд на кролика. — Думаю, что сейчас мы не будем исследовать данный вопрос детальнее. Время двигаться дальше.

Киборг кивнул, резко дернув головой. Ее собратья встали (один не встал, а развернулся) и надели ранцы. Буря подошел к избушке Сестры Седьмой и влез внутрь. Вскоре отряд двинулся в путь.

— Не понимаю чувства революции, — заметила Критикесса, жуя сладкий картофель в качающейся избушке, шагающей по грунтовой дороге за отрядом Плоцкого совета. — Чувство идентичности осуждено? Зайцеобразный Критикуется

за сходство сам с собой? Чушь? Разве можно воспринимать искусство, не ощущая собственной идентичности?

— Они слишком буквально мыслят, — сказал он тихо. — Одно только действие, никакого новаторского мышления. Они не понимают метафор, половина из них считает, что ты вернувшаяся Баба-яга. Ты про это знаешь? Мы были слишком долго… э-э… стабильной культурой. Верования, обычаи — все это укоренилось. Когда приходят перемены, эти люди не в силах реагировать. Пытаются все загнать в собственные предвзятые догмы. — Он прислонился к стенке избушки. — Я просто вымотался, пытаясь их разбудить…

Сестра Седьмая фыркнула.

— А *это* ты как назовешь? — спросил она, ткнув пальцем в открытую дверь.

Впереди избушки маршировала колонна весьма разнообразных киборгов, частично измененных революционеров, застывших на полпути за пределы своей прошлой жизни. В голове отряда шагал кролик, ведя всех в лес с наполовину трансцендировавшей дикой жизнью.

Буря вгляделся в кролика.

— Назову, как он захочет. А это у него ружье?

К полудню лес изменился до неузнаваемости.

Какие-то странные биологические эксперименты изуродовали растительность. Деревья и травы исчезли. Шагать пришлось по колючим сосновым иголкам, а над головой качались плоские острые листья, пегие, черные и зеленые, с глянцевыми черными пятнами. И что хуже всего, кустарник вроде бы как-то размывало на краях: виды обменивались фенотипическими признаками прямо на глазах с неестественной беспорядочной страстью.

— Чья это работа? — спросил Буря Сестру Седьмую во время одного из ежечасных привалов.

Критикесса пожала плечами.

— Ерунда. Лысенковский край леса, рекомбинантные рисуночки. Ты джаббервоков остерегайся, сынок. В этом биоме есть только производные Земли?

— Ты меня спрашиваешь? — удивился Буря. — Я не садовник.

— Неправдоподобная интуитивная оценка, — лукаво ответила сама себе Сестра Седьмая. — В любом случае, некоторые виды Края рекомбинантны. Не гуманоцентрическая манипуляция геномами. Элегантные структуры, модифицированные без всякой цели. Ламаркианский лес. Узлы обмениваются фенотип-определяющими

чертами, приобретая полезные.

— Кто определяет полезность и бесполезность?

— Выставка Цветов. Входит в Край.

— Какой сюрприз, — буркнул Буря.

На следующем привале он подошел к кролику.

— Далеко еще?

Зайцеобразный пискнул:

— Пятьдесят километров. Или больше?

Вид у него был слегка озадаченный, будто понятие расстояния было для него трудной абстракцией.

— Утром ты говорил: шестьдесят километров, — напомнил Рубинштейн. — Мы прошли двадцать. Ты точно помнишь? Милиция тебе не верит, и если ты будешь дальше вилять, я не смогу им помешать наделать глупостей.

— Я просто кролик. — Уши дернулись назад, задвигались, прислушиваясь к возможной опасности. — Знаю, что на господина напали — нападали — мимы. Не слышал с тех пор ничего от него, спорить могу. Всегда знаю, где он — не знаю как, — но сколько еще идти, сказать не могу. Понимаешь, друг, вроде как в голове компас, ферштейн?

— И давно ты кролик? — спросил Рубинштейн, вдруг заподозрив весьма неладное.

Кролик состроил недоуменную морду.

— Не знаю, право. Кажется, я был… — Он замолчал. Опустились железные ставни, отключив свет в глазах. — Больше слов нет. Искать господина. Спасать!

— Кто твой господин?

— Феликс, — ответил кролик.

— Феликс… Политовский?!

— Не знаю. *Может быть*. — Кролик задергал ушами и оскалился. — Не хочу больше говорить. Мы там завтра. Спасать господина. Убить мимов.

* * *

Василий посмотрел на звезды, вертящиеся под ногами. «Я погиб», — подумал он, глотая едкую желчь.

Когда он закрыл глаза, тошнота чуть отступила. Голова все еще болела там, где он стукнулся ею об стену каюты, вылетая наружу. Перед глазами плыло, и очнулся Василий, купаясь в сгустке боли. Сейчас уже можно было думать, и боль казалась глупой шуткой: у трупов ведь ничего не болит? Значит, он еще жив. Вот когда перестанет болеть…

Он снова и снова переживал катастрофу. Зауэр проверяет, все ли в скафандрах. «Это просто

прокол», — говорит кто-то, и это кажется правдоподобным — баба эта выпустила из каюты часть воздуху, чтобы упали щиты декомпрессии, — а потом яркая вспышка взрывшнура, и все оказались неправы. Воющий вихрь воздуха подхватил лейтенанта и полицейских, выбросив из корабля в темный звездный туннель. Василий попытался удержаться за рукоять двери, но неудобные перчатки соскользнули. И он полетел, безостановочно кувыркаясь, как паук в водосток, когда выпускают из ванны воду.

Звезды вертелись — холодными кинжалами огней в ночи за веками.

Вот оно. Погибель. Домой не вернуться. Шпионку не арестовать. Не встретиться уже с отцом, не сказать, что я на самом деле о нем думаю. А что про меня подумает Гражданин?

Василий открыл глаза. Его все так же вертело, оборотов пять или шесть в минуту. На аварийном скафандре ранцевых сопел не было, а рация работала на жалком расстоянии — всего несколько сот метров. Для работы на борту судна это более чем достаточно. Достаточно даже, быть может, чтобы сделать маяк, если его будут искать. Но его не искали. Он прецессировал, как гироскоп, и каждые минуты две корабль появлялся у него

в поле зрения — темная щель на фоне алмазной пыли звезд. Никаких признаков идущей к нему поисковой партии не было — только золотой туман сточных вод расходился вокруг флагмана флота, который был уже за километр, когда Василий только его увидел.

И был корабль похож на игрушку, бесконечно желанную игрушку, в которой были все его надежды на жизнь и любовь, товарищество, тепло и счастье — игрушка, до которой никогда не дотянуться, висящая в холодной пустыне, которую не перейти.

Он глянул на примитивный дисплей на запястье, где стрелка отсчитывала часы жизни, оставшиеся в кислородном баллоне. Дозиметр тоже был на этом дисплее, пустыня была горячей: заряженные частицы пронизывали ее так плотно, что вряд ли будет потом разлагаться мумифицированный труп.

Василия затрясло. Горькие сожаления охватили его: «Ну почему я всегда все делаю неправильно?» Он думал, что правильно поступил, когда пошел служить в ведомство Куратора, но когда гордо показал матери новое удостоверение, лицо у нее закрылось, как витрина лавки, и она отвернулась, как бывало, когда он что-нибудь делал не

так, а пороть его ей не хотелось. Он думал, что правильно сделал, когда обыскал багаж инженера, а потом дипломатихи — а смотри, что из этого вышло.

Корабль внизу, уже в нескольких километрах и уходящий все дальше, казался щепкой на фоне тьмы. Само присутствие Василия на корабле… Если честно, он бы лучше сделал, если бы остался дома, подождал, пока корабль (вместе с инженером) вернется на Новую Прагу, а потом возобновил бы слежку. Да только новости с Рохарда, планеты ссыльных, вызвали у него неутолимое любопытство. И если бы он не захотел туда лететь, то не висел бы сейчас в космосе, вертясь в этой камере пыток-воспоминаний.

Он попытался вспомнить лучшие времена, но это было трудно. Школа? Его там тиранили нещадно, издевались над тем, кто у него отец. Любой мальчишка с фамилией матери был объектом издевательств, но отец-преступник, известный уголовник — это превращало его в легкую мишень. Однажды он одному хулигану рожу размолотил в кашу, и за это его выпороли. После этого хулиганы обходили его десятой дорогой, но за спиной все равно шептались и по углам хихикали. Он научился подслушивать, затаива-

ясь после уроков, а потом сбивать ухмылки с рож кулаками, но друзей это ему не прибавило.

Курсы? Шуточка. Продолжение прежней школы, только учителя построже. Базовое полицейское обучение и кадетский корпус. Стажировка у Гражданина, на которого он рвался произвести впечатление, потому что восхищался суровым инспектором — человеком из железа и крови, безусловно преданным Республике и всему, что она олицетворяла, духовным отцом, которого он вот сейчас дважды разочаровал.

Василий зевнул. Болел мочевой пузырь, но мочиться он не решался — в этом-то костюме из соединенных мешков. Мысль о том, чтобы утонуть, была почему-то куда страшнее, чем мысль, что кончится воздух. Кроме того, когда воздух уйдет — разве не так наказывают взбунтовавшихся космонавтов вместо повешения?

И Василием овладел странный ужас. Мурашки поползли по коже, затылок и шея похолодели, онемели. «Я не могу еще умереть, — подумал он. — Так нечестно! — Василия затрясло. Будто пустота говорила с ним. — Честно, нечестно — какая разница? Это случится, и ничего не значит, хочешь ты или нет».

Глаза жгло. Василий крепко зажмурился, что-

бы не лицезреть вертящиеся кинжалы ночи и успокоить дыхание.

А когда открыл глаза, он увидел, как ответ на свои молитвы, что не один в бездне.

ШУТНИКИ

Высоко на орбите вокруг Рохарда вертелись Вышибалы.

Два километра в длину, гладкие и серые. Каждый из них превосходил надвигающийся экспедиционный корпус, как великан карлика. Они были чуть ли не первыми предметами, созданными прибывшим Фестивалем. Почти все Вышибалы дрейфовали на парковочной орбите в глубине облака Оорта, ожидая врагов, приближающихся по времениподобным путям атаки в глубине будущего мировой линии Фестиваля, а тот уходил все дальше во внутреннюю систему, пока не появился над планетой своего назначения.

Вышибалы не видели снов. Представители едва разумного вида, получившие задание оборонять Фестиваль от определенного рода грубых физических угроз. От угроз более тонких — отказа в обслуживании, декогерентности и спуфинга — защищали более сложные антитела; при атаке с истинным нарушением принципа причинности была бы пробуждена команда поддержания

реальности. Но иногда лучшей защитой является большая палка и пугающий оскал — для какой надобности и существовали Вышибалы.

Прибытие эскадры Новой Республики было замечено за четверо суток до этого. Постоянные профили ускорения приближающихся кораблей торчали, как больной зуб. Флот Его Величества рассуждал в терминах лидаров, радаров и активных датчиков, а Фестиваль использовал приборы более тонкие. Замечены были локализованные минимумы в энтропии внешней системы, следы голых сингулярностей, эхо туннельного эффекта, который позволяет обычным звездолетам прыгать от системы к системе. Неспособность подлетающего флота сигнализировать о многом говорила сама по себе, и Вышибалы знали, что делать со сказанным.

Дивизион летающих по орбите Вышибал начал набирать скорость. На борту этих кораблей не было хрупких форм жизни — только твердые блоки легированного алмаза и керамических сверхпроводников, танки металлического водорода под таким давлением, что по сравнению с ним ядра газовых гигантов можно считать вакуумом, и генераторы высокоэнергетических мюонов для катализации экзотических ядерных

реакций, движущих эти корабли. И, конечно, фрактальные кусты, груз Вышибал: миллионы их цеплялись причудливыми лозами за длинные шипы кораблей.

Ядерные факелы, дающие тягу в согласии с законами Ньютона, могли показаться старомодными Адмиралтейству Новой Республики, которое настояло на оснащении флота лишь современнейшими двигателями на сингулярности и искривлении пространства, но Вышибалы Фестиваля, в отличие от Адмиралтейства, имели некоторый боевой опыт. Реактивные двигатели имеют некоторые выгодные качества в космической битве — качества, которые умелому обороняющемуся дают неоспоримое преимущество: во-первых, — чувствительное отношение тяги к массе, во-вторых, — малую степень наблюдаемости. Десять миллиардов тонн виртуальной массы превращали корабль с сингулярностным двигателем в нечто совершенно неуклюжее: он хоть и мог ускоряться с невероятной силой, но быстро менять направление был не способен, и для Фестиваля был обнаружим чуть ли не на межзвездном расстоянии. А реактивный двигатель в кардановом подвесе изменял вектор тяги настолько стремительно, что мог даже разрушить

корабль, не рассчитанный на такие напряжения. И еще, хотя факел со стороны кормы можно было заметить за миллион километров, исходящий поток был узконаправлен, и спереди едва можно было разглядеть нагретую точку.

Имея за спиной гораздо более мощный источник инфракрасного излучения — планету, Вышибалы направились к первой эскадре Новой Республики с костедробильным ускорением в сто же. Определив координаты противника, Вышибалы достигли пиковой скорости 800 километров в час и отключили двигатели, бесшумно дрейфуя, ожидая момента максимального сближения.

* * *

В боевой рубке «Полководца Ванека» повисла напряженная тишина.

— Батарея-два, готовьте к запуску партию из шести СЕМ-20. Зарядить все на сто килотонн, первые две настроить на максимальный электромагнитный импульс, следующие три — на максимальный выброс осколков вдоль главной оси. Батарея-один, две торпеды Д-4 — на пассивный запуск с задержкой двигателя на одну минуту. — Капитан Мирский откинулся в кресле.

— Прогноз? — бросил он в сторону капитан-

лейтенанта Вульписа.

— Держим готовность, капитан. Странно, что пока мы еще ничего не видели, но могу дать полную тягу через сорок секунд после получения сигнала двигателя.

— Годится. Радар, есть что-нибудь?

— Разрешите доложить, на пассивном радаре ничего.

— Это радует.

Два часа оставалось до перигея. Мирский с трудом сдерживал нетерпение. Постукивая пальцами по подлокотнику, он сидел и ждал знака, чего-нибудь, показывающего, что есть жизнь в этом пустом космосе. Фатального звонка лидарного луча, отразившегося от невидимого радару корпуса «Полководца», ряби гравимагнитных волн, чего угодно, показывающего, что враг здесь, где-то между эскадрой боевых кораблей и местом ее назначения.

— Идеи есть, капитан-лейтенант?

Вульпис оглядел работающие станции, людей за ними.

— Куда приятнее было бы, если бы они как-то пытались нас обнаружить. Либо мы их застали полностью врасплох, либо…

— Спасибо за такую мысль, — буркнул Мирский

себе под нос. — Марек!

— Я, господин капитан!

— Винтовка у тебя, заряженная. Не стрелять, пока не увидишь белки глаз противника.

— Виноват, господин капитан? — недоуменно уставился на командира Вульпис.

— Я буду у себя в каюте, если что, — небрежно бросил Мирский. — Командуйте вы, пока не будет меня или кавторанга Муромца. Если будет что-нибудь новое — зовите меня сразу.

У себя в каюте, находящейся прямо под рубкой, Мирский рухнул в кресло. Глубоко вздохнул, потом ткнул в кнопки телефона.

— Коммутатор? Спросите у контр-адмирала, может ли он уделить мне минуту. Отлично.

Через минуту фоноэкран тихо звякнул.

— Господин контр-адмирал?

— Здравствуйте, капитан.

На лице контр-адмирала Бауэре застыло выражение очень усталого и очень занятого начальника.

— Должен вам рапортовать об одном, гм, досадном моменте. Если у вас есть время.

Бауэр сложил пальцы щепотью.

— Коротко, если можно.

— Это нетрудно. — Глаза Мирского сверкнули

в тусклом свете. — Все это было ошибкой моего офицера разведки, полного идиота. Не умудрись он погибнуть, я бы его в кандалы заковал. — Он перевел дыхание. — Но он действовал не один. В сложившихся обстоятельствах, господин контр-адмирал, я бы рекомендовал конфиденциально, если не публично, объявить выговор моему старшему помощнику, капитану второго ранга Муромцу, если бы не был так близко противник…

— Подробности, капитан. Что он сделал?

— Лейтенант Зауэр превысил свои полномочия, пытаясь выйти на эту шпионку — я имею в виду, представительницу Земли — путем инсценировки суда. Как-то ему удалось убедить капитана второго ранга Муромца его прикрыть — чертовски неверное решение, по моему мнению: не его дело было лезть на территорию дипломатов. Как бы там ни было, он пережал, и женщина впала в панику. Это бы не было проблемой, но ей как-то удалось… — Он закашлялся в кулак.

— Кажется, я догадываюсь, — кивнул Бауэр. — Где она теперь?

Мирский пожал плечами.

— За бортом корабля, вместе с этим контрактником с верфи. Исчезли, возможно, в спецкостюмах.

Не знаю, где они сейчас, и понятия не имею, какого черта они себе думали. Прокуратор тоже пропал без вести, господин контр-адмирал, и в борту у нас неприятная дыра там, где была каюта землянки.

Очень медленно лицо контр-адмирала расплылось в улыбке.

— Не думаю, что вам стоит терять время на их поиски, капитан. Если бы мы их нашли, нам бы только и оставалось, что снова выбросить их за борт, не так ли? Прокуратор тоже в этом обезьяньем суде поучаствовал?

— Я полагаю, что да.

— Что ж, тогда нам о штатских нечего беспокоиться. И если они в боестолкновении получат небольшой загар, неважно. Я думаю, вы сделаете все, что нужно сделать.

— Так точно, господин контр-адмирал.

— Тогда, — сухо отметил Бауэр, — с этим покончено. Теперь ваш прогноз: когда мы войдем в сферу ближней обороны противника?

Мирский подумал.

— Примерно через два часа. Есть предположение, что наша маскировка излучения была достаточной, и отсутствие активных зондов показывает, что они не знают о нашем присутствии.

— Мне нравится слово «предположение». Каков ваш план работы по станциям?

— Мы уже готовы, господин контр-адмирал. То есть существуют несколько несущественных постов, которые не будут закрыты еще где-то с час, но оперативная команда и кочегары уже на боевой вахте, а оружие готово к стрельбе. Неразбериха случилась из-за передачи горячей пищи, но в принципе мы готовы к действию по первому сигналу.

— Отлично. — Бауэр замолчал и посмотрел на свой стол. Потер нос длинным костлявым пальцем, потом поднял глаза. — Не нравится мне это молчание, каперанг. Западней оно пахнет.

* * *

Мартин и Рашель взглянули вверх в рефлекторном ужасе, выискивая источник шума.

На борту космического судна любой шум снаружи означает беду — большую беду. Шлюпка дрейфовала к планете Рохард на скорости, существенно превышающей скорость убегания от солнца; попадись на пути бумажный шарик, он бы прорвал капсулу с силой бронебойной ракеты. И если корабли класса «Полководца Ванека» могут нести сантиметры алмазной брони и противоударные бамперы для поглощения

летающих фрагментов, обшивку спасательной шлюпки можно пробить перочинным ножом.

— Маски! — велела Рашель.

Из консоли напротив Мартина выпало множество перепутанных прозрачных пакетов со сложными замками и что-то вроде газового баллона, все это плюхнулось к нему на колени. Рашель сунула руку за кресло и вытащила шлем. Нахлобучив его себе на голову, она подождала, пока край его срастется с трико, заливая шею герметиком. Внутри визора мигали примитивные значки. Рашель вздохнула с облегчением, услышав за правым ухом гудение вентилятора. Сидящий рядом Мартин все еще натягивал на себя прозрачный кокон. Рашель посмотрела вверх.

— Пилот! Вид с верхних датчиков, оптический, — на центральный экран.

— Ой, блин! — еле выговорил Мартин.

На экране показалось слабо различимое пятно, плывущее на фоне иголок звезд. Изображение становилось резче почти с головокружительной быстротой и вскоре приняло узнаваемую форму. Оно двигалось.

Рашель повернулась к Мартину.

— Кто бы это ни был, мы не можем там его бросить, — сказал он.

— Тем более без спасательного маячка, — согласилась она мрачно. — Пилот! Запасы кислорода. Пересчитать в условиях увеличения расхода на пятьдесят процентов. Насколько это снижает нашу вероятность выжить?

На экране мелькнула диаграмма.

— Запас есть, — заметил Мартин. — А что там с посадкой? Гм… — Он потыкал в свой ЛП. — Думаю, может получиться, — добавил он. — Соотношение масс не намного хуже.

— Думаешь или знаешь? Если у нас на полпути кончится горючее, это может сильно испортить экскурсию.

— Понимаю. Давай-ка посмотрим… Все будет путем, Рашель. Тот, кто проектировал эту лодку, рассчитывал, что у тебя с собой будет целая куча дипломатического багажа. Скорее даже, гардероб.

— И не говори. — Она облизнула губы. — Вопрос номер два: мы берем его на борт? И что мы с ним будем делать, если он начнет фордыбачить?

— Я думаю, ты применишь против него свое женское обаяние, — предложил Мартин с совершенно серьезным видом.

— Спасибо за ценную идею. — Она усталой рукой взялась за шокер. — Эта штука в вакууме не

работает, ты знаешь? И не очень хорошая мысль — использовать ее в тесноте.

— Кстати, о тесноте. — Мартин показал на довольно примитивный детектор массы. — Двенадцать километров, дрейфуем. Не хотелось бы быть так близко, когда они начнут боевой разворот.

— Да, не стоит, — согласилась Рашель. — О'кей. Я готова, насколько это возможно. Получил подтверждение целостности костюма? Потому что, когда выпустим воздух, шевельнуться ты не сможешь.

Мартин кивнул, подняв надутую перчатку. Рашель повернула регулятор своего кислородного баллона и зевнула, намеренно, высматривая, куда бы прикрепить страховочный конец на крыше капсулы.

— О'кей. Пилот, режим выхода наружу. Приготовиться разгерметизировать кабину.

* * *

В рубке зазвенел сигнал тревоги.

— Контакт! — Лейтенант Кокесов перегнулся через плечо подчиненного и уставился на цифры на консоли. Мигали фиолетовые и зеленые огоньки. — Повторяю, контакт!

— Вас понял. — Лейтенант Марек сглотнул слюну. — Связь, известите капитана. Срочность — красная.

— Есть!

У двери замигала красная лампочка.

— Подробности? — спросил Марек.

— Отслеживаем. Определенно термоядерный источник, появился в пределах двух секунд. Сперва я думал, что датчик барахлит, но он показывает линии Балмера с синим смещением, и чертовски ярко — температура черного тела была бы в пределах пятисот мегаградусов. И движется на второй космической скорости относительно местной звезды.

— Отлично! — Марек попытался откинуться на спинку кресла, но не смог — слишком напряжены были мышцы. — Так что, пора находить решение?

— В любой момент. — Лейтенант Кокесов, технарь, снова показал свой профессионализм. — Посмотрю, смогу ли замариновать для вас горсточку нейтрино.

Дверь открылась, стоящий рядом с ней часовой встал «смирно». Лейтенант Марек повернулся с креслом и неловко отдал честь.

— Господин капитан…

— Доложите обстановку.

— Условно зафиксирована одна цель. Все еще ждем решения, но обнаружен термоядерный выхлоп с синим смещением. Как будто смотрим ему прямо в торцевое зеркало.

— Отлично, лейтенант, — кивнул Мирский. — Еще что-нибудь?

— Еще что-нибудь? — опешил Марек. — Нет, ничего больше….

— Контакт! — объявил тот же оператор датчика, поднял глаза и сказал извиняющимся тоном: — Виноват…

— Опишите контакт, — велел капитан.

— Второй термоядерный источник, примерно на два мегакилометра выше и южнее первого. Движется параллельным курсом. Есть предварительное решение, похоже, что пройдут от нас в ста «ка», тормозя от восьмисот километров в секунду. Время до перехвата две килосекунды.

— Что-нибудь еще за ними замечено? — спросил Мирский.

— Виноват, господин капитан?

— Ну, там аномальное боковое ускорение, помехи, трафик связи, светящиеся розовые щупальца — что угодно. Есть?

— Никак нет.

— Ну ладно. — Мирский задумчиво огладил бороду. — Что-то тут не складывается.

Снова открылась дверь на мостик, и вошел лейтенант Хельсингас.

— Разрешите взять на себя управление огнем, господин капитан?

— Разрешаю, — махнул рукой Мирский. — Только сперва разгадайте загадку: какого черта, клянусь бородой Императора, мы видим только два факела от двигателей и ни хрена больше?

— А… — начал Марек — и заткнулся.

— Потому что, — сказал капитан-лейтенант Вульпис из-за плеча Мирского, — это ловушка.

— Не знаю, как это вы могли такое вообразить: нас очевидным образом приглашают на званый ужин. — Мирский зловеще улыбнулся. — Хм-м. Вы думаете, они там окопались и мины расставили, а потом зажгли два факела?

— Вполне возможно, — кивнул Вульпис. — В каковом случае мы влетим на минное поле примерно… — он постучал по клавишам, — через двести пятьдесят секунд. Мы еще долго не будем в диапазоне действия чего бы то ни было, похожего на мину, но на такой скорости нас даже облако песка в кашу размолотит.

Мирский наклонился вперед.

— Артиллеристы, автоматический режим обороны! Связь, запросите подтверждение от штаба контр-адмирала, и еще — от «Камчатки» и «Регины». Напомните, чтобы следили за минами. — Он мрачно ухмыльнулся. — Время посмотреть, из чего они сделаны. Связист, мои приветствия контр-адмиралу, и скажите, что я прошу разрешения снять маскировку излучения из оборонительных соображений.

— Есть, капитан.

Для корабля маскировка излучения — вопрос жизни и смерти. Активные сенсоры, подобные радару и лидару, требуют отражения от постороннего предмета, чтобы подтвердилось его наличие, но далекий (или скрытый от радара) предмет не вернет достаточно громкого эхо-сигнала, который можно воспринять. А посылка первичного импульса выдает с идеальной точностью местоположение корабля любому противнику, который крутится за пределами дистанции возврата эхо-сигнала, но в пределах пассивного обнаружения. Первый корабль, начинающий излучать, выставляет себя, как на ладони — освещая своего врага, рисует на себе мишень.

— Господин капитан…

— Слушаю вас, лейтенант Марек?

— А если там больше двух кораблей? Я в том смысле, что у нас — зонды и шаттл. Что если нам противостоит сила побольше, а эти два, которые мы видим, — просто ложная цель?

— Это вариант не вероятный, а достоверный, лейтенант, — ответил Мирский.

— Перехват мины на первой траектории, четыре минуты. — Вульпис прочел временной график с цифровой панели и обернулся к Мирскому.

Командир корабля кивнул.

— Артиллеристы, зарядить торпеды, ракетам приготовиться. Дистанционные заряды, статус красный, синий, оранжевый. — Мирский был предельно собран, и это его настроение передавалось подчиненным в рубке.

Зазвонил красный телефон. Мирский взял трубку, коротко поговорил и повесил ее.

— Радар, вам разрешено начать поиск.

Радар-1 доложил:

— Переходим в активный режим. Сто секунд импульсно-доплеровский след, четыре октавы перестраиваемый диапазон, с переходом к системе помех Альфа. Ложные цели запускать, господин капитан?

— Можно. — Мирский сложил руки на коленях и смотрел прямо в главный экран. Под внешним

спокойствием он скрывал серьезную тревогу: сейчас он ставил как на карту свою жизнь и свой корабль с жизнями всех людей на нем на гипотезу о природе преследователей. Уверен он не был, но был достаточно хорошо информирован, чтобы строить обоснованные предположения. «Может быть, эта тетка из ООН и была права», — подумал он и оглядел рубку. — Кавторанг Хельсингас, доложите обстановку.

Бородатый артиллерист наклонил голову.

— Первые четыре заряда заложены согласно приказу, капитан. Две самодвижущиеся торпеды с удаленным зажиганием на борту, за ними — шесть пассивных ракет, настроенных на электромагнитный импульс с углом расхождения в десять градусов. Лазерная сетка настроена на плотную оборону. Баллистические программы загружены и включены.

— Отлично. Рулевая рубка?

— Идем точно по схеме подхода, господин капитан. Уклонений нет.

— Радар?

Лейтенант Марек встал. Вид у него был изможденный и напряженный, вокруг глаз появились новые морщинки.

— Разрешите доложить, господин капитан.

Активные средства наблюдения ничего не показывают. Пассивные также, кроме инфракрасного следа, что дает нам примерно… — он глянул вниз, — три минуты. Ложная цель спущена за борт, работает в диапазоне излучения номер один.

Ложная цель — небольшая ракета без двигателя, следующая за кораблем на десятикилометровом буксире, — готовясь выдавать электромагнитную картину, аналогичную портрету флагмана: за счет использования интерферометра она синхронизировалась с активными сенсорами «Полководца». Это должно было сбивать с толку противника, сообщая неверное положение линкора.

— Хорошо. — Мирский посмотрел на часы возле главного дисплея, потом взглянул на экран своей рабочей станции. Время выполнять чек-лист. — В поворотной точке номер один будьте готовы выполнить схему зажигания по моему приказу. Это непрерывно до скорости шестьдесят километров в секунду сорок «же», потом двигатели глушатся. Курс триста шестьдесят на ноль на ноль по отношению к текущему. Связь, известите все корабли второй эскадры. Батареи, в момент времени ноль плюс пять секунд будьте готовы пустить торпеды

один и два, по моему приказу. Связь — сигнал к пассивному пуску торпед первой эскадре. Прошу подтвердить.

— Так точно. Первая и вторая… — Хельсингас перебросил бронзовый выключатель, — готовы к пассивному запуску в момент плюс пять.

— Хорошо.

— Время до возможного столкновения с минами — две минуты, господин капитан.

— Спасибо, штурман, часы я и сам вижу. — Мирский скрипнул зубами. — Рулевая рубка, доложите обстановку.

— Программа задействована. Главный двигатель готов к запуску через пятьдесят секунд.

— Радар, обстановку.

— Должны встретиться примерно через две минуты, капитан. Излучения нет… что это?

Радар-2 доложил:

— Контакт! Лидар зарегистрировал сигнал. Ждем…

Завыла сирена тревоги.

— Кто-то нас прощупывает, капитан, — доложил Марек.

Все, кроме операторов радаров, уставились на Мирского. Он поймал взгляд Хельсингаса и кивнул.

— Трек Бета.

— Есть! Батарея-два, трек Бета.

Почти неощутимый глухой удар сотряс корпус корабля, когда главная продольная катушка запуска выплюнула двадцать тонн металла сложной машинерии и топлива из носа корабля. Второй удар сообщил о запуске второй торпеды. Двигаясь по инерции, холодные, если не считать навигационного оборудования, они останутся позади, когда «Полководец» начнет ускорение.

— Минус тридцать секунд, — доложил навигатор.

— Разрешите доложить о контакте, капитан! — сказал Марек.

— Говорите, штурман.

— Нам удалось посмотреть на импульсный след контакта, и вид у него… странный. Шумный, я бы сказал. Они очень хорошо скрыли сигналы своего распознавания.

— Десять секунд.

— Всем постам: переключиться на план два, — объявил Мирский. — Штурман, передайте информацию по контакту на «Камчатку» и «Екатерину». Требуйте от них, чего сочтете нужным.

Он взял трубку, чтобы известить капитанов своей эскадры о грядущем изменении планов.

— Есть, капитан! Запуск по плану два через пять… две… одна… пошел!

В рубке ничего с виду не изменилось — не было тряски, грохота, внезапного отяжеления конечностей от ускорения, но в глубине корабля черная дыра дернулась внезапной мукой: «Полководец» подался вперед на полном боевом ускорении — четыреста метров на секунду в квадрате, больше сорока «же».

Завыла другая сирена. Навигатор объявил:

— Запущено полное сканирование.

Двести гигаватт лазерного света брызнули во все стороны, света настолько безжалостного, что сталь размягчалась на расстоянии в километры. Теплообменники в глубинах корабля зарделись красным, превращая воду в пересыщенный пар и выбрасывая его за корму. В такой непосредственной близости к бою вывести из строя уязвимые теплообменники означало бы самоубийство.

Батарея доложила:

— Выполняется запуск трека Бета.

На этот раз настоящий удар и скрежет сотряс весь корабль: две ракеты, приготовленные Хельсингасом заранее, еще на треке Альфа, устремились вперед. Десятая часть всей лазерной мощности оказалась наведенной на их хвостовые

части, передавая энергию реактивной массе.

Это был момент максимальной опасности, и Мирский изо всех сил старался сохранить уверенный вид — ради своей команды. Как говорил узкому кругу офицеров на совещании контр-адмирал: «Если у них хватит ума, они пошлют достаточно снарядов, чтобы заставить нас себя выдать, а потом всеми силами, что есть у них на орбите, обрушат на нас метель мин. Они знают, куда мы направляемся, а это уже половина проблемы. Когда мы начнем излучать, они получат окончательное решение — и тогда вопрос только в том, сколько они смогут на нас обрушить и сколько мы сможем выдержать.

Атака на фиксированный пункт — в данном случае, на сооружения на низкой орбите вокруг планеты — традиционно считается самой трудной задачей космической войны. Обороняющиеся могут сосредоточить силы вокруг этого пункта и быстро расстрелять ракетами и лазерными экранами все, что приближается, а если атакующая сторона захочет узнать, что же происходит, она вынуждена вывесить высокоэнергетический маяк, по которому легко прицелиться.

Через секунду Мирский испустил тихий вздох облечения.

— Все тихо, господин капитан. Мы уже в их расположении, но вроде бы минных полей нет.

Дрейфующие мины не следуют курсом торможения объектов противника, иначе они бы взрывали собственные корабли, которые их ставили на предельной скорости.

— Хорошо, — сказал про себя Мирский.

Глаза его сосредоточились на двух красных токах посреди главного экрана. Они все еще тормозили, неприятно быстро, как будто они были запрограммированы на подход при нулевой относительной скорости. Две ракеты «Полководца» ползли к ним — на самом деле, летели с ускорением в тысячу «же», и уже быстрее 1000 км/сек. Вскоре они отключат двигатели и понесутся по инерции, оставив себе лишь запас реактивной массы для конечного маневра, за десять секунд до противника. Впереди «Полководца» поблескивали пурпурные кресты летящих по инерции торпед.

Через минуту доложила Батарея-2:

— Я потерял ракету номер один, капитан. Сигнал до нее доходит, но она не отвечает.

— Странно.

Мирский нахмурил брови, посмотрел на часы, отсчитывающие время до страшного суда. Лин-

кор к своему месту назначения еле полз, сорок километров в секунду. Противник стремился к нему быстрее двухсот километров в секунду, тормозя, но факелы двигателей уменьшались. Если так будет дальше, сближение без ускорения на двухстах пятидесяти километрах в секунду, то траектории пересекутся где-то через пятьсот секунд, а в пределах полета ракеты корабль окажется за двести секунд до этого. Такая далекая баллистическая стрельба не предназначалась для нанесения реального ущерба, но если подойти близко, противник вынужден будет ответить. Но ракета номер один была еще более чем за пятьдесят тысяч километров от цели…

— Разрешите доложить, господин капитан, ракета номер два также не отвечает.

— Непонятно, — пробормотал Хельсингас.

Он посмотрел на график: рой из шести ракет, запущенных «Камчаткой», приближался к своей цели. Стрельба по площадям, вряд ли могущая нанести серьезный ущерб, но…

Оборона корабля доложила:

— Капитан, проблемы на палубе номер один. Похоже, при столкновении с осколками потеряли точки рассеяния лидарной сетки, но внутренний прочный корпус не пробит.

— Похоже, что у них здорово сыпется перхоть, — прокомментировал Мирский. — Но оборона корабля работает. Торпеды?

— Еще нет, капитан, — ответил Хельсингас. — Они набрали дельта-вэ только пятьсот километров в секунду. На позиции взрыва будут лишь через… восемьдесят секунд.

Дрейфуя в сторону противника со скоростью почти 100 км/сек, быстрее запустившего их корабля, торпеды все-таки были относительно медленными. В отличие от ракет, они обладали собственным источником энергии, радаром и компьютером управления боем, что делало их весьма ценными в столкновении — но ускорялись они медленнее, и общий баланс ускорения у них тоже был меньше.

Радар-2 доложил:

— Я что-то обнаружил, капитан. Примерно через сто миллисекунд после сброса ракеты номер два третий детектор уловил нейтринный импульс. Не удалось определить, пришел он от цели или от ракеты, но энергия у него приличная. Признаков иных излучений нет.

— Очень странно, — сказал Мирский почти про себя. Это было еще очень мягко сформулировано. — Что там с дистанциями?

— Дистанция срабатывания торпед через шестьдесят секунд. Дистанция активной среды через сто пятьдесят секунд, дистанция контакта через четыреста секунд. Максимальное сближение — двадцать тысяч километров, скорость — двести шестьдесят километров в секунду, если не будет маневров. Текущее расстояние до цели — сто пять тысяч километров.

— Ага. — Мирский кивнул. — Господа, может быть, это кажется абсурдным, но мне не нравится, как это все происходит. Хельсингас, ваши две торпеды — запускайте их прямо на цель номер один.

— Но они же перейдут на баллистическую, как только…

Мирский поднял руку, обрывая его.

— Делайте, как я сказал. Рулевая рубка, вариант тридцать два. Сигнал всем кораблям.

Он снова снял трубку прямого телефона к контр-адмиралу.

— Есть!

Изображение Рохарда на дисплее сдвинулось, поворачиваясь. Оранжевая линия, показывающая траекторию «Полководца», до тех пор точно смотревшая в планету, стала выгибаться, уходя от шарика прочь. Красные линии, изображающие

курс приближающихся кораблей противника, также изогнулись, идя на перехват линкора и его сопровождающих, а тем временем двенадцать синих точек, обозначающих сброшенные эскадрой торпеды, стали расти.

Работающая торпеда — совсем не то, что капитан любого корабля желал бы иметь от себя поблизости. В отличие от ракеты — просто, по сути говоря, трубы с реактивной массой и лазерным зеркалом в хвосте и боеголовкой спереди, — торпеда сама по себе космический корабль с собственным источником энергии — невероятно грязным, — практически медленно горящей атомной бомбой, едва контролируемой и оставляющей за собой жутко радиоактивный выхлоп. Это почти что самый экономичный двигатель без термоядерных реакторов или генераторов искривленного пространства. Пока не были найдены новые технологии, его использовали в начале двадцать первого века пионеры межпланетных пилотируемых полетов.

— Летят обе, капитан. У наших девяносто шесть и сто двенадцать «же» соответственно, по эскадре в среднем девяносто восемь. Выгорят через сто секунд, перехватят цели один и два, если те останутся на прежнем курсе еще сто пятьдесят

секунд. Тогда можно будет отключить контроль нацеливания.

— Хорошо, — коротко бросил Мирский.

Нацелившись на «Полководца» на обратном курсе, корабли противника вполне могут вскоре начать стрельбу, но торпеды точно встанут у них на пути, угрожая и не давая стрелять по флагману. На что и рассчитывал Мирский.

Что-то было крайне непонятное в этих двух кораблях. Они не следовали никакой очевидной тактической доктрине — просто летели по прямой с ускорением, пульсируя лидаром, летели, очертя голову. Никаких признаков хитрых ходов: вылетели и стали испускать сигналы, как пьяные дураки, играющие в компьютерную игру, отбрасывая все преимущество скрытости, которое у них было. Кто бы там ни вел эти корабли, он или кретин, или…

— Радар! — тихо позвал Мирский. — С полным насыщением вперед и вниз. Что-нибудь там есть?

— Сейчас посмотрю. — Марек сглотнул слюну, тут же поняв, к чему клонит капитан.

Если это гончие, вспугивающие дичь на своем пути, кто-нибудь тихо должен идти за ними. Не мины, поставленные на пиковой скорости, но

что-то иное. Может быть, что-то и похуже, вроде поля самоходных торпед.

— Оптическое сканирование также, капитан?

— Хуже не будет, — хмыкнул Мирский. — Они и так знают, где мы.

Радар-2 доложил:

— Ничего серьезного не видно, господин капитан. Ничего в пределах двух световых секунд вперед или вниз. Небольшие количества органического мусора — проходили через тонкое облако в узловой точке номер один, пару царапин на носу заработали, — но никаких признаков конвоев или систем оружия.

— Впереди чисто, капитан, — сообщил Марик.

— Ладно, продолжайте наблюдение. — Мирский опустил глаза: руки его лежали на коленях, пальцы тесно переплелись. Старые руки, с седеющими волосками на тыльной стороне кисти. — И как я столько прожил? — спросил он тихо сам себя.

Рабочая станция тихо прозвенела.

— Входящий вызов для вас, капитан, — сообщила телефонистка.

Это был Бауэр.

— Я занят, — сказал Мирский сухо. — Торпедная атака. У вас срочно?

— Вроде бы. Происходит что-то непонятное. Как вы думаете, почему они не стреляют?

— Потому что они уже выстрелили, — ответил Мирский сквозь зубы. — Только пули еще не долетели до нас.

Бауэр секунду смотрел на своего флаг-капитана, и на его лице было написано безмолвное согласие. Потом он кивнул.

— Вытаскивайте нас отсюда к чертям, капитан. Всей эскадре дам приказ следовать за вами. Только дайте мне максимальную дельта-вэ по отношению к этой… что бы оно ни было.

Радар-2 доложил:

— Время до максимального подхода второй торпеды, восемьдесят секунд. Капитан, нет признаков, что цели увидели торпеду. Хотя торпеды вполне в пределах видимости, если у них там что-то вроде нашего Г-90.

— Вас понял. — Мирский помолчал. Какая-то колотилась у него внутри, мерзкое чувство, будто он что-то забыл. *А, нейтринный импульс! Нейтрино — мощное ядерное оружие. Так почему же не было вспышки?*

— Батарея, зарядить двенадцать СЕМ-20 для сброса с хвоста на кратчайший курс перехвата. Допустим, что нападение будет с кормы.

Он снова взглянул на экран, но контр-адмирал уже повесил трубку.

— Есть, капитан! Ракеты заряжены. — Хельсингас был почти счастлив, дергая рычажки и крутя ручки регулировки. Такого близкого к удовольствию выражения у него на лице не бывало с тех пор, как пропала его собака. — Готовность минус десять секунд.

— Рулевая рубка! — Мирский сделал паузу. — По моей команде выполнять маневр отхода.

Зазвенел сигнал тревоги на столе оператора радара.

— Разрешите доложить, капитан! — начал побледневший старшина. — Пропал «Князь Вацлав»!

Потрясенные лица присутствующих обернулись к нему.

— Что значит «пропал»? — рявкнул Вульпис, нарушая иерархию. — Линкор — не иголка…

— Линкор не отвечает на сигналы. И перестал набирать скорость. На графике его видно, но что-то с ним не так… — оператор запнулся. — Сигнал «свой-чужой» от него получить не удается. И слишком много отражает энергии — как будто с него содрали покрытие маскировки излучения.

— Рулевой! Выполнять маневр отхода! — рявк-

нул Мирский в наступившей внезапно тишине.

— Есть выполнять маневр отхода! — Капитан-лейтенант Вульпис лихорадочно защелкал переключателями.

Фундаментальная проблема космического боя состоит в том, что если дело оборачивается плохо, это обычно случается в мгновенье ока, и, что того хуже, катастрофа становится видимой для корабля только тогда, когда он настолько окружен вражескими ракетами, что удрать почти немыслимо. Мирский эту ситуацию неоднократно разыгрывал с Бауэром и другими капитанами флота, в результате появился план отхода. Хреновенький планчик, и единственный его плюс, что остальные варианты еще хуже. Что-то дотянулось почти через девяносто тысяч километров и стукнуло линкор из-за угла. Нельзя сказать, что это было совершенно неожиданно: в конце концов, воевать сюда прилетели, а не баловаться. Но не было видно никаких ракет: только свои да осколки после взрыва, плывущие впереди, и еще — тонкие брызги органической «перхоти» от вражеских кораблей.

В активном режиме лидар «Полководца» углядел ракету почти в световой секунде — за триста тысяч километров. Если у врага было лучевое

оружие, способное раздолбать на таком расстоянии линкор — почти на два порядка мощнее, чем собственное энергетическое оружие обороны «Полководца Ванека», — то это было чертовски близко. И единственное, что оставалось — это развернуться и включить аварийную тягу, прокладывая вектор прочь от противника, до того как тот откроет огонь.

Радар-2 доложил:

— Торпеда поразит цель через сорок секунд. Цели один и два идут тем же курсом, тормозят с ускорением в один «же».

— Что ж, приятно знать. Господин Хельсингас, я был бы вам признателен, если бы вы были столь любезны приготовить теплый прием всему, что наши друзья попытаются послать нам вслед. Не знаю, что они пустили в «Князя Вацлава», но предлагаю не дать им времени показать нам это. И если вы, господа, меня извините, мне нужно сделать один звонок. — Мирский надел скобу с телефонной трубкой и ткнул в отключение громкоговорителя. — Связь, прошу контр-адмирала.

В наушнике щелкнуло.

— Господин контр-адмирал?

— Вы уже начали отход?

— Так точно, господин контр-адмирал. «Князь

Вацлав»…

Визг тревоги разгерметизации резанул по ушам ножом.

— По местам, мать вашу! — заревел Мирский. — Всем надеть скафандры!

Он содрал с себя телефон. Офицеры и матросы бросились к аварийному хранилищу в глубине рубки и надели скафандры, потом неуклюже вернулись к своим постам, и севшие на подмену побежали за скафандрами. Рубка имела отдельную герметизацию и систему жизнеобеспечения, как и все главные нервные центы корабля, но Мирский не хотел рисковать. Не то чтобы аварийные скафандры могли помочь при битве корабля с кораблем, но декомпрессия — дело совсем другое. На борту звездолета она была не меньшим кошмаром, чем пожар или излучение Хокинга.

— Контроль повреждений, докладывайте! — буркнул он.

Подбежавший старшина протянул ему скафандр. Мирский встал и натянул на себя костюм — медленно, дважды проверив дисплей его состояния.

— Докладываю: сильное падение давления на палубе «А», капитан. Критическая декомпрессия, утечка воздуха продолжается. Также докладываю

о повреждении эмиттера лидара в квадранте три.

— Проверьте, что все как следует застегнуты. Батарея, радары — обстановку?

Радар-1 доложил:

— Торпеда выйдет на перехват через пятнадцать секунд. Цель держит курс, должна пройти внутри нашего радиуса захвата в течение двадцати секунд, потом остается позади.

Хельсингас кивнул.

— Все орудия заряжены.

— Контроль повреждений! Восстановить систему жизнеобеспечения и выяснить, что там, блин, прохудилось!

— Уже выяснил, господин капитан. Какое-то загрязнение, источник внутри системы: странные органические молекулы низкой концентрации. А также, гм, отдельные очаги пожаров. Почти по всей палубе А. Повреждение лидарной сетки локализовано в районе, где ударил осколок. Шестнадцать человек экипажа показаны на панели состояния как пострадавшие. Сегмент палубы номер два открылся наружу, а они были там в тот момент.

Батарея доложила:

— Пять секунд до фазы терминального ускоре-

ния торпеды.

— Ослепить их надо, — сказал Хельсингас. — Сетку на полную мощность!

— Есть! Готов полный мультиспектральный импульс.

Хельсингас наклонился и что-то неразборчиво сказал в микрофон. Радар-1 ответил так же неразборчиво. Потом защелкали переключатели, когда радар перенес приоритет контроля на лазерную сетку, покрывающую корабль, и Хельсингас с двумя помощниками стали вводить команды.

«Полководец Ванек» под прямым углом устремился прочь от вражеских кораблей, уходя от безмолвных преследователей по волнам искривленного пространства-времени. Две водно-солевые торпеды, яркие искорки позади, полетели, набирая скорость, к вражеским кораблям парой ядерных фейерверков. Плотная мозаика панелей, покрывающих приличную часть корпуса, засветилась чистыми искрами лазерного света. Тысяча цветов, сливаясь и мигая, образовали бриллиантовую диадему. Мегаватты, потом гигаватты мощности ударили наружу, обшивка корабля вспыхнула, как направленное пламя магния. Сияние нарастало, и почти все оно уходило в два плотно сфокусированных луча, способных

прожечь стальную плиту на расстоянии тысячи километров.

Одновременно двигатели торпед врубили максимум на последних трех тысячах километров до надвигающихся кораблей противника. Летя в десять раз быстрее межконтинетальных баллистических ракет докосмической эры, торпеды, виляя из стороны в сторону, уходили от предполагаемых лазеров корабельной обороны, рассчитывая на пассивные сенсоры и сложные алгоритмы антиспуфинга, чтобы пробиться через ожидаемые помехи и контрмеры вражеских кораблей. У них едва ли тридцать секунд ушло на то, чтобы пройти эту дистанцию и убедиться, что бортовой обороны у противника почти что и нет.

Из боевой рубки «Полководца Ванека» столкновение выглядело более чем зрелищно. Одна из целей просто исчезла, сменившись раздувающейся сферой осколков и горячего газа, разлетающегося от горящей точки и полыхающего куда ярче обычного атомного взрыва: когда корабль взорвался, и рухнули опоры двигателя, баллон с антиматерией пролился в суп металлического водорода, запустив хаос экзотических субъядерных реакций. Но попала только одна

торпеда, остальные одиннадцать промахнулись.

— Докладываю: новые импульсы нейтрино, капитан! — сообщил оператор радара. — Не от того, который мы стукнули…

Мирский уставился на главный экран.

— Контроль повреждений! Что там на палубе «А»? Рулевая рубка! Все выполняют план отхода?

— На палубе по-прежнему космический вакуум, господин капитан. Я послал группу обследования, но они не доложили. Падение давления в утилизаторе четыре, без признаков утечки воздуха. И есть серьезная потеря мощности на сетке, капитан, мы где-то теряем мегаватты.

— Сообщение об отходе послано минуту назад, капитан. Пока что все… — Вульпис выругался. — Господин капитан, «Камчатки» нет!

— Что значит «нет», черт побери! — наклонился вперед Мирский.

— Потерян еще один сигнал «свой-чужой», — оповестил радар. — От… — Глаза оператора потрясенно расширились. — От «Камчатки».

На главном графике вектора имперских кораблей удлинялись, дойдя уже до 300 км/сек и продолжали ползти вверх. Планета-цель висела впереди, бесконечно недосягаемая.

Мирский глянул на своего старпома. Илья по-

смотрел на него — с ожиданием.

— Капитан, должен сказать, что они дерутся каким-то способом, которого мы не знаем…

Красные огни. Воющие сирены. Контроль повреждений, выкрикивающий приказы по громкой связи.

— Обстановку! — заревел Мирский. — Что происходит, черт побери?

— Падает давление на палубе «Б», первый сегмент. Сильные скачки мощности, распределительный щит девяносто пять четырнадцатого отсека палубы «Д», пожар. Не могу пробиться через контроль повреждений на палубе «Б» вообще, на палубе «В» черт знает что творится…

— Загерметизировать все выше палубы «Е», — приказал Мирский с побелевшим лицом. — Немедленно! Батареи, ложные цели два и три к запуску…

Но поздно было уже спасать корабль, потому что рой вирусоподобных репликаторов, ударивших в палубу «А» на скорости 600 км/сек, впечатавшихся в корпус усиленного алмаза и проевших себе путь через пять палуб, добрался наконец до машинного отделения. И стал жрать, и стал плодиться…

* * *

В голосе Василия слышался испуг, который в иной ситуации был бы забавным.

— Я вас арестую за саботаж, предательство, нелицензионное использование запрещенных технологий, за помощь и содействие врагам Новой Республики! Сдавайтесь, а то хуже будет!

— Заткнись и хватайся за спинку этого кресла, если не хочешь идти домой пешком. Мартин, если не возражаешь, помоги-ка… Ага, вот так. Мне надо будет люк закрыть…

Рашель с отвращением огляделась. Вид открывался красивый — звезды повсюду, планета земного типа висит впереди, большая и горбатая, как мраморная сине-белая галлюцинация, — а тут этот сопливый идиот в ухе квакает. Пока что она цеплялась двумя руками за изнанку крышки капсулы, и обеими ногами — за кресло пилота, пытаясь удержать все предметы вместе. Когда она высунула голову за край люка и увидела, кто там цепляется за антенну, мелькнула мысль убраться обратно и врубить вспомогательные двигатели, чтобы сбросить этого типа. Приступ слепой злости заставил ее заскрипеть зубами так страшно, что Мартин испуганно спросил, не течь

ли в скафандре она нашла.

Однако красный туман ярости рассеялся быстро, и Рашель, протянув руку, схватила Василия за плечо и как-то смогла втащить его раздутый аварийный скафандр в люк.

— Спускаюсь, — объявила она.

Обхватив ногами спинку кресла, она ослабила защелку люка, опустила его насколько могла и зафиксировала. Кабина оказалась переполненной: Василий явно не соображал, как не попасться под ноги, и Мартин старался отодвинуть кресло, чтобы освободить место. Рашель подтянулась на страховочном лине, наступила на сиденье кресла, потом схватилась за люк и захлопнула его до конца, пока не услышала щелчок дюжины мелких фиксаторов, закрепивших его со всех сторон.

— О'кей. Автопилот, герметизировать кабину и довести давление воздуха до нормального. Мартин, вон там — нет-нет, это туалет, его открывать не надо, — ага, этот ящик.

Воздух зашипел, поступая в кабину из отдушин под потолком. Заклубился белый туман, застилая главный иллюминатор.

— Отлично. Так, слушай: ты не на борту корабля своего флота. Заткнись, и мы тебя опустим на планету. Скажи мне еще раз, что я под арестом

— и ты меня достанешь настолько, что я выкину тебя за борт.

— А-гм… — Глаза у младшего прокуратора полезли на лоб, а костюм начал сдуваться.

Мартин за сиденьями крякал и чертыхался, лазая по ящикам.

— Вот это тебе нужно? — Он протянул Рашели сложенный гамак.

Она развернула его у себя на кресле и прикрепила одним концом к стене, а второй размотала в сторону Мартина. Он выпал из ниши, едва не зацепив Рашель ногой по голове, но сумел поймать и закрепить другой конец гамака.

— Ты! Снимай костюм и лезь в гамак. Как ты мог сам заметить, места у нас маловато. — Она нажала рычажок, и шлем отцепился от ее костюма и поплыл в воздухе, Рашель поймала его и сунула за сиденье, под гамак. — Ты тоже можешь снять костюм.

Мартин кое-как наполовину содрал с себя костюм, только ноги и нижняя часть туловища остались в пластиковом мешке. Василий выплыл нескладно двигался, борясь с пузырем шлема. Мартин направил прокуратора в гамак и сумел вытащить его голову из шлема до того, как Василий вдохнул.

— Вы аре… — начал Василий, и сам себя прервал. — Я хотел сказать, спасибо.

— И даже не думай захватить корабль, — мрачно предупредила Рашель. — Автопилот настроен на мой голос, и никто из нас не хочет попасть в руки твоих друзей.

— Э-э… — Василий глубоко вздохнул. — То есть… я хотел… — Он огляделся дикими глазами. — Мы погибнем?

— Я лично не собираюсь, — твердо сказала Рашель.

— Но вражеские корабли! Они же…

— Это Фестиваль. Ты хоть имеешь понятие, что это такое? — спросил Мартин.

— Если вы что-нибудь про это знали, надо было все рассказать людям адмирала. Почему вы этого не сделали? Почему…

— Мы говорили. Они не стали слушать, — заметила Рашель.

Василий явно старался понять. Все же оказалось проще сменить тему, чем пытаться мыслить о немыслимом.

— А что вы теперь будете делать?

— Ну… — Рашель почти беззвучно присвистнула сквозь зубы. — Лично я собираюсь посадить эту вот шлюпку вблизи, скажем, Нового Петро-

града, заказать номер для молодоженов в отеле «Корона», наполнить ванну шампанским и там полежать, а Мартин будет меня кормить бутербродами с икрой на черном хлебе. На самом деле, что мы дальше будем делать — зависит от Фестиваля. Если Мартин прав насчет того, что это такое…

— Можешь не сомневаться, — отозвался Мартин.

— …то корабли флота Новой Республики тихо исчезнут, и больше их никто никогда не увидит. Вот что получается, если считать, что все играют по одним и тем же правилам. А мы будем дрейфовать к планете, потом включим двигатели для посадки, тем временем изо всех сил крича, что мы — нейтральная сторона. Фестиваль — это совсем не то, что думают твои вожди, мальчик. Он представляет угрозу для Новой Республики — это они правильно поняли, — но они понятия не имеют, ч*то* это за угроза и как с ней бороться. Ворваться со стрельбой — это только заставит Фестиваль ответить в том же духе, а он это умеет куда лучше ваших ребят.

— Но наш флот непобедим! — горячо возразил Василий. — Лучший флот на двадцать световых лет! Что вы, анархисты, можете ему противопо-

ставить? У вас даже правительства нет сильного, куда там флота!

Рашель засмеялась, через секунду Мартин тоже. Смех нарастал, переходя в хохот, оглушительный в тесноте кабины.

— Отчего вы смеетесь? — возмущенно спросил Василий.

— Послушай. — Мартин обернулся, чтобы встретиться глазами с прокуратором. — Ты воспитан в духе этой теории сильного правительства, божественного права высших классов, пастыря над стадами, порки по голым задницам городского пролетариата и прочего в том же духе. Но тебе не приходило в голову, что система ООН тоже работает и существует вдвое дольше, чем ваша? Есть не один способ управлять цирком, как показывает Фестиваль, а жесткие иерархии, вроде той, в которой ты вырос, с переменами справляются хреново. Вот система ООН, по крайней мере, после Сингулярности и принятия планетарной Неконституции… — Он фыркнул. — Когда-то маргиналы считали ООН квазифашистским мировым правительством. Это было в двадцатом — двадцать первом веке, когда сильная власть была в моде, поскольку вся планетарная цивилизация страдала от футураль-

ного шока, приближаясь к Сингулярности. Потом это прошло — потому что мало осталось жизнеспособных авторитарных правительств, и чем они были жестче, тем меньше умели справляться с последствиями потери девяти десятых своего населения за сутки. Да, и еще — корнукопии: не очень приятно управляющему Центральным банком утром проснуться и увидеть, что девяносто процентов налогоплательщиков смылись, а остальные считают, что деньги устарели.

— Но ведь ООН — правительство…

— Нет, — перебил его Мартин. — Это центр переговоров. Возник как дипломатическая организация, превратился в бюрократическую структуру, потом в агента международной торговли и стандартных соглашений. После Сингулярности был подчинен экспедиционному корпусу инженеров Интернета. Это не правительство Земли, это реликт тех структур, которые ты мог бы назвать этим словом. Вот этот реликт и работает на общественное благо, которое нужно каждому. Всемирные программы вакцинации, торговые соглашения с внесолярными правительствами — такого рода вопросы. Суть в том, что ООН в основном вообще ничего не делает. У нее нет внешней политики, это всего лишь голова на

палочке, чтобы показывать вашим политикам. Иногда кто-нибудь использует ООН как вывеску, когда нужно сделать что-то солидное с виду, но пытаться добиться единогласного решения в Совете Безопасности — это вроде как пасти кошек.

— Но вы же…

Василий запнулся, посмотрел на Рашель.

— Я говорила вашему адмиралу, что Фестиваль — не люди, — произнесла она устало. — Он сказал «спасибо» и продолжал планировать атаку. Вот почему все они вскоре погибнут. Гибкости у вашего народа мало. И даже попытка небольшой — хотя и катастрофически незаконной — атаки с нарушением каузальности — тоже не оригинальная реакция. — Она горько усмехнулась. — Думали, что они вылезут за неделю до прибытия Фестиваля, путешествуя по полукретинскому замкнутому времениподобному пути, чтобы «избежать мин и ловушек». Будто Эсхатон этого не заметит. Будто Фестиваль — это первобытное стадо с атомными бомбами.

На консоли перед Рашелью замигал огонек.

— Посмотри, — сказал Мартин.

— Начинается. Пристегнись получше, а то мы слишком близко.

— Не понял. Что происходит? — спросил Ва-

силий.

Мартин протянул руку, подстроил объектив, установленный в крыше кабины, потом глянул через плечо.

— Жонглировать, пацан, умеешь?

— Нет, а что?

Мартин показал на экраны.

— Корабли-шипы. Или антитела. Полуразумные удаленные модули, вооруженные… лучше тебе не знать, чем. Пожиратели, формирователи и… *штуки.* Мерзко голодные наномашинки. Иными словами, серая слизь.

— Ой! — Василий посерел. — То есть они нас…

— Полетят навстречу флоту и понюхают его, посмотрят. К сожалению, вряд ли контр-адмирал Бауэр понимает, что если не издавать дружественных шумов, всем им конец. Он все еще думает, что будет *бой* — такой, знаешь, с ракетами и пушками. Их спасет, если они решат *разговаривать*: ну, Фестиваль — инфоядное существо. Нам ничего не грозит, пока мы будем его интересовать и не стрелять в него. К счастью, он не понимает юмора. Увлекается им, но до него не доходит. Пока мы его занимаем, он нас не съест, мы даже можем довести дело до разумной материи, которая отзовет от нас Вышибал и позволит сесть

на планету. — Он полез в мешок с аппаратурой, вытащив его из шкафчика за сиденьем. — Рашель, готова передавать? Так, надень вот это, парнишка. Представление начинается.

Красный нос, плавающий перед Василием в воздухе, будто издевался над ним.

ТЕЛЕФОННЫЙ МАСТЕР

Главный узел Фестиваля, вращаясь по сильно вытянутой эллиптической полярной орбите, высотой почти шестьдесят тысяч километров, жировал и радовался в разгар информационного потопа. Источники в этой системе были редки по сравнению с их количеством на некоторых предыдущих остановках, но Рохард все еще оставался необычным и интересным. Фестиваль уже встречался с первобытными мирами в своих странствиях, и контраст с имеющимися воспоминаниями был огромен.

Теперь, когда первые звездные парусники улетели — и нацеленные как на новые, неизведанные миры, так и обратно, по собственным следам, к ядрам цивилизации, к прошлым остановкам, — Фестиваль наполнял закрома.

На поверхности планеты события шли не совсем удовлетворительно: удалось собрать большой объем фольклора, но практически ничего — об общественных нравах этого жестко статичного общества. Информационные каналы были до смешного скудны, а недостаток спроса

на них внушал отчаяние. Конечно, основными источниками данных служили злополучные разумы, насильственно выгруженные некоторыми наиболее раскрепощенными, чтобы не сказать аморальными, элементами Края. Критики, со своим неувядаемым инстинктом объяснять и препарировать, непрерывно стонали — что-то насчет этой колонии, подвергнувшейся катастрофической экономической сингулярности, — но такие вещи не были проблемой Фестиваля. Скоро наступит время двигаться дальше: пришли первые робкие передачи от Торговцев, чирикающих и булькающих в облаке Оорта, работа по открытию коммуникаций с этой цивилизацией была почти закончена.

В каждом из звездных парусников, запущенных с высокой орбиты, хранился один конец каузального канала — черный ящик с набором частиц в квантово-переплетенном состоянии, — а соответствующие античастицы оставались у Фестиваля. (Путем телепортации третьей частицы известного квантового состояния в одну из переплетенных частиц можно было передавать данные между терминалами бесконечно быстро, используя одну переплетенную квантовую точку на бит.) Когда звездные парусники прибудут к

месту назначения, каналы включатся в коммуникационную сеть, которую строили создатели Фестиваля. Более не лимитированная заглушкой обратного канала Фестиваля к его последнему месту назначения, планета Рохард откроется полному потоку информации той иерархии, к которой принадлежит.

Фестиваль отметил некоторую активность Вышибал в направлении Спутника. Вроде бы они там прибирали какой-то мелкий беспорядок: горстка медленных слабосильных кораблей подошла без предупреждения и открыла по Вышибалам огонь из примитивного энергетического оружия. Вышибалы ответили неизбежной смертью, и все, кто замышлял против них зло, погиб. Какой-то маленький кораблик проскочил, явно не участвуя в нападении. Многие из второй волны атаки обратились в бегство, и тоже были пощажены. Но сам Фестиваль их почти не заметил. Столь целеустремленно враждебный интеллект вряд ли мог быть хорошим источником информации, а остальные — с ними можно будет поговорить, когда они прилетят.

* * *

Воздух в спасательной шлюпке стал невыносим из-за запаха пота и кишечных газов. Рашель, сгорбившись за консолью, глядела, не мигая, на важнейшие мониторы, пока под ней гремели и выли ракеты. Хотя малейшее колебание выхлопа могло убить всех быстрее, чем она моргнула бы, ей было спокойнее следить за движением. Кроме того, она полностью выдохлась и сразу же после посадки намерена была проспать не менее трех дней. Четырнадцать часов прошло от момента бегства с борта «Полководца Ванека» — четырнадцать часов после целого дня и предыдущей бессонной ночи. Если перестать стараться не заснуть…

— Разрешение вопроса. — Тварь на экране щелкнула бивнями, и отблески красного света на них казались кровью. — Почему вы не быть воспринимать Вышибалы?

— Я вряд ли могла бы задолжать им больше, — ответила она насколько могла спокойно.

«Нейтронный поток стабилен, десять килобеккерелей в минуту», — предупредили ее имплантаты. Другими словами, примерно стократная мощность рентгеновского аппарата в течение

четырех часов фазы торможения. Двигатель шлюпки дрожал как живой, за креслом раскачивался гамак Василия. Он на удивление быстро заснул, как только Рашель убедила его, что его не собираются выбрасывать за борт — он был страшно вымотан часами ожидания смерти в космосе. Мартин тихо похрапывал в красноватом свете экранчика коммуникатора, усталый не меньше. «Ничто так не помогает расслабиться, как когда узнаешь, что смерть откладывается», — подумала Рашель. Потому-то она еще не заснула сама.

— Нет долгов для уплаты этого рода, — произнесла чудна́я тварь. — Вы несете много снижения энтропии.

— Глючит твоя программа-переводчик, — буркнула Рашель.

— Неадекватный быть вопрос? Мы допускаем. Перепопытка и переформулировка вопрос. Почему не атакуете Вышибал, как другие корабли?

Рашель собралась.

— Потому что мы не входим в эту экспедицию, — медленно ответила она. — У нас иные намерения. Мы пришли с миром. Мы вас развлечем. Понятно ли это?

— Аг-гм! — Скрипнув зубами, тварь на экране обернулась, глядя прямо через плечо. — Мы по-

нимаем тебя. Вышибал о мирные намерения известим. Вы не часть есть не старого административного института территориальности планеты?

— Нет, мы с Земли.

Мартин перестал храпеть, и она покосилась на него. Он открыл один глаз и смотрел на нее устало.

— Исходный мир людей, — пояснила она.

— Про Почву знаем. И про люди знаем. Информация ценная. Говорить все.

— В свое время, — уклончиво сказала Рашель, остро ощущая, как душно становится в кабине. — Защищены ли мы от Вышибал?

— Не понимаем, — тупо сообщило существо на экране. — Мы будем известить Вышибал о ваше мирное намерение. Это не есть защищенность?

— Не совсем. — Рашель глянула на Мартина, а он наморщил лоб и слегка покачал головой. — Если вы известите Вышибал, что мы не нападаем, помешает ли это им нас съесть?

— Гм! — Существо на экране мигнуло. — Может нет.

— Хорошо. А что им наверняка помешает?

— Скр-р-р-р! Чего тревожиться? Просто говори.

— Я не тревожусь. Но я не собираюсь тебе ни-

чего о себе рассказывать, пока мне хоть чем-то могут грозить Вышибалы. Понимаешь ли ты это?

— Ха-гр-рм! Не развлекать. Гм. А, понято. Хорошо. Вышибалы не есть вас. У нас вето на диету их. Теперь говорить все?

— Да, конечно. Только сперва… — Она бросила взгляд на монитор автопилота. — У нас кончается пригодный для дыхания воздух. Необходимо посадить корабль. Возможно ли это? Можете ли сообщить условия на земле?

— Конечно. — Голова существа прыгнула вниз-вверх в пародии на кивок. — Нет быть проблема — посадка. Могли быть изменения условия на земле. Лучше сперва сесть здесь. Мы быть Критики.

— Я ищу одного человека, — добавила Рашель, решив ковать железо, пока горячо. — Вы установили сеть связи? Можете его для нас найти?

— Возможное действие. Обозначение?

— Рубинштейн. Буря Рубинштейн.

За спиной послышался шум: Василий заворочался, и гамак закачался в инерционной системе координат шлюпки.

— Извинение. — Существо подалось вперед. — Обозначение… Имя — Рубинштейн? Революционер?

— Да.

Мартин вопросительно прищурился, Рашель бросила на него взгляд, говоривший: «Потом объясню».

— Знает сестра Бурю. Сестра Стратагем Седьмая. Вы имеете дело с Экстропическое подполье?

— Именно так, — кивнула Рашель. — Можете сказать, где он?

Существо на экране осклабилось.

— Вы принимайте сразу элементы орбиты для рандеву. Мы вас отведем туда.

Василий за спиной Рашели сел прямо и вытаращил глаза.

* * *

Адмирал не имел желания грузиться в спасательную шлюпку.

— Д-д-д! — лепетал он, пуская слюни и сердито глядя левым глазом. Правый безжизненно тускнел под опущенным веком.

— Господин адмирал, не мешайте. Нам нужно в шлюпку.

Робард озабоченно оглянулся через плечо, будто ожидая увидеть Катастрофу с окровавленными когтями, склонившуюся над ним и капающую бешеной слюной.

— Н-никогда не сд-давай… — Это Курц еще сумел выговорить, а потом голова его рухнула на грудь.

Робард ухватил кресло и толкнул вперед, в искривленную тесноту шлюпки.

— Как он дальше? — озабоченно спросил лейтенант Косов.

— Кто знает? Покажите только, куда кресло привязать, и мы летим. Внизу больше шансов ему помочь…

В коридоре траурно взвыли сирены, и Робард вздрогнул от боли в ушах. Косов протянул руку мимо плеча офицера с погонами капитан-лейтенанта и дернул аварийный рычаг. Внешние двери шлюпки с шипением закрылись.

— В чем дело? — спросил кто-то из кокпита.

— Разгерметизация в этой секции! Двери задраить!

— Есть задраить. Адмирал на борту?

— Так точно. Летим?

В ответ качнулась палуба. Робард схватился за какую-то подпорку и держался одной рукой, другой придерживая кресло адмирала. Раздался дробный рокот взрывов, отстреливающих соединения, потом шлюпка стала падать — падать в намеренно открытую щель поля искривленного

пространства корабля, достаточно еще сильного, чтобы разорвать суденышко на части. Офицеры и горстка отобранных нижних чинов пытались за что-нибудь зацепиться, пока пилот играл фугу на корректирующих трастерах, вытаскивая шлюпку подальше от корабля. Потом врубился двигатель, тихо загудев под ногами, и намек на вес вернул всех в нужную плоскость.

Робард нагнулся к креслу, держа кусок троса.

— Помогите мне кто-нибудь.

— Что нужно? — Лейтенант Косов уставился на него совиными глазами из-под пенсне.

— Привязать кресло. И еще — где мы садимся? Врач на борту есть? Моего господина нужно как можно скорее доставить в госпиталь, он очень болен.

— Разумеется. — Лейтенант глянул на него сочувственно, потом перевел взгляд на адмирала в беспамятстве. — Дайте-ка мне вот это.

Робард передал ему другой конец троса, и вместе они привязали кресло к четырем болтам с проушинами, торчащими из палубы. Вокруг остальные уцелевшие офицеры оценивали ситуацию, аккуратно развертывая гамаки для аварийного торможения, вынутые из шкафчиков, и тихо разговаривали. Атмосфера на борту

шлюпки была подавленная — атмосфера поражения. Офицеры были рады, что остались живы, и стыдились, что не остались на борту подбитого корабля. И то, что в основном они были из штаба адмирала, тоже было заметно: истинные воины остались на постах, доблестно пытаясь остановить пожирающую корабль чуму. Где-то в уголке среди общего молчания безутешно плакал какой-то младший лейтенант.

Адмирал, не видя, что вокруг творится, что-то бормотал и воинственно кашлял. Косов нагнулся к нему.

— Могу я чем-нибудь помочь, мой адмирал?

— Боюсь, что мы ему уже не поможем, — грустно отозвался Робард. Он заботливо положил руку на плечо адмирала, удерживая его в кресле. — Разве что врачи способны что-нибудь сделать…

— Он пытается говорить! — прервал его Косов. — Не мешайте слушать! — Он нагнулся ближе к губам старого воина. — Ваше превосходительство, вы меня слышите?

— А-гх-х, — забулькал горлом адмирал.

— Не возбуждайте его, умоляю вас! Ему нужен покой.

Косов посмотрел на слугу бешеным взглядом.

— Помолчи минуту!

— А-гх-х-х, ар-р… куда мы… тим?

Робард встрепенулся.

— Разрешите доложить, мы летим к поверхности планеты, — сообщил лейтенант. — Вскоре должны прибыть в столицу.

И ни слова об остальном флоте, который уж куда-куда, но в столицу явно не попадет.

— Хршо. — Лицо адмирала чуть успокоилось, веки опустились. — Ампрей. Я им задам. — Он обмяк, измотанный усилием.

Робард выпрямился, и его взгляд встретился со взглядом лейтенанта.

— Он никогда не сдается, — сказал он тихо. — Даже когда надо бы. Это было бы для него смертью…

* * *

Проезжая в избушке на курьих ножках по пустынной местности, недавно перескочившей из буколического феодализма в трансцендентный постгуманизм, миновав промежуточные стадии, Буря Рубинштейн плыл через сны о рушащихся империях.

Революционеры были идеологически преданы трансценденции, которой они до конца не понимали, пока она не явилась сама, целиком,

в чистом виде, непостижимая, как айсберг непонятной информации, всплывший из замерзшего моря энтропии. Они не были к ней готовы, никто их не предупредил. Их вели смутные народные предания, воспоминания об Интернете и корнукопиях, положения «культа карго» о ценности технологий, — но слона они не могли ощупать, не ощущали формы этого нового явления, и от их желаний возникали новые мутантные линии, застывающие на выходе из фазового пространства машинерии Фестиваля.

Представим себе человека, выросшего в отсутствии телефонов — или факсов, телеконференций, онлайновых переводов, систем распознавания жестов, оптических коммутаторов. Предание гласило, что когда-то можно было передавать сообщения на другой конец мира в мгновенье ока, и это называлось «электронная почта». Предание, правда, не рассказывало, что эта почта была ртом, в который превращался ближайший предмет, или что она вещала устами друга, но подобное было более естественной интерпретацией, чем непонятные текстовые команды и сеть почтовых маршрутизаторов. Фестиваль, не имея опыта взаимодействий с земноподобными человеческими культурами, вынужден был до-

гадываться о природе чудес, которых просили люди. И часто ошибался.

Буря все знал насчет дальней связи. Дед когда-то качал его на колене и пересказывал легенды, которые слышал от своего деда, легенды о системах управленческой информации, которые сообщали их владельцу все, что могли знать о мире, и, более того, легенды о непонятных гениях-кадровиках, которые умели найти по желанию человека любой квалификации или профессии. Группа из наиболее технически грамотных диссидентов Нового Петрограда состряпала камеры с циклопическим глазом под козырьком, расположенные на чердаках и карнизах города, передающие изображения в электронные нервные центры Революции.

До ухода из Плоцка Буря много времени проводил с Тимошевским. Олег приложил-таки несколько пиявок к Буриному раздутому чувству собственной важности, напомнив, что Буря — всего лишь высокопоставленный деятель в Новопетроградском совете, а тот, в свою очередь, — благоприятный паразит на теле свободного рынка, алгоритм уравновешивания нагрузки, который будет немедленно отброшен, как только будет создано справедливое поле игры с равными

возможностями. И червей своих он тоже приложил, их укусы дико зудели (а иногда и жгли) в процессе установления контакта с нервной системой Бури. Олегу пришлось целенаправленно расспрашивать о странном чувстве буржуазного инкрементализма у Бури, чтобы подогнать своего былого коллегу к принятию апгрейда, но все же в результате Рубинштейн альтернативы не видел. Учитывая его теперешнее перипатетическое занятие, его бы вывели из Центрального Комитета, если бы он и дальше был вне досягаемости. У него омерзительно чесалась голова, его преследовали странные видения, пока черви Государственного комитета по коммуникациям устанавливали рабочие отношения с его мозгом.

Когда Буря спал, ему снились растровые образы неестественной цветовой гаммы, отсканированные с крыш столицы. Революция, бдительная, многозадачная, теребила засыпающие синапсы на его поперечном многоколенном теле, заставляла их распознавать подозрительные виды поведения. Буря обнаружил, что это и беспокойно, и внушает уверенность — видеть, как город, при всех изменениях, обрушенных на него революцией, продолжает жить. Вот какой-то юнец шмыгает из тени в тень — явно на свидание с

возлюбленной, вот заваривается более мрачный заговор, собаки дерутся за бесхозные кости, пока квартальный надзиратель выслеживает возмущенного домовладельца с убийством в глазах. Дома вырастали и рассыпались, как в замедленной съемке, огромные неподвижные звери, подталкиваемые туда и сюда своими внутренними симбионтами. Все это было ему несказанно чуждо: жуткая полужизнь, ползущая по знакомому когда-то городу, лежащему, как труп в незакрытом гробу. Даже рассеянный ночной свет шаттла, приземляющегося на поле возле города, не мог вернуть подобие той жизни, которую Буря знал.

И еще ему снилась его семья: жена, которую он не видел четырнадцать лет, сын, запомнившийся ему пятилетним, с пухлым личиком, размытым расстоянием. (Ссылка не подразумевала его исключения из семьи, но жена вышла замуж за человека из солидного рода среднего класса и отказалась от мужа после приговора, получив развод по закону.) Беспомощное и слабое одиночество — которое он всегда проклинал, заметив в жизни наяву, — преследовало его по пятам. Революционная хунта едва-едва влияла на ход событий — она была ядром, вокруг которого кристаллизовались другие элементы, линзой,

фокусирующей негодование на обломках старого режима, но сама по себе мало чего достигла. Люди, неожиданно одаренные бесконечным богатством и знаниями, быстро поняли, что правительство им не нужно — это касалось как членов подполья, так и рабочих с крестьянами, которых революционеры рвались мобилизовать. Быть может, именно эту мысль пыталась вбить ему Критикесса с самого его похищения из здания Новопетроградского совета: революция, которой он жаждал, в нем не нуждалась.

На второе утро поисков Феликса Буря проснулся усталым в углу шагающей избушки, с ноющими руками и полузамерзшими ногами. Сестры Седьмой в избушке не было — она шныряла где-то снаружи и что-то разнюхивала в подлеске возле тропы. На поляне, где была ночевка, стояли лагерем яркие полимерные юрты. Подрост деревьев яростно боролся за жизнь под гнетом огромных грибов-наростов, грозивших превратить деревья в многоцветные геологические выходы. Вокруг раскинулись гигантские папоротники и саговые — межзвездные колонисты, посаженные невидимыми садовниками флота Фестиваля. Какие-то мышеподобные создания ухаживали за папоротниками, подбирая крошки гниющей материи и

прилепляя их к питательным щупальцам (как у росянки), вырастающим из стволов.

Согласно досингулярностным картам, деревню миновали еще два километра назад, но даже следов ее не увидели. Вместо нее избушка прошла под большой плавающей геодезической сферой, которая превратила закат в пламя над головой, отчего один киборг-милиционер закричал и стал бешено стрелять в воздух, пока сержант Лукас не наорал на него и не отобрал винтовку.

— Это хутор, мудак, — объяснил он с тяжеловесной иронией. — Вроде того, где ты вырос, только он завернулся в шар и летает в небе. И если ты не перестанешь в него пулять, с твоей головой будет то же самое.

Кто-то из стражников забормотал и стал делать пассы от дурного глаза — один даже использовал для этого новый набор жвал, — а кролик шел, прижав уши к голове, еще полкилометра, пока не поставили лагерь. Новых инцидентов до конца дороги не было. А вот теперь дорога явно подошла к концу.

Отряд двигался довольно быстро до этой точки по императорской металлизированной дороге, но впереди ее пытался поглотить лысенковский лес. Мелкие безглазые грызуны с тонкой

шерстью бессмысленно лущили асфальтовое покрытие, выдирая кусочки, которые куда-то уносили не-муравьи размером с кузнечика. Высокие глиняные строения, вполне похожие на термитники, торчали на открытых местах между папоротниками и тихо жужжали, как миллионы микроскопических газовых турбин.

Кролик бросил в костер ошметки поросшего грибами дерева, и огонь зловеще затрещал и задымил. Буря зевнул в холодном воздухе и потянулся, потом вылез поискать куст, чтобы за ним помочиться. На земле расстилали скатки, милиционеры ворчали и требовали кофе, еды и сексуальных услуг от несуществующей поварихи. Полыхнул клуб пламени, и кролик отскочил назад, чуть не сбив солдата, который взвыл, ругаясь: дорожные неровности были очень горючими.

Помочившись, Буря присел на корточки. И в этой недостойной позиции нашла его Сестра Седьмая в необычном для нее благодушно-покровительственном настроении.

— Доброго утра и приятного испражнения! Ибо новости выдающиеся и благословенные приношу я.

— Гр-р-рм! — вызверился Буря, а уши у него тем временем покраснели от натуги. — Тебе никто не

говорил, что невежливо так таращиться?

— На что? — недоуменно спросила Сестра Седьмая?

— Неважно, — буркнул он. — Что за новости?

— Да ну, важности никакой. О приятной симметрии…

Буря скрипнул зубами и пошарил рукой в поисках листьев. («Об этом никогда не говорилось в биографиях великих революционеров, — между прочим заметил он про себя. — На них нападали медведи и бандиты, преследовала королевская конная полиция, и это было весьма поучительно и достопамятно, но ни в одной книге не рассказывалось о нехватке в лесах туалетной бумаги, или о том, что мягких листьев никогда не найти, когда они нужны».)

— Давай только факты.

— Посетители! Гнездо моих собратьев переполнено сокровищами информации.

— Посетители? Но… — Буря запнулся. — Твои собратья. На орбите?

— Да! — Сестра Седьмая покатилась вперед, размахивая короткими ножками в воздухе, потом с громким хрустом встала. — Посетители из космоса!

— Откуда? — жадно спросил Буря.

— Новая Республика. — Сестра Седьмая весело ухмыльнулась, показав большие желтые бивни. — Послали флот. Встретили Вышибал. Есть уцелевшие.

— Кто, черт побери! — Стиснув зубы, Буря рывком натянул штаны.

— Посол от Земли-изначальной. Один еще другой-кто-составляет-мудро является частью ее улья. И неопределенность: они спрашивают о тебе, лично. Хочешь встречаться?

Буря разинул рот.

— Они летят *сюда?*

— Приземляются там, где мы идем. Скоро.

* * *

В шлюпке было темно и воняло метаном, поглотитель газообразных отходов астматически хрипел. По оптимистическим оценкам устройство жизнеобеспечения могло продержаться еще где-то день, а потом воздух станет непригоден для дыхания, и пассажиры должны будут надеть скафандры — но еще задолго до этого им придется пережить вход в атмосферу.

— Вы уверены, что это безопасно? — спросил Василий.

Рашель подняла глаза к небу.

— Безопасно, говорит, — буркнул про себя Мартин. — Пацан, если ты хотел спокойной жизни, надо было дома сидеть, когда флот улетал в поход.

— Но я не возьму в толк! Вы разговаривали с этими… инопланетянами. Это же противник! Они только что загубили половину нашего флота! Но вы у них берете параметры орбиты и корректировку курса. Почему вы так доверчивы? Откуда вы знаете, что они и нас не убьют?

— Они не противник, — ответила Рашель, тщательно работая с консолью автопилота. — И никогда не были противником — в том смысле, в котором понимают это слово адмирал и его банда.

— Но если они вам не враги, значит, вы на их стороне! — Василий глядел то на Мартина, то на Рашель в полном ужасе.

— Не-а. — Рашель продолжала нажимать клавиши на консоли. — Я не была уверена, но теперь знаю: Фестиваль — это совсем не то, что вы думаете. Вы, ребята, ожидали нападения иностранной державы, с кораблями и солдатами? Но в нашей вселенной есть не только люди, страны и межнациональные организации. Вы с тенью бились.

— Но эта тень уничтожила все наши корабли!

Эта сторона враждебна нам! Она…

— Утихни. — Мартин смотрел на него настороженно. *Мелкий неблагодарный говнюк… или он просто уже ничего не понимает?* Небрежный разговор Рашели с Критиками выбил Мартина из колеи сильнее, чем он готов был признать, почти так же, как ее неожиданно успешная попытка его спасти. Обнаруживались пружины внутри пружин внутри пружин на гораздо более глубоком уровне, чем он думал. — Нет здесь сторон. Критики — не враги, они даже не входят в состав Фестиваля. Мы пытались сказать твоим соплеменникам, что ожидать нужно чего-то совсем непривычного, но они не хотели слушать.

— То есть?

— Фестиваль — не люди, даже отдаленного сходства нет. Вы все думаете о нем в человеческих терминах и с мотивацией человеческого типа. Это неверно, и с самого начала было ясно, что неверно. Объявить войну Фестивалю так же невозможно, как объявить войну сну. Фестиваль — самовоспроизводящаяся информационная сеть. Зонд входит в планетарную систему, зонд строит саморасширяющуюся коммуникационную сеть и втягивает в нее обитаемые миры системы. Сливает всю информацию, которую

может извлечь из целевой цивилизации, потом запускает новые зонды. Зонды несут определенных паразитов — выгруженные в сеть формы жизни, которые строят себе тела и размещаются в них, когда достигают места своего назначения, но не для того существует Фестиваль.

— Но ведь он на нас напал! — возмутился Василий.

— Да нет, не нападал он, — терпеливо пояснил Мартин. — Он не обладает разумом, и интенциональный подход к анализу его поведения — ошибка. Все, что он сделал — это нашел обитаемую планету без телефонной службы в радиусе скольких-то световых лет и дальше следовал своим инструкциям.

— Но эти инструкции — война!

— Нет, устранение повреждений. Оказывается, что Фестиваль — просто… Как сказать? Да, телефонный мастер. Вроде ремонтного робота. Только он чинит не просто телефоны — он заделывает дыры в потоке галактической информации.

Мартин посмотрел на Рашель. Она воевала с автопилотом, вбивая в него процедуру посадки. Отвлекать ее сейчас не стоило, лучше чем-то занять этого молодого зануду.

— Цивилизации время от времени возникают

и пропадают, а Фестиваль — скорее всего, механизм, установленный много тысяч лет назад для их связи, построенный межзвездной культурой где-то в тумане времени. Когда он обнаруживает разрыв в обслуживаемой им сети, он пытается его устранить. Вот почему он занимается своим делом на орбите вокруг Рохарда — мира настолько отрезанного и изолированного, как это только может быть.

— Но мы его не просили, — возразил Василий неуверенно.

— Ну конечно. На самом деле, я думаю, он забрел за пределы своей зоны обслуживания, и каждая система, которую он здесь обнаруживает, требует ремонта, но это еще не все. В процесс ремонта входит быстрый обмен информации с сетью, с которой он связан — поток, идущий в двух направлениях. Со временем Фестиваль стал не просто ремонтной службой, он сам по себе стал цивилизацией, такой, которая расцветает, как растение в пустыне: быстрое цветение в подходящей среде, — потом она сворачивается в семечко и засыпает на время миграции через пропасть в световые годы между двумя оазисами. Телефонные коммутаторы и маршрутизаторы — одна из самых изощренных систем, когда-либо

изобретенных во Вселенной. Откуда, ты думаешь, взялся Эсхатон?

Когда Фестиваль прилетел к планете Рохард, ему нужно было компенсировать дефицит общения в двести пятьдесят лет. Такой ремонт — окончание изоляции, приход товаров и идей, отсекаемых до того Новой Республикой, — вызвал ограниченную локальную сингулярность, которую мы в нашем деле называем согласованным отклонением реальности: люди малость сходят с ума, только и всего. Внезапная передозировка изменений: бессмертие, биоинженерия, слабосверхчеловеческие работники с искусственным интеллектом, нанотехнология — вот такие вещи. Это не нападение.

— То есть вы хотите сказать, что они принесли сюда неограниченный обмен информацией? — спросил Василий.

— Ага, — отозвалась Рашель из-за консоли. — Мы годами самым ненавязчивым образом пытались объяснить вашим руководителям: информация хочет свободы. Но они не стали слушать. Сорок лет мы пытались. А тут появляется Фестиваль, который цензуру воспринимает как повреждение и направляет информацию в обход ее. Фестиваль не принимает ответ «нет» просто

потому, что у него ни о чем нет мнения. Он просто существует.

— Но информация не свободна, не может быть свободна! Ну, есть некоторые вещи… Если каждый будет читать все, что захочет, может прочесть такое, что его испортит, развратит, правда ведь? И кощунственной порнографии люди будут уделять столько же внимания, сколько святой Библии! Можно будет строить заговоры против государства, друг против друга, и полиция не сможет за ними уследить и им помешать!

Мартин вздохнул.

— Ты все еще цепляешься за всякую государственность, да? До тебя не дошло, что я рассказывал? Что есть и другие способы организовать цивилизацию?

— Ну… — сконфуженно заморгал Василий. — То есть вы хотите сказать, что там, у вас, информация циркулирует свободно? И вы это разрешаете?

— Тут вопрос не в том, разрешаем или нет. А в том, чтобы признать, что помешать этому мы не можем. *Пытаться* этому помешать — лекарство, которое опаснее самой болезни.

— Но… но сумасшедшие могут состряпать биологическое оружие прямо у себя на кухне! Анархисты наберут силу ниспровергнуть госу-

дарство, и никто не будет знать, кто он и где его страна. Будет распространяться мерзейшая чушь, и никто ее не остановит… — Василий замолчал, потом добавил жалобно: — Вы мне не верите?

— Да верим, — мрачно ответил Мартин. — Но ты послушай: перемены не всегда к худшему. Иногда свобода слова открывает клапан для сброса социального давления, которое иначе привело бы к революции. А в другие времена — то, против чего ты протестуешь, уваривается до неприятия всего, что нарушает статус кво. Ты в своем правительстве видишь защитное одеяло, пушистую теплую тряпку, которая всех защищает от всего плохого, и делает это постоянно. В Новой Республике распространено мнение, что люди, которых не держат крепко в узде, автоматически начинают вести себя плохо. Но там, откуда я родом, у людей хватает здравого смысла *избегать* того, что им вредно, а тех, кому не хватает — надо учить. Цензура просто загоняет болезнь внутрь.

— А террористы?

— Да, — перебила Рашель, — террористы. Всегда, мальчик, есть люди, которые считают, что поступают правильно, обрушивая несчастья на своих врагов. И ты абсолютно прав насчет состряпать биологическое оружие и распускать слухи.

Но… — Она пожала плечами. — Жить, имея низкий фоновый уровень подобных явлений легче, чем жить под постоянным наблюдением и цензурой, над всеми и постоянно. — Вид у нее был мрачный. — Если ты думаешь, что плохо, когда террористы подкладывают под город атомную бомбу, то это ты не видел планет, где до предела доведена идея цензуры и наблюдения. А в таких местах… — Ее передернуло.

— Ты имеешь в виду что-нибудь конкретное? — глянул на нее Мартин.

— Не хочу об этом говорить, — сухо сказала она. — А тебе стыдно должно быть, что так мальчика разволновал. Неужто вы оба не чувствуете, как воздух завонялся?

— Ага. — Мартин зевнул во весь рот. — А что, скоро…

— Я вам не…

Громоносный хор ударов зазвучал по обшивке.

— …мальчик! — пискнул последнее слово Василий.

— Пристегнись, пацан. Через пять секунд главный заработает.

Мартин напрягся, автоматически затягивая ремень.

— Какова наша кривая спуска?

— Точка начала: десятисекундная корректировка, ускорение одна целая две десятых «же». Сидим тихо четыре минуты примерно, потом точка два — работаем два часа при ускорении два с четвертью «же». Заканчивается этот участок примерно в тысяче километров над поверхностью планеты. Через шестнадцать минут влетаем в атмосферу на скорости примерно четыре километра в секунду. У нас еще осталась кое-какая реактивная масса, но мне не хотелось бы запускать главный в воздухе, которым нам потом дышать, так что двигательный модуль мы сбрасываем, как только выходим на суборбитальную траекторию, и он вылетает на кладбищенскую орбиту с остатками горючего.

— А… — недоуменно начал Василий, — четыре километра в секунду — это не много?

— Да нет…

Объяснения Рашели прервал высокий рев, отбросивший всех пассажиров к задней переборке. Миновали десять секунд.

— Это всего лишь около двенадцатикратного числа Маха. И мы сперва сбросим двигатели. Но не волнуйся, в атмосфере мы быстро затормозим. Такие вещи делались еще во времена программы «Аполлон».

— «Аполлон»? Это когда полеты в космосе были еще только экспериментом?

Мартин заметил, что у Василия побелели костяшки пальцев, которыми он вцепился в подлокотники. *Интересно.*

— Ага, так, — небрежно ответила Рашель. — Конечно, в те времена на ядерной энергии не летали… Слушай, это было до Холодной войны или после?

— До того, думаю. Холодная война — это на тему, кто построит самый большой холодильник?

— Холодная война? — удивился Василий.

— На Земле она была, четыреста-пятьсот лет тому назад, — сказала Рашель.

— Но они умели такое делать, и даже не могли паровую машину построить?

— Да нет, паровые машины они строили, — бросил Мартин беспечно. — Но работали они на ископаемой нефти, которую жгли под котлами. Реакторы на делящихся элементах были редки и дороги.

— Как-то не очень надежно, — заметил Василий с сомнением. — Эта нефть — она же могла взорваться?

— Да, но Земля — планета старая и ранняя. Плохой баланс изотопов, даже урана-235 мало.

— По мне, так чертовски много, — мрачно буркнула Рашель.

— Мне кажется, вы мне голову морочите, и мне это не нравится. Вы такие умные, земляне, но знаете не все! Вы все равно не можете помешать террористам взрывать ваши города, а ваша так называемая развитость состоит в том, что собственные грязные побуждения не можете сдерживать — дурака валяете в политике, и с природой дурака валяете!

Буркнул трастер корректировки положения. Рашель протянула руку, взяла Мартина за плечо.

— Это он нас уел.

— Ага, прищучил по самое не балуйся.

Василий недоуменно посмотрел на них обоих, уши у него зарделись. Рашель засмеялась.

— Если это у тебя был йоркширский диалект, так я уэльский хорек, Мартин!

— Ладно, я готов засунуть тебя себе в штаны в любой день недели, милая. — Краем глаза он заметил, что у Василия покраснели уже не только уши, но и шея. — Привыкай к реальному миру, пацан. Странно мне, что твой начальник отпустил тебя без гувернера.

— Перестаньте называть меня ребенком!

Рашель повернулась вместе с креслом и по-

смотрела на него в упор.

— Но ты и есть ребенок, понимаешь. Даже в шестьдесят лет ты будешь для меня таковым. Пока ты ждешь, что кто-то — человек или организация — будет за тебя отвечать, ты ребенок. Ты можешь перетрахать все бордели на Новой Праге, но останешься школьником-переростком. — Она посмотрела на него грустно. — Что ты скажешь об отце, который никогда не дает детям вырасти? Вот именно это и думаю я о твоем правительстве.

— Но я не поэтому здесь! Я здесь, чтобы защищать Республику! Чтобы…

Главный двигатель вышел на критический режим и с басовитым ревом запустился на полную мощность, тряся капсулу, как ураган жестянку. Василия отбросило в гамак, он ловил ртом воздух. Рашель и Мартин утонули в креслах, придавленные двадцатью метрами в секунду за секунду ускорения: не пятьсот килограмм костедробильной гориллы входа в плотные слои атмосферы, но достаточно, чтобы лежать на спине и сосредоточиться на собственном дыхании.

Двигатель работал долго, унося капсулу от дрейфующих обломков битвы к неизвестному и непонятному рандеву.

СЛУЖБА ДОСТАВКИ

Оболочки двух израсходованных Вышибал, кувыркаясь, направлялись к краю системы со скоростью, превышающей скорость убегания от звезды. Они никому уже не были нужны, свою работу они сделали.

Рядом болтались остатки флота Новой Республики, подобно пеплу на горячем ветру. Две трети кораблей пузырились и пенились, их машинные отделения светились красным калением, а растворяющая слизь обдирала их. Металлическая пушистая плесень растекалась по корпусам гифами грибов, проникающих в сердцевину мертвых гниющих деревьев. Почти все остальные корабли уходили на полной тяге, выходя на траектории, ведущие в глубокий космос. Пространство возле планеты Рохард наполнилось воплями контрсигналов, помех, интерферометрических ложных целей — столь же эффективных, как щит на заднице у дикаря, удирающего под пулеметным огнем. Россыпи куда меньших судов продолжали тормозить, медленно приближаясь к планете. В основном оставшиеся Вышибалы не обращали на

них внимания: от спасательных шлюпок обычно хлопот не бывало. И наконец, вплывая с расстояния в астрономические единицы, появились первые торговые корабли купеческого флота, всюду следующего за Фестивалем. Сигналы от них были весело-развлекательные, кричащие и дружелюбные: в отличие от новореспубликанцев, эти знали, что такое Фестиваль и как с ним обращаться.

Но Фестиваль едва заметил приближающихся Торговцев. Его внимание было занято другим: вскоре он должен был дать жизнь новому поколению, а сам увянуть и умереть.

Фабрики антиматерии, размером с континенты, сверлили дыры в огненной короне, глубоко в зоне искривленного пространства, сразу за фотосферой солнца Рохарда. Огромные кольца ускорителей плавали за охранными щитами, изолированные километрами вакуума; солнечные коллекторы, темнее ночи, впитывали энергию звезды — мегаватты на квадратный метр, — а мазеры сбрасывали излишний жар в межзвездную ночь. Каждую секунду в магнитных ловушках в сердце ускорителя появлялись миллиграммы антиматерии. Примерно каждые десять тысяч секунд очередной полезный и опасный груз

в несколько граммов уходил в улетающем на луче грузовом модуле к зоне сборки звездного парусника вокруг Спутника. Этих фабрик были сотни — Фестиваль демонтировал крупное тело в поясе Койпера, чтобы их построить, и поместил весь комплекс в миллионе километров от поверхности светила. Теперь эти вложения окупались чистой энергией в объемах в миллионы раз больших, чем могла бы освоить планетная цивилизация.

Звездные парусники не были единственным грузом Фестиваля, как Критики и Край не были единственными пассажирами, посетившими поверхность Рохарда. Глубоко в биосфере планеты трудились Векторы, вооруженные обратной траскриптазой и странными искусственными хромосомами. Они входили в атмосферу над температурным поясом северного континента, распространяясь и ассимилируя содержимое эндогенной экосистемы. Сложные пищеварительные органы, снабженные средствами сплайсинга ДНК и дьявольски усложненными контрольными оперонами, ассимилировали и разлагали на хромосомы все, что проглатывали дети этого пакета. Системы обратной связи — не то чтобы сознательные, скорее растительные

— сплеснивали работоспособные локальные выражения дизайна, выработанного тысячи лет назад, такого, который мог существовать на доступных местных строительных блоках, сконструированного сапрофита, оптимизированного под экологию планеты Рохард.

Массивные ламаркистсткие синцитии раскидывали корни по сосновому лесу, удушая деревья и заменяя их растениями, лишь похожими на бледные сосны. Это были плодовые тела, грибы, выросшие на переваренных останках целой экосистемы. Они росли быстро, специальные клетки в их сердцевине выделяли каталитические ферменты, нитрируя длинные молекулы полисахаридов, а во внешней коре проявлялись длинные электропроводные сосуды, подобно растительным нейронам.

Лесной паразит рос с невероятной скоростью, плодовые тела прибавляли по метру в день. Это был куда более долговременный проект, чем просто прокладка проводов к изолированной цивилизации, на которую наткнулся Фестиваль, и куда более масштабный, чем мог раньше представить себе кто-либо из разумных пассажиров. Все, что они видели, — это было распространение вторгшейся растительности, неприятной и

иногда опасной эпидемии, которая следовала за Фестивалем вплотную, как мимы и другие существа Края. Придет сухой сезон, и лес Фестиваля будет представлять чудовищную опасностью из-за возможного пожара, но сейчас это была всего лишь интермедия, медленно продвигающаяся навстречу своей судьбе, которая постигнет ее, когда начнет умирать Фестиваль.

* * *

В пятидесяти километрах над океаном, за ударным фронтом плотных слоев атмосферы, двигаясь все еще с двенадцатикратной скоростью звука, спасательная шлюпка раскинула тормозные роторы и приготовилась к автовращению.

— Поневоле пожалеешь, что Адмиралтейство не расщедрилось на модель «Делюкс», — буркнул лейтенант Косов, когда капсула задергалась и затряслась в ионосфере, как горящий кусочек натрия на поверхности воды.

Майор Леонов глянул на него сердито — лейтенант икнул, будто получил кулаком в живот, и замолчал.

Тридцатью километрами ниже и на полторы тысячи километров ближе к побережью северного континента начал рассеиваться плазменный

удар. Роторы, побелевшие на кончиках, вертелись в стратосфере, превращаясь в яркий размытый диск. Лежа в гамаках, экипаж ломал голову, как посадить сверхзвуковой вертолет на поле, где нет ни наземного контроля, ни наведения по приборам, да еще, скорее всего, осажденное противником. У Робарда кровь стыла в жилах, когда он об этом думал. Рефлекторно он покосился на хозяина: жизнь, посвященная уходу за адмиралом, приучила его к трудностям, но все же он глядел на него, ожидая приказа, решения, хотя старый боевой конь уже ничего не соображал.

* * *

— Как он? — спросил Робард.

Доктор Герц посмотрел на слугу.

— Как можно было ожидать, — ответил он. — Вы его лекарства с собой взяли?

Робард вздрогнул.

— Только очередные дозы. Слишком много было бутылочек…

— Ладно. — Герц пошарил в своем кожаном портфеле и вытащил наполненный шприц. — Настойку опия он принимал? Я такого назначения не помню, но…

— Насколько мне известно, нет. — Робард сглот-

нул слюну. — У него диабет, дискинезия, и… гм… ослабление памяти. И ноги, конечно. Но *болей* у него не было.

— Что ж, посмотрим, сможем ли мы его пробудить. — Герц поднял шприц и снял колпачок с иголки. — В другой ситуации я бы не стал так грубо встряхивать старика, да еще перед посадкой, да еще после инсульта, но сейчас…

На высоте двенадцать километров вертолет снизил скорость до удвоенной звуковой. Винты ревели диском громоносных молний, курс углом вдавался в берег, и там, где он пролегал, звери бежали в панике. Спасательная шлюпка теряла высоту, пока Герц делал свою пробуждающую инъекцию. Не прошло и минуты, как шлюпка сбросила скорость до дозвуковой, и новая пронзительная нота зазвучала в кабине. Робард инстинктивно поднял глаза.

— Кольцевые сопла снова включились, — пояснил Косов. — Так можно будет сесть на двигателях.

Адмирал застонал нечленораздельно, и Робард нагнулся к нему.

— Ваше превосходительство, вы меня слышите?

Спасательная шлюпка уходила в сторону со

скоростью всего лишь в половину от звуковой. Яркий цилиндр огня вырывался из диска кончиков винтов, что образовали вокруг его середины размытый круг. Второй пилот несколько раз попытался вызвать Имперский контроль движения, но безрезультатно, и тревожно переглянулся со своим командиром. Пытаться сесть под прицелом зенитно-ракетных батарей гарнизона Лысого Черепа, не зная совершенно, кому принадлежит город — это хорошее испытание для нервов. А та же попытка с нехваткой горючего и с безнадежно больным адмиралом на борту…

Но не было даже и признака луча поискового радара, отражающегося от корпуса. И хотя шлюпка поднялась над горизонтом замка, приближаясь на вполне приличной скорости, четыреста километров в час, она не заслужила даже проблеска внимания от батарей противовоздушной обороны. Пилот перебросил выключатель интеркома.

— Поле все равно есть, хотя никто нам не отвечает. Наблюдаю его визуально, готовьтесь к прогулке по рытвинам.

Адмирал что-то неразборчиво промямлил и открыл глаза. Робард откинулся назад, сопла на кончиках винтов перестали реветь, и пилот оставшуюся мощность бросил на торможение,

сбрасывая скорость и высоту.

— Бу-э! — произнес позеленевший лейтенант Косов.

— Терпеть не могу вертушек, — прошамкал адмирал.

Моторы затихли, и шлюпка опустилась на автовращении, как пятидесятитонное семечко клена. Был небольшой порыв ускорения вверх — пилот включил торможение перед самым приземлением, — потом раздался сотрясающий кости хруст под пассажирской кабиной. Визг разорванного металла говорил о своем: шлюпка опасно накренилась, снова встала, шатаясь, как пьяный, и остановилась при наклоне палубы в тридцать градусов.

— Это значит то, что я подумал? — спросил Робард.

— Заткнись и не лезь не в свое дело, — оборвал его майор Леонов. Он кое-как вылез из кресла и огляделся. — Ты! Ну-ка, живо, к люку! Ты и ты — открыть сейф с оружием и приготовиться расчистить путь.

Он полез по короткому трапу на полетную палубу, ловко, несмотря на пятнадцать градусов отрицательного уклона, все еще отрывисто командуя.

— Ты, Робот, или как там тебя, приготовься тащить своего хозяина — не знаю, сколько у нас времени. Капитан Вольф! Я так понимаю, что мы на аэродроме. Видите что-нибудь похожее на комиссию по встрече?

Пилот подождал, пока Леонов спустился обратно, потом вышел с ним на палубу.

— Господин майор, разрешите доложить, мы прибыли на запасной аэродром Нового Петрограда, полоса два. Мне не удалось связаться с имперским контролем движения или со службой противовоздушной обороны аэропорта, но по нам не стреляли. Я никого вокруг не видел, но город сильно переменился — совсем не похож на тот, что показан в инструкциях. Должен доложить, что при подходе у нас кончилось горючее, от этого посадка вышла аварийной.

— В данных обстоятельствах — приемлемо. — Леонов повернулся к воздушному шлюзу. — Эй! Открыть люк, да живо! Отряду высадки занять периметр!

Адмирал вроде бы старался сесть. Робард поднял спинку кресла, потом нагнулся отвязать тросы. Адмирал при этом как-то странно засмеялся.

— В чем дело, ваше превосходительство?

— Хе… дело. Хе!

— Так точно, господин адмирал. — Робард выпрямился.

В закоулки шлюпки хлынул свежий воздух — кто-то отключил блокировку люков и открыл оба одновременно. Послышался запах дождя и цветущей вишни, травы и земли.

Лейтенант Косов проследовал за отрядом в шлюз, через некоторое время нырнул обратно.

— Разрешите доложить, охрана периметр заняла. Местных не видно.

— Отлично. Лейтенант, можете с Роботом вытаскивать старика. За мной!

Леонов вышел вместе с остальными офицерами — экипажем шлюпки и парой капитанов, которых Робард не узнал, из штаба адмирала или команды корабля — в люк.

Робард и лейтенант Косов, ухая и крякая, сумели стащить кресло адмирала по алюминиевому трапу на землю. Встав ногами на бетон, Робард вздохнул с облегчением и огляделся. Одна из трех посадочных ног шлюпки выглядела необычно — амортизатор не выдвинулся до конца. От этого весь аппарат казался перекошенным, и Робард сразу понял, что одним горючим его обратно в воздух не поднять, тем более на орбиту. Потом

он увидел, что творится за пределами тронутой ржавчиной полосы, и ахнул.

Летное поле находилось за два неполных километра от нависших стен гарнизона, на окраине скудно населенного квартала, расположенного на северном берегу реки. К югу должен был стоять тесный лабиринт из домов с крутыми крышами, церковных шпилей, видных издалека, и общественных зданий. Но этого всего сейчас не было. Какая-то купа жутких серебристых папоротников завивалась к небу там, где раньше была городская ратуша, между фрактальными спиральными листьями мелькали светляки. Герцогский дворец был почти разрушен: одна стена будто гигантским кулаком развалена — наглая бомбардировка тяжелой артиллерией.

Адмирал бессильно хлопнул по подлокотнику.

— Путем!

— Совершенно верно, ваше превосходительство. — Робард снова огляделся, на этот раз высматривая передовой отряд. Тот уже прошел полпути до диспетчерской вышки, когда что-то яркое и ядовито-зеленое хлестнуло сверху, и земля задрожала от рева.

— Вражеские самолеты! — крикнул Косов. — Смотри, они сюда за нами прилетели! Адмирала

в укрытие, быстро! — Он оттолкнул Робарда и схватился за ручки кресла, чуть не перевернув его в спешке.

— Эй! — рявкнул Робард, возмущенный узурпацией своей должности. Он бросил озабоченный взгляд на небо и решил не продолжать: поведение лейтенанта было неподобающим, но необходимость доставить адмирала в безопасное место перевешивала. — Вот здесь тропа, господин лейтенант. Я пойду вперед. Если доберемся до вышки…

— Эй, вы! За нами! — рявкнул Косов охранникам периметра — сбитым с толку встревоженным матросам, которые, благодарные за то, что кто-то дает им указания, закинули карабины на плечо и подтянулись поближе.

Утро было теплое, и лейтенант запыхался, толкая кресло по потрескавшейся асфальтовой дорожке. Робард рысил рядом — высокий, черный, траурно-мрачный, с осунувшимся от тревоги лицом. По обеим сторонам дороги вымахал бурьян до пояса, и повсюду были видны и другие признаки запустения: поле выглядело так, как будто было заброшено уже много лет, а не только месяц с момента вторжения. Гудели пчелы и другие насекомые, птицы пищали и чирикали

вдалеке, явно показывая, что местные власти позорно провалили программу распыления ДДТ.

Отдаленный грохот заставил Робарда посмотреть через плечо. Птицы взмыли в небо — далекий зеленый свет взвился и будто застыл, завис под слепым бирюзовым куполом неба.

— Бежим! — Робард бросился вперед и укрылся под сенью рощицы молодых деревьев.

— Что? — Косов остановился и уставился на происходящее, смешно уронив челюсть, как персонаж комедии. Зеленое сияние росло с пугающей беззвучной быстротой, потом разлетелось над головой изумрудным взрывом. Шум, похожий на звук захлопнувшейся гигантской двери, бросил Робарда на траву. Самолет прогрохотал мимо, волоча за собой гром как от товарного поезда, пролетел на бреющем над спасательной шлюпкой и исчез в направлении городу. Пчелы злобно гудели вокруг, когда Робард собрался и встревоженно огляделся, ища адмирала.

Лейтенанта сбило с ног ударной волной. Сейчас он уже сидел, осторожно держась за голову. Кресло не упало, и оттуда летел громкий, но неразборчивый поток инвектив.

— Ах ты, блин, твою мать зараза! — Курц поднял здоровую руку, грозя небу парализованным

кулаком. — Революцанер, мать твою так и не так! Ой!

Рука упала.

— Что случилось, ваше превосходительство? — озабоченно подскочил Робард.

— Ужалила, гадина, — пожаловался Курц, облизывая тыльную сторону ладони. — Пчелы проклятые.

Вокруг раздавался сердитый гул, и Робард стал отмахиваться испачканными в земле перчатками.

— Все будет в порядке, господин адмирал, как только мы вас доставим в диспетчерскую, а оттуда — в замок. — Он осмотрел раздавленное насекомое и нахмурил брови. Красные, изуродованные ударом буквы проступали на брюшке с неестественной четкостью. Робарда передернуло, и он вытер перчатку о траву. — Лучше будем двигаться, пока этот самолет не принял нас за противника.

— Везите вы, — велел Косов, прикладывая к голове покрасневший платок. — Пойдемте.

Они вместе повернули и направились к диспетчерской вышке, за которой смутно виднелся герцогский дворец и то, во что превратился при новом порядке город.

* * *

В восьмидесяти километрах от этих событий приземлялась другая спасательная шлюпка.

Рашель сонно встряхнулась и открыла глаза. Она не сразу сообразила, где находится. Вход в плотные слои атмосферы прошел куда как негладко: капсулу мотало так, что Рашель бы стошнило, не включись вестибулярные глушители. Позади нее раздался стон, и она покосилась в ту сторону. Мартин явно приходил в себя, тряс головой, и лицо его кривилось и дергалось. Василий за спиной простонал еще раз:

— Ох, ну и ужас был!

— Жив остался? — Она проморгалась, посмотрела на экран. Черные полосы закрывали приличную его часть — остатки аблятивного теплового щита, что расплавился и дал потеки на внешних камерах корпуса. Горизонт лежал плоской синей линией, земля была полускрыта завесой облаков. Капсула спускалась на главном парашюте. Альтиметр отсчитывал последние две тысячи метров.

— Проверьте, можете ли шевелить ногами.

— Могу, — ответил Мартин.

Василий только скулил. Рашель не стала даль-

ше беспокоиться об их здоровье, у нее была еще куча дел до посадки. Куча всяких возможных осложнений, поскольку двигателя теперь не было.

Пилот, отобразить расстояние и направление к точке рандеву.

На дисплее замигала наложенная карта. Точка посадки оказалась неожиданно близко — всего несколько километров от цели.

Пилот, состояние посадочных двигателей.

Еще картинки: диагностика, план самопроверки посадочного двигателя, небольшой пакет, висящий в стропах между прямоугольником парашюта и крышей капсулы. Сработав от радара, посадочная турбина врубится за минуту до приземления, сбросив костедробительную скорость пятьдесят километров в час до скорости мягкой посадки.

— А я бы выпил, — сказал Мартин.

— Придется пару минут подождать. — Рашель внимательно вглядывалась в экран. *Тысяча метров.*

— Я ног не чувствую, — пожаловался Василий.

О черт.

— Пошевелить ими можешь? — спросила Рашель, и сердце у нее застучало в горле. Она не

могла предвидеть появление третьего пассажира, и если у него повреждение позвоночника…

— Могу.

— Так какого хрена ты говоришь, что их не чувствуешь?

— Замерзли!

Рашель зевнула, в ушах щелкнуло.

— По-моему, у нас давление в кабине упало. Ты, небось, сунул свои ноги куда-то к вентиляции.

Снаружи понесся туман, побелело. Еще через десять секунд облачность стала реже, появились деревья и реки. Головокружительный вид — приближающаяся на экране земля. Рашель скрипнула зубами. Рядом с ней завозился Мартин, стараясь рассмотреть все получше.

– *Внимание! Надув посадочного плота.*

Вокруг днища капсулы обернулся желтый питон, раздулся наружу, закрывая вид на землю внизу. Рашель про себя выругалась, высматривая среди деревьев поляну. Но лес казался необычно плотным, и она сосредоточилась.

— Вон там! — показал Мартин.

— Спасибо. — Она стилом показала поляну автопилоту.

Пилот, двигаться к указанной площадке. По прибытию запустить автоматическую процеду-

ру приземления.

– Внимание! Включение посадочного двигателя через пять секунд. Три секунды. Отделение главного купола. — Капсула рухнула вниз, вызвав приступ тошноты у пассажиров. — *Включение двигателя.*

Громкий гул сверху, и падение остановилось. Поляна снизу подпрыгнула, и гул превратился в прерывистый рев.

– Внимание! Приземление через десять секунд. Приготовиться к посадке.

Мелькнули на экране деревья, безжалостно-зеленые стебли, сбросившие листья размером с книгу, с лиловыми прожилками. Мартин ахнул. Они равномерно падали, как лифт в стеклянной шахте на стене невидимого небоскреба. И наконец с толчком, от которого лязгнули зубы, капсула остановилась.

Тишина.

— Итак, парни! — Рашель неверной рукой расстегнула привязной ремень. — Благодарим вас, что воспользовались Авиалиниями ООН и приглашаем в следующий раз тоже лететь с нами.

Мартин хмыкнул и потянулся.

— Нет, так не достать. Сперва отстегнуться надо. — Он уронил руки. — Тьфу ты, как свинец.

Забавно даже.

— Всего-то и надо, что восемь часов в невесомости. — Рашель рылась в рундуке возле колодца у своей левой ноги.

— Кажется, я вас, землян, теперь понимаю, — начал Василий и остановился, пережидая, пока дрожь в голосе пройдет. — Вы все спятили!

Мартин глянул на Рашель.

— Он только сейчас заметил.

Она села, держа небольшой рюкзак.

— Долго же он соображал.

— Ладно, что теперь будем делать? Пробиваться наружу консервным ножом или ждать, что кто-нибудь пройдет и сдернет крышку за кольцо?

— Прежде всего, — Рашель увлеченно прошлась по значкам на консоли пилота, — мы скажем Критикам, что сели благополучно. Второе — вот что. — Она подняла руки и схватилась за верх экрана. Он сморщился, как тонкий пластик, открыв внутреннюю стенку капсулы. Большой пароходный чемодан наполовину торчал из переборки, из-под полуоткрытой крышки высовывались трубки и кабели.

— Я так и знал! — воскликнул Василий. — У вас запрещенный…

— Заткнись. — Рашель нагнулась вперед и

что-то поправила под крышкой. — Так, а теперь уходим. И быстро. — Встав, она отперла верхний люк и дала ему соскользнуть в капсулу на место экрана. — Помоги-ка, Мартин.

— О'кей.

Через минуту они все сидели на крыше посадочного модуля. Усеченный конус стоял в лужице желтых юбок, посреди травянистого луга. Слева в густых камышах лениво журчал ручей, справа стоял стеной ряд старых темных хвойных деревьев. Воздух был холодный, свежий и невероятно чистый.

— Что дальше? — спросил Мартин.

— Я вам рекомендую сдаться властям. — Василий навис над ними. — Если вы будете упираться, ваше дело плохо, но если вы сдадитесь мне, я… я… — Он затравленно огляделся.

— Каким властям? — фыркнула Рашель.

— В столице…

Рашель в конце концов не выдержала.

— Послушай, мальчик, мы свалились в дикой глуши, на сломанной шлюпке, без припасов, на планету, только что пораженную сингулярностью третьего типа. Последние двадцать шесть часов я наизнанку выворачивалась, спасая наши шкуры — *все* наши шкуры, включая твою, — и

буду очень благодарна, если ты хоть ненадолго ЗАТКНЕШЬСЯ! Первый наш приоритет — выжить, второй — для меня — связаться с людьми, к которым я прибыла, а выбраться обратно в цивилизацию — третий пункт списка. Пока доходит?

Здесь сейчас нет *никаких* гражданских властей — того вида, которого ты ждешь. На них меньше чем за месяц вдруг вывалились тысячи лет прогресса, и если твой местный Куратор еще сидит за своим столом, то он остолбенел от культурологического шока. Планетарная цивилизация *трансцендировала*. Это бывшая колония, она перестала ею быть. И единственные люди, которые могли как-то справиться с переменами такого уровня, — это ваши диссиденты, да и те мне особого оптимизма не внушают. Сейчас мы — твоя единственная надежда на выживание, и постарайся об этом не забывать.

Она смотрела на Василия сердито, и он ответил ей таким же сердитым взглядом, но выразить свои чувства словами не смог.

Мартин у нее за спиной спустился на луг. Что-то привлекло его внимание, и он нагнулся.

— Эй!

— Что там? — спросила Рашель.

Ступор прошел. Василий, ворча, уступил и

полез из капсулы вниз. Мартин произнес что-то неразборчивое.

— Чего? — повторила она.

— Что-то неправильное в этой траве есть.

— О черт! — Рашель сползла вслед за Василием по борту модуля — два с половиной метра пологого керамического склона, потом мягко приземлилась на плетеную паутину посадочной сетки. — Это же… — Она осеклась.

— Планете Рохард полагается иметь нормальную биосферу земного типа, правда? — Мартин с любопытством смотрел на Рашель. — Так у меня в справочнике написано.

— Что это такое? — поинтересовался Василий.

— Трава, или то, что под нее косит. — Мартин неловко пожал плечами. — Мне она не кажется нормальной. Цвет тот, и форма примерно та, но…

— Ой, я этой штукой порезалась! — Рашель бросила травинку. Листок затрепетал, незамеченный: коснувшись земли, он стал распадаться с пугающей скоростью по радиальным швам. — А что деревья?

— Да тоже что-то не то. — Мартин вздрогнул, услышав треск за спиной. — Это что?

— Не волнуйся. Я подумала, что нам понадо-

бится наземный транспорт, и велела чемодану что-нибудь состряпать. Он переваривает капсулу…

— Отличный чемоданчик, — восхищенно сказал Мартин.

Шлюпка стала обваливаться внутрь, издавая горячий органический запах, похожий на запах свежевыпеченного хлеба.

— Ага, так. — Рашель была озабочена. — Мой контрагент должен знать, что мы здесь. Интересно, сколько еще…

Она замолчала. Василий с деловым видом топал к краю поляны, насвистывая какой-то воинственный мотивчик.

— А кто твой контрагент? — спросил тихо Мартин.

— Человек по фамилии Рубинштейн. Один из наиболее разумных кадров сопротивления, за что и попал сюда в ссылку. Кто был не столь разумен, тех уже нет на свете.

— И что ты от него хочешь?

— Я ему передам пакет. Не то чтобы ему он еще был нужен, если судить по тому, что здесь случилось.

— Пакет? А что за пакет?

Она обернулась и показала на чемодан, кото-

рый теперь стоял на траве посреди опадающей кучи подпорок, тихо изрыгая пар.

— Вот такой.

— Вот та… — Глаза его выдали.

Рашель взяла его за локоть.

— Да ну, Мартин. Пошли проверим эти деревья.

— Но… — Он оглянулся. — Ладно, пошли.

— В общем, так, — начала Рашель по дороге. — Помнишь, что я говорила насчет помощи народу Новой Республики? Несколько лет назад некоторые люди в департаменте, о котором лучше знать поменьше, решили, что революция созрела. Обычно мы в такие вещи не лезем: ниспровержение режима — штука весьма нерекомендуемая, даже если режим плохой и раздолбать его будет правильно с моральной точки зрения. Но кое-кто из наших аналитиков решил, что есть хороший шанс, скажем, процентов двадцать, что Новая Республика может дать метастазы и превратиться в Империю. Так что мы уже лет десять поставляем мощные средства их подполью доморощенных либертарианцев.

Фестиваль… Когда прилетел Фестиваль, мы не представляли, что это такое. Знала бы я то, что ты рассказал мне по дороге, еще в Кламовке,

меня бы здесь не было. И этого багажа тоже. Что, собственно, и есть главная цель всей эскапады. Когда аристократы низложили последний Совет рабочих и технологов около двухсот сорока лет назад, они разрушили все корнукопии, которые дал Эсхатон Новой Республике при ее основании. После этого они взяли под контроль рабочий класс, ограничив доступ к образованию, средствам производства и наложив тесные шоры на информационные технологии. Этот чемодан, Мартин, — полномасштабная корнукопия. Схемы любых конструкций, которые только могло придумать постиндустриальное общество двадцать первого века, лиофилизированные копии Библиотеки Конгресса, все, что душе угодно. Способна к самовоспроизведению. — Рашель остановилась, глубоко вздохнула. До опушки оставалось всего несколько метров. — Меня послали, чтобы передать ее подполью. Дать им в руки средство начать революцию.

— Начать ре… — Мартин уставился на Рашель. — Но ты опоздала.

— Вот именно. — Она дала ему время, чтобы до него дошло. — Я могу выполнить свое задание, просто на всякий случай, но не думаю, что…

Он покачал головой.

— И как мы будем из этой каши выбираться?

— Гм! Хороший вопрос. — Она повернулась и посмотрела на тающую капсулу, потом полезла в карман и вытащила несколько оптических шпионов. Василий бесцельно слонялся по опушке поляны. — В обычной ситуации я бы залегла на дно в старом городе и подождала бы. Через полгода, скажем, пришел бы торговый корабль. Но когда здесь Фестиваль…

— Корабли будут, — сказал Мартин абсолютно уверенно. — И раз у тебя с собой корнукопия, то у тебя в руках портативный военно-промышленный комплекс. Если он способен построить спасательную шлюпку, то я его наверняка смогу запрограммировать на производство чего угодно, что нужно нам для выживания, пока не представится шанс выбраться из этой богом забытой дыры. Верно?

— Похоже на то. — Она пожала плечами. — Но сперва я должна установить контакт с тем, к кому меня послали, хотя бы чтобы убедиться, что передача багажа бессмысленна. — Она зашагала обратно к посадочному модулю. — Этот Рубинштейн считается потрясающе умным для революционера. Он, наверное, будет знать, что…

Раздался далекий треск, будто хрустнула ветка.

Василий на той стороне поляны бежал к чемодану. Рашель потянула Мартина к земле, стала нашаривать в кармане парализатор.

— Что это? — шепнуло он.

— Не знаю.

— Черт! Похоже, кто-то нас нашел. Кто бы это ни был. Очень рады познакомиться.

Огромное, горбатое, двуногое чудовище вылезло на поляну. К Мартину и Рашели обратилась разверстая пасть, похожая на дверь.

Рашель придержала Мартина рукой.

— Погоди. Не двигайся! Эта штука, блин, оснащена как танк. У нее со всех сторон сенсоры.

Тварь заковыляла к посадочному модулю и вдруг резко села на корточки. На землю вывалился длинный свернутый язык, на нем выросло что-то большое и шагнуло на луг. Оно повело головой из стороны в сторону, оглядывая спасательную шлюпку, прячущегося за ней Василия, всю поляну. Потом оно заговорило на удивление низким голосом:

— Привет вам. Мы приходим невоенно. Есть ли здесь Рашель Мансур?

Так, мой выход.

Она встала и прокашлялась.

— Кто хочет ее видеть?

Критикесса улыбнулась, показав весьма длинные клыки.

— Я Сестра Седьмая. Вы вовремя, у нас кризис!

* * *

У герцогского дворца народ начал собираться к вечеру. Приходили люди по одному, по двое, приползали контуженные, устраиваясь под закопченными внешними стенами. Похожи они были на любых других граждан Новой Республики, только чуть поунылее да чуть поскучнее прочих.

Робард стоял во дворе и смотрел на них из ворот. Двое из уцелевших матросов стояли на часах, с автоматами наготове — реликты временной власти. Кто-то нашел флаг, закопченный по краю, но вполне еще пригодный. Толпа стала собираться где-то через час после того, как флаг подняли гордо развеваться на ветерке. Пусть разбиты окна и поломана мебель, но они все еще солдаты Его Императорского Величества, и еще существуют по всем законам Бога и Императора правила, и эти правила будут соблюдаться — так указал адмирал, и так вели себя его люди.

Робард глубоко вздохнул. *Укус насекомого? Очень, очень подозрительное насекомое*. Но с

тех пор, как оно ужалило адмирала, состояние старика заметно улучшилось. Левая щека висела парализованная, и пальцы ничего не чувствовали, но рука…

Робард и лейтенант Косов занесли своего престарелого подопечного в диспетчерскую, ругаясь и обливаясь потом на полуденной жаре. Сразу после этого Курца стал колотить припадок. Он кашлял, задыхался, хватал ртом воздух, бился в кресле. Робард боялся худшего, но пришел доктор Герц и засадил адмиралу здоровенный шприц с лошадиной дозой адреналина. Адмирал затих, дыша часто, как собака, а левый глаз его открылся и повернулся в сторону, ища Робарда.

— Что-нибудь случилось, господин адмирал? Что-нибудь вам принести?

— Постой. — Адмирал зашипел, мышцы его видимо напряглись. — Жарко очень. Но все так ясно… — Обе руки его задвигались, хватаясь за подлокотники кресла, и на глазах пораженного Робарда старик поднялся на ноги. — О мой Император! Я хожу!

Чувства Робарда при виде хозяина невозможно было описать. В основном это было удивление, но еще — еще присутствовала гордость. Старик не должен был встать; после инсульта он был

наполовину парализован. Такие поражения бесследно не проходят, как сказал доктор. Но Курц встал и сделал неуверенный шаг вперед.

* * *

События по дороге от вышки к замку слились в неразборчивую пыльную полосу. Реквизированный транспорт, скачка по ухабам через опустевший город, где половина домов выгорела до фундамента, а на уцелевших выросли какие-то жуткие наросты. Замок — пустынный. Адмирала — в спальню герцога. Найти кухню, проверить, есть ли что-нибудь съедобное в огромных подземных кладовых. Кто-то вывесил флаг. Охрану — на ворота. Две робкие служанки, тихие, как компьютерные мыши, выбрались из укрытия и с реверансами вернулись к службе, от которой так давно были отлучены. Четкая подробность: сломанная мебель, сложенная как куча дров для отопления большого бального зала. Аварийные шторы — стальная сетка и паутинный шелк — развернутые на высоких разбитых окнах. Часовые с автоматами. Проверка водопровода. Мундиры в полуденной пыльной жаре. И суета, и деловитость.

Он улучил минутку вломиться в кабинет Граж-

данина фон Бека. Из революционных кадров никто не пробился так далеко в замок или не пережил активных контрмер. Все инструменты Куратора лежали готовыми к работе. Робард остановился проверить панель аварийного каузального канала, но его энтропию кто-то тщательно довел до максимума, хотя монитор полосы показывал, что осталось еще более пятидесяти процентов. Подтвердив свои худшие подозрения, Робард щедро воспользовался экзотическим инсектицидом, который хранил фон Бек, полил себя так обильно, что воздух посинел и дышать стало невозможно. Потом он сунул в карман небольшой предмет — запрещенный под страхом смерти всем, кроме работников ведомства Куратора, — вышел, запер за собой дверь и вернулся к обязанностям адмиральского камердинера.

Бесцельное скопление народа перед герцогским дворцом за это время незаметно превратилось в толпу. Озабоченные осунувшиеся лица смотрели на Робарда — лица людей, не очень понимающих, кто они, лишенных своего места в ходе вещей. Потерявшиеся люди, отчаянно ищущие за что зацепиться. Несомненно, многие из них примкнули к диссидентскому подполью, куда большее их число воспользовалось сингуляр-

ными условиями, порожденными Фестивалем, чтобы максимально расширить свои личные возможности. На многие грядущие годы, даже если Фестиваль завтра исчезнет, это захолустье будет населено гулями и колдунами, говорящим зверьем и ведьмами-прорицательницами. Некоторые не хотели перехода, расставания с человеческой сутью: существование в рутинной определенности — вот чего все они жаждали, и Фестиваль их этого лишил.

Действительно ли затаилась в задних рядах толпы армейская шинель? Человек с унылым лицом, полуголодный, которого в других обстоятельствах Робард счел бы бродягой, мог оказаться последним верным солдатом полка, полностью дезертировавшего. Поспешные суждения могут оказаться рискованными.

Он стал смотреть дальше. Пыль, поднятая на расстоянии примерно в полмили. Гм…

От входной двери открывался широкий коридор, и вел он к главной лестнице, к бальному залу и многим другим, более скромным помещениям. В другой ситуации камердинер воспользовался бы черным входом. Сегодня Робард вошел в широкие двери, предназначенные для послов и местной аристократии. Никто не следил за его

пылящим движением через холл, размазывающим грязь по разбитым плиткам и минующим разбитые люстры. Он не остановился до входа в Звездную палату.

— …другая нога барашка. Лопни твои глаза, ты что, постучать не можешь?

Робард застыл в дверях. Адмирал сидел за столом губернатора, и ел мясо с овощами из погреба, а майор Леонов и двое других уцелевших офицеров штаба почтительно стояли рядом.

— Ваше превосходительство, приближается отряд революционеров. У нас пять минут, чтобы решить: драться или вести переговоры. Осмелюсь ли я предложить, чтобы вы вернулись к еде после того, как мы с ними разберемся?

Леонов обернулся к нему.

— Хам, ты смеешь беспокоить адмирала? Убирайся вон!

Робард поднял левую руку и показал карточку.

— Вы когда-нибудь такое видели?

Леонов побелел.

— Я… я…

— У меня нет на это времени, — бросил ему Робард. — Господин адмирал?

Курц глядел на него прищурившись.

— Давно?

Робард пожал плечами.

— Все время, что я с вами, ваше превосходительство. Ради вашей защиты. Как я уже доложил, в нашу сторону идет толпа с южного берега, через старый мост. У нас пять минут, чтобы решить, что делать, и я сомневаюсь, что мы привлечем этих людей на свою сторону, если начнем в них стрелять.

Курц кивнул.

— Тогда я буду с ними говорить.

Настал черед Робарда вытаращить глаза.

— Ваше превосходительство, я полагаю, что вам следует находиться в кресле, а не спорить с революционерами. Уверены ли вы…

— Да мне уже лет восемь так хорошо не бывало, молодой человек. У этих местных пчел какое-то странное жало.

— Да, можно и так сказать. Господин адмирал, я думаю, что это может быть… вмешательство. Фестиваль явным образом имеет доступ к широкому набору молекулярных технологий, помимо той, что так блестяще починила вашу нервно-сосудистую систему. Если Фестиваль хотел…

Курц поднял руку.

— Знаю. Но мы в любом случае в полной его власти. Я спущусь к этим людям и буду говорить.

Среди толпы есть старики?

— Нет, — озадаченно ответил Робард. — Я не видел. То есть вы полагаете…

— Излечение старости — весьма распространенное желание, — заметил Курц. — Прикованная к постели развалина мечтает погибнуть от рук ревнивого мужа, а не медсестры, которой надоело за ним горшки выносить. Если Фестиваль выполняет желания, как назвала это наша разведка… — Он встал. — Парадную форму, Роб. Хотя нет. Вы. Да, вы, Косов. Теперь вы мой ординарец, раз Робард оказался выше вас по чину. И все мои медали!

Леонов, белый как полотно, все еще трясся.

— Все нормально, — добродушно бросил Робард. — Я обычно не казню людей за грубость по отношению ко мне лично.

— Виноват! И… разрешите обратиться?

— Валяйте.

— С каких пор Надзиратель ведомства Куратора маскируется под слугу?

— Это началось, — Робард вытащил карманные часы и посмотрел на них, — примерно семь с половиной лет тому назад, по просьбе великого князя. Понимаете, слугу никто не замечает. А его превосходительство…

Вернулся Косов с регалиями адмирала, и Леонов с Робардом вышли на балкон, пока адмирал одевался.

— …не прямой наследник трона. Если вы меня понимаете.

Леонов понял, и его резкий вдох — вместе с анализаторами напряжения, встроенными в слуховые нервы, — сообщил Робарду все, что нужно было знать.

— Нет, Его Величество не опасался переворота, и верность адмирала вне сомнений. Но его личная харизма, его слава героя Республики, его широкая популярность придали определенную важность делу охраны его безопасности. Он может быть нам здесь полезен.

— А! — Леонов задумался. — Революционеры?

— Если он их толкнет, они посыплются, — решительно сказал Робард. — Все их самые сильные сторонники давно сбежали, такова природа сингулярности. Если же нет… — Он похлопал себя по карману. — У меня есть полномочия принимать чрезвычайные меры для защиты Республики, включая использование запрещенных технологий.

Леонов промакнул лоб носовым платком.

— Тогда этому бунту конец. Вы сломаете рево-

люционеров силой или политикой, назначите временного губернатора Его Величества, и через шесть месяцев тут будет порядок, если не считать крика.

— Я бы так не сказал. Даже если женщина с Земли была права — а я склонен верить ее словам, что Фестиваль не заинтересован в завоевании планеты в том смысле, в каком мы это понимаем, и тогда вся эта экспедиция превращается в дорогостоящую ошибку, — мы все равно потеряли две трети населения. Мы никогда не избавимся от вездесущего вируса широкополосной связи, которым Фестиваль заразил планету. Может быть, нам придется оставить эту колонию или, как минимум, установить строжайший карантин. Эти чертовы революционеры своего добились: джин выпущен из бутылки. Все, за что воевали наши предки, разорвано и пущено по ветру! Вирус вечной молодости на свободе и живет в пчелах, улицы вымощены несметными богатствами. Это же все обесценивает! — Он замолчал, перевел дыхание, сам смущенный собственным порывом. — Конечно, если мы подавим революционные кадры в Новом Петрограде, потом можем вычищать деревни по своему усмотрению…

Дверь Звездной палаты отворилась, и показался адмирал Курц, в золотых шнурах, алом кушаке и с полной грудью медалей, требовавшихся парадной формой. Он казался лет на десять моложе: седовласый патриций, воплощенный образ просвещенного диктатора, уверенно-властного.

— Итак, господа! Не выйти ли нам к толпе?

Он не зашагал уверенно — слишком атрофировались у него мышцы ног, — но шел без поддержки.

— Я думаю, это прекрасная идея, ваше превосходительство.

— Разумеется.

Леонов и старший куратор пристроились за адмиралом, идущим к лестнице.

— Сегодня закатывается солнце над анархией и беспорядком, господа. Лишь бы были у меня сегодня златые уста, и завтрашний день снова будет принадлежать нам.

И он вышел во двор обратиться к овцам, вернувшимся в лоно пастырей своих, хотя овцы еще сами об этом не знали.

* * *

На склоне холма, укрытого мумифицированными костями деревьев, лежала янтарная слеза

размером с шарабан. Обгорелые телеграфные столбы, покрытые тонким слоем сажи, смотрели в небо; мелкие скелеты хрустели под сапогами Бури Рубинштейна, пока он бродил меж столбами, сопровождаемый кроликом размером с человека.

— Хозяин *там*, — заявил господин Кролик, показывая на странно искривленный ком.

Рубинштейн осторожно подошел, сцепив руки за спиной. Да, это определенно был янтарь — или что-то очень на него похожее. Мушки и пузырьки рассыпаны во внешних его слоях, темнота заволакивала сердцевину.

— Это кусок окаменевшей растительной смолы. Твой хозяин мертв, кролик. Зачем ты меня сюда привел?

Кролик расстроился. Длинные уши метнулись назад, распластались по черепу.

— Хозяин — *там*! — Он переступил с ноги на ногу. — Когда напали мимы, хозяин звал на помощь.

Буря попытался утешить это создание:

— Я понимаю… — он осекся.

Что-то было внутри этого булыжника, что-то неразличимое, темное. И если подумать, все деревья вокруг тоже были трупами, прожаренные

изнутри какой-то ужасной энергией. Стражи революции, напуганные лысенковским лесом, отказались идти в эту мертвую зону. Они толпились ниже по склону, обсуждая идеологическую необходимость искусственного развития нечеловеческих видов до разумных — один из них с пеной у рта возражал против предоставления кошкам обособленных больших пальцев и дара речи — и сравнивая свои все более и более причудливее имплантаты. Буря присмотрелся получше, чувствуя, что уходит в размытое двойное зрение, поскольку черви Государственного комитета по коммуникациям передавали ему свое видение. Что-то было внутри валуна, и это что-то мыслило — безыскусные неоформленные мысли, которые цеплялись за сотовую сеть Фестиваля, как младенец за материнскую юбку.

Глубоко вдохнув, Буря наклонился к бруску не-янтаря.

«Кто ты?» — спросил он беззвучно, ощущая руками гладкую теплую поверхность.

Антенны у него под кожей передали информацию в пакете, который поплыл холодными волнами над лесом, ожидая ответа.

Мой идентификатор Феликс. Твой идентификатор?

«Выходи оттуда с поднятыми руками и сдавайся на милость авангарда революционного правосудия!»

Буря сглотнул слюну. Он собирался послать что-то вроде: «Можешь ли ты выйти оттуда, чтобы мы могли поговорить?» — но его революционные имплантаты, очевидно, включали семиотический каскад снижения почтительности и переводили то, что он говорит — с помощью этого нового киберпространственного носителя, — в звуковые байты Центрального Комитета. Разозлившись на эту внутреннюю цензуру, он решил в следующий раз ее отменить.

Очень поврежден. Нет связи прежнее воплощение. Хочу/нуждаюсь в помощи метаморфоза.

Буря повернулся и прислонился к булыжнику спиной.

— Ты, кролик! Ты что-нибудь из этого слышал?

Кролик сел и проглотил траву, которой была набита его пасть.

— Из чего?

— Я говорил с… с твоим хозяином. Ты нас слышишь?

Одно ухо дернулось.

— Нет.

— Хорошо.

Буря закрыл глаза, снова настроился на двойное зрение и попытался установить связь. Но имплантат влез снова: вместо слов «Как ты туда попал? Чего ты хочешь добиться? Я думал, ты в беде», — прозвучало: «Покайся перед трибуналом в своих контрреволюционных преступлениях! Чье задание пытаешься ты выполнять, борясь на стороне реакционной посредственности и буржуазного инкрементализма? Я думал, ты виновен в злостном хулиганстве!»

— Блин, — буркнул он вслух. — Должен быть обходной фильтр… Ага.

«Прошу прощения, мой интерфейс идеологически смещен. Как ты туда попал? Чего хочешь добиться? Я думал, ты в беде».

Ответ медленно забулькал из камня, включилось визуальное восприятие, и в течение нескольких минут Буря трясся в испуге мальчишки, убегающего от Края.

— А, вот что. Фестиваль мумифицировал твои приостановленные перемены. И ты теперь готов идти куда-то в другое место… В какое? Где?

Снова картинка. Звезды, бесконечные расстояния, крошечные плотные и очень горячие тела, летящие через световые годы во сне без сновидений, врывающиеся песчаной бурей листвы

на какой-нибудь новый мир, расцветающие и умирающие, засыпающие до следующего раза.

— Давай назовем вещи своими именами. Ты был губернатором. Потом ты стал восьмилетним мальчишкой, вокруг тебя — говорящие дружелюбные звери и какое-то заклятье «вести интересную жизнь» и попадать в приключения. Теперь ты хочешь быть звездолетом? И ты хочешь, чтобы я, ближайший делегат Центрального Комитета, тебе в этом помог?

Не совсем так.

Новое видение, на этот раз долгое и сложное, нагруженное некоторым количеством политических предложений, которое имплантат Рубинштейна назойливо пытался преобразовать в диаграмму урожайности, указывающую ход выполнения какого-то сельскохозяйственного пятилетнего плана.

— Ты этого от меня хочешь? — Буря вздрогнул. — Ты за кого меня принимаешь, за свободного агента? Во-первых, ведомство Куратора меня пристрелит сразу, как только увидит, и уж точно не станет слушать то, что сочло бы предательством. Во-вторых, ты уже не губернатор, и даже если бы ты им был и предложил нечто подобное, эти ребята тебя скрутили бы

быстрее, чем ты пальцами щелкнешь. На случай, если ты не заметил вчерашнего фейерверка: это был Императорский флот, точнее, его остатки, расстрелянные Фестивалем. В-третьих, Революционный комитет меня бы тоже расстрелял, предложи я что-нибудь подобное. Никогда нельзя недооценивать внутренний — в отличие от идеологического — консерватизм революции, когда она наберет какую-то инерцию. Нет, это практически неосуществимо. Я не вижу, зачем мы теряем время на подобные глупые предложения. Тем более…

Он замолчал. Что-то там, ниже по склону, сильно шумело, проламываясь через мертвую зону, оставленную батареей рентгеновских лазеров.

— Кто это? — спросил Рубинштейн, но господин Кролик уже исчез, мелькнув белым пятнышком хвоста.

Телеграфный столб дерева медленно наклонился, потом сломался, и странная конструкция на куриных ногах вылезла на свет. В дверях избушки сидела Сестра Седьмая, пристально глядя на Рубинштейна.

— Буря Рубинштейн! — закричала она. — Иди сюда! Достигнуто разрешение! Получен груз! К тебе посетители!

* * *

Ожидая важной встречи, Рашель окинула холм взглядом дополнительных глаз: они поднялись в воздух и пролетели на насекомоподобных крыльях, высматривая угрозы.

Деревья вокруг были мертвы, обуглены под воздействием какого-то мощного излучения. Мартин беспокойно смотрел, как Рашель роется в массивном чемодане.

— Что это? — спросил он.

— Семя корнукопии, — ответила она, бросая ему предмет величиной с кулак. Он его поймал и стал с любопытством разглядывать.

— Вся инженерия здесь содержится, — восхитился он. — В миниатюре.

Несколько миллионов миллиардов молекулярных ассемблеров, киловатт тонкопленочных солнечных фотоэлементов питания, мембраны термодинамической фильтрации для извлечения питательных веществ из среды, вычислительной мощности больше, чем в целом Интернете планеты досингулярностной эпохи. Мартин сунул семя в карман, потом посмотрел на Рашель.

— У тебя была причина?..

— Ага. Нам уже недолго хранить оригинал. Па-

цанчику не показывай, он может догадаться, что это, и у него крышу снесет. — Она продолжала идти вперед. Возле гребня лежал какой-то валун, к нему прислонился человек. Дом Критикессы подался вперед, проламываясь к валуну. — Если это тот, кого я хочу видеть…

Они стали взбираться на холм. Окружающие деревья тоже были мертвы. Мартин споткнулся о круглый камень и отбросил его ногой, ругаясь, но тут же замолчал, когда увидел, что это — человеческий череп, проросший металлическими волокнами.

— Тут было что-то плохое.

— Нетрудно догадаться. Помоги-ка мне эту штуку сюда направить.

Чемодан, теперь работающий на топливных элементах, оказался громоздким и плохо управляемым на травянистом склоне: почти все время приходилось его перетаскивать через препятствия.

— Ты какое-нибудь оружие припас втихаря?

Мартин пожал плечами.

— Я что, похож на солдата?

Она на секунду прищурилась.

— Во всяком случае, не так с тобой все просто. Ладно, если дело обернется плохо, я справлюсь.

— А вообще, кто этот человек, с которым тебе полагается увидеться?

— Буря Рубинштейн. Радикальный журналист из подполья, крупная шишка там. Руководил стачкомом во время большой забастовки рабочих несколько лет назад, за что заработал ссылку. Повезло, что его не шлепнули.

— И ты хочешь отдать… — Мартин остановился. — А, так вот что ты планировала! Вот как вы хотели начать здесь революцию, пока из-за Фестиваля все ваши планы не превратились в прошлогодний снег. — Он посмотрел через плечо, но Василия нигде видно не было.

— Не совсем так. Я хотела дать ему средства начать революцию, если бы они захотели. — Она вытерла лоб тыльной стороной ладони. — На самом деле, этот план существует уже много лет, но никогда не было достаточной причины его осуществить: применение силы первыми и прочие сложности. Ну а сейчас игра стала совсем иной. Насколько я могу судить, компания Рубинштейна пережила переход к постдефицитной экономике; возможно, это самое подполье и заменило, насколько могло, гражданские власти в этой двухбитной захолустной колонии. Когда Фестивалю здесь наскучит, и он двинется дальше,

им без корнукопии не выжить. Если, конечно, они прямо не попросили ее у Фестиваля.

Чемодан дернулся, зацепившись за землю, и Рашель на время замолчала, сосредоточившись на том, чтобы направлять его вверх по склону.

— Так какой же у тебя план отхода по выполнению задачи? — спросил Мартин, шагая рядом с ней.

— План отхода? На фиг он нам нужен! Наше дело — доставить вот это и раствориться в хаосе. Найти место, где пересидеть, пока возобновится торговля. И мотать на первом же корабле. А ты как думаешь?

— Примерно так же. Герман найдет способ через какое-то время меня подобрать. А у тебя есть на примете берлога?

— Городок под названием Плоцк… — Она резко дернула головой. — Только давай не все сразу. Мне надо доставить багаж. Потом вот этого веселого мальчика куда-нибудь засунуть, чтобы он за нами не шлялся, и… А кроме этого, я думала, как дальше… мы с тобой.

Мартин взял ее за руку.

— Думала, не избавиться ли тебе от меня?

Она посмотрела на него.

— Гм… а что, надо будет?

Мартин набрал побольше воздуху.

— А ты *хочешь* от меня избавиться?

Она покачала головой.

Мартин нежно притянул ее к себе, она к нему прислонилась.

— И я не хочу, — шепнул он ей на ухо.

— В любом случае у нас двоих больше шансов, чем порознь, — рассудительно сказала она. — Можем прикрывать друг другу спину, если придется жарко. Кроме того, можем здесь тогда застрять на время. Даже на несколько лет.

— Рашель, перестань искать предлоги.

Она вздохнула.

— Я настолько прозрачна?

— Твое чувство долга оставляет желать…

Она чуть отодвинулась, и он замолчал, увидев предупреждающий блеск в ее глазах. Потом тихо засмеялась, и через секунду он засмеялся вместе с ней.

— Я могу придумать вариант куда хуже, чем застрять в захолустье, оправляющемся от революции, можешь не сомневаться, Мартин…

— О'кей, я не сомневаюсь, я тебе верю!

Она подалась вперед и поцеловала его крепко, потом отпустила и улыбнулась.

Чемодан теперь катился ровно: склон стал бо-

лее гладким. Валун наверху светился желтым в свете угасающего дня. Человек, который к нему прислонился, был занят бурным разговором с Критикессой, сопровождая слова энергичными жестами. Когда Мартин и Рашель подошли, он обернулся к ним: жилистый коротышка с кустистыми волосами, бородкой, в старомодном пенсне. Судя по одежде, он давно уже был в дороге.

— Кто вы такие? — агрессивно спросил он.

— Буря Рубинштейн? — спросила Рашель усталым голосом.

— Да? — подозрительно глянул он на нее. — У вас есть активные средства?

— Пакет для Бури Рубинштейна, деятеля Демократической революционной партии, планета Рохард. Вы не поверите, если я расскажу, как далеко нам пришлось забираться и через сколько обручей прыгать, чтобы доставить его вам.

— А… — Он уставился на чемодан, потом снова на Рашель. — Как вы себя назвали?

— Друзья со Старой Земли, — хмыкнул Мартин. — Кроме того, голодные и грязные жертвы кораблекрушения.

— Ну, к сожалению, достойного гостеприимства предложить не можем. — Рубинштейн обвел

рукой поляну. — Со Старой Земли, говорите? Да, это далекое расстояния для доставки пакета! Так что это такое?

— Корнукопия. Самовоспроизводящаяся фабрика, полностью программируемая — и она ваша. Дар с Земли. Средства производства в одном удобном самодвижущемся пакете. Мы надеялись, что вы собираетесь начать промышленную революцию. По крайней мере, надеялись до того, как узнали про Фестиваль. — Рашель заморгала, когда Рубинштейн откинул голову назад и бешено захохотал. — И что вы хотели этим сказать? — спросила она раздраженно. — Я пилила через сорок световых лет с невероятным риском, доставляя вам вещь, за которую вы еще полгода назад душу бы продали. Может быть, вы объясните, что это значит?

— Мадам, примите мои искренние извинения. Я действительно виноват. Если бы вы доставили эту штуку хотя бы четыре недели тому назад — вы бы изменили ход истории, заверяю вас. Но видите ли, — он выпрямился, взгляд его протрезвел, — такие устройства у нас появились с первого дня Фестиваля. И, учитывая, что они нам сделали, глаза бы мои лучше их не видели.

Она посмотрела на Рубинштейна.

— Да, я понимаю. Полагаю, у вас найдется время просветить меня насчет того, что здесь происходило, пока я занималась этим дурацким поручением.

— У нас тут была революция три недели назад. — Буря обходил чемодан вокруг, осматривая его. — События пошли не по плану, и я уверен, что наш друг Критик это сможет объяснить. — Он сел на чемодан. — Одному лишь Эсхатону ведомо, что вообще Критики здесь делают, как и Фестиваль. Мы не были — никто не был готов к тому, что случилось. Мои мечты стали руководством к действию для Комитета, понимаете? Эта революция исчерпала себя за две недели: именно за этот срок мы поняли, что никому *не нужны*. Возник кризис. Сестра, здесь присутствующая, показала мне его последствия — плохие последствия. — Он опустил голову. — Мне сообщили, что уцелевшие космонавты флота высадились в столице. Люди к ним собираются. Они хотят порядка и покоя, и кто их может обвинить?

— Тогда я прямо спрошу. — Рашель прислонилась к большому янтарному валуну. — Вы передумали менять систему?

— Ну нет! — вскочил Буря. — Правда, этой системы больше нет. Ее уничтожили не Комитеты,

не Советы, не рабочие активисты, ее разрушило исполнение людских желаний. Но оставим это. У вас такой вид, будто вы только что из боя! Здесь повсюду беженцы. Когда я закончу здесь свои дела, вернусь в Плоцк и посмотрю, что можно сделать, чтобы восстановить стабильность. Вы не хотите со мной?

— Стабильность, — повторил Мартин. — А что за дело у вас тут? В смысле, зачем вы здесь? Тут, кажется, от цивилизации далековато.

Это была сильная недооценка, насколько могла судить Рашель. Она откинулась назад и удрученно оглядела лес. Пролететь такое расстояние и узнать, что на три недели опоздала изменить историю к лучшему, что Фестиваль бросил все общество планеты — как есть, целиком — в информационный блендер и включил лопасти на полную — все это не способствовало подъему духа. И еще, она просто устала, смертельно устала. Она сделала, что могла, и Мартин тоже. Три недели. *Если бы у Мартина не вышло…*

— Там человек, в этом валуне, — сказал Рубинштейн.

— Что?

Сложная трехмерная модель склона холма раскинулась перед глазами распределенных

роботов-шпионов Рашели. Василий пробирался по дальней стороне склона. Вот Мартин. А в валуне…

— Кто-то там есть, — кивнул Рубинштейн. — Живой. На самом деле, он хочет лететь с Фестивалем как пассажир. Могу понять, почему: с его точки зрения это имеет смысл. Но, думаю, Чрезвычайный Комитет может не согласиться — эти люди предпочли бы видеть его мертвым. Реакционные силы в столице не согласились бы по другим причинам: они хотят его возвращения. Он, видите ли, был губернатором планеты, пока слишком буквально не исполнились его личные тайные желания. Пренебрежение долгом. — Рубинштейн моргнул. — Я бы этому не поверил, но вот…

— Ага. Так что ему мешает лететь с Фестивалем?

— То, что он уже привлек его внимание. Фестиваль предоставляет услуги в обмен на информацию. Он рассказал ему все, что знал. Я тоже. И что теперь делать?

— Это нелепо, — сказал Мартин. — Вы хотите сказать, что Фестиваль принимает только пассажиров, которые оплачивают дорогу?

— Как ни странно, именно так попали на борт

Край и Критики. Критики до сих пор платят за проезд, давая высокоуровневый комментарий на все, что найдут. — Буря снова сел.

— Эй, Критик! — позвал Мартин.

Внизу, у подножия, Сестра Седьмая села и выпрямилась.

— Вопрос? — бухнула она.

— Как вы направитесь домой? — крикнул Мартин.

— Кончить Критику! В ответ — проезд.

— Можете взять пассажира?

— Хо! — Сестра Седьмая неспешно стала подниматься на холм. — Вопрос об идентичности?

— Тот, кто в этом янтаре находится. Как мне сказали, он был губернатором планеты.

Критикесса подошла ближе. Рашель попыталась не отпрянуть от этой неуклюжей фигуры с овощным запахом.

— Груз взять можем, — пророкотала Сестра Седьмая. — Укажите причину.

— Гм… — Мартин глянул на Рашель. — Фестиваль ассимилирует информацию? Мы прилетели с флотом. Я могу рассказать интересную историю.

Сестра Седьмая кивнула.

— Информация. Да, полезно. Малая энтропия.

Этот пассажир…

— Заключен в янтаре, — перебил Буря. — Очевидно, Фестивалем. Пожалуйста, будьте благоразумны. Некоторые мои коллеги не одобрили бы, а реакционеры…

Шестое чувство заставило Рашель обернуться. Прокуратор зачем-то зашел с другой стороны, и сейчас было видно, что у него в руке зажата рукоятка ножа без лезвия. И выражение лица у него было дикое.

— Буря Рубинштейн? — спросил он с придыханием.

— Да, я. А вы кто такой? — повернулся к нему Рубинштейн.

Василий сделал два шага вперед, шатаясь, как марионетка у пьяного кукловода.

— Я твой сын, сволочь! Ты уже забыл мою мать? — Он занес лучевой нож.

О черт! Рашель вдруг заметила шум помех, который даже сейчас подавлял ее имплантаты, пытаясь им внушить, что ничего не происходит, что никого здесь нет. Все стало яснее, намного яснее. Не только у нее здесь, оказывается, есть имплантаты высокого уровня.

— Мой сын? — Рубинштейн глянул недоуменно, и тут же лицо его прояснилось. — Милле

разрешили тебя оставить, когда меня сослали? — Он встал. — Мой сын…

Василий замахнулся на Рубинштейна, неумело, но изо всей силы, которую мог собрать. Но, когда нож опустился, Бури на его пути не было: Мартин дернул его сзади и бросил на землю.

С душераздирающим скрежетом нож врезался в крышку корнукопии, рассек миллионы тонких микросхем. Божественный мерцающий свет и запах свежего хлеба ударили наружу, когда Василий попытался вытащить оружие. Сверхпроводящее моноволокно, сохраняющее твердость в невероятно мощном магнитном поле, — этот нож мог прорезать практически все на свете. Мартин перевернулся на спину и поднял взгляд как раз в тот момент, когда Василий с бессмысленным лицом шагнул к нему и занес нож. Раздалось короткое гудение, и глаза юноши закатились. Потом он свалился на чемодан.

Чувствуя жжение в груди и руках, Рашель опустила парализатор и вернулась к нормальной скорости. Она тяжело дышала, сердце колотилось.

Часто такое делать — смерть.

— Блин, во всем этом уродском флоте был хоть один человек без скрытой цели? — спросила она.

— Не похоже. — Мартин пытался сесть.

— Что случилось? — недоуменно оглянулся Рубинштейн.

— Я думаю… — Рашель посмотрела на чемодан. Он зловеще сдувался: лучевой нож прорезал множество ячеек синтеза, и резервуары горючего опустошались быстрее, чем ремонтная программа успевала их чинить. — Вряд ли стоит здесь оставаться. Вы что-то говорили о дороге на Плоцк?

— Да. — Буря скатил Василия с чемодана и оттащил на несколько шагов. — Это действительно мой сын?

— Возможно. — Рашель судорожно зевнула, проветривая легкие. — Я немножко удивлялась, зачем он… Ошибкой быть не могло. А еще — как он на вас выходил. Думаю, запрограммированно. Ведомство Куратора знало, что если революция — вы главный. Незаконный сын, опозоренная мать, легко вербуется. Правдоподобно?

Сестра Седьмая поднялась на холм и обнюхивала оболочку, занятую почти покойным герцогом Феликсом Политовским.

— Я говорила Фестивалю, пассажир выгружается в него сейчас вскоре, — прогремела она. — Вы говорите историю? Чтите кредит?

— Позже, — ответил Мартин.

— О'кей! — Сестра Седьмая щелкнула клыками в воздухе. — У вас перебор из банка мифологии. Я исправлю. Идем в Плоцк, еще быстрее, чем сейчас?

— Пока чемодан не бабахнул, — согласился Мартин. Он встал, слегка не в себе; вздрогнул, наступив на травмированную ногу. — Рашель?

— Иду. — Темное пятно почти ушло из поля зрения. — О'кей, если мы его свяжем и поместим в эту вашу шагающую хижину, то промывкой мозгов займемся потом. Посмотрим, есть ли в нем что-то, кроме запрограммированного убийцы.

— Согласен. — Буря помолчал. — Я не ждал такого.

— Мы тоже, — бросила она. — Пошли. Уберемся отсюда до того, как эта штука взорвется.

Они пошли, хромая, прочь от дымящейся бомбы революционера и последнего неизменного реликта старого режима, вниз по холму, к дороге, ведущей в Плоцк.

ЭПИЛОГ

Когда по городу разошлась весть о чудесном явлении в герцогском дворце адмирала Курца, бурная реальность стала подергиваться тонкой пленкой нормальности. Революционный комитет, разместившийся в Зерновой бирже, наблюдал за ситуацией с тревогой, но простой народ опасался куда меньше. Никто ничего не понимал, не знал, и все были в полном ошеломлении от странностей последнего времени. Теми, кто не был, почти все покинули город. Уцелевшие сбились в кучу в поисках утешения среди развалин всего, во что верили, ели манну из машин Фестиваля и молились.

Загадочное возвращение здоровья у Курца продолжалось: как ранее заметил Робард, среди переживших Фестиваль болезни старости встречались весьма редко, и по понятной причине. Действуя по совету Куратора, адмирал великодушно объявил амнистию всем прогрессивным элементам и провозгласил период восстановления и коллективного самоанализа. Многие оставшиеся революционеры воспользовались

возможностью влиться в переполненные лагеря или покинуть город, иногда — прихватив с собой семечко корнукопии. Планета Рохард была населена слабо, и почти неисследованные дебри начинались всего в трехстах километрах от города. Те, кому было невыносимо наблюдать восстановление статус кво, отправились в путь.

Также по просьбе ведомства Куратора адмирал даже не пытался выслать за ними милицию. «С неверными будет время разобраться потом, — напомнил Робард. — И времени хватит, когда они наголодаются в грядущую зиму».

Еще несколько спасательных шлюпок опустились невредимыми, заполнив площадку за дворцом. Регулярные световые шоу освещали небо синими полосами — Фестиваль уходил. Бабули на улицах глядели вверх, делали жесты от дурного глаза и плевали в канаву. Некоторые из звездных парусников уносили закодированную суть старого герцога, но мало кто об этом знал, и еще меньше было тех, кому это было не безразлично. Постепенно орбитальные фабрики Фестиваля доживали до конца свой проектный срок и умолкали, постепенно переставали звонить телефоны. Теперь люди использовали их, чтобы найти друг друга. Они здорово годились

для разговоров, семьи и друзья воссоединялись в ненаправленной среде телефонной сети. Куратор переживал, но потом решил, что ничего тут не сделаешь. По крайней мере, пока не восстановится контакт с метрополией.

* * *

В Плоцке все пошло по-другому. Пригороды отрезало от центра оползнями и странными опасными строениями, из-за которых дороги стали непроходимы. Здесь Революционный комитет свертывался, пока не превратился в местный временный Совет, а потом в городское самоуправление. Крестьяне стали занимать брошенные хутора, вторые и третьи сыновья вдруг оказались одарены избытком земли. Приходили чужаки, из хаоса кристаллизовывались небольшие поселки, и места хватало всем.

Товарищ Рубинштейн из Центрального Комитета объявил о своем намерении осесть: сильно обжегши руки браздами правления, он решил издавать газету, а идеологические вопросы оставить более безжалостным душам. Он переехал в квартиру ростовщика Гавличека над разграбленной лавкой на Главной улице, поселился там с молодым человеком, который мало говорил

и первую неделю на людях не показывался, давая тем обильный материал досужим языкам. На заднем дворе лавчонки булькали и пускали пар какие-то непонятные сооружения, и ходили слухи, что Рубинштейн возится с непонятными технологическими чудесами, которые так пошатнули государство некоторое время тому назад, но никто его не беспокоил, потому что местная полиция была на жалованье у правительства, у которого хватало ума не связываться с опасным колдуном и революционным идеологом.

Еще одна странная пара поселилась в квартире над старой скобяной лавкой Маркуса Вольфа. Эти много не говорили, но бородатый мужчина отлично умел обращаться с инструментами. Они отремонтировали лавку и открыли торговлю. У них был небольшой запас замков, часов, восстановленных телефонов и более экзотических устройств, наваленных в почерневшие от времени дубовые ящики лавки. Эти штуки они меняли на еду, одежду и уголь. Ходили домыслы об источнике этих чудесных игрушек, которые эти люди продавали так дешево, — игрушек, которые даже в столицах далеких миров стоили бы целое состояние, а уж тем более в захолустном колониальном городишке. Запас этот, казалось, у них

не кончается, и вывеска, которую они повесили над входом, была опасно близка к подрывной: «ДОСТУП К ИНСТРУМЕНТАМ И ИДЕЯМ». Но даже это не вызывало столько комментариев, сколько поведение женщины, высокой и стройной, с короткими темными волосами. Она иногда ходила с непокрытой головой и без провожатых, зачастую командовала в лавке, когда мужа не было, и даже обслуживала незнакомых покупателей.

До Фестиваля такие манеры обязательно вызвали бы пересуды, даже, быть может, посещение полиции и приглашение в кабинет Куратора. Но в теперешние странные времена всем было будто все равно, и радикал Рубинштейн нередко в эту лавку захаживал, добывая интересующие его компоненты для своего печатного пресса. У них явно были опасные друзья, и этого было достаточно, чтобы соседи предпочитали не совать свой нос в их дела, кроме вдовы Лоренц, конечно, которая будто считала своим долгом затевать склоки с этой женщиной (она подозревала в ней еврейку, или невенчанную, или что-то столь же непристойное).

После Фестиваля прошло девять месяцев, лето ушло в холодные и дождливые глубины осени, солнце спряталось, и зима сковала землю ледя-

ной хваткой. Мартин много вечеров проводил, копаясь в куче металла, которую насобирал за лето, скармливая его кусочки маленькому фабрикатору в подвале, приобретая навыки в изготовлении инструментов с помощью примитивного механического оборудования. Алмазные изложницы, электродуговая печь, станочек с числовым программным управлением — эти устройства он получил из фабрикатора и с их помощью производил предметы, понятные окрестным хуторянам и лавочникам.

Пока Мартин занимался этой работой, Рашель вела хозяйство, занималась едой и одеждой, покупала рекламное место в листке Рубинштейна и держала ушки на макушке, не идет ли беда. Они жили как муж и жена, на назойливое любопытство отвечали непроницаемым взглядом и пожатием плеч, означающим «не ваше дело». Жизнь была проста, ресурсы и уют ограничивались как тем, что было доступно, так и необходимостью не вызывать подозрений. Хотя зима начинала покусывать, установленные Мартином теплоизолирующие пена и насосы поддерживали нормальную температуру так хорошо, что один из наиболее смелых соседей завел себе нежелательную привычку шляться

около лавки.

Как-то морозным утром Мартин проснулся с головной болью и сухостью во рту. Секунду он не мог сообразить, где находится: открыв глаза, он уставился на запыленную белую занавеску. Кто-то рядом с ним заворочался и что-то сонно пробормотал.

Как я сюда попал? Это не моя лавка… не моя жизнь.

Чувство отчуждения было невероятно глубоким. Память возвращалась, вливалась обратно, как наводнение, затопляющее пыльные равнины. Мартин перевернулся и протянул руку, обнял спящую Рашель, прижал ее плечи к своей груди. Далекие эмиттеры пищали у него в затылке: все сторожки стояли на местах. Рашель завозилась, пробуждаясь, зевнула.

— Проснулась? — тихо спросил он.

— Ага. Слушай, который час? — Она заморгала на утренний свет.

Мартин глянул на растрепанные волосы, вспухшие спросонья глаза и ощутил, как его заполняет нежность.

— Уже рассвело. Тут чертовски холодно. Прости… — Он быстро обнял ее, потом вылез из-под полога, в простывшую спальню. Мороз расписал

окна узорами. Стараясь не наступать на ледяные половицы, он нашарил войлочные тапочки, вытащил из-под кровати горшок и присел. Потом, натянув остывшее за ночь пальто, спустился в погреб проверить угольную печь, которая все еще тлела, и термоэлектрический элемент, дающий энергию для станочка. Набрать воды, вскипятить, и вскоре они с Рашель будут пить кофе — чудесная роскошь, и плевать, что это эрзац, продукция корнукопии. Может быть, через неделю-другую геотермальная скважина даст больше тепла, а пока любая температура выше точки замерзания была победой над суровой зимой степей.

Рашель уже встала, половицы скрипели под ее шагами. Она зевала, натягивая рубашку и юбки. Он старался раскочегарить печь. Руки мерзли, и он потирал их, восстанавливая кровообращение.

«Утренний базар? — подумал он. — Много хуторян съедется, можно будет продать чего-нибудь...» И тут он чуть сам себя не ущипнул. *Во что я превращаюсь?*

Остывшая зола постукивала по жестяному ведру, когда Мартин скреб за колосниками. Что-то зашуршало у него за спиной, он обернулся.

Рашель была одета для выхода на улицу. Просторное коричневое платье закрывало ее до

подошв сапог, волосы она убрала под платок, туго завязанный под подбородком по местному обычаю. Только лицо осталось открытым.

— Ты уходишь? — спросил он.

— Сегодня базар. Я хочу хлеба купить, может быть, курицу. Потом это сложнее будет. — Она выглянула в окно. — Бр-р-р! Холодно, а?

— Когда ты вернешься, здесь будет потеплее. — Он уложил уголь на решетку и воспользовался маленькой привычной магией: огонек быстро разгорелся, разбежался по поверхности угля. Мартин повернулся к печи спиной. — Сегодня должно быть много продаж. Деньги…

— Я возьму из кассы немного. — Она придвинулась ближе, и он обхватил ее руками. Уверенная и внушающая уверенность, погруженная в маскировку жены местного ремесленника. Она привычным уже движением положила ему подбородок на плечо.

— Отлично выглядишь сегодня. Просто чудесно.

Она чуть улыбнулась и пошевелилась.

— Льстец. Интересно, сколько еще времени мы сможем здесь оставаться?

— Сможем? Или будем вынуждены?

— Гм… — Она задумалась. — Тебя уже достает?

— Малость. — Он тихо засмеялся. — Сегодня утром я поймал себя на том, что мыслю как настоящий лавочник. Это когда золу выгребал. В рутину очень легко влипнуть. Мы тут уже сколько — восемь месяцев? Живем растительной жизнью. Я уже почти вижу, как мы здесь обосновались навсегда, воспитываем детей, тонем в невежестве.

— Не вышло бы. — Она напряглась в его объятьях, и он погладил ее по плечам. — Мы не стали бы стареть как надо. В новом году снова начнут приходить корабли, и тогда все будет нормально. С воспитанием детей я тоже уже покончила. Можешь мне поверить, этого бы не получилось. Ты радуйся насчет этой обратимой вазэктомии. Ты вообще подумал, каково оно будет — удирать, волоча с собой младенца?

— Да знаю я все это. — Он маленькими кругами растирал ей спину, и она чуть обмякла. Толстая ткань двигалась под пальцами, много слоев — от холода. — Знаю. Надо двигаться дальше, рано или поздно. Просто так здесь… тихо. Мирно.

— На кладбище тоже тихо. — Она отодвинулась на расстояние вытянутой руки и посмотрела на него, и снова он задержал дыхание, потому что она показалась ему невероятно красивой. — Вот

в этом и смысл Новой Республики, помнишь? Это место не для жизни, Мартин, здесь не безопасно. Сейчас город в шоке, сейчас они все коллективно в припадке отрицания. Все их желания выполнялись три месяца, и этого было мало! Когда они очнутся, потянутся за одеяльцем безопасности. Кишмя будут кишеть информаторы от ведомства Куратора, и на этот раз у тебя не будет контракта с Адмиралтейством, а у меня — дипломатического паспорта. Надо уезжать.

— А твои работодатели?.. — Мартин не договорил.

— Переживут спокойно. — Она пожала плечами. — Уже бывало, что я брала отпуск. А это даже не отпуск, а подполье, ожидание выхода из горячей зоны. Но если мы только сможем добраться до Земли, там много есть такого, чего я хотела бы делать вместе с тобой. Там можно будет строить планы. Здесь, если мы останемся, за нас все решит кто-то другой. И для всех остальных — тоже.

— Верно. — Он повернулся к плите: веселый красный огонь разгорался над углями, которые адиабатический нагреватель доводил до возгорания. — Сегодня — базар. Может, к вечеру мы подумаем, когда…

В дверь громко постучали.

— Чего там? — крикнул Мартин. Оставив плиту, он вышел в темную холодную лавку, остановился у двери, открыл заслонку почтового ящика. — Кто здесь?

— Телеграмма! — пискнул чей-то голос. — Телеграмма для господина Спрингбурга!

Загремев засовами, Мартин приотворил дверь. Ослепительный белый снег и мальчишка-почтальон в красном мундире, уставившийся на него.

— Телеграмма. Для слесаря.

— Это я и есть, — сказал Мартин. Мальчишка ждал. Мартин нашарил чаевые — несколько копеек, потом закрыл дверь и прислонился к ней. Сердце колотилось. *Телеграмма!*

— Открывай! — Рашель придвинулась к нему, глаза ее горели удивлением и надеждой. — От кого она?

— От Германа.

Мартин содрал конверт, развернул телеграмму и начал читать с пересохшим ртом:

КОМУ: МАРТИНУ СПРИНГФИЛДУ И РАШЕЛИ МАНСУР

ПОЗДРАВЛЯЮ С МЛАДЕНЦЕМ.

Я ПОНИМАЮ, ЧТО РЕБЕНОК БЫЛ РОЖДЕН НА ОРБИТЕ ВОЗЛЕ ПЛАНЕТЫ РОХАРД И ВСКОРЕ ОТБЫЛ В РАЗЛИЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ. Я

ПОНИМАЮ, ЧТО ВЫ ОБА УСТАЛИ, НО ВАМ МОЖЕТ БЫТЬ ИНТЕРЕСНО, ЧТО ДОМА У МЕНЯ ОТКРЫВАЕТСЯ НОВОЕ ВАЖНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ. ЕСЛИ ВЫ ЖЕЛАЕТЕ УЧАСТВОВАТЬ, ДВА БИЛЕТА ЖДУТ ВАС НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ПОЧТАМТЕ НОВОГО ПЕТРОГРАДА.

P.S. Я СЧИТАЮ, ЧТО ВЕСНА В ПЛОЦКЕ — НЕЗДОРОВОЕ ВРЕМЯ ГОДА. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ КОПАЙТЕСЬ.

В тот же день, к вечеру, в скобяной лавке старого Вольфа случился пожар, и она выгорела до фундамента — пала жертвой, как говорили местные слухи, небрежения своего растяпы-владельца. Последний раз его видели, когда он уезжал из города на наемных санях, с ним была его странная женщина и небольшая сумка. Больше их в Плоцке никто никогда не встречал — они исчезли в столице, растворились, как капля чернил в синем океане, расплылись в завихрении и толчее, возникших из-за прибытия первого с момента ухода Фестиваля торгового корабля, бродяги-грузовоза из Старого Кале.

На самом деле они не исчезли, но это уже, как говорится, другая история. И перед тем, как я ее расскажу, я хотел бы, чтобы вы выполнили некоторые мои желания…